

**КОКШЕТАУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АБАЯ МЫРЗАХМЕТОВА
(РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН)**

**ОМСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
(РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ)**

**VII Международная научно-практическая
конференция**

«НАУКА и МЫ»

24 – 25 ноября 2016 года

I ТОМ

Сборник научных трудов

г. Кокшетау, 2016

УДК 001
ББК 72 (5 Каз)

VII Международная научно - практическая конференция «Наука и МЫ» (24-25 ноября 2016 года): Сборник научных трудов международной научно - практической конференции школьников, студентов, магистрантов и преподавателей. – Кокшетау: КУ им. А. Мырзахметова Т. I, 2016. – 244 с.

ISBN 978-601-231-919-2

Редакционная коллегия сборника научных трудов:

Досанова С.С. – вице - президент Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан), академик МАИ;

Еремеев А.Э. – ректор НОУ ВПО «Омская гуманитарная академия», доктор филологических наук, профессор (Российская Федерация);

Нурмуханбет Д.Ы. – проректор по научной работе и международным связям Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Казахстан), кандидат юридических наук;

Патласов О.Ю. – проректор по международной деятельности ОмГА, доктор экономических наук, профессор, Почетный работник Высшего профессионального образования Российской Федерации (Российская Федерация);

Ильченко С.М. – проректор по научной работе ОмГА, кандидат экономических наук, доцент (Российская Федерация);

Беранцкий В.О. – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук, академик Академии социальных наук, научный сотрудник кафедры педагогики, психологии и социальной работы ОмГА (Российская Федерация);

Лепешев Д.В. – заместитель проректора по науке Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Казахстан), кандидат педагогических наук, член - корреспондент Академии педагогических наук Казахстана;

Булатов Н.К. – начальник научно - исследовательского отдела Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Казахстан), кандидат технических наук;

Тесленко А.Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, Академик МАСР, член - корр. Международной академии психологических наук, академик АПНК, директор Центра ювенологических исследований, профессор кафедры педагогики Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова;

Рягин С.И. – доктор педагогических наук, профессор Омской гуманитарной академии (г. Омск, РФ);

Макеева Л.А. – кандидат биологических наук, заведующая кафедрой «Экологии» Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова;

Жумагулова Н.В. – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой «Иностранных языков и переводческого дела», Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова;

Мухамедина А.А. – кандидат филологических наук, профессор Кокшетауского университета им. А. Мырзахметова;

Иванкова Н.В. – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой «Социально - педагогических дисциплин», Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова;

Повстан Л.А. – кандидат психологических наук, профессор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова.

В сборнике представлены научные труды школьников, студентов, магистрантов и преподавателей по ряду научных направлений.

Представленные статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 001
ББК 72 (5 Каз)
ISBN 978-601-231-919-2

© Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова, 2016

1 СЕКЦИЯ	
ФОРМИРОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА. МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА И СПОРТА	
<i>Астафьева А.Г., Монтариди Ю.П.</i> РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	6
<i>Галым Т.Н., Монтариди Ю.П.</i> МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ПЕРСПЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ТУРИЗМА	8
<i>Малгаждар Н.Т., Монтариди Ю.П.</i> СИСТЕМА МАРКЕТИНГА В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА	11
<i>Букенов Е.К., Жусупова М.М., Болатбеков А.Б., Мурзина С.А.</i> РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В КАЗАХСТАНЕ	14
<i>Хасибуллин А.А., Монтариди Ю.П.</i> ПРЕДПРИЯТИЯ РАЗВЛЕЧЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ТУРИСТСКОЙ ИНДУСТРИИ	16
2 СЕКЦИЯ	
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	
<i>Жолумбаев М.К., Каимбеков А.К.</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАБЕЖА	21
<i>Нұрмұханбет Д.Ы., Малибаева Л.А.</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА	24
<i>Махсут Е.Н., Жолумбаев М.К.</i> ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ ЭКОНОМИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	27
<i>Нұрмұханбет Д.Ы., Нұртай А.А.</i> О ПОНЯТИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА	29
<i>Нұрмұханбет Д.Ы., Нұртай А.А.</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССОВ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ МАСШТАБЕ В ЯПОНИИ	32
<i>Нұрмұханбет Д.Ы., Умурзаков А.О.</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНИКА ОСУЖДЕННОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ	35
<i>Нұрмұханбет Д.Ы., Рахметов А.О.</i> СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА И СТРУКТУРА КСЕНОФОБИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	37
<i>Сарсенбаева Г.М.</i> СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ УБИЙСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ ЖЕНЩИНАМИ	40
<i>Темиржанов А.Х., Жолумбаев М.К.</i> ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ	42
<i>Арсакбаев К.Ж.</i> ПРИНЦИП ЛОЯЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЕВРОПЕЙСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ	45
<i>Сулейменов А.Е.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	48
<i>Абдулов А.Т., Сейсембаева Г.Р.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, ПОВЛЕКШИЕ ПРИЧИНЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО И ФИЗИЧЕСКОГО ВРЕДА	51
<i>Ақпар Н.Р., Сейсембаева Г.Р.</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ВОДИТЕЛЯ, ВИНОВОГО В ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ	52
<i>Балтакескен Е.С., Сейсембаева Г.Р.</i> ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ТАМОЖЕННОМУ ПРАВУ	54
<i>Ержанов Д.Е., Сейсембаева Г.Р.</i> РОЛЬ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С СУДОМ	56
<i>Зейнолла А.С., Сейсембаева Г.Р.</i> АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ РК	57
<i>Каптасов И.К., Сейсембаева Г.Р.</i> ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ПРЕДЕЛЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	59
<i>Нуртаев А.Б., Сейсембаева Г.Р.</i> ПОНЯТИЕ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	61
<i>Уаисова К.Д., Сейсембаева Г.Р.</i> ЗАҢДЫ ТҮЛҒАНЫ ҚҰРУ, ҚАЙТА ҚҰРУ	62
<i>Уаисова К.Д., Сейсембаева Г.Р.</i> ЗАҢДЫ ТҮЛҒА ҰҒЫМЫ, ТҮРЛЕРІ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ҚАБІЛЕТТІЛІГІ	64
<i>Алтыспаев А.М.</i> ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА ВОЗДУШНОГО ПРОСТРАНСТВА	65
<i>Аяпбергенова А.К.</i> СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ ЗА РУБЕЖОМ	68
<i>Аяпбергенова А.К.</i> ИНСТИТУТ БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	70

<i>Барлубаев Н.Б.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	72
<i>Даиров Д.Ж., Байжанов Е.А.</i> ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА	75
<i>Жаналыев А.С.</i> ПРАВОПОНИМАНИЕ В ТЕОРИИ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИЙ	77
<i>Кайрат А.</i> ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДНОЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ПО ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	80
<i>Капарова А.</i> СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОМПЕНСАЦИЙ ЖЕРТВАМ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ	83
<i>Кенжегожин А.</i> ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА ПОСТАВКИ	85
<i>Куаньшипекова И.С., Мусипова Д.М.</i> БИЛІК МАЗМУНЫ МЕН НЕГІЗГІ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ	87
<i>Кулинка Н.А., Капышев А.К.</i> ВЕРХОВНЫЙ СУД США В СИСТЕМЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: ОРГАНИЗАЦИЯ, СОСТАВ, КОМПЕТЕНЦИЯ	90
<i>Базарбаева А.Н., Жолумбаев М.К.</i> ПЕДАГОГ-ПСИХОЛОГ КАК УЧАСТНИК ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО	93
<i>Смаилов Б.</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	96
<i>Абдрахова М.Х., Жолумбаев М.К.</i> ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ	98
<i>Нурмұханбет Д.Ы., Анисбеков С.С.</i> СОЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	100
<i>Нурмұханбет Д.Ы., Атымтаева Ж.Ж.</i> РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА КРИМИНОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В СИЗО	103
<i>Аубакиров Н.К., Жолумбаев М.К.</i> ПОНЯТИЕ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	106
<i>Дәулетбек Ә.Ж., Сагин Ж.К.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	108
<i>Нурмұханбет Д.Ы., Жагипаров А.Б.</i> СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСКОГО ТРУДА И ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ	110
<i>Жайжуманов Б.А., Жолумбаев М.К.</i> СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ	114
<i>Нурмұханбет Д.Ы., Исенова Д.Т.</i> ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОРУЖИЯ	117
<i>Алмуханов Б.У., Абильмажинова А.Х.</i> ЗАРУБЕЖНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА ДЕЗОРГАНИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА	119
<i>Алмуханов Б.У., Абильпеисов Н.К.</i> ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ	122
<i>Алмуханов Б.У., Абыкаева А.Б.</i> ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ	125
<i>Айсин С.Б., Агымбаева А.</i> ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПОТЕРПЕВШИЙ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	127
<i>Казбаева А.Г., Анвар А.А.</i> КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	130
<i>Алмуханов Б.У., Аубакиров А.Р.</i> СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЛИЦАМИ БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА	133
<i>Алмуханов Б.У., Аубакиров А.Е.</i> ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	136
<i>Алмуханов Б.У., Аубакирова Ж.К.</i> «КОНТЕКСТ МАССОВОСТИ» ЖЕРТВ ГЕНОЦИДА В РЕШЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРИБУНАЛОВ AD NOS	139
<i>Алмуханов Б.У., Ахметов А.Е.</i> ОШИБКА КАК ФИЛОСОФСКАЯ И ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ	142
<i>Алмуханов Б.У., Ахметов А.М.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ	145
<i>Алмуханов Б.У., Баймаганбетов С.Ж.</i> ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ	147
<i>Алмуханов Б.У., Баяганова Г.М.</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИН, СОВЕРШАЮЩИХ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯ	150
<i>Айсин С.Б., Бекишов А.Б.</i> ВИДЫ И ТИПЫ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВА	153
<i>Алмуханов Б.У., Бектенбаев Б.Ш.</i> ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ВОКЗАЛАХ АЛМАТЫ	156

<i>Алмуханов Б.У., Бирюков С.Н.</i> РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ – КАК ОСНОВА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ ЛИЦ, БОЛЬНЫХ ТУБЕРКУЛЕЗОМ	159
<i>Алмуханов Б.У., Бирюков С.Н.</i> ЛИЧНОСТЬ БОЛЬНЫХ ТУБЕРКУЛЕЗОМ, ОТБЫВАЮЩИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	162
<i>Алмуханов Б.У., Буздаков А.Б.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ, НА РАННИХ ЭТАПАХ ПРЕСТУПНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ	164
<i>Алмуханов Б.У., Фабдолла Д.Б.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ, КОНСТИТУЦИОННЫЕ, ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЛЕСНОЙ И ИНОЙ РАСТИТЕЛЬНОСТИ ОТ УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ	168
<i>Алмуханов Б.У., Галимова Г.Ж.</i> ФУНКЦИИ И ДИСФУНКЦИИ СЕМЬИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА	170
<i>Алмуханов Б.У., Джармугамбетов К.А.</i> ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В РК И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	173
<i>Алмуханов Б.У., Досов А.У.</i> СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ УБИЙСТВ ДЕТЕЙ	177
<i>Алмуханов Б.У., Дүйсенов А.Е.</i> СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ НАСИЛЬСТВЕННУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ В РК	181
<i>Алмуханов Б.У., Дюсенбаева Г.Т.</i> ПОНЯТИЕ ФОРМАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ НАЦИОНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА	183
<i>Айсин С.Б., Елиманов Е.К.</i> ОРГАНИЗОВАННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	186
<i>Алмуханов Б.У., Есімбайұлы Б.</i> СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ САМОВОЛЬНОГО ОСТАВЛЕНИЯ ЧАСТИ	188
<i>Алмуханов Б.У., Жунусова М.Ж.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА	190
<i>Алмуханов Б.У., Жусупов А.М.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПОЛИЦИИ	193
<i>Алмуханов Б.У., Идрисов Д.С.</i> КОНФЛИКТ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ, ЕГО МЕСТО СРЕДИ ДЕТЕРМИНАНТ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	196
<i>Алмуханов Б.У., Идрисов Д.С.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ КОНФЛИКТОВ	199
<i>Алмуханов Б.У., Исаев Д.И.</i> ЦЕЛИ И ФУНКЦИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ	203
<i>Нұрмұханбет Д.Ы., Кабдрашев Д.Б.</i> ШТРАФ КАК УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В СТРАНАХ АНГЛО-САКСОНСКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА	206
<i>Нұрмұханбет Д.Ы., Кажыбаева А.А.</i> ПРИНЦИПЫ (ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА) ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА	210
<i>Алмуханов Б.У., Кажыбаева Г.А.</i> ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН	213
<i>Алмуханов Б.У., Калякпаров Н.С.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ДОБЫЧУ ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЕС И СТРАН ЕС	215
<i>Алмуханов Б.У., Капарова А.Б.</i> ДЕТЕРМИНАНТЫ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ	218
<i>Алмуханов Б.У., Каратаев Е.А.</i> СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ	221
<i>Алмуханов Б.У., Курмашев Ш.Т.</i> ПОНЯТИЕ УСЛУГ ОФИЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ И ОФИЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	224
<i>Алмуханов Б.У., Кушенова Г.К.</i> ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТА ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ	226
<i>Алмуханов Б.У., Мажитханов Д.К.</i> ПРАВОПОРЯДОК КАК ОБЪЕКТ ЕВРАЗИЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	229
<i>Алмуханов Б.У., Мұзатова Ә.Р.</i> ТЕОРИИ О ПОНЯТИИ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	232
<i>Алмуханов Б.У., Мұсатай А.М.</i> ВИДЫ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ТЕХНИЧЕСКИЕ МЕРЫ ЗАЩИТЫ ВО ФРАНЦИИ	235
<i>Казбаева А.Г., Мустафин А.С.</i> ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ	237

1 СЕКЦИЯ
ФОРМИРОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ
ЧЕЛОВЕКА. МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА И СПОРТА

РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

*Астафьева Анастасия Геннадьевна - студентка 3-го курса
кафедры «Туризма, НВП, физкультуры и спорта»
Научный руководитель: м.н.т. Монтариди Ю.П.*

Наша страна располагает огромными потенциальными возможностями для приема иностранных туристов: широта территории, богатое историческое и культурное наследие, сохранившаяся дикая природа в отдельных регионах. Туристская индустрия в РК должна стать могучим сектором национальной экономики. Как показывает зарубежная практика, развитие отрасли будет возможно в том случае, если государственные структуры, наделенные властью, осознают всю важность роли туризма в деле социального и экономического развития РК и начнут проводить протекционистскую политику в отношении туристской индустрии.

Сектор туристской индустрии Казахстана определен одним из экономических приоритетов государства на долгосрочный период в числе семи кластеров, определяющих специализацию экономики страны в не сырьевых отраслях. Это свидетельствует о значимости, которое придается данной отрасли как одному из важных факторов социально-экономического развития государства.

На сегодня стоит задача создания конкурентоспособной туристской индустрии и превращения Казахстана в центр туризма Центрально-Азиатского региона. Наша страна привлекает многих с позиции вложений инвестиций и, что особенно важно в последнее время зарубежные инвесторы проявляют большой интерес к сектору туризма. Сегодня как на европейском, так и на азиатском туристских рынках проявляется большой интерес к Казахстану, как новому туристскому направлению, что свидетельствует о реальных перспективах увеличения потока иностранных туристов. В связи с этим государство уделяет большое внимание развитию инвестиционной деятельности.

На современном этапе развития Казахстана как нового независимого государства, ориентирующегося на рыночные отношения, главным направлением экономических реформ становится выработка и реализация инвестиционной политики государства, нацеленной на обеспечение высоких темпов экономического роста и повышение эффективности экономики.

Для решения этих задач, а также для обеспечения структурных преобразований экономики на основе программы действий правительства по углублению реформ и в условиях ограниченности внутренних источников финансирования исключительно важное значение приобретает привлечение иностранного капитала в экономику республики. Привлечение и эффективное использование иностранных инвестиций в экономику республики является основой, одним из направлений взаимовыгодного экономического сотрудничества Казахстана с зарубежными странами.

В процессе перехода Республики Казахстан на рыночные отношения параллельно создавалась и нормативно законодательная база в области инвестиций. Принятие Закона об инвестициях способствовало привлечению иностранных инвестиций в экономику РК, что оказало влияние на повышение производительного потенциала и послужило важным инструментом в передаче технических и управленческих навыков из - за границы.

Мировая общественность в последнее время относится к Казахстану с большим доверием. Это основано на социальной и политической стабильности, на созданной законодательной базе, и это позволяет надеяться на большой приток инвестиций в приоритетные отрасли экономики и повышение ее экономического потенциала.

Под инвестицией понимают финансовые ресурсы, направляемые на расширение или реконструкцию производства, повышение качества продукции и услуг, на образование кадров и научные исследования. Инвестиции являются одним из важнейших и наиболее изменчивых компонентов ВВП. Потребление, государственные расходы, чистый экспорт довольно легко предсказуемы. Что касается инвестиций, то они трудно поддаются прогнозированию - они могут внезапно резко увеличиваться и падать. Инвестиции играют очень важную роль в экономике любого государства, они являются основой для:

- расширенного воспроизводственного процесса;
- ускорения НТП (технического перевооружения и реконструкции действующих предприятий, обновления основных производственных фондов, внедрения новой техники и технологий);
- повышения качества продукции и обеспечения ее конкурентоспособности, обновления номенклатуры и ассортимента выпускаемой продукции;
- снижения издержек на производство и реализацию продукции, увеличение объема продукции и прибыли от ее реализации.

В масштабах национальной экономики инвестиции – это те экономические ресурсы, которые направляются на увеличение реального капитала общества, в том числе и человеческого.

Под инвестициями в экономической теории понимают финансовые ресурсы, направляемые на совершенствование производительных сил общества. Формы инвестиций могут быть различными: вложения средств в расширение или реконструкцию производства, в мероприятия, обеспечивающие повышение качества продукции и услуг, в образование кадров и проведение научных исследований. Иными словами, инвестиции – это экономические ресурсы, увеличивающие реальный капитал общества, включая, помимо технического капитала, такие его формы, как человеческий и природный (натуральный) капитал.

Существуют различные классификации инвестиций. Так, по месту осуществления различают инвестиции в разные отрасли экономики, и по объему инвестиций в ту или иную отрасль обычно судят о ее конъюнктуре. Рост инвестиций означает расширение производства в конкретной отрасли национальной экономики, и наоборот, сокращение инвестиций отражает процесс свертывания отраслевого производства и потребления.

По объекту инвестирования можно выделить инвестиции в частный и в государственный секторы экономики (например, строительство метрополитена, железной дороги).

По направлениям инвестирования выделяют инвестиции в капитальные ресурсы, включая технический капитал, а также в запасы, жилищное строительство, в человеческие и природные ресурсы.

Иностранные инвестиции играют очень важную роль в экономике любого государства или отдельной республики. Уже не первое десятилетие прямые иностранные инвестиции растут быстрее, чем международная торговля.

Привлечение иностранных инвестиций создает условия для реального улучшения производственной структуры экономики Казахстана, создания нового высокотехнологичного производства, модернизации основных фондов и технического перевооружения многих предприятий, эффективного использования имеющегося потенциала квалифицированных специалистов и рабочих республики, внедрения передовых достижений в области менеджмента, маркетинга и ноу-хау, наполнения внутреннего рынка качественными товарами отечественного производства с одновременным увеличением объемов экспорта в зарубежные страны.

В настоящее время решен ряд общесистемных мер по формированию конкурентоспособной туристской отрасли в Казахстане.

Туристская отрасль внесена в Перечень приоритетных видов экономической деятельности, что предусматривает ряд инвестиционных льгот и преференций. А в политическом и правовом плане в Республике Казахстан создан весьма благоприятный инвестиционный климат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деева А.И. Инвестиции: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. Москва. 2005.
2. Боди З., Кейн А., Маркус А. Принципы инвестиций. - Москва. Издательский дом «Вильямс», 2002 г.

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ПЕРСПЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ТУРИЗМА

*Галым Темирлан Нурланович - студент 3-го курса кафедры
«Туризма, НВП, физкультуры и спорта»
Научный руководитель: преподаватель Монтариди Ю.П.*

В настоящее время перед туристской отраслью Казахстана поставлена задача развития въездного туризма, обеспечивающего приток валюты в страну, создание рабочих мест, повышению престижа государства на международной арене.

Развитие туризма базируется на использовании рекреационных ресурсов страны. Вопрос оценки перспективности региональных объектов туризма применительно к Казахстану должен решаться с учётом специфики территориального расположения рекреационных ресурсов и условий развития туризма, а также с учётом требований современного международного туризма.

Среди особенностей условий развития казахстанского туризма можно выделить большие расстояния между рекреационными объектами, различные климатические условия, неразвитость инфраструктуры, неравномерность распределения трудовых ресурсов по территории страны.

Для данных условий можно предложить следующую методику оценки перспективности региональных объектов туризма для международного рекреационного туризма.

1 этап. Определение соответствия рекреационных ресурсов и климата.

Современные международные туры должны соответствовать требованиям широты предлагаемого ассортимента услуг. Этому требованию должны соответствовать и рекреационные ресурсы данной местности. Как известно в любой туристской группе предпочтения туристов различные. Одни хотят позагорать на пляже, другие сходить в лес по грибы, третьи предпочитают культурную программу: музеи, театры, экскурсии, четвёртые спортивные развлечения и т.д. Поэтому желательно, чтобы в данной местности или её ближайших окрестностях были водные ресурсы, горы, лес, объекты культуры.

Казахстанскому туризму придётся выдержать серьёзную конкурентную борьбу на международных рынках, и комплексность туристских услуг послужит важным фактором успешной конкурентной борьбы и массовости международного туристского потока в данную местность.

Как известно, среди мотивов путешествия у любого туриста доминирует какой-либо один. У одних это желание поплавать, у других половить рыбу, у третьих сбор грибов и ягод. Поэтому широта предлагаемого ассортимента туристских услуг приведёт к увеличению количества туристов.

Туристские объекты требуют соответствующих климатических условий. Если это зимние виды отдыха, то необходимым требованием является средняя температура зимы и толщина снежного покрова. Если это летние виды отдыха, то необходимым требованием является средняя температура воздуха и воды, количество солнечных дней.

2 этап. Наличие или возможность постройки международного аэропорта.

Как известно основным транспортным средством для туристов - нерезидентов является авиация. Поэтому наличие в регионе международного аэропорта является одним из главных критериев выбора именно данного туристского объекта для целей международного туризма.

Удаление туристского объекта от международного аэропорта для условий Казахстана не должно превышать 250 км. В противном случае дальние переезды будут утомительными и

будут съедать время, которое необходимо для реализации программы тура.

Взлётно - посадочная полоса должна быть достаточно длинной и обладать способностью принимать тяжёлые аэробусы класса Боинг 747. Аэропорт должен быть оснащен современным навигационным оборудованием и средствами связи.

В отдельных случаях возможна реализация дорогостоящего проекта - постройка международного аэропорта, но для этого необходимо чтобы данный туристский объект обеспечивал значительный поток туристов на протяжении длительного периода времени, с тем, чтобы вкладываемые инвестиции и капиталовложения были окуплены. Зачастую реализация подобных проектов требует участия иностранного партнёра, предоставляющего помимо капитала свой опыт, свои трудовые ресурсы и технологии.

3 этап. Определение соответствия инфраструктуры требованиям международного туризма.

3.1 Дороги. включая дорогу от аэропорта до объекта туризма, должны позволять перемещаться современным экскурсионным автобусам в любое время года.

Допускается применение дорог, требующих только ямочного ремонта.

3.2 Необходимо наличие гостиниц (или возможности их постройки) соответствующей категорийности. Согласно статистическим данным на территории Казахстана процентное распределение туристов - нерезидентов по категориям гостиниц следующее: 5-ти звездочные - 25,2%; 4-ёх звездочные - 31,6%, 3-ех звёздочные - 31,4%, прочие - 11,8% [1].

Т.е. основная нагрузка приходится на высококатегорийные гостиницы. Следовательно, в таком же соотношении в данном туристском объекте должны иметься (или должны быть построены) гостиницы соответствующих категорий.

Гостиницы должны соответствовать международным стандартам. Предпочтение будет отдаваться туристским объектам с недавно построенными гостиницами.

3.3 Объекты питания. В практике дальнего зарубежья объекты питания для туристов находятся непосредственно при отелях. Для казахстанских гостиниц уровня четыре и пять звёзд необходимо также объекты питания размещать при гостинице. Преимуществом такого решения будет являться соответствие сервиса уровню гостиницы.

В соответствии с требованием широты ассортимента в туристском центре должны быть представлены рестораны различных культур: казахская кухня, русская, китайская, корейская, грузинская, итальянская и др.

3.4 Сфера развлечений и досуга.

Необходимо отметить неразвитость данной сферы в рекреационных объектах Казахстана. Как известно, после дневной экскурсионной программы туристы переходят вечером к развлекательной части тура. Здесь требуется широкий ассортимент предлагаемых услуг развлечений и досуга. Это боулинг, бильярд, дискотеки, анимация, игровые центры, SPA - комплексы, салоны красоты, массаж, бани, фитнес, интернет - кафе, аквапарки, центры детских развлечений.

Однако всё перечисленное имеется во многих международных центрах туризма. Для Казахстанских туристских центров необходимо конкурентное отличие. Как известно туристам из дальнего зарубежья интересна экзотика. И Казахстанские туристские центры должны представлять экзотику, которую иностранный турист не увидит ни в одной точке земного шара. С этой целью недалеко от туристского центра желательно наличие населенного пункта. Во-первых жители данного центра могут составлять трудовые ресурсы, работающие непосредственно в туристском центре, а во-вторых жители разных возрастов могут представить культурную самобытную программу казахского народа, т.е. помимо традиционных услуг развлечений должны оказываться услуги связанные с ознакомлением туристом с этносом казахского народа, т.е. должен быть построен этноуал. Расположение его должно быть непременно за пределом туристского центра. Так как представление традиций кочевого народа в условиях суперсовременного туристского центра приводит к неаутентичности туристских услуг. А если эти традиции показываются на фоне бескрайних казахских степей, то это позволит туристу глубже окунуться в мир древних казахских традиций. Здесь должны быть представлены обычаи и традиции казахского народа, игры, развлечения, празднества. Обязательным должно быть посещение казахских юрт, где зарубежные туристы могут почувство-

вать знаменитое и неповторимое гостеприимство казахского народа.

Отсутствие вблизи предполагаемого туристского центра подобного населенного пункта приведет к тому, что казахстанские туристские услуги будут повторять привычные для зарубежного туриста услуги других международных центров туризма и в итоге приведут к потере интереса к стране.

В данном населенном пункте должны находиться этнографические музеи, музеи природы, музеи истории развития края.

3.5 Сфера оздоровления.

С каждым годом растёт количество хронических заболеваний. И туристы во время отпуска хотят не только отдохнуть, но и подлечиться. Поэтому при туристском центре должны находиться медицинские кабинеты, где можно пройти диагностику.

Кроме того, можно применять методы лечения, существующие в Казахстане. Это, например, кумысолечение. Кумыс можно брать у упомянутого выше, расположенного вблизи населённого пункта. Также можно применять в лечении настои местных трав (фито-бары).

3.6 Транспорт. Помимо авиационного и автомобильного сообщения необходимо наличие железнодорожного сообщения, которое бы связывало туристский центр с другими городами Казахстана и странами ближнего зарубежья. Что также будет способствовать увеличению потока туристов. Наилучшим вариантом являлось бы расположение туристского центра вблизи международных транспортных магистралей.

Из истории известно, что там, где процветает торговля, проходят караванные пути, там процветает и туризм. Самым ярким примером является построенная более двух тысяч лет назад Александром Македонским Александрия Египетская. Построенная на пересечении торговых путей она до сих пор является крупным торговым и туристским центром мира.

В международном туристском центре должно быть представлены услуги такси и услуги проката автомобилей.

3.7 Информационная сфера и связь.

Информационная сфера международного туристского центра должна включать: спутниковое вещание, высокопроизводительный интернет, газеты и журналы ведущих международных изданий, путеводители и электронные карты.

Ведущие отели мира считают своим неперемennым атрибутом наличие интернета в номерах, факсимильной и спутниковой связи, ведущих газет мира. Это связано с тем, что многие туристы являются деловыми людьми, а также в связи с тем, что при крупных отелях имеются конгресс - холлы, где проводятся конференции и симпозиумы.

Данную практику можно применить и казахстанским туристским центрам. Т.е. развивать применительно к туристским центрам не только рекреационный, но конгрессный туризм и инсентив - путешествия.

Проведение конгрессов в туристском центре позволит познакомить деловых людей с туристскими возможностями Казахстана и представить возможности для отдыха и поправки здоровья.

Проведение конгрессов связано с широким применением технологий связи и СМИ. Поэтому в туристском центре должна быть спутниковая и сотовая (мобильная) связь, с возможностью предоставления роуминга сотовым компаниям ближнего зарубежья.

3.8 Торговля. Необходимо наличие в туристском центре супермаркетов и универсальных магазинов. Неповторимый колорит придают базары, на котором могут торговать местные жители сувенирами, ремесленными изделиями, национальной одеждой, пищевыми продуктами и т.д.

Неперемennым атрибутом туризма являются сувениры. Производство сувениров можно наладить в близрасположенных населённых пунктах. Это могут быть изделия из дерева - чаши, резные изделия и украшения; кожи - седла, камча, головные уборы, торбы; серебра и т.д.

Конечно, нельзя ожидать наличие в регионе всех перечисленных объектов инфраструктуры, но больший процент наличия объектов инфраструктуры означает большую привлекательность региона для данного проекта.

4 этап. Определение соответствия по наличию трудовых ресурсов.

Наличие близрасположенного населенного пункта необходимо для использования местного населения в качестве трудовых ресурсов, а также размещения части вновь прибывшего персонала. В данном населенном пункте должен быть профицит рабочей силы. Работа в туристском центре является престижной и хорошо оплачиваемой работой, что будет способствовать привлечению к работе молодого поколения.

В населенном пункте должны быть организовано обучение для работы на туробъекте.

5 этап. Определение соответствия по степени использования экологической ёмкости территории.

Территория туристского центра не должна располагаться вблизи экологически опасных зон. На Западе Казахстан имеет неблагоприятный экологический имидж раздутый зарубежными средствами массовой информации: это ядерный полигон, аварии ракетносителей, экологические проблемы Арала. Поэтому туристский центр должен находиться в экологически чистой зоне.

Оценивается степень использования и возобновления биологических ресурсов. Если степень возобновления биологических ресурсов не будет компенсировать их использования, туристский центр в данной местности открывать нельзя.

6 этап. Определение финансовой эффективности проекта туристского центра.

Для реализации крупных проектов туристских центров желательно использовать помимо государственных и зарубежных инвесторов. Это приведет к привлечению не только зарубежного капитала, но и квалифицированных трудовых ресурсов, опыта, технологий. Поэтому в качестве инвесторов лучше привлекать страны добившихся успеха в туристской отрасли.

Таким образом, при оценке финансовой эффективности речь идёт об эффективности инвестиционных проектов [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. «Туризм Казахстана в 2007 году» Статистический сборник. / Под редакцией Ж.И. Омарова / Астана, 2008 - 128 с.
2. Есипов В.С. Международные инвестиции и международные закупки. - СПб изд - во СПб ГУЭФ, 1998 г.

СИСТЕМА МАРКЕТИНГА В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА

*Малгаждар Нұрым Төлеубекұлы
студент 4-го курса кафедры «Туризма, НВП, физкультуры и спорта»
Научный руководитель: м.н.т. Монтариди Ю.П.*

Гостеприимство - это одно из понятий цивилизации, которое благодаря прогрессу и времени превратилось в мощную индустрию, в которой работают миллионы профессионалов, создавая все лучшее для потребителей услуг (туристов). Индустрия гостеприимства включает в себя различные сферы деятельности людей - туризм, отдых, развлечения, гостиничный и ресторанный бизнес, общественное питание, экскурсионную деятельность, организацию выставок и проведение различных научных конференций.

Таким образом, индустрия гостеприимства - это комплексная сфера деятельности работников, удовлетворяющих любые запросы и желания туристов. Коммерческая направленность туристских предприятий приводит к появлению туристского и сервисного бизнеса, а также к созданию специализированной отрасли по производству сувениров и товаров туристского назначения. Это обстоятельство позволяет выделить туризм и сервис в самостоятельный комплекс сервисно - туристских предприятий.

Все это можно определить как туристскую индустрию, темпы развития которой поражают своей быстротой.

Основными факторами роста индустрии туризма в настоящее время являются:

– рост доходов населения, которые позволяют сверх удовлетворения первоочередных потребностей (жилье, питание, одежда) употреблять все большую часть их на удовлетворение рекреационных потребностей. В структуре затрат потребительского комплекса жителей экономически развитых стран затраты на туристские услуги вышли на второе место после затрат на жилье;

– растущая урбанизация и ухудшение экологической обстановки в городах, быстро активизирующие спрос на отдых в экологически чистой среде, требующие смены стереотипа урбанизированной жизни на другую деятельность, ухода от повседневных забот и бытового стресса;

– рост массива свободного времени, то есть того времени, которым человек может располагать не по принуждению, а свободно. В практике туризма экономически развитых стран сложилась следующая дифференциация туризма: обычно отпускной период времени используется на зарубежные туристские поездки, уик-энд - на экскурсии внутри страны, а вечернее свободное время - на отдых в городе. Поскольку в структуре свободного времени уик-энд занимает ведущее место, потребность во внутреннем туризме в развитых странах все более возрастает и индустрия внутреннего туризма развивается более быстрыми темпами.

В последнее время можно наблюдать рост конкуренции во всех областях экономики развитых стран. Самая важная проблема состоит в привлечении клиентов и создании высочайшего уровня сервиса. Индустрия гостеприимства направлена на создание позитивной программы по привлечению туристов, отдыхающих и путешественников, а индустрия туризма связана с предоставлением услуг по отправлению туристов в различные города и страны. Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что любое путешествие человека вне зависимости от места его пребывания должна сопровождаться радушием и внимательностью со стороны персонала, оказывающего ему услуги.

Казахстан всегда славился своим гостеприимством. В тоже время гостиничный и туристский бизнес республики еще далеки от совершенства. Туристы не спешат в Казахстан, базы отдыха мало заботятся о комфортности проживания, благоустройстве и чистоте территорий, цены на номера порядком завышены.

К основным тенденциям развития предприятий индустрии гостеприимства в Казахстане:

- появление на рынке международных гостиничных сетей;
- активное развитие сети малых предприятий и альтернативных гостиничных форм (квартиры посуточно);
- снижение стоимости гостиничного номера в условиях кризиса;
- снижение в последние 2 - 3 года потока туристов и показателей работы гостиниц;
- активный спрос на услуги гостиниц 4* и квартиры посуточно;
- внедрение в индустрию гостеприимства новых компьютерных технологий.

На сегодняшний день в Казахстане официально зарегистрировано порядка 651 гостиниц с общим количеством номеров 24 787 единиц, вместимостью 54 199 человек.

Показатели загруженности номерного фонда в целом не высоки по республике – только 20%. Количество обслуженных посетителей составило в 1 полугодии 2010 года 1 145 тыс. человек.

Опираясь на статистические данные можно в целом говорить о невысоких показателях функционирования гостиничного бизнеса в Казахстане. Так, если общее число посетителей Казахстана (нерезидентов страны, туристов и деловых людей) составило в 2010 году 8,7 млн. человек, то из них только одна пятая часть (18%) была размещена и обслужена в гостиницах республики.

В тоже время данные показатели говорят о наличии большого потенциала для развития гостиничного и туристского бизнеса в целом – возможность роста составляет как минимум 200%, т.е. при создании благоприятных условий гостиницы могут обслуживать в 2 раза и более посетителей страны.

Управление маркетингом в индустрии гостеприимства и туризма - это процесс анализа, планирования, исполнения, координации; программы контроля, включающие все элементы маркетингового комплекса (концепцию, ценообразование, продвижение и распределение продуктов и услуг); проведение выгодных обменных операций с рынком сбыта продукта для достижения целей организации.

Основой современного бизнеса является концепция маркетинга. Это целая философия, сориентированная на клиента и воплощающаяся в жизнь организациями, которые стараются обслуживать клиентов лучше, чем их конкуренты. Маркетинг в индустрии гостеприимства и туризма призван выявить потребности туристов, создать привлекательные туристские услуги, ознакомить потенциальных туристов с доступными для них туристскими продуктами, проинструктировать их о месте, где эти услуги можно приобрести, т.е., другими словами, назначение маркетинга исследовать рынок, спланировать продукт, рекламировать и продвигать его, указать каналы распределения. После соблюдения всего этого организации в индустрии гостеприимства могут рассчитывать на получение прибыли и достижение своих целей.

Управление маркетингом в индустрии гостеприимства и туризма - это достижение следующих маркетинговых целей: определение возможностей рынка и ресурсов компании, а также планирование и исполнение маркетинговой деятельности, требуемой для достижения целей компании.

Роль маркетинга с начала текущего десятилетия существенно возросла. Усиление конкуренции в глобальном масштабе охватило многие виды бизнеса. Политика дерегулирования, проводимая многими правительствами (например, правительство США применило эту политику в воздушном транспорте), предопределила необходимость внедрения рыночно-ориентированных стратегий. Увеличился спрос на специфические туристские услуги. А выжить и развиваться в турбулентной среде стало сложной задачей без проведения профессиональной маркетинговой деятельности.

В целом говоря, стратегия маркетинга позволяет компаниям индустрии гостеприимства и туризма противостоять против разного рода воздействий со стороны внешней среды в долгосрочном периоде времени.

Современная система управления должна быть гибкой и простой. Главными ее задачами являются обеспечение эффективности воздействия и конкурентоспособности. Она должна иметь небольшие подразделения, укомплектованные меньшим числом, но более квалифицированных работников; число уровней управления также должно быть небольшим; это может быть структура, основанная на группах специалистов; характер и качество продукции и услуг, графики и процедуры работы ориентированы на потребителя.

Объектом управления в туристских фирмах являются коллектив, персонал, совокупность социально-экономических, правовых, нравственных и других отношений, возникающих между людьми в процессе производства и обращения туристского продукта. Процесс управления в сфере туризма затрагивает широкий круг отношений между людьми, например при разработке и реализации туристского продукта целенаправленно взаимодействуют работники гостиничного и ресторанного хозяйства, транспорта, культурно-зрелищных и других отраслей туристского комплекса, как отечественных, так и зарубежных.

Предмет управления в сфере управления многообразен:

- экономический механизм и организационные структуры;
- маркетинг и информационно - рекламные технологии;
- персонал менеджеров, специалисты и др.

Элементы системы управления тесно взаимодействуют между собой. Самые прогрессивные нововведения, обращенные к одному из элементов, не могут дать ощутимого эффекта, если не добиваться комплексного совершенствования всех механизмов управления в сфере туризма.

Управление в туризме представляет собой целенаправленное воздействие руководящих органов на службы сервиса с целью их ориентации на удовлетворение потребностей людей в туристских услугах, повышение эффективности работы и обеспечение приемлемого уровня прибыльности.

Современный менеджмент в сфере туризма учитывает специфику организации и деятельности туристских предприятий.

Важнейшим понятием в менеджменте туризма и гостеприимства является организация. Организация сможет функционировать при постоянном взаимодействии внутренней и внешней среды. Внутренняя среда является основой предприятия. Внешняя среда снабжает организацию различными ресурсами.

Специалисты в индустрии гостеприимства и туризма пытаются рассматривать менеджмент как отдельную сферу экономики и не имеющую ничего общего с другими видами бизнеса. Однако это не совсем верно. Несмотря на то, что эта индустрия туризма и гостеприимства по некоторым важным признакам отличается от других видов бизнеса, нельзя принять это обстоятельство как удобную причину для ее отделения от управленческой практики и процедур, применяемых в других сферах экономики. Иногда существует очень много общего с некоторыми сферами бизнеса.

В последние два десятилетия было сделано значительное движение в сторону применения теории менеджмента и маркетинга в индустрии гостеприимства и туризма. Однако многое еще впереди, пока что достигнут небольшой прогресс в деле применения теории маркетинга и менеджмента в сфере обслуживания в целом, и в бизнесе в частности.

Предприятия индустрии гостеприимства и туризма имеют общие характеристики, которые определяют природу туристского бизнеса в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елканова Д.И., Осипов Д.А., Романов В.В., Сорокина Е.В. Основы индустрии гостеприимства, Учебное пособие. М.: Дашков и Ко, 2010. - 248 с.
2. Чудновский А.Д., Жукова М.А., Сенин В.С. Управление индустрией туризма, М.: КНОРУС, 2005. - 448 с.
3. Дурович А.П. Маркетинг в туризме, Минск: Новое Знание, 2003. - 496 с.
4. Папирян Г.А. Менеджмент в индустрии гостеприимства и туризма (отели и рестораны), М.: Экономика, 2000. - 207 с.

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В КАЗАХСТАНЕ

Букенов Е.К. - магистр КГУ

Жусупова М.М. - магистрантка 1 курса КУ им. АМ

Болатбеков А.Б. - магистр туризма КГУ

Руководитель: Мурзина С.А.

Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова

Туризм для людей с ограниченными возможностями - это новый вид туризма, который начал развиваться относительно недавно. Люди с ограниченными возможностями (ЛОВ) в настоящее время рассматриваются как потенциал растущего рынка туризма. Несмотря на увеличение потенциальных туристов среди инвалидов, туристская инфраструктура во многих странах все еще остается неразвитой. Предпосылкой развития такого вида туризма является то, что число ЛОВ, желающих путешествовать, с каждым годом растет.

Туризм для людей с ограниченными возможностями является важным направлением социального туризма. Главная цель социального туризма – это создание условий для путешествий инвалидам, пенсионерам, ветеранам войны и труда, школьникам, молодежи и другим гражданам, которым государство, государственные и негосударственные фонды, иные организации оказывают социальную поддержку.

Инвалидность представляет собой социальный феномен, избежать которого не может ни одно общество, и каждое государство сообразно уровню своего развития, приоритетам и возможностям формирует социальную и экономическую политику в отношении инвалидов. Инвалид - это человек, у которого возможности его жизнедеятельности в обществе ограни-

чены из-за его физических, умственных, сенсорных или психических отклонений. Слово «инвалид», буквально означающее «непригодный», в настоящее время все чаще заменяется на «человек с ограниченными возможностями». Развитие туризма для людей с ограниченными возможностями является важным сегментом социального туризма.

Для того чтобы изучать ЛОВ, необходимо знать о барьерах, которые стоят перед такими людьми, мешая жить полноценной жизнью и иметь полноценный отдых. Это чисто физический барьер, трудовая сегрегация или изоляция инвалида, малообеспеченность, пространственно - средовой барьер, информационный барьер, эмоциональный барьер, коммуникативный барьер.

Права инвалидов уже в течение длительного времени являются предметом пристального внимания со стороны Организации Объединенных Наций и других международных организаций. Наиболее важным итогом Международного года инвалидов (1981) явилась Всемирная программа действий в отношении инвалидов, принятая Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 37 / 52 от 3 декабря 1982 года. Международный год и Всемирная программа действий дали мощный толчок прогрессу в этой области. В ходе их осуществления подчеркивалось право инвалидов на равные с другими гражданами возможности и на равное улучшение условий жизни в результате экономического и социального развития. Кроме того, впервые инвалидность была определена как функция отношений между инвалидами и их окружением.

Другой важный сдвиг произошел, когда инвалиды начали создавать общественные организации: сначала организации, которые финансировали спортивные мероприятия для инвалидов или клубы, где инвалиды могли встречаться и общаться. В 1948 г. во время проведения Олимпийских игр впервые состоялись состязания для спортсменов-инвалидов войны. В 1960 г. состоялись первые официальные Паралимпийские игры в Риме (Италия) с участием, на которых встретилось 400 спортсменов-инвалиды из 23 стран мира. Таким образом, общаясь благодаря созданной системе спортивных, других общественных организаций, инвалиды начали взаимодействовать и открывать то общее, что их связывает. Опыт показал, что люди с инвалидностью имеют те же мотивы жить, работать и путешествовать, как и все здоровые люди.

Специалисты в области туризма подсчитали, что регулярно путешествуют 2,5 млн. людей с ограниченными возможностями. Этот рынок пока трудно назвать массовым. Но последние 10 лет эксперты отмечают динамичный рост в этом сегменте туристского рынка. Спрос на туризм ЛОВ растет. Поэтому строительство большинства новых курортных объектов по всему миру ведется с соблюдением принципов так называемой «безбарьерной среды».

Защиту прав инвалидов, обучающую работу оказывают многие иностранные организации и международные фонды (USAID, Всемирная Организация Здравоохранения и др.). В европейских странах с развитой индустрией туризма работе с инвалидами, малоимущими, людьми из групп риска, детьми, на высокий уровень вышло понятие семейного досуга. Большую работу по организации досуга инвалидов проводят музеи, театры, библиотеки. Слабовидящим и слабослышащим инвалидам предлагаются следующие услуги: экскурсии на языках жестов и знаков, тексты магнитофонных экскурсий, световая сигнализация (язык), допуск собак-поводырей в музеи и др. места отдыха, гид-кассеты, вечера общения (праздники, детские утренники, вечера отдыха). В ряде стран постоянно проводятся различные события и мероприятия, связанные с проблемами людей с ограниченными возможностями, которые направлены на оказании им помощи. Зарубежные страны (например, Германия, Франция, Финляндия, США и др.) делают очень много для жизнедеятельности ЛОВ и для развития социального туризма ЛОВ.

Для того чтобы все люди находились в равных условиях, подготовлено множество международных документов о правах инвалидов. Наиболее важной и новой является Концепция о правах инвалидов, к которой в 2008 году присоединился и Казахстан. Это большой шаг к благополучному будущему не только ЛОВ, но и всего государства в целом. В Казахстане также внедрен этикет общения с ЛОВ, разработанный во второй половине 20 века Международным Движением за Права Инвалидов. В сфере туризма очень важно уметь разговаривать с людьми, а с людьми с ограниченными возможностями – важно вдвойне.

На примере ряда цивилизованных стран можно видеть, что социальный туризм развивается в виде так называемого «ассоциативного туризма», организаторами которого являются профессиональные союзы туристских компаний и ассоциации социального туризма. Основной задачей социального туризма ЛОВ является организация дешевых поездок для людей с низкими доходами. Немалую роль в развитии социального туризма играют и муниципальные органы власти, создавая для этого не только экономические условия, но и инфраструктурные, в первую очередь, ориентированные на людей с ограниченными физическими возможностями.

Но в Казахстане развитие социального туризма в настоящее время возможно только через государственное регулирование, при этом большую роль играет развитие общедоступного туризма внутри страны. В Казахстане социальные туры предлагаются за счет бюджетных средств для детей-сирот, детей из малообеспеченных семей, инвалидов и ветеранов, что в целом не решает проблему.

Инвалиды хотят и должны ходить и ездить по улицам наших городов, путешествовать и внутри нашей страны, и в тоже время комфортно чувствовать себя в транспорте, гостиницах, театрах, цирках, концертных залах, музеях, выставках - везде - везде, где они желают быть. Специально для них нужно возводить механические и технические удобства: пологие проезды, спуски, лестницы с перилами, пандусы, лифты, вешать крупные яркие надписи, вводить звуковые сигналы. Им нужно создавать удобства, предоставлять возможность дышать полной грудью, физически и умственно развиваться, учиться, работать, путешествовать, культурно развлекаться. Туризм устраняет чувство потери достоинства, неполноценности, интегрирует пожилых и инвалидов в общество.

Результаты исследования показали, что ЛОВ - это активные люди, которые любят спорт, природу, прогулки и путешествия, но в основном локально, в пределах своего города. При этом они всегда сталкиваются с различными барьерами во время путешествия (внутренний страх, неразвитая инфраструктура и др.). Люди с ограниченными возможностями имеют те же мотивы для путешествий, как и все обычные люди.

Таким образом, социальный туризм для ЛОВ – это относительно новое направление, которое начало развиваться с середины 20 века. В настоящее время в Казахстане необходимо принять соответствующие поправки в закон о туризме для ЛОВ, решить ряд проблем, связанных с разработкой соответствующей инфраструктуры для инвалидов в большинстве мест отдыха и повышением условий жизни инвалидов. Если Казахстан на примере развитых стран будет проводить правильную политику в отношении людей с ограниченными возможностями, это будет не только характеризовать степень цивилизованности страны, но и будет способствовать развитию и внутреннего и международного туризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Квартальнов В.А., Федоренко В.К. Туризм социальный: история и современность. - Киев: 1989.
2. Индолев Л.Н. Тем, кто в коляске и рядом с ним. - Пермь: «Здравствуй», 1995.
3. Думбаев А.Е., Попова Т.В. Инвалид, общество и право. - Алматы: ТОО «Верена», 2006.

ПРЕДПРИЯТИЯ РАЗВЛЕЧЕНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ТУРИСТСКОЙ ИНДУСТРИИ

*Хасибуллин Александр Александрович
студент 3-го курса кафедры «Туризма, НВП, физкультуры и спорта»
Научный руководитель: преподаватель Монтариди Ю.П.*

К индустрии развлечений относятся предприятия, чья основная деятельность связана с удовлетворением потребностей человека в развлечениях - цирки, зоопарки, аттракционы, игротеки, парки отдыха, кинотеатры, спорт залы, библиотеки, предприятия туризма, включая средства размещения туристов, зоны отдыха, исторические достопримечательности и др. От-

расли промышленности, выпускающие соответствующее оборудование или инвентарь, также входят в индустрию развлечений.

Индустрия развлечений выступает как самостоятельное, относительно обособленное звено экономической системы, привлекая значительные материальные, финансовые, трудовые ресурсы. В этом плане предприятия индустрии развлечений характеризуются специфическими технологиями, системами управления, результатом деятельности, организацией труда персонала. Социальная направленность развития индустрии развлечений выражается в том, что она служит формированию новых личных и общественных потребностей, а также проявлению и развитию потребностей при сложившихся предпосылках. Индустрия развлечений, решая многогранные задачи (прежде всего воспитания, формирования оптимистического настроения, образования, отдыха, развития культуры человека), по сути своей формирует и развивает личность. Заполняя развлечениями часть своего свободного времени, человек восстанавливает себя и как трудовая единица [1].

С развитием потребности в развлечениях образовался значительный сектор экономики, включающий предприятия развлекательной направленности и дающий миллиардные обороты - доходы мировой развлекательной индустрии оцениваются в 1,3 трлн. долл. В 2010 г., по прогнозу специалистов компании PricewaterhouseCoopers, потребители затратят на развлечения уже 1,8 трлн. долл.

С развитием индустрии развлечений в Казахстане возникает вопрос о теоретической обеспеченности экономическими знаниями управленцев, ведущих свою предпринимательскую деятельность в данной сфере. Одной из важнейших проблем, поставленных практикующими специалистами, является вопрос о методах оценки и принципах управления конкурентным потенциалом предприятий, предоставляющих услуги развлечений. Кроме того, несмотря на многообразие направлений современной развлекательной индустрии, ни в статистической практике, ни в научных исследованиях российских специалистов к настоящему времени не выработано ни критериев выделения самой сферы деятельности, занятой развлечением людей, нет и серьезной классификации ее основных видов и форм. Открытыми остаются вопросы не только менеджмента и маркетинга - не полностью сформирован понятийный аппарат исследуемой области. Это, в свою очередь, ведет к возникновению ряда проблем в области экономики, организации и управления данными предприятиями.

Индустрия развлечений - система предприятий и предпринимателей, предоставляющих все необходимые для потребления в процессе развлечения и достаточные для осуществления собственно процесса развлечения услуги и товары. Широкий спектр современных способов и форм развлечений определяет разнообразие организаций отличающихся своей функциональной направленностью - помимо компаний, оказывающих развлекательные услуги, часть предприятий обслуживает потребность в развлечениях, производя товары для развлечений, как, например, товары для активного отдыха и непрофессионального спорта, товары для самодеятельных развлечений и т.д.

Рынок развлекательных услуг - механизм реализации отношений, возникающих между производителями и потребителями по поводу купли-продажи развлекательного продукта (в данном случае - услуги или комплекса услуг, генерируемых предприятиями развлекательной индустрии).

Развлекательная услуга - совокупность целенаправленных действий в сфере обслуживания, которые ориентированы на удовлетворение потребностей в процессе и в целях развлечения.

Инфраструктура рынка развлекательных услуг - совокупность предприятий, систем и технологий, выполняющих определенные функции по предоставлению развлекательных услуг и создающих условия для его функционирования.

Объект развлекательной инфраструктуры - это целостный функционирующий объект, представляющий собой здание, его часть или совокупность зданий нежилого назначения и сооружений, предлагающих услугу или комплекс услуг развлекательного характера.

Группы предприятий, относимые к индустрии развлечений:

1. Предприятия, деятельность которых полностью ориентирована на удовлетворение потребности в развлечениях.

2. Предприятия, деятельность которых частично ориентирована на удовлетворение потребности в развлечениях, наряду с культурно-просветительской, образовательной, воспитательной, спортивной или другой направленностью.

3. Предприятия, обеспечивающие развлечения в форме своей вспомогательной или побочной деятельности.

4. Предприятия промышленности, выпускающие соответствующее оборудование и инвентарь для обеспечения предприятий развлекательного сектора.

В таблице 1 представлен классификационный ряд основных видов современных развлечений.

Таблица 1.

Классификация основных видов развлечений

Классификационный критерий	Вид развлечения
1. Источник положительных эмоций и впечатлений	1.1. Активный отдых и непрофессиональный спорт
	1.2. Неформальное общение
	1.3. Публичные зрелища и увеселения
	1.4. Развлечения, получаемые посредством терапевтического и физического воздействия на тело, приносящего удовольствие
	1.5. Развлечения, получаемые посредством химического воздействия на мозговые центры удовольствия
	1.6. Интеллектуальные и азартные игры
	1.7. Развлечения в виде индивидуальной формы потребления медийных ресурсов
	1.8. Любительское творчество
	1.9. Развлечения, получаемые от специфических источников удовольствия
2. Способ организации развлечения	2.1. Организованные
	2.2. Самостоятельные развлечения (не требующие стороннего обеспечения)
3. Форма представления	3.1. Реальные
	3.2. Виртуальные
4. Количество участников в развлекательной деятельности	4.1. Индивидуальные
	4.2. Групповые
	4.3. Массовые
5. Форма легализации	5.1. Легальные
	5.2. Запрещенные
6. Интенсивность деятельности в процессе развлечения	6.1. Активные виды
	6.2. Пассивные развлечения
7. Возраст участников	7.1. Детские
	7.2. Для людей среднего возраста
	7.3. Для людей старшего возраста

При решении отдельных задач менеджмента и маркетинга в индустрии развлечений необходимо учитывать тип и особенности конкретной организации.

Таблица 2.

Классификация объектов развлекательной инфраструктуры

Классификационный критерий	Признаки объектов	Виды объектов
1. Основное направление деятельности объекта (специализация)	1.1. Зрелищно-развлекательная деятельность	Кинотеатры, концертные залы, выставочные комплексы, спортивные арены и залы, зоопарки...
	1.2. Деятельность по организации и проведению азартных игр	Казино, залы игровых автоматов, букмекерские конторы...
	1.3. Организация физкультурно-оздоровительной деятельности	Бассейны, фитнес-клубы, массажные и спасалоны, лыжные базы...
	1.4. Парковая деятельность	Парки отдыха, тематические парки...
	1.5. Организация активного отдыха и досуга	Ночные клубы, боулинг, игровые аркады, игровые компьютерные клубы, дискотеки...
2. Профиль центра развлечений	2.1. Объекты семейного отдыха и развлечений	Парки аттракционов, спортивно-игровые комплексы...
	2.2. Детские развлекательные объекты	Детские игровые площадки, детские аттракционы...
	2.3. Объекты, ориентированные на взрослую аудиторию	Казино, ночные клубы...
3. Способ размещения объекта	3.1. Развлечения на открытом воздухе	Тематические парки, роллердромы...
	3.2. Развлечения в здании, помещении	Аквапарки, театры, игровые комнаты...
4. Доступность	4.1. Камерные	Элитные рестораны и закрытые клубы, VIP-казино...
	4.2. Массовые	Кинотеатры, парки...

В работе специфику деятельности развлекательных объектов предлагается определять их специализацией, профилем, способом расположения и доступностью для посещения.

Анализ зарубежного и российского опыта оказания услуг развлекательными компаниями позволил разработать классификацию развлекательных объектов в соответствии с их размерами и разнообразием предлагаемых услуг (табл. 3) [2].

Таблица 3.

Классификация объектов индустрии развлечений по спектру предлагаемых услуг

Типы объектов индустрии развлечений	Признаки объектов (принцип образования)	Пропускная способность чел./сутки	Виды объектов
1. Специализированные предприятия	Специализация на одном направлении развлечения	До 1000	Аквапарки, боулинг, кинотеатры, игровые компьютерные клубы, пейнтбол, казино...
2. Смешанные объекты	Развлекательная составляющая как сопутствующая специализация объекта	500-5000	Торгово-развлекательные центры, спортивно-развлекательные комплексы, фестивал-центры...
	Сочетание 2-3 направлений развлечений		Культурно-развлекательные центры, развлекательные комплексы с казино...
3. Многопрофильные развлекательные центры, географические зоны развлечений	Совмещение нескольких различных направлений развлечений	Более 5000	Тематические парки, зоны развлечений: о. Сентоза, Лас-Вегас, Атлантик-Сити...

В большинстве стран успешное развитие предпринимательства привело к росту доходов населения, нарастанию покупательской силы заработной платы и к потребительскому стилю жизни общества, что означает трату денег не только на жизненно необходимые товары, но и на модные непрактичные покупки и, в частности, на развлечения. Удовлетворенность качеством отдыха и развлечений, их доступность являются для человека индикаторами его социального положения, а для общества - показателями развития экономики страны в целом и ее социальной сферы в частности [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Стальная В.А. Место и роль индустрии развлечений в мировой и отечественной сфере услуг // Общество и экономика, 2009. - №1. - С. 118 - 128.
2. Индустрия развлечений Электронный ресурс. Режим доступа: <: azino / 09. Industri jaraz vlescheniy. php, свободный. - Загл. с экрана.
3. Гуляев В.Г. Организация туристкой деятельности. - М.: Нолидж, 1996. - С. 120 - 143.

2 СЕКЦИЯ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАБЕЖА

*Жолумбаев М.К. - к.ю.н.
Каимбеков А.К. - магистрант*

Среди корыстно-насильственной преступности, в частности преступлений, направленных против собственности, грабеж является одним из опасных и наиболее распространенных преступлений. Общественная опасность его заключается, прежде всего, в открытом способе действия, к которому прибегает виновный для завладения чужим имуществом, а также в том, что преступники для достижения своих корыстных целей нередко прибегают к насилию, проявляя при этом особую дерзость, довольно часто цинизм. Более того, при насильственном грабеже одновременно причиняется вред, неопасный для жизни или здоровья личности (или они ставятся под угрозу причинения такого вреда), а также собственности, что повышает степень его общественной опасности.

Особую тревогу вызывает широкая распространенность грабежей. По выражению В.В. Лунева, массовые ограбления населения стали повседневной реальностью. Наглядным свидетельством роста грабежей служит официальная статистика, характеризующая состояние и динамику грабежей. Следует отметить, что тенденция роста грабежей имеет место во всем мире. С 1986 г. по 1999 г. в мире в целом по данным ста стран грабежи возросли на 63%. В 1994 г. уровень грабежей в большинстве стран заметно увеличился [1].

Система мер предупреждения этих корыстно-насильственных преступлений, являясь традиционной, и всё ещё неэффективной. Нами полностью разделяется мнение о том, что возрастающие масштабы грабежей и разбоев с каждым днем все более и более представляют собой реальную угрозу общественным интересам. Постоянно проваливаются попытки взять под контроль соответствующую криминальную ситуацию. Уже только этого достаточно, чтобы утверждать: у нас отсутствует, прежде всего, конкретная политика борьбы с грабежами и разбоями, а те общие подходы, которые проповедуются десятилетиями, трансформируются из традиционных в консервативные. Практической пользы от них нет уже давно. Представляя собой специфическую группу корыстно - насильственных преступлений, грабежи и разбои в то же время могут рассматриваться в системе как корыстных, так и насильственных деяний. Между грабежами и разбоями существуют некоторые различия, однако у них больше общего: криминологически однородный феномен, общность причинной детерминации.

Это, в свою очередь, обуславливает принципиальное сходство совокупных криминологических характеристик грабежей и разбоев, а также социальных и нравственно-психологических свойств лиц их совершающих. Отсюда и концепция криминологического изучения грабежей и разбоев в их единстве как самостоятельного направления научного исследования.

Грабеж обладает двумя отличительными признаками, которые выделают его в разряд самостоятельных видов преступной деятельности. Во - первых, основной движущей силой, побуждающим мотивом, целями этого преступления являются корысть, стяжательство, эгоистические, собственнические интересы. Они настолько сильны, настолько сконцентрированы у лиц, совершающих подобные действия, что для их достижения используются дерзкие, циничные, общественно опасные средства. Вторым отличительным признаком следует считать то, что рассматриваемое деяние совершается агрессивно, с грубостью, нередко с физическим насилием. Слияние этих признаков дает представление о сущности и основных детерминантах грабежа.

Исследование состояния, структуры и динамики развития грабежа показало: вопреки общей тенденции к снижению преступности, количество грабежей возросло: возрос наиболее общественно опасный вид грабежа - совершенный с проникновением в жилые или иные помещения; грабеж - типично городской вид преступности: здесь совершается 76% грабе-

жей; треть преступлений совершается в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, 32% преступников потратили деньги, полученные в результате грабежей, на приобретение спиртных и наркотических средств; очень высок уровень групповой преступности в грабежах.

Современные грабежи характеризуются обострением качественных характеристик. Почти половина грабежей (49%) совершена с применением насилия. Современные грабежи отличают особая дерзость и открытость совершения: 73% грабежей совершаются в людных общественных местах, 14% грабежей совершено в квартирах и домах потерпевших; 62% грабежей совершаются в будние дни, 59% грабежей совершены в дневные часы. Изменился количественный состав участников преступления: 54% грабежей совершаются в группе.

Традиционно грабежи и разбои признавались ситуативными преступлениями. В отличие от них большинство современных грабежей и разбоев совершается преднамеренно: более половины грабежей и две трети разбоев были заранее спланированы преступником. Ситуация преступления характеризуется активной, доминирующей ролью преступника, 69% грабителей контролировали и формировали криминальную ситуацию. При этом выделяются три основных типа криминальной ситуации: 1) «планово - устойчивый» тип ситуации; 2) «планово - спонтанный»; 3) «ситуативный».

Причинами совершения грабежа являются такие явления негативного свойства, как: 1) формирование корыстно - паразитической мотивации в семейно-бытовой среде, по месту работы и учебы; 2) распространение и внедрение психологии вещиизма, накопительства и корыстолюбия; 3) деформация досугово-бытовых интересов, потребностей, привычек, выражающаяся в стремлении к пьянству, наркотикам, азартным играм и на этой основе деградация личности; 4) потребительски - эгоистичная атмосфера, как и атмосфера насилия в микросфере; 5) низкий уровень культуры, сознательности, нравственности лиц, совершающих корыстные преступления [2].

К условиям, способствующим совершению грабежа, относятся: слабая техническая защищённость жилищ и хранилищ; недостатки борьбы со сбытом похищенного имущества; беспечное отношение граждан к хранению своего имущества; виктимное поведение потерпевших, проявляющих корысть алчность, а также низкая раскрываемость грабежей. Как нам представляется: 1) действия грабителей и разбойников формируются под влиянием деформаций в быту и обыденном сознании, деформаций в образе жизни определенных слоев населения, под влиянием преступных традиций и обычаев, где главную роль играют индивидуализм, эгоизм и корыстная мотивация поведения; 2) совершение грабежей и разбоев свидетельствует об асоциальном поведении индивида, его испорченных отношениях с людьми и обществом, что выражается в грубости, дерзости, цинизме, вызывающих действиях, связанных с жестокостью, применением силы, и в оказании насилия с целью решения узколичностных проблем путем открытого похищения чужого имущества; 3) преступные действия грабителей и разбойников являются следствием всего их предшествующего поведения, соответствуют их интересам и потребностям, и сознательно направлены на нарушение уголовно-правовых запретов.

Следует критически оценить существующее в обыденном сознании понятие о вынужденной криминогенности, как способе адаптации населения к новым социальным условиям. Когда речь заходит о грабежах и разбоях, то указанная криминогенность, на наш взгляд, выступает как «возможность» («вероятность») при определенных условиях, а не как «вынужденность». По нашему мнению, это принципиальный вопрос. Никакие грабежи и разбои не могут быть оправданы обездоленностью виновных, тем более, когда на первый план выдвигается принцип «грабь награбленное». Действительно, в обществе стали складываться компенсаторные механизмы выживаемости, действующие вне системы легитимных отношений, основой которых являются: деградация общественной морали, утрата общественным сознанием иммунитета к криминальной деятельности, неуважение к законам и их неисполнение. Однако, как нам удалось выяснить при анализе грабежей и разбоев, все это связано с инфантилизацией определенной части населения (например, в результате наследственного алкоголизма), процессами маргинализации общества, преступными традициями и обычаями, появ-

лением различного рода субкультур (например, в сфере коррупции, наркобизнеса, организованной преступности и т.д.) [3].

Предупреждение грабежей представляет собой систему, включающую объекты профилактики; ее основные уровни и формы; меры предупредительного воздействия; субъектов осуществляющих эту работу. В зависимости от иерархии причин и условий можно выделить три основных уровня предупреждения грабежей: общесоциальное, специально-криминологическое; индивидуально - профилактическое.

Общесоциальное направление. Основными мерами предупреждения преступности на данном уровне выступают меры тотального характера, охватывающие все общество. Идеальным представляется такой масштаб применения подобных мер, который включал бы все человечество, и примером которого в настоящее время является беспрецедентный уровень международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и экстремизмом. К такого рода мерам относятся общесоциальные меры политического, экономического, правового, идеологического, морально-нравственного, культурно - просветительского, воспитательного, духовно-интеллектуального, организационно - реформирующего и иного плана, проводимые с помощью средств массовой информации, массовых акций, адресатом которых является все общество.

Специально-криминологическое направление. Субъектом этих мер предупреждения преступности являются правоохранительные органы, объектом - криминальные и криминогенные слои общества, а целью профилактика преступлений с их стороны. Особенностью этих мер является их специальный характер, требующий соответствующей материально-технической инфраструктуры, профессиональных знаний и умений, постоянного мониторинга преступности и преступников, прогнозирования, проведения стратегических ударов и оперативно-тактических действий: «на войне как на войне». К этим мерам относятся: создание базы данных, сбор и анализ информации о криминальном «противнике» (как открытый, так и с помощью спецсредств, специальных мероприятий и агентуры), совершенствование материально - технического обеспечения, повышение правовой и профессиональной квалификации сотрудников правоохранительных органов, проведение ими превентивных мероприятий по обезвреживанию криминальных и криминогенных структур и т.д.

Индивидуально - профилактическое направление. Спецификой мер предупреждения преступности, проводимых на индивидуальном уровне, является их психологический и личностный характер. Субъект, применяющий данные меры, должен обладать соответствующими знаниями и умением найти личный контакт с человеком, которому они адресованы. Требуется в государственном масштабе подготовка подобного рода работников, которые, несомненно, будут востребованы в правоохранительных органах, инспекциях по делам несовершеннолетних, уголовно - исполнительных учреждениях, центрах социальной адаптации и реабилитации и других государственных и общественных организациях.

В комплексе общесоциальных мер предупреждения грабежей и разбоев наряду с традиционными мерами выделяются: введение бесплатного принудительного лечения от алкоголизма и наркомании; альтернативой пионерских и комсомольских организаций должно стать создание бойскаутского движения, включающего в свои ряды, в первую очередь, трудных подростков, детей из неблагополучных семей; активизация деятельности средств массовой информации в части создания и наращивания социальной рекламы, пропагандирующей выгодность законопослушного и бесперспективность противоправного поведения; законодательное урегулирование права граждан на вооруженную самозащиту в собственном доме.

Профилактика грабежей и разбоев должна рассматриваться как особая форма социального регулирования. Это касается всех направлений профилактической деятельности, однако, имея в виду грабежи и разбои, их особенности, острота профилактики должно быть направлено именно на эти деяния. Хотя общая профилактика преступлений обращена к широким массам, она все же воздействует на население избирательно. Для ее ориентации на конкретные преступления необходимо учитывать, что есть лица, склонные к воровству, посягательству на чужое имущество, причем с применением насилия. Смысл профилактики, недопущения грабежей и разбоев заключается в том, что установленные законы должны оказывать сдерживающее влияние на побуждающие начала преступных действий [4].

Среди многих проблем, связанных с указанным профилактическим воздействием, существенное значение, на взгляд автора, имеет изучение правового статуса как тех, кто осуществляет профилактику, так и тех, в отношении кого она осуществляется. Эти субъекты могут выступать только как носители конкретных прав и обязанностей. Недопустимо нарушать права человека, в отношении которого осуществляется профилактика. Цель профилактики - превентивные меры, а не репрессия. В основном это меры убеждения. Применяя же при необходимости меры принуждения, воздействие должно осуществляться в рамках закона с соблюдением требований Конституции Республики Казахстан о защите прав и свобод граждан. Считаем, что давно уже назрела необходимость в принятии комплексного закона о профилактике преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лунеев В.В. Преступность XX века. - М., 1997. - С. 244 - 245.
2. Вакула М.М. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия грабежу: дис. канд. юрид. наук. - СПб., 2005, С. 9.
3. Мустафаев Ч.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с хищениями имущества. - Баку, 1994. - С. 148 - 149.
4. Прохорова М.И. Некоторые особенности детерминации совершения грабежей и разбойных нападений // Российский следователь. - 2005. - №8. - С. 46 - 47.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА

*Нұрмұханбет Данияр Ысқақұлы
к.ю.н., доцент, член РАЮН
Малибаева Лиана Асхатовна
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Подростки чутко реагируют на изменение социальных условий, детерминирующих специфику стиля их жизни, манеры поведения, особенности реагирования на события и явления, происходящие в социуме, и, в свою очередь, являются носителями новых социокультурных вкусов, традиций, направлений и течений. В момент значительных потрясений и переломов, периодически возникающих в процессе развития любого общества и связанных с существенными деформациями условий и образа жизни людей, внезапно образующимся вакуумом ценностей, изменением материальных показателей, неясностью жизненных перспектив и неизбежным обострением противоречий, неформальные объединения становятся своего рода отдушиной для молодежи. Неформальные объединения возникают на основе субъективных потребностей, интересов и стремлений индивидов. А.Р. Попченко и Т.А. Петрова считают, что интерес может быть настолько специфический, индивидуальный или извращенный, не нашедший поддержки в существующих структурах, который и не позволяет сгруппировать много людей. Это становится базой своей идеологии, элементами своеобразной культуры значительной части молодежи, ее эталоном, нормой поведения [1].

Несовершеннолетние, находясь на этапе становления социальных позиций и лишь на пути к собственной зрелости, обладают определенной спецификой, выражающейся, в основном, в несформированности мировоззрения, противоречивости характера и повышенной подверженности влиянию извне. Основываясь на опыте и убеждениях, как своих личных, так сверстников и наставников, руководствуясь, либо игнорируя уже усвоенные ими нормы, принятые в обществе, они делают выбор между правопослушным и девиантным поведением. В таком возрасте только учатся разрешать неизбежно возникающие на пути их развития конфликты не только с окружающей их средой, сверстниками и взрослыми, но и с самими собой.

Одним из вариантов «спасения» от конфликта является отождествление себя с «героями толп», которые также являются «посредниками» и даже идолами в прямом, антропоморфном смысле. Они, подобно наркотику, занимают место подросткового Эго, которое отказывается от «вращения» собственной индивидуальности. И в этом случае подросток также избавляется от переполняющих его острых негативных эмоций, психологически присваивая себе качества «героя» и присоединяясь к групповым проекциям, он обретает защиту и ощущение контроля над миром и собой. «Стадный» эффект лишь усиливает эти «благоприобретенные» чувства. По мнению специалистов центрального аппарата, а также ВНИИ МВД, в основе нынешнего девиантного поведения молодых людей существенное место занимает маргинальность социальной организации жизни российского общества и связанных с этим роста страхов существования, без преувеличения - связанных с выживанием. В подобных исторических ситуациях (при регрессии до примитивного уровня реагирования) наблюдалось всегда два выхода: бегство или борьба. Одни бегут в мир «ирреального» - алкоголя и наркотиков, а другие - выбирают «борьбу», декларируя достижение определенных целей и проповедуя «здоровый образ жизни» (например, скинхеды) [2].

С конца 80-х годов XX века в нашей стране стали появляться новые молодежные течения, движения, группировки, часть которых постепенно из субкультурных неформальных объединений, сформировавшихся на почве интересов в сферах, например, музыки, спорта и т.п., трансформировались в относительно организованные агрессивные группировки, среди которых самыми массовыми явились движения рокеров, панков, скинхедов.

По мнению А.Т. Сиоридзе, в России для возникновения движения «скинхедов» базой явилось, организовавшееся в 1986 году в подмосковном городе Люберцы уникальное движение «люберов» [3]. С данным утверждением можем согласиться лишь отчасти, так как, во-первых, представляется затруднительным утверждать, что указанное движение образовалось именно в 1986 году, хотя бы потому, что на это время уже пришлась повышенная противоправная активность «люберов», несомненно, вызвавшая общественный резонанс, о чем может свидетельствовать масса публикаций на данную тему, появившаяся в средствах массовой информации. Во-вторых, практически параллельно с возникновением, становлением и развитием движения «люберов», возникло такое неформальное движение, как «фашики» [4]. Так их, субкультура и идеология носили явный профашистский характер, частично характерный для современных групп «скинхедов». Первоначально деятельность «фашиков» сводилась к примитивной игре в «нацистов», к проведению всевозможных испытаний на смелость и жестокость. Однако, такие игры быстро переросли в выкапывание оружия на местах бывших боев и ношение фашистской атрибутики. Тогда же начались избиения «лиц нерусской национальности». Таким образом, современные группы скинхедов соединили в себе отдельные черты, характерные как для «фашиков», так и для «люберов», не считая их заимствования у зарубежных движений «бритоголовых».

По мнению А.Н. Сухаренко, зачастую степень организованности скинхедов преувеличивается. Основная их масса - это слабоорганизованные небольшие (периферийные) группы в 15 - 20 человек, которые быстро формируются по месту учебы или жительства и быстро распадаются. Те, кто находится на периферии, имеют смутное представление о движении скинхедов. В их базовых идеях наблюдается очень большой разброс: от «надо кого-то бить», до «в стране бардак - надо хоть что-то делать». По данным органов МВД, движение скинхедов в своей массе не имеет единой организации с общим руководством и стройной структурой. Движение весьма латентно, включает в себя разрозненные группировки, численность которых постоянно колеблется. У «скинхедов» есть своя субкультура: атрибутика, музыкальные группы, периодические печатные издания и Интернет-сайты. Программы и устава у данного движения нет и единственное, что их объединяет - разжигание национальной или расовой розни путем призыва к насилию. Тактика действий «скинхедов» сводится либо к нападению на иностранных граждан, в основном студентов или сотрудников дипломатических представительств, либо к учинению погромов в местах массового скопления выходцев из стран СНГ. Опасно, что, следуя идеям «Mein Kampf» А. Гитлера, скинхеды называют себя «мусорщиками», «санитарами города», потому, что одна из их декларируемых целей - избавление общества от инородцев, наркоманов, гомосексуалистов, педофилов и других «не-

дочеловеков». Некоторый оптимизм в оценке А.Н. Сухаренко и специалистов ГУБОП представляется малообоснованным. Достаточно вспомнить ряд исторических фактов, когда были недооценены важность и серьезность выступлений мелких и малозначимых организаций в Германии, Испании и Италии 30 - х гг., Чили и Греции 70 - х гг. Не углубляясь в исторические аспекты потенции профашистских режимов, следует сказать, что подобные движения в конечном итоге могут составить реальную угрозу безопасности государства.

Исследователи отмечают, что молодые экстремисты, как правило, еще не имеют достаточного опыта для «полноценного» проведения своих акций, отличительными чертами экстремизма молодежи и несовершеннолетних являются его меньшая организованность, стихийность, отсутствие идеологической основы. Многие экстремистские акции, проводимые ими, оказываются на редкость неэффективными и безрезультатными, но сами по себе их действия более активны, жестоки и резки, чем у старших и более опытных. Отчасти это можно объяснить возрастными особенностями, тем, что в силу своего возраста молодежь менее чем взрослые склонна бояться лишения свободы, физических травм и даже смерти, поэтому она готова на самые рискованные действия и операции. Обычно молодые экстремисты склонны группироваться вокруг какой-нибудь «солидной» экстремистской организации или объединения. Не лишено резона суждение А.Р. Попченко и Т.А. Петровой о том, что изначально молодой человек, пришедший в организацию такого рода, может и не являться экстремистом, он становится им постепенно, посредством участия в деятельности этой организации и постепенного усваивания ее идеологии. Иногда может происходить так называемое самозарождение молодежного экстремизма, когда относительно крупные политизированные молодежные группировки экстремистского толка возникают без участия взрослых экстремистов. Результаты нашего опроса специалистов в области противодействия экстремизму и научные итоги исследователей соотносятся в той части, что по активности и массовости движение российских бритоголовых занимает лидирующее место среди неорганизованных групп экстремистски настроенной молодежи. В случае самозарождения молодежного экстремизма, главным фактором его возникновения становится существование хорошо разработанной идеологии, носящей-привлекательный для молодежи характер.

В рамках исследования поставленной проблемы, мы, безусловно, поддерживаем точку зрения, что большое значение в выявлении особенностей социально-психологической стороны антиобщественных проявлений имеет учет возрастной характеристики субъекта. Эта характеристика включает в себя демографический, экономический, социологический, психологический и физиологический аспекты и каждый из указанных аспектов вносит свой оттенок в «портрет» той или иной возрастной категории, позволяющий установить присущие различным возрастным группам особенности социально-психологических процессов, в том числе и те, которые входят в субъективную сторону антиобщественных проявлений. Но, в тоже время, не следует подменять социальные проблемы возрастными, объясняя конфликтное поведение психологическими или психоаналитическими факторами. В действительности возрастные особенности - лишь часть социальной характеристики членов общества. Их нельзя игнорировать, но нельзя и односторонне противопоставлять другим элементам этой характеристики. Здесь уместен подход к проблемам несовершеннолетних и молодых членов общества как к общесоциальным, а не изолированно - возрастным, учет возрастных особенностей, но не замкнутость на них. В данной ситуации правильнее было бы говорить о сложном и ответственном периоде развития личности, характеризующемся психофизическими, социально-психологическими, демографическими особенностями.

Речь идет, в частности, о таких факторах, как: отсутствие должного жизненного опыта; эмоциональная избыточность и «двигательная» активность; восприимчивость к влиянию старших, воздействию моды; тяга к групповому общению со сверстниками и старшими; склонность к подражанию, усвоению норм микрогрупп; незавершенность системы социального контроля. Кроме того, следует учитывать обостренное стремление к самоутверждению и демонстрации взрослости; тенденции к категорическим выводам на основании небольшого числа фактов; претензии на статус, который превышает возможности, способности и т.д. Но ни одно из этих свойств не может быть оценено как автоматически мешающее должному формированию личности. Трудности воспитания подрастающего поколения молодежи воз-

никают не сами по себе, не фатально, а в тех случаях, когда эти свойства игнорируются. Именно в этих случаях проявляется уязвимость к посторонним влияниям либо возрастное легкомыслие. Вместе с тем, отмечают К.Е. Игошев и Г.М. Миньковский, такие особенности подросткового и юношеского возраста, как готовность к восприятию влияния извне, создают и условия для целенаправленного позитивного формирования и коррекции личности [5].

Безусловно, в преступлениях несовершеннолетних дают себя знать возрастные особенности, проявляющиеся в неблагоприятной для формирования и жизнедеятельности личности социальной среде. Во - первых, в «мотивах роста», причем в противоречивой форме, путем доказывания лично значимой для него группе, лицам, что «я, как вы», и наряду с этим подчеркивания «я - личность». Последнее, как правило, в общении с родителями, педагогами, иными субъектами. Во-вторых, фиксируются мотивы, связанные с уходящим детством и его пережитками, так называемый детский анархизм: стремление немедленно иметь заманчивые вещи, покататься на машине, дать сдачи обидчику и т.п. В-третьих, в преступлениях подростков проявляются мотивы, вытекающие из их зависимости от взрослых и неумения находить законные способы отстаивания своих прав.

Криминологи отмечают, что дело тут не в самом по себе биологическом факторе - возрасте лица, а в социальной окраске данного фактора и условиях проявления. Возраст, взятый сам по себе, отражает лишь длительность индивидуального существования. Однако, все природные свойства человека (включая пол, возраст, этническую принадлежность, интеллектуальные и физические характеристики) опосредованы обществом, включенностью человека в общественные отношения. Нормативность поведения существенно зависит от степени социализации индивида, степени его включенности в общественные отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попченко А.Р. Предупреждение правонарушений со стороны молодежных неформальных объединений экстремистской направленности: Методическое пособие / А.Р. Попченко, Т.А. Петрова. - М.: ВНИИ МВД России, 2006. - С. 5.
2. Садков Е.В. Предупреждение преступности в маргинальной среде молодежи: Автореф. дис. канд. юрид. наук. - М., 1994. - С. 8 - 9.

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ ЭКОНОМИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Махсут Е.Н. - магистрант группы «Ю-22», кафедры «Юриспруденции»
Научный руководитель: Жолумбаев М.К. - к.ю.н.*

Идея о рациональности выбора преступного поведения была высказана задолго до современных представлений экономистов философами и гуманистами Ч. Беккария и И. Бентамом. Так, И. Бентам писал в 1788 г. «выгода от преступления - это та сила, которая побуждает человека к правонарушению, боль наказания - сила, применяемая для удерживания от него. Если первая из этих сил больше, то преступление будет совершено» [1].

Экономические модели преступления с максимизацией ожидаемой полезности стали интенсивно развиваться с момента появления фундаментальной работы Г. Беккера [2], в которой он предложил простой анализ затрат-выгод с денежными преступными доходами и издержками и с неопределенностью наказания за незаконную деятельность. Переменные, управляемые государством в его модели, включают как величину наказания за преступление, так и объемы бюджетных расходов на содержание полиции и судебной системы, от которых зависит вероятность выявления преступления, поимки и осуждения преступника. Государство выбирает оптимальные размер, форму и вероятность наказания преступника. Оптимальной системой Иеремия Бентам (1748 - 1832 гг.) - английский философ, социолог, юрист, родоначальник теории утилитаризма. В последней трети XVIII в. в Англии возобладало убеждение, что поступками индивида как частного собственника движут как спонтанные импульсы, так и преднамеренный трезвый расчет на извлечение из своих действий максимальной личной пользы. Правопорядок считается та, которая минимизирует потери общества от пре-

ступлений, включающие наносимый преступниками ущерб, издержки правоохранительной системы и системы наказания. Главный результат модели: вероятность и размер наказания оказывают сдерживающее влияние на преступника, т.е. если они растут, то ожидаемая полезность уменьшается. Более того, правонарушитель с убывающей абсолютной мерой отказа от риска при 1% росте вероятности наказания сдерживается больше, чем при 1% росте размера наказания. С ростом ущерба от преступления оптимальные размер и вероятность наказания растут.

Другая теоретическая модель - это модель портфельного выбора преступлений (представлена, например, в работе Д. Хейнеке) [3], где агент решает, какую долю экзогенного дохода направить на незаконную деятельность с неопределенным исходом. Доказывается, что вероятность и размер наказания сдерживают от совершения преступления агента, имеющего отвращение к риску (далее несклонность к риску).

Третий тип моделей в экономике преступления - это портфельная модель распределения времени между законной и незаконной деятельностью. Например, в работе И. Эрлича [4] рассмотрена модель с фиксированным временем на досуг.

Выводы всех трех упомянутых моделей достаточно схожи. Так, при предположении об уменьшающейся мере абсолютной несклонности к риску, все модели приводят к одинаковым выводам об эффекте сдерживания в результате роста вероятности и размера наказания, а также о росте преступности при увеличении благосостояния и доходов от легальной или нелегальной деятельности.

Простой экономический подход без математически разработанной теоретической модели, но с объяснением ожидаемой связи индикаторов развития и преступностью был предложен в нескольких работах.

В статье модель Беккера помещена в рамки модели с распределениями. Согласно этой элементарной модели, уровень преступности зависит положительным образом от отношения преступного дохода к благосостоянию преступника и степени бедности в обществе, измеряемой долей бедных. Более того, отрицательный эффект на преступность оказывают индикаторы сдерживания (вероятность поимки преступника и размер наказания в доле его благосостояния) и степень честности в обществе. К сожалению, эта простая модель объясняет только, почему бедные люди с низким уровнем честности становятся преступниками, а богатые - жертвами. Она ничего не говорит о том, почему богатые совершают преступления против богатых и бедных. Также не описывается роль неравенства в благосостоянии и в человеческом развитии в таком совершенно поляризованном обществе.

Теоретическая модель, которую мы строим в этом труде, отчасти напоминает подход, предложенный в статье. В этой модели правонарушитель имеет выбор между работой и преступлением, при этом оба вида деятельности предполагаются рискованными. Если доходность от обоих видов деятельности - независимые случайные величины, то преступность является функцией от средних и дисперсий обеих величин, а также от их ковариации. При этом эмпирическая часть указанной статьи не подтверждает теоретические результаты. Используя индивидуальные данные по жертвам по городам США и производя оценку линейной модели, автор не получает стабильных результатов, за исключением отрицательного знака для дисперсии доходности от преступления.

Одним из основных результатов Беккера является тот результат, что размер штрафа должен быть максимальным из возможных и соответственно, вероятность поимки и наказания должна быть достаточно низкой. Только при такой комбинации по Беккеру, достигается минимум расходов на охрану правопорядка. Этот вывод следует из вида постоянного сдерживающего эффекта правопорядка, определяемого произведением p и $f = \text{const}$, где p - вероятность наказания, а f - размер наказания, при условии, что изменение величины штрафа происходит без издержек.

В последствии в теоретических работах стал демонстрироваться результат, что размер штрафа может быть ниже максимального. Так, в статье А. Полински и С. Шавела [5] рассматриваются агенты с одинаковым отношением к риску (т.е. одно из трех: склонность, нейтральность, несклонность) по отношению к благосостоянию и тюремному наказанию. Производится выбор оптимального правопорядка, в котором происходит максимизация функции

общественного благосостояния. Оптимальный размер штрафа является максимальным только в случае, когда агенты нейтральны к риску по отношению к благосостоянию, иными словами для линейной по благосостоянию функции полезности. Аналогично, оптимальное тюремное наказание максимально из всех возможных, если агенты нейтральны или несклонны к риску по отношению к тюремному наказанию, т.е. для функции полезности линейно или быстрее, чем линейно убывающей по сроку тюремного наказания. Наконец, оптимальные санкции будут ниже максимальных в случае несклонности агентов к риску по отношению к благосостоянию (т.е. функция полезности вогнута по благосостоянию) и склонности к риску по отношению к тюремному заключению (т.е. функция полезности убывает медленнее линейной функции по тюремному заключению).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бентам И. Основные начала гражданского кодекса. - СПб.: Издание "Русской книжной торговли", 1867. Т.1. - 345 с.
2. Беккер Г. Экономика поперечных разрезов // Государство и право. - М.: ИГП АН РФ. - 1995. - №59. - 190 с.
3. Heineke J.M. Economic models of criminal behavior. - Amsterdam: North - Holland, 1978. - 450 p.
4. Ehrlich I. Participation in Illegitimate Activities: A Theoretical and Empirical Investigation // Journal of Political Economy. - Amsterdam: North - Holland. - 1973. - №81. - 165 p.
5. Polinsky A.M. and Shavell S. The economic theory of public enforcement of law. - New York: NBER, 1999. - 500 p.

О ПОНЯТИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

*Нұрмұханбет Данияр Ысқақұлы
к.ю.н., доцент, член РАЮН
Нұртай Асылбек Асқарұлы
Магистрант 2 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

На протяжении последних лет на ситуацию в Республики Казахстан все больше оказывают влияние интеграционные процессы, связанные с развитием международных отношений, в том числе транспортных коммуникаций, расширением культурных, научных и иных связей.

Вместе с тем, в условиях начала нового тысячелетия в РК, данная проблема комплексно не исследовалась. В связи с этим возникла необходимость в изучении незаконной миграции, поиске путей борьбы с данным преступлением. Данная тема приобретает, особенно в последние годы, все большее научно - практическое значение.

В то же время, анализируя правовые основы деятельности мирового сообщества по противодействию незаконной миграции, необходимо вначале обратиться к общему понятию миграции.

Термин миграция происходит от латинского «migratio», «migro» - перехожу, переселяюсь. Поэтому С.И. Ожегов определяет миграцию, как перемещение, переселение, например, населения, внутри страны или из одной страны в другую и т.д. [1].

Демографы определяют миграцию, как процесс перемещения людей через границы тех или иных территорий со сменой навсегда или на время постоянного места жительства либо с регулярным возвращением к нему.

В соответствии с этим понятием, например, М.В. Королева [2], и ряд других исследователей к основным формам миграции относят:

– стационарную (безвозвратную), когда люди переселяются на новое место жительства на постоянной основе, получают прописку, устраиваются на работу и т.д.;

- сезонную, связанную с временным переездом для выполнения конкретных народнохозяйственных задач (различные промыслы: рыбные, старательские и т.п.);
- маятниковую, когда люди совершают ежедневные переезды от места работы к месту жительства и обратно;
- эпизодическую, связанную с временной переменой места жительства на период, зависящий от целей приезда (командировки, туристические поездки, посещения родных и близких, поездки для отдыха и другие личные цели).

Различают внешнюю и внутреннюю миграцию. К внешней относят эмиграцию и иммиграцию, к внутренней - движение внутри страны, региона, населенного пункта, района и т.п.

Существует также классификация миграции по причинам (добровольная и вынужденная) и по типу (внешняя и внутренняя).

Под вынужденной миграцией понимают перемещение людей с целью поиска убежища в другой стране или другом районе своей.

Добровольная миграция - перемещение людей, добровольно покидающих государство своего постоянного проживания и переезжающих на новое место жительства на территорию другого государства.

Внешняя миграция - перемещение людей из РК в другие государства (эмиграция) и из других государств в Казахстан (иммиграция) с целью изменения места постоянного или временного проживания.

Внутренняя миграция - перемещение людей в пределах территории Республики Казахстан с целью постоянного или временного изменения места жительства.

В «Мировой программе по борьбе с незаконной иммиграцией» незаконная иммиграция определяется как «незаконный ввоз иностранных граждан в страну с целью получения прибыли» [3].

На наш взгляд, данное определение слишком узко и не охватывает все формы незаконной иммиграции. К примеру, этим определением не охватывается нелегальный переход государственной границы по политическим, бытовым мотивам, в рамках выполнения задания разведорганов и т.п. Нередки случаи, когда севере корейские граждане нелегально пересекают границу КНР, а затем и РК для последующего выезда в Республику Корея или Японию.

По мнению С.А. Евлановой, представленное определение включает в себя только незаконный ввоз людей в связи с тем, что данный элемент незаконной миграции составляет ее основную долю и во многих странах недостаточно контролируется [4].

Более полно, на наш взгляд, дано определение незаконной миграции в миграционной программе. Согласно данному акту, незаконная миграция - это «въезд в Республику Казахстан, пребывание и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением законодательства Республики Казахстан, регулирующего порядок въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан, а также произвольного изменения ими своего правового положения в период нахождения на территории Республики Казахстан».

Однако и это определение не является полным. По мнению автора, данным понятием должен охватываться и незаконный выезд граждан, поскольку в этой же программе они указаны в качестве субъектов незаконной миграции.

Программа относит к субъектам незаконной миграции эмигрантов неконтролируемых (граждане РК, выезжающие через территории государств - бывших республик СССР в другие иностранные государства), эмигрантов нелегальных (граждане РК, нелегально пересекающие государственную границу РК) и иммигрантов незаконных (иностранцы граждане и лица без гражданства въезжающие по недействительным документам или без документов в РК;

- иностранные граждане и лица без гражданства, объявленная цель въезда которых не соответствует их намерениям; иностранные граждане и лица без гражданства, прибывающие в Казахстан нелегально, в том числе через государства - бывшие республики СССР).

Аналитическими службами КНБ РК в общем потоке незаконных иммигрантов выделяют несколько устойчивых категорий:

Бывшие студенты, проходившие обучение в учебных заведениях СССР, в основном из Афганистана, Ирака» Кубы, Эфиопии». Работавшие на территории бывшего СССР вьетнамцы, китайцы, корейцы и др., у которых истек срок действия межгосударственных соглашений, но они отказываются возвращаться на родину.

Граждане государств - участников СНГ, прибывшие в Казахстан и незаконно использующиеся в качестве рабочей силы.

«Транзитные беженцы», рассчитывающие использовать территорию РК для въезда в развитые страны. В их числе граждане 46 стран [1].

По нашему мнению, в настоящее время также достаточно устойчивой группой, которую на полном основании можно отнести к незаконным иммигрантам, являются граждане КНР, незаконно проникающие на территорию РК, чтобы остаться здесь на постоянное место жительства, или въезжающие в Казахстан легально, но остающиеся на ее территории сверх положенного срока либо занимающиеся незаконной торговлей. Такие факты регулярно приводятся в СМИ со ссылкой на руководителей миграционных подразделений Республики Казахстан либо РК.

На наш взгляд более полным будет следующее определение.

Незаконная (внешняя) миграция - это въезд в определенную страну, пребывание на ее территории и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением законодательства, регулирующего порядок въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан; произвольное изменение ими своего правового положения в период нахождения на ее территории, а также выезд с территории страны ее граждан с нарушением законодательства, регулирующего порядок их выезда.

Достаточно аргументирована точка зрения С.Е. Метелева, который выделяет такое понятие как криминальная миграция. По мнению названного исследователя, криминальная миграция - это социальное, относительно массовое, общественно опасное явление, проявляющееся в территориальном перемещении лиц в целях совершения преступлений, а также перемещение криминальных технологий. Характер криминальной миграции определяет субъективный фактор: стремление совершить преступление, ряд преступлений или осуществлять преступную деятельность на профессиональной постоянной основе. Мотивы таких перемещений могут быть самыми разными, например, корысть, месть, политические соображения, стремление расширить сферы криминального бизнеса, обеспечить собственную безнаказанность при совершении преступлений, наладить организационные связи с преступными формированиями и др. Однако криминальный мигрант сознает, что его постоянная или временная смена места жительства напрямую связана с преступной деятельностью, что он перемещается в пространстве, нарушая уголовно-правовые нормы или с намерением совершить это в скором будущем [5].

Иногда преступники меняют свое место жительства для того, чтобы его не установили компетентные органы или скрываясь от своих сообщников. В этой связи следует согласиться с тем, что данное явление не относится к криминальной миграции по субъективной стороне. По мнению Метелева, не следует относить к криминальной миграции и перемещения людей, связанные с передвижением иностранцев с целью устройства на работу в западных странах - если эти перемещения происходят по воле самих мигрантов и осуществляются самостоятельно. Хотя деятельность лиц, участвующих в нелегальном перемещении иностранных граждан (связанном с незаконным выездом из своей страны и въездом в другую), охватывается понятием криминальной миграции.

На наш взгляд, с этим утверждением нельзя согласиться в полной мере. Вряд ли, к примеру, можно говорить о «некриминальном» нелегальном переходе государственной границы.

Таким образом, незаконная миграция - это всегда незаконное действие. Лицо осознает, что нарушает закон, когда готовится пересекать или пересекает границу, когда отказывается вернуться или самостоятельно меняет свой правовой статус. Однако в одних случаях это нарушение связано с уголовно наказуемым деянием (тогда можно говорить о криминальной

миграции). Например, граждане КНР часто осознанно приезжают в Казахстан, чтобы заниматься здесь незаконной предпринимательской деятельностью, вывозить с нашей территории природные ресурсы, осуществлять преступную деятельность. В других случаях нарушаются иные законы (например, Кодекс об административных правонарушениях).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М: Советская энциклопедия, 1973. С. 392.
2. Криминология, Учебник для вузов / Под общей ред. проф. А.И. Долговой, М.: НОРМА, 2000. С. 709.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССОВ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ МАСШТАБЕ В ЯПОНИИ

Нұрмұханбет Данияр Ысқақұлы
к.ю.н., доцент, член РАЮН
Нұртай Асылбек Асқарұлы
Магистрант 2 года обучения
Специальность «Юриспруденция»

Незаконная миграция является проблемой всего международного сообщества в целом. Многие ученые выделяют три вида правонарушений: международные преступления, уголовные преступления международного характера и другие международные правонарушения - деликты. Хотя четких критериев отнесения каких-либо деяний к числу преступлений международного характера пока не выработано, большинство авторов относят незаконную миграцию к уголовным преступлениям международного характера, наносящим ущерб экономическому, социальному и культурному развитию государств [1].

Перевозка незаконных мигрантов стала глобальным бизнесом, приносящим огромные доходы организованным преступным синдикатам, являясь для многих преступных организаций таким же видом деятельности, как и контрабанда наркотиков, автомобилей, оружия. Согласно данным находящегося в Вене Международного центра по развитию Миграционной политики, ежегодная мировая прибыль криминального сектора в этой сфере деятельности достигает от 5 до 7 миллиардов, а в некоторые годы и до 9,5 миллиардов долларов. Транснациональные преступные сообщества ежегодно незаконно вывозят более миллиона человек нелегальных мигрантов [2].

В статье «Кто остановит незаконную миграцию?» В.С. Носатов указывает на то, что в незаконной миграции задействованы три группы стран: страны исхода, страны транзита и страны назначения. К странам исхода он относит государства Азии и Африки, а также ряд южных республик СНГ и Закавказья. К странам транзита - государства СНГ, Центральной и Восточной Европы. К странам назначения - государства Западной Европы, Скандинавии, США, Канаду. По нашему мнению, к этой группе можно отнести и такие страны АТР, как Япония, Республика Корея, Австралия [3].

По мнению В.С. Носатова, страны исхода заинтересованы в большинстве случаев в том, чтобы их граждане оседали на Западе, Это дает им возможность частично решить свои социально-экономические проблемы за счет более развитых западных стран, создавать там места с компактным проживанием своих граждан и, таким образом, влиять на проводимую странами Запада политику [4].

Страны транзита (к которым он относит и Казахстан) принимают меры, в первую очередь, по недопущению незаконного въезда на свою территорию. Борьба с теми, кто незаконно выезжает из стран транзита - это деятельность, которая практически не только не приносит выгоды, но и требует значительных затрат.

Страны назначения, как правило, предпочитают бороться с незаконной миграцией в государствах исхода и транзита, а также по маршруту движения незаконных мигрантов от одной страны транзита к другой, способствуя задержанию их и переправке обратно на родину. При этом иммиграционные службы США, стран Западной Европы и Скандинавии постоянно ужесточают порядок въезда и пребывания в своих странах граждан Азии и Африки. В РК же подобных ограничений пока не производится. Поэтому незаконные мигранты и те, кто делает на них свой криминальный бизнес» рассматривают ее территорию как плацдарм для осуществления своих целей [5].

Следует отметить, что в некоторых случаях незаконная миграция может быть выгодна странам назначения из экономических соображений. Так, например, Европа нуждается в тайной иммиграции, поскольку рестораны, пиццерии, прачечные, химчистки, больницы и другие коммунальные учреждения не могут обойтись без нелегального труда иммигрантов из Азии, Африки и Восточной Европы.

На состояние незаконной миграции в РК, значительное влияние оказывает ситуация в области незаконной миграции, сложившаяся в Средне - Азиатском регионе. На региональном международном совещании в апреле 2004 г., в Алматы, посвященном проблемам борьбы с организованной преступностью в АТР, представители правоохранительных органов США, Японии, Республики Корея и РК констатировали значительное увеличение числа незаконных иммигрантов и, прежде всего из Китая.

В этой связи, на наш взгляд, важное значение имеет анализ данных по некоторым странам, имеющим доминирующее значение в этом регионе: Японии, Республике Корея, США и Австралии.

Состояние незаконной миграции в Японии.

По сведениям Министерства юстиции Японии, количество нелегально прибывающих в эту страну иностранцев в последние годы резко растет. Происходит интернационализация деятельности организованной преступности Японии, которая расширяет свои операции в другие страны. Кроме контрабанды оружия, наркотиков, и вклада своих средств в собственность за границей, они действуют в качестве брокеров, содействуя незаконному въезду в Японию. По данным Государственного Полицейского Управления Японии расширяется деятельность международной контрабандистской организации «Змеиная Голова» по организации нелегальных переходов границы. Причем данная организация занимается подготовкой незаконного пересечения границы не только с использованием поддельных паспортов, но и с настоящими японскими паспортами, полученными гражданами для въезда в Японию незаконно [6].

По оценкам Министерства юстиции, количество нелегально находившихся в Японии иностранцев, составлявшее по состоянию на 1 июля 1990 года 106 497 человек, резко выросло в 1991 и 1992 годах, достигнув к январю 1993 года пика - 298 646 человек. Хотя с тех пор эта цифра немного уменьшилась, все же число нелегально пребывающих в Японии иностранцев по состоянию на 1 января 1997 года составило 282 986 человек, а на январь 2000 года примерно 2 516 971.

Анализ данных свидетельствует о медленном, но постоянном росте количества незаконных мигрантов из Южной Кореи, Китая, Филиппин, Тайваня. Характерно, что значительное количество из числа незаконно находящихся иностранцев в Японии составляют выходцы из Таиланда, Китая, Ирана, Пакистана, то есть из государств, относящимся к странам производителей наркотико содержащих веществ. При этом по оценкам японских экспертов, правоохранительные органы задерживают лишь 10% незаконных китайских иммигрантов. На их долю только в 1996 году пришлось 41% всех совершенных иностранными гражданами преступлений. Около 500 млн., иен ежегодно «якудза» получает от продажи наркотиков и возбуждающих средств, большая часть которых производится на Тайване и в Южной Корея, в лабораториях, принадлежащих японцам [7].

Большинство из нелегально пребывающих иностранцев, согласно материалам Государственного полицейского управления, работают нелегально. При этом более 60% преступлений, совершенных иностранцами в Японии, совершены нелегально пребывающими иностранцами, причем наблюдается увеличение числа преступлений, совершаемых ими органи-

зованно и систематически.

Среди них можно отметить следующие:

Подделка документов для фальсификации личных дел и другие нарушения, совершенные иностранцами.

В 1996 году, как и в предыдущем, было множество случаев подделки документов для того, чтобы въехать в Японию и легализовать свое пребывание в ней. Всего было обнаружено 199 случаев незаконного въезда с использованием поддельных паспортов. Из них 125 случаев относятся к китайцам, 33 к филиппинцам и 13 - иранцам. По существующей статистике растет количество фактов подделки иностранцами печатей, необходимых для получения официального разрешения на пребывание в Японии, а также количество фактов незаконного получения официальных разрешений на пребывание и работу в Японии в качестве супругов японцев путем заключения брака по расчету.

После 1990 г., резко увеличилось число иностранцев, попавших в прокуратуру за нарушение закона об иммиграционном контроле. Но к 1999 г. этот показатель снизился, достигнув отметки 9391. Что касается нарушения закона о регистрации иностранцев, то число таких нарушений в основном постоянной, начиная с 1991 г., колеблется от 200 до 302.

Массовые нелегальные переходы границы для противоправного получения работы.

В 1996 году полиция и Морское Управление безопасности на море (УБМ) Японии раскрыли 29 преступлений, связанных с массовыми незаконными пересечениями границы, произведя 679 арестов. Эти цифры отражают увеличение числа преступлений на 16, а количества арестованных - на 355 по сравнению с предшествующим годом. При этом предотвращен 21 массовый нелегальный переход границы гражданами КНР. Увеличилось количество случаев групповой нелегальной доставки иммигрантов в Японию, особенно из Китая, с участием контрабандистов из таких группировок, как «змеиная голова». Число лиц, задержанных полицией и УБМ Японии, возросло с 324 в 1990 г. до 1360 в 1997 г. Хотя в 1999 г. число задержанных снизилось до 770 человек.

Преступления, связанные с наймом на работу.

Поток иностранцев, въезжающих в страну для получения работы, достаточно многочислен. Часто агенты по найму неправомерно получают прибыль, выступая посредниками между иностранными работниками и работодателями, многие из которых заставляют низкооплачиваемых работников выполнять самую тяжелую работу. Видимо поэтому полиция усиливает контроль над агентами по найму и недобросовестными наймодателями. Только в 1996 году полиция арестовала 72 агента по найму (на 10,8% больше, чем в предыдущем году). В большинстве своем они являлись иностранцами. Число лиц, попавших в прокуратуру за незаконное трудоустройство иностранцев, возросло с 556 в 1998 г. до 583 в 1999 г.

Преступления, связанные с контрабандой оружия. Одним из преступлений, связанных с деятельностью мигрантов, является контрабанда оружия. В 1996 году количество стволов фабричного оружия, захваченного полицией, составило 1400. Большинство - иностранного производства, что доказывает факт их контрабандного ввоза из-за рубежа. Исходя из анализа ранее раскрытых случаев контрабанды и путей, по которым поступает контрабандное оружие, конфискуемое в Японии, можно предположить, что значительная часть этого фабричного оружия ввозится преступными синдикатами.

Преступления, связанные с контрабандой наркотиков.

Большинство применяемых в Японии наркотиков были ввезены контрабандным путем из других стран. В 1996 году отмечено 59 случаев конфискации крупных партий наркотиков (партии по 1 кг и более кокаина за один раз). В тридцати одном случае наркотики захватывались прямо у кромки воды или возле точек их поступления в Японию. В числе наиболее характерных примеров: захват 528 кг стимулирующих средств из Китая и около 52,5 кг смолы конопли из Непала.

Таким образом, незаконная миграция способствует росту количества уголовных преступлений, совершенных как иностранцами на территории Японии, так и против них. Доля иностранных нарушителей уголовного кодекса Японии с 2,5% в 1980 г. возросла до 4% в 1993 г. После непродолжительного снижения эта доля достигла 3,4% в 2004 г., что на 0,2% выше показателя 2003 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М: Советская энциклопедия, 1973. С. 392.
2. Криминология, Учебник для вузов / Под общей ред. проф. А.И. Долговой, М.: НОРМА, 2000. С. 709.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНИКА ОСУЖДЕННОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Нурмуханбет Данияр Ысқақұлы
к.ю.н., доцент, член РАЮН
Умурзаков Аскар Оразбекович
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»

Преступность - это отнюдь не новое юридическое понятие. Вместе с тем его суть с выявлением все новых аспектов постигается до сих пор. Это связано с тем, что преступность представляет собой сложное социоявление, которое требует новых подходов к своему изучению. С одной стороны, это естественно, поскольку познание также бесконечно, как бесконечен мир. С другой стороны, указанное обстоятельство обусловлено целью выработки более полного и эффективного комплекса предупредительных мер, направленных на борьбу с преступностью, а также целью выявления и обращения всего общественного потенциала на борьбу с «всемирным злом».

Проблеме определения преступности посвящено внушительное множество научных работ. Сегодня имеется несколько научно признанных подходов к пониманию преступности. Содержание этого понятия различается в основном в зависимости от позиции конкретного исследователя и от господствующей концепции той или иной научной школы.

При этом думается, преступность является не столько предметом научных дискуссий, сколько предметом для бесконечного его познания и исследования. Как правило, результаты последующих научных изысканий дополняют предыдущие разработки. С одной стороны, все изначально существующие специальные теории по изучению преступности отличались неполнотой, а с другой стороны, односторонность определения преступности присуща большинству внеправовых концепций. Так, например, в словарях общенаучной направленности, словарях русского языка пояснения понятия преступности преимущественно сводятся к «наличию, количеству преступлений» [1]. Безусловно, с точки зрения криминологов такая интерпретация некорректна.

Как точно указывается А.И. Долговой, явление преступности настолько сложно и многоаспектно, что всегда существовали большие трудности с его кратким определением [2]. Поскольку преступность является структурно сложным явлением, не представляется возможным рассматривать его с какой-то одной стороны, что ранее допускалось отдельными учеными, чаще всего криминологами зарубежных стран [3].

Существует более 40 определений различного характера аспектов преступности. Особый интерес вызывает цитата о том, что «преступление и насилие» составляют «часть современной культуры» [4].

Такая разносторонняя «палитра» (психологическая, антропологическая, теологическая, биологическая, социологическая и пр.) дефиниций преступности включает в себя как развернутые ее формулировки, так и предельно краткие трактовки. Наиболее распространенные криминологические воззрения можно сгруппировать следующим образом.

Ряд ученых исследуют феномен преступности преимущественно как негативное социальное явление.

Другие предпочитают уточнять понятие преступности через разновидность социальной дисфункции.

Третьи рассматривают преступность одновременно и как антисоциальное, и как уголовно-правовое явление (социально-правовое явление). Такое определение преступности разделяет большинство отечественных и зарубежных криминологов. Примечательно, что многие из них в своей дальнейшей научной деятельности дополняют свою позицию структурно-системным анализом этого феномена.

Четвертые предпочитают системный подход к определению преступности.

В конце 70 - 80 - х гг. в криминологии упрочилось положение, согласно которому преступность представляет собой целостное, структурно-системное образование.

Для расширения целостного представления об изучаемом объекте и для получения нового знания о преступности можно прибегнуть к ее характеристике в аспекте культуры общества. Основываясь на понимании преступности как системном образовании, следует подчеркнуть ее органическую включенность в социум, где она имеет определенное место. Бесспорно, положение преступности социально и культурно регрессивно. В этой связи, высказываемые в литературе мнения о «полезности» преступности не представляются обоснованными. Одним из общепризнанных признаков преступности является ее общественная опасность и социальная вредность.

Вместе с тем следует помнить, что преступность в социокультурной системе отличает признак уголовной противоправности. По этому поводу вряд ли можно согласиться с мнением некоторых американских криминологов, которые уголовную противоправность рассматривали «как искусственный критерий», полагая, что главным признаком является причинение вреда обществу. Такой расширительный подход к толкованию преступности, думается, не оправдан, более того - это чревато произвольным применением статуса «преступник» и расплывчатой границей между «преступным» и «непреступным (законопослушным)» человеческим поведением.

Предлагаемый подход в исследовании преступности находится на стыке двух наук: культурологии и криминологии. Поскольку криминология в большей мере представляет собой учение о преступности, то предполагаемый метод изучения данного социального феномена можно условно назвать культурологическим. Происходящие в культурологической и криминологической научной мысли изменения позволяют охарактеризовать преступность в контексте культуры. Употребление слова «контекст» (в переводе с латинского языка - «связь», «соединение») подчеркивает, что преступность рассматривается не изолированно, а в связи с культурой, которая сопутствует и окружает ее.

Культурологический подход к определению преступности в большей мере берет свое начало с социологического направления в понимании данного явления (родоначальники: Ферри, Дюркгейм, Сатерленд), поскольку преступность - это явление социальное по своей природе, существующее к тому же в обществе, которая в свою очередь имеет определенный уровень культуры. Исходя из этого, раскрытие сути преступности посредством понятийного аппарата культурологии должно обеспечить более глубокое осмысление этого явления на современном этапе общественного развития.

На основании вышеизложенного можно констатировать факт определенного взаимодействия анализируемых сосуществующих в обществе явлений, казалось бы, на первый взгляд, - несовместимых, культуры и преступности. Поэтому их связь не следует расценивать как субъективно - оценочное суждение диссертанта.

Данная связь характеризуется многообразием проявлений: а) единством и общностью; б) совокупностью различий; в) определенным взаимодействием.

Во-первых, рассматривая соотношение понятий культуры и преступности, прежде всего, следует остановиться на выяснении их основных общих черт.

История познания сути указанных терминов свидетельствует о том, что и культура, и преступность - это продукты общества, явления социальные по своему характеру. Они сосуществуют внутри социума и опосредованы жизнедеятельностью его членов. Следовательно, у них совпадают источники их возникновения, каковыми являются представители общества. Также как и субъектами культуры, субъектами преступности являются люди.

Принято считать, что человек есть творец культуры, которая передается из поколения в поколение как социальное наследие. В то же время с появлением общества и построени-

ем государства возникает и преступность.

Общество без культуры как чрезвычайно позитивного его явления, с одной стороны, нежелательно, с другой стороны, и немислимо, поскольку общество без культуры вероятнее всего стало бы толпой лишенных разума индивидов. Одновременно с этим известно, что преступность как негативное общественное явление была, есть и будет «вечным спутником» человечества.

Приведенный выше анализ культурологической и правовой литературы показывает, что культура и преступность представляют собой сложные социальные явления. Специалистами отмечается их системно - структурная сложность, которая выражается преимущественно в многоэлементных описательных определениях.

Единство множественности теоретических дефиниций культуры и преступности обусловлено их многообразным проявлением в жизни. Как и культура, обозначенная суммой различных видов деятельности, системой сложившихся в обществе отношений, так и преступность отличаются многообразием своих форм и видов, равно как и множеством различных проявлений последних.

Также в качестве общей черты культуры и преступности можно отметить их диалектическое единство. Они являются результатом человеческой деятельности, значит, их характеристика относится к статичному положению явлений. Культура выступает достигнутым в обществе уровнем накопления духовных ценностей. Преступность показывает интенсивность и глубину нарушений культурных норм, подкрепляемых уголовно-правовыми запретами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М: Советская энциклопедия, 1973. С. 392.
2. Криминология, Учебник для вузов / Под общей ред. проф. А.И. Долговой, М.: НОРМА, 2000. С. 709.

СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА И СТРУКТУРА КСЕНОФОБИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Нұрмұханбет Данияр Ысқақұлы
к.ю.н., доцент, член РАЮН
Рахметов Алтай Олжабаевич
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Преступления ненависти с каждым годом кроме постоянной динамики к росту приобретают и иные криминологические характеристики. Так преступления данной категории - националистической ненависти приобретают более жестокий характер, становясь при этом все чаще не просто противоправным действием одного лица, а, как правило, группы лиц определенной этнической идентичности по отношению к иноэтничным лицам.

В связи с тем, что отсутствуют полные данные по состоянию преступлений по мотиву ненависти, можно, опираясь на отдельные сведения МВД РК, материалы из интернета, а также отдельные источники.

Мы подчеркиваем, что это лишь те убийства, которые, во-первых, отражены в СМИ, а во-вторых, не вызывают сомнений в мотивации преступления. Как правило, подобные преступления имеют характерные признаки: на людей «неславянской внешности» на улице нападает группа молодых людей, как правило, более пяти человек. Жертв избивают ногами, бейсбольными битами, а если нападающих меньше пяти, обычно используют ножи. При этом свидетели утверждают, что преступники выкрикивают националистические лозунги. Под эти признаки не подпадают (как правило, из-за отсутствия свидетелей) еще как минимум 10 убийств, которые с большой долей вероятности также можно отнести к совершенным

на почве расовой ненависти.

Чаще всего убийства по мотивам ненависти или вражды совершаются группой лиц, по предварительному сговору, состоящей из трех, чуть реже двух человек, в одиночку данные преступления совершаются крайне редко, поскольку совершаются группой националистки настроенных лиц. В основной своей массе заканчивается одним эпизодом, реже двумя-тремя, очень редко иное количество эпизодов. Рассматривая месяцы совершения преступления, мы получили следующие результаты - весной совершаются 24%, летом 15%, осенью 22%, зимой 39%. На летнее время приходится наименьшее количество преступлений, поскольку большинство преступников, в силу возраста проживает с родителями и те имеют больше возможности контролировать своих детей, так же потенциальных преступников отправляют на дачи или куда-нибудь еще отдохнуть. Зимой же происходит резкое увеличение данных преступлений по причине увеличения свободного и неконтролируемого времени у учащихся и увеличением темного времени суток. В период сессии у студентов, так же зимние каникулы у школьников и новогодние праздники, число анализируемых нападений возрастает.

По времени суток данные преступления совершаются утром (6 - 12) 6%, днем (12 - 18) 15%, вечером (18 - 24) 66%, ночью (24 - 6) 13%. В связи с учебной деятельностью преступников днем и ночью они редко нападают на жертв, поскольку жертвами становятся в основном молодые люди, которые в остальной период времени находятся на работе, либо учебе. Вечером же преступники имеют больше возможностей собраться вместе, найти жертву и совершить нападение.

Преступления чаще доводятся до конца в связи с внезапностью нападения и количеством нападающих лиц. Покушения встречаются редко и лишь в тех случаях, когда жертва сумела дать отпор преступникам, либо преступники думали, что жертва мертва. Данные преступления совершаются на улицах города, либо во дворах домов, в связи с тем, что с жертвой преступники обычно не знакомы и встреча с ней случайна, а также с тем, что данные лица «прогуливаются» в поиске своей жертвы.

Самый распространенный способ нападения: нанесение колото-резаных повреждений, часто сопровождаемые избиением (нанесение ударов, в том числе разными предметами), использование в качестве орудия преступления в абсолютном большинстве заранее приготовленных колюще-режущих предметов. Данные орудия легко приобрести. Редко используются заранее приготовленное огнестрельное оружие в связи с его труднодоступностью, а также случайные (подобранные на месте преступления) предметы, такие как прут, палка, осколок бутылки; но чаще орудия преступления готовятся заранее.

Факт задержания происходит в основном в течение трех месяцев, реже встречается более длительный срок.

В большинстве случаев преступники не останавливаются на одной жертве и через некоторое время повторяют нападения, доводя количество жертв до трех, в некоторых случаях количество жертв более высоко. Известна группа, совершившая 27 нападений.

Абсолютное большинство жертв мужчины неславянской внешности, приехавшие на работу в нашу страну, либо студенты аналогичной внешности.

Жертвами в основном становятся лица в возрасте от 18 до 25 лет, лица в возрасте 26-30 и 31-35 становятся жертвами реже. Преступники не знакомы с жертвой, встреча с которой всегда случайна, причем жертва своим поведением никогда не провоцирует преступников.

В случае покушения вред практически всегда тяжкий, в связи с количеством преступников и тем, что зачастую преступники используют в качестве орудия совершения преступления заранее приготовленные предметы.

За совершение рассмотренных преступлений суды приговаривают в большинстве случаев к срокам от 7 до 10 лет, чуть реже от 10 до 15 и от 15 до 20 лет. Редко осуждают на срок свыше 20 лет и пожизненно. Основная часть осужденных, за данные преступления, направляется в колонии строгого и общего режима. К отбыванию наказания в колонии особого режима приговаривают редко.

Осужденные физически здоровы, соматическими заболеваниями, такими как туберкулез легких, сахарный диабет, язвенная болезнь никто из них не страдает, что и не удивительно, поскольку зачастую преступники следят за своей физической подготовкой. Это харак-

терно для националистических группировок, куда набирают определенных «волков», поскольку распространяют идеологию «очистки».

Иногда суд принимает решение о необходимости принудительных мер медицинского характера для улучшения психического здоровья осужденных.

Рассмотрим преступления ненависти за рубежом. В США в 1990 г. был принят закон (The Hate Crime Statistics Act), обязывающий Генерального прокурора собирать статистические данные о преступлениях ненависти по всем штатам и публиковать ежегодные отчеты. Обязанность по подготовке отчетов была возложена на отдел ФБР, занимающийся статистикой преступности.

Изначально в отчет попадали преступления, совершенные по мотивам расовой, религиозной, этнической ненависти, неприязни в связи с сексуальной ориентацией.

Позднее (в 1994 г.) этот список был дополнен преступлениями на почве ненависти к инвалидам. По данным ФБР в 2006 г. было зарегистрировано 9080 преступлений ненависти, из которых 4737 были обусловлены расовой ненавистью, 1597 - религиозной, 1415 - сексуальной ориентацией жертвы, 1233 - этнической принадлежностью, 94 - инвалидностью. Большая часть совершенных преступлений представляла собой угрозы насилием (2508), нападения (2915), уничтожения имущества и вандализм (2911). В целом, преступления против личности составили 60%, против собственности - 39,6%. Большую часть правонарушений совершили представители белой расы (4293).

В 2008 г. в США было зарегистрировано 9168 преступлений ненависти, из которых 3992 были обусловлены расовой ненавистью (716 - в отношении белых), 1597 - религиозной, 1415 - сексуальной ориентацией жертвы, 1233 - этнической принадлежностью, 94 - инвалидностью. Большая часть совершенных преступлений представляла собой преступления против личности (4490), включая убийства (7), угрозы насилия (1503), нападения (2178); преступления против собственности (3608), включая уничтожение имущества и вандализм (2970). Большая часть правонарушителей - представители белой расы (4229).

В Великобритании статистические отчеты о преступлениях ненависти являются составной частью ежегодного отчета Министерства внутренних дел о преступности. С конца 1980-х гг. количество преступлений, совершенных на почве расовой ненависти, увеличилось в Великобритании в несколько раз - с 4383 случаев в 1988 г. до 40 - 60 тысяч (в соответствии с разными источниками) ежегодно в 2000 - е годы. В 2006 / 07 гг. британская полиция зарегистрировала 5619 преступлений ненависти, в результате которых жертвам были причинены телесные повреждения, 4350 преступлений, в результате которых телесных повреждений не было, 28 485 случаев агрессии, оскорблений по отношению к представителям определенных расовых или религиозных групп.

В Германии в 2001 г. было зарегистрировано 5456 случаев преступлений ненависти, в дальнейшем эта цифра снизилась: в 2003 г. было зарегистрировано 4300 таких преступлений, в 2004 - 4500, в 2006 - 5367, в 2007 - 4793, в 2008 - 4759. Ежегодно регистрируется порядка 600 случаев насильственных преступлений, совершенных на почве ненависти. Большая часть правонарушителей (91,6%) разделяют праворадикальные взгляды. Около 2 / 3 преступлений совершается на почве ксенофобии, далее следуют преступления на почве расовой ненависти и антисемитизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М: Советская энциклопедия, 1973. С. 392.
2. Криминология, Учебник для вузов / Под общей ред. проф. А.И. Долговой, М.: НОРМА, 2000. С. 709.

СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ УБИЙСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ ЖЕНЩИНАМИ

*Сарсенбаева Г.М. - магистрант
Кокшетауского университета им. Абая Мырзахметова*

В рамках осуществления специального предупреждения убийств, совершаемых женщинами, важная роль принадлежит подразделениям уголовного розыска, которые занимаются как предупреждением убийств, так и их раскрытием. Причем практическая работа этими подразделениями проводится, главным образом, в процессе оперативно-розыскной деятельности, в ходе которой широко применяются специфические средства и методы, используемые для выявления лиц, подготавливающих совершение преступлений, а также склонение их к отказу от совершения преступлений или явке с повинной.

Следует отметить, что последнее мало применимо к женщинам и в практической деятельности встречается крайне редко, поскольку, женщины в силу своих психических особенностей и современного состояния нравственности склонны к оправданию своих поступков и настойчивости в отрицании даже очевидных доказательств совершения преступления.

Одной из форм предотвращения убийств, совершаемых женщинами, является склонение лица к добровольному отказу от совершения преступного деяния. Организационно-тактическими приемами склонения женщины от умышленного причинения смерти другому человеку являются системы воздействия через лиц, которые имеют положительное влияние на профилируемую, значимы для нее. Учитывая, что женщины в отличие от мужчин придают большее значение тому, что о них думают окружающие, особенно близкие люди, данная форма профилактики может быть весьма эффективной. При этом нельзя забывать, что в этом случае речь идет о тех лицах женского пола, которые заранее планируют совершить убийство, осуществляя в течение определенного времени подготовку к нему.

Однако как показало наше исследование, большинство женщин совершили убийство в результате внезапно возникшего умысла. Поэтому приведенная форма профилактики в этих случаях невозможна. Вследствие этого целесообразным будет большое значение придавать выявлению женщин, склонных к пьянству, употреблению наркотиков, бродяг, попрошаек, состоящих на учете у врача психиатра и проявляющих внутрисемейную агрессию, занимающихся проституцией, то есть таких категорий женщин, которые склонны к совершению насильственных правонарушений и проведению с ними профилактической работы.

Существенную роль в этом направлении, наряду с работниками уголовного розыска, должны играть участковые инспектора полиции, для чего необходимо отлаженное взаимодействие этих служб для обмена информацией и проведения совместных профилактических мероприятий.

Объектом массированного профилактического воздействия должны быть семья и семейное воспитание. Однако вопрос осуществления контроля за поведением, конфликтными ситуациями, особенно во внутрисемейных отношениях, всегда был достаточно сложным. Главная проблема здесь состоит в том, что ненадлежащие отношения в семье с трудом поддаются внешнему социальному контролю, поскольку явления, которые могут привести к совершению убийств на бытовой почве, зачастую порождаются скрытыми, интимными отношениями в семье, обнаружение которых связано с вмешательством в частную жизнь.

Представляется, что не следует останавливаться перед этим, если, например, создается нетерпимая обстановка для детей в результате пьянства родителей или жестокого обращения с детьми. Как показало проведенное нами исследование, именно обстановка семейного неблагополучия в ряде случаев склоняла будущих убийц женского пола вначале к антиобщественным поступкам (побегам из дома, бродяжничеству и воровству как средству существования, пьянству, половой распущенности), а затем выступила в качестве детерминирующего фактора убийства.

В этих условиях от специальных субъектов предупреждения преступлений, работающих с семьей, требуется умение в сложных условиях эмоционально окрашенной ситуации, выбрать оптимальную линию реагирования на конфликт и преступление. Безусловно, преду-

прежде всего большинства семейных конфликтов, в силу сложности взаимоотношений между их участниками и интимности данной сферы человеческих отношений требует определенных навыков педагогического и психологического характера, глубокого понимания причин конфликтов.

Учитывая изложенное и проведенное исследование, мы поддерживаем создание в системе органов внутренних дел Казахстана специальной службы по профилактике семейно-бытовых конфликтов [1].

Одним из направлений этих подразделений, по нашему мнению, должна быть профилактическая деятельность по оздоровлению обстановки в семье, осуществляемая в следующей последовательности:

- выявление неблагополучных семей;
- диагностика семейного неблагополучия;
- осуществление профилактических мероприятий по нормализации микроклимата в семье;
- принятие административных и уголовно - правовых мер воздействия на родителей, злостно нарушающих обязанности по воспитанию детей.

Следует помнить, что выявление семей, где не обеспечивается должное воспитание или отсутствуют надлежащие условия жизни, и развития несовершеннолетних женского пола представляет собой трудоемкий процесс сбора и анализа различной по содержанию информации из многочисленных источников.

Говоря о специальном предупреждении убийств, совершаемых женщинами с психическими расстройствами, необходимо затронуть такую проблему как устранение причин, возникающих еще до рождения человека и могущих предрасположить лицо к совершению правонарушений. Здесь большое значение имеет алкоголизм родителей, так как у алкоголиков часто рождаются дети с органическим поражением головного мозга, нарушениями центральной нервной и эндокринной системы, которые существенно сказываются на развитии психики.

Профилактика алкоголизма, охрана здоровья беременных, предупреждение травм головы, различных инфекционных заболеваний, особенно в раннем детском возрасте, – важнейшие условия сверххранного предупреждения преступлений лиц с патопсихологическими особенностями. Большое значение имеют и медико-генетические консультации при вступлении в брак, особенно лиц, имеющих психические аномалии [2].

Основа предупреждения убийств со стороны лиц женского пола с аномалиями психики – мероприятия медико-социального характера. Практика показывает, что профилактика преступного поведения лиц с отклоняющейся психикой невозможна, если не будет оказываться качественная психиатрическая помощь тем, кто в ней нуждается [3].

Прогнозирование индивидуального преступного поведения является основой планирования мер индивидуальной профилактики. Данное планирование призвано упорядочить сложный и многогранный процесс профилактического воздействия, сделать его целеустремленным, определить наиболее рациональные пути профилактической работы с лицами женского пола, совершившими убийства, обеспечить выбор необходимых тактических методов и приемов [4].

Целесообразно заметить, что до 90 - х годов XX столетия в нашей стране раннее индивидуальное предупреждение преступлений, в том числе и убийств, совершаемых женщинами, осуществлялось по двум направлениям: во-первых, многочисленными общественными организациями по месту жительства, учебы и в трудовых коллективах, и, во-вторых, территориальными подразделениями органов внутренних дел. Однако впоследствии первое направление практически стало бездействовать, основной груз этой работы лег на подразделения полиции.

Итак, эффективность специально-криминологического предупреждения убийств, совершаемых женщинами, зависит от действенности субъектов предупреждения преступлений на общем и индивидуальном уровнях. Общее предупреждение – это деятельность, направленная на выявление и устранение объективных внешних причин, порождающих преступления, и условий, способствующих их совершению. Она реализуется при активном использо-

вании социальных, экономических, политических, правовых и других антикриминогенных факторов; носит неперсонифицированный характер. Индивидуальное предупреждение убийств, совершаемых женщинами, представляет собой сложный вид деятельности, поскольку она всегда связана с конкретным человеком, его индивидуальной неповторимостью, со спецификой только им прожитой жизни и только ему присущего жизненного опыта.

Поэтому, оценивая ее результативность, необходимо учитывать, что, во-первых, эффективность индивидуального предупреждения достигается за счет применения не одной отдельно взятой меры, а целого их комплекса; во-вторых, результат индивидуального предупреждения при одних и тех же формах и методах существенно изменяется в зависимости от степени криминогенности каждого из трех основных детерминантов преступного поведения – личности, микросреды и конкретной ситуации; в-третьих, интенсивность мер индивидуального предупреждения находится в прямой зависимости от степени проявления названных криминогенных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Г.А. Криминология. - М.: Юрид. лит, 1984. - С. 411.
2. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. - М.: Госюриздат, 1980. - С. 460.
3. Пенитанциарные системы зарубежных стран / Сост. В.И. Гуржий, М.П. Мелентьев. - Киев, 1993. - 104 с.
4. Концептуальные основы развития государственной системы социальной профилактики правонарушений и предупреждения преступлений / Под общ. ред. А.Ф. Майдыкова. - М., 1998. - С. 84.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

*Теміржанов А.Х. - магистрант группы «Ю-11», кафедры «Юриспруденции»
Научный руководитель: Жолумбаев М.К. - к.ю.н.*

Как многогранное явление предупреждение преступности включает в себя различного рода мероприятия. Речь идет не только об общесоциальных мерах, но и специально-криминологических. Безусловно, последние базируются на общесоциальных мерах. Однако им присуща и своя специфика. Она выражается в содержании принимаемых мер, в субъектах их реализации, в объекте воздействия. Так, например, специальное предупреждение преступности осуществляется путем воздействия на социальные группы, отдельных лиц и организации или сферы деятельности, в отношении которых есть основания полагать, что они обладают повышенной криминогенностью или виктимностью. Кроме того, особенность специально - криминологических мер предупреждения сельской преступности выражается и через целевую составляющую. Иными словами, указанные меры осуществляются целенаправленно в интересах предупреждения преступности именно в сельской местности. Оговоримся, что в криминологической науке в настоящее время не сложилось унифицированного, универсального понимания сущности специально-криминологического предупреждения. Это закономерно обуславливает определенные трудности не только в разработке названных мер, но и прогнозировании их эффективности. Рассмотрим некоторые научные подходы к исследуемой категории и сформулируем авторское определение специально-криминологического предупреждения преступности в сельской местности. Одна группа ученых, в числе которых А.Э. Жалинский, под специальным предупреждением понимает деятельность, которая направлена на устранение причин совершения преступлений и условий, им способствующих [1]. Названная дефиниция, на наш взгляд, несколько дискуссионна.

Во-первых, она не в полной мере отражает субъектную характеристику, т.е. не называются субъекты специально-криминологического предупреждения.

Во-вторых, содержание объекта воздействия несколько сужено. Так, речь идет лишь о причинах совершения преступлений и условиях, им способствующих, не просматривается четко направленность воздействия на «потенциальных преступников» и «потенциальных жертв преступлений», то есть виктимологическая профилактика. Иная группа авторов (М.Н. Голоднюк, В.И. Зубкова) считает, что специальное предупреждение включает меры, направленные исключительно на нейтрализацию криминогенных факторов, исправление лиц, могущих совершить или уже совершивших преступления [2].

Третья группа, например, М.Д. Шаргородский, определяют специальное предупреждение как деятельность специальных органов борьбы с преступностью, обеспечивающих превентивные меры в отношении совершения конкретных преступлений [3]. Таким образом, подходы к специально-криминологическому предупреждению преступности, а, соответственно, и преступности в сельской местности весьма дискуссионны. Это обуславливает острую потребность, по возможности, максимально полного и всестороннего отражения сущности и содержания названной категории в его определении. Справедливо замечает Г.М. Миньковский, что специальное предупреждение отличается от «мероприятий общесоциального уровня своим специальным предназначением и целенаправленностью: решение профилактических задач составляет все их содержание» [4]. Иные ученые, например А.Б. Сахаров, в своих работах рассматривают специально-криминологическое предупреждение как особый уровень предупреждения преступлений, отличный от общесоциального предупреждения предназначением для устранения конкретных криминогенных факторов [5]. Особую позицию по этому поводу высказал А.Э. Жалинский, который считает, что «специально-криминологическое предупреждение называется специальным не только потому, что специально направлено на достижение определенных целей, но и потому, что требует специальных и даже профессиональных знаний». Названная позиция нам импонирует, поскольку затрагивает специфику субъектов специально-криминологической деятельности, подчеркивая необходимость наличия специальных, профессиональных знаний для реализации предупредительных мероприятий. Поэтому считаем вполне уместной позицию Д.Е. Ваничкина, в том, что такой подход в наибольшей степени отвечает интересам практики, поскольку позволяет реализовывать профилактические функции органов внутренних дел в неразрывном единстве с их охранительными и оперативно-розыскными функциями.

Исходя из посылок соотношения общесоциального и специально-криминологического предупреждения преступности, особенностей последнего, в криминологической науке все же предпринимаются попытки разработки дефиниции, которая максимально отражала бы все сущностные и содержательные стороны специально-криминологического предупреждения преступности. В частности, Д.Е. Виничкин полагает, что специально-криминологическое предупреждение преступлений - это деятельность специальных государственных и негосударственных органов, а также их представителей в целях выявления и устранения детерминант преступлений, оказания позитивного корректирующего воздействия на лиц с криминально ориентированным поведением, предотвращения замышляемых и подготавливаемых, а также пресечения начатых и длящихся преступлений. Одновременно с этим автор конкретизирует предлагаемое понятие относительно специфики функционирования органов внутренних дел, обозначая его как вид деятельности органов внутренних дел, их сотрудников, осуществляемой в пределах их компетенции, по выявлению, нейтрализации и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, позитивному профилактическому воздействию на лиц с устойчивым антиобщественным поведением с целью недопущения с их стороны преступных деяний, а также по предотвращению или пресечению преступлений при строгом соблюдении законодательства.

На наш взгляд, предложенная исследователем дефиниция наиболее полно отражает природу специально-криминологического предупреждения преступности, поскольку в ней раскрывается и содержательная сторона предупреждения, и субъектная составляющая, и объекты воздействия, и целевая характеристика. Таким образом, исследовав существующие подходы к понятию специально-криминологического предупреждения преступности, вопросы соотношения с общесоциальным предупреждением, выявив особенности специального предупреждения, считаем необходимым предложить авторскую дефиницию специально-

криминологического предупреждения преступности в сельской местности.

На наш взгляд, под ним следует понимать целенаправленную правоохранительную деятельность, представляющую собой систему взаимосвязанных, взаимодополняющих мероприятий, осуществляемых, прежде всего, правоохранительными органами, направленную не только на выявление, нейтрализацию и устранение конкретных причин и условий, способствующих совершению преступлений в сельских поселениях и на других территориях вне городов, как местными жителями, так и приезжими, но и на воспитательное воздействие на лиц, склонных к противоправному поведению, предотвращение готовящихся и пресечение совершаемых преступлений.

Помимо дискуссионности определения понятия специально-криминологического предупреждения преступности, в частности в сельской местности, в научной литературе также неоднозначно решается вопрос классификации специальных мер. Существует множество критериев их классификации. Одна группа авторов, в числе которых Г.М. Миньковский, к специальным мерам относит: меры предотвращения совершения преступлений конкретным лицом, меры предупреждения рецидива, меры по ликвидации причин и условий, облегчающих совершение преступлений. По характеру эти меры ученый подразделяет на технические, процессуальные, организационные, оперативные и др. Иные ученые предлагают другие основания классификации. Так, например, в зависимости от масштаба называются меры: - общегосударственные, относящиеся к большим социальным группам; - относящиеся к отдельным объектам или микрогруппам; - индивидуальные. По стадиям выделяются такие, как: непосредственное предупреждение преступности и предупреждение рецидива. Третья группа авторов обосновывает следующие виды предупреждения в рамках названного основания: предотвращение замышляемых и подготавливаемых, пресечение начатых преступлений. По степени радикальности исследователи называют:

– специально-криминологические меры: предупреждающие возможность возникновения криминогенных явлений и ситуаций;

– нейтрализующие (блокирующие, минимизирующие) такие явления и ситуации; полностью устраняющие их.

В зависимости от правовой характеристики различаются: специально-криминологические меры: базирующиеся на нормах права, но ими не регламентированные (правовое просвещение, воспитание); детально урегулированные юридическими нормами (административный надзор) [7]. В зависимости от уровня авторы называют специальное предупреждение, реализуемое на общегосударственном, региональном и индивидуальном уровнях. Полагаем, последнее основание классификации нуждается в некотором уточнении. На наш взгляд, более приемлемо и логично было бы выделение специального предупреждения на общегосударственном, региональном и местном уровнях. Безусловно, специальное предупреждение на местном уровне должно базироваться и исходить из общей концепции реализации общегосударственного и регионального предупреждения. Однако это вовсе не означает, что местный уровень (особенно в рамках сельских поселений) не обладает своими специфическими особенностями. При этом следует оговориться, что отдельный блок местного уровня специального предупреждения преступности отождествляется нами со специальным предупреждением преступности в сельской местности.

Таким образом, необходимость дальнейшего исследования специально-криминологических мер предупреждения преступности в сельской местности не вызывает сомнений. Достаточно вспомнить, что криминологические исследования показывают, что 7 из 10 преступлений могут быть предотвращены при специальной профилактике. Поэтому анализ существующих достижений криминологической науки в названном вопросе, своевременная разработка комплекса специально-криминологических мер, их совершенствование, призваны оптимизировать процесс борьбы с сельской преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жалинский А.Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР. Вопросы теории. - Львов. 1976. - С. 96.

2. Голоднюк М.Н., Зубкова В.И. Предупреждение преступности. - М., 1990. - С. 9
3. Шаргородский М.Д. Преступность, ее причины и условия // Преступность и ее предупреждение. - Л., 1966. - С. 47.
4. Миньковский Г.М. Предмет криминологической профилактики преступлений и некоторые проблемы ее эффективности // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. - М., 1972. - 178 с.

ПРИНЦИП ЛОЯЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЕВРОПЕЙСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Арсакбаев К.Ж. - магистрант кафедры «Юриспруденция»

«Принципы права - это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права. Принципы права есть то, на чем основаны формирование, динамика и действие права, что позволяет определить природу данного права как демократического или, напротив, тоталитарного» [1].

Под принципами международного права «понимались либо наиболее общие нормы права, либо принципы - идеи», основополагающие правовые нормы, являющиеся фундаментом всего комплекса международных отношений. Примером понимания принципов как наиболее общих норм может служить решение Постоянной палаты международного правосудия по делу «Лотос», в котором говорилось, что «выражение «принципы международного права», как оно обычно употребляется, может означать лишь международное право, как оно применяется государствами». Это принцип суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях, нерушимости государственных границ, территориальной целостности государств, мирного разрешения споров, невмешательства, всеобщего уважения прав человека и основных свобод, равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, принцип сотрудничества государств, добросовестного выполнения обязательств [2].

Основные принципы международного права тесно переплетены и взаимодействуют между собой. В совокупности они образуют систему, которая все же не носит характер формально юридического соподчинения. Скорее, как справедливо отмечается, речь идет о ценностной иерархии и смысловой соподчиненности. Основные принципы современного международного права являются императивными нормами и носят основополагающий характер. Они регулируют поведение всех субъектов международного права.

Право Европейского союза в этом отношении не исключение. Страны Евросоюза учли положения международного права, приспособив их к своим внутриорганизационным потребностям и подвергнув, как мы видим, определенной обработке. При этом учредительный договор о ЕС, действующий сегодня, не оговаривает обязанности учёта международно-правовых норм в своей внутренней правовой системе.

Кроме основных принципов международного права любая международная организация может создавать и иметь собственные принципы организации внутренней жизни. Однако, базовые принципы, обладающие действием *jus cogens*, являются неотменяемыми и императивными для всех сфер, подпадающих под регулирование международного права. Так, определяя международное право как основанные на согласии государств нормы, определяющие границы и формы, в которых должны развиваться взаимоотношения государств. В науке признается внутри международного правопорядка образование различных партикулярных норм, устанавливаемых группами государств. И, как видим, в Евросоюзе этот процесс происходит особенно интенсивно [3].

Кроме того, страны Евросоюза являются участниками ряда других международных конвенций, регулирующих вопросы торговли. Важной составной частью регулирования экономической жизни европейских государств и эффективным инструментом унификации материально правовых норм, регулирующих куплю-продажу, продолжает оставаться Венская

конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (вступила в силу 1 января 1988 г.) [4]. Её цель - устранение барьеров для развития международного экономического сотрудничества.

Поэтому фундаментальное правило международных организаций заключается в том, что свою внутреннюю систему норм и принципов государства-члены должны устроить так, чтобы от этого не страдало исполнение норм международного права, и в первую очередь базовых принципов международного права. Государства учитывают это требование и, случается, что принципы внутреннего права организации не только формулируются в унисон с всеобщими, но даже и внешне по своему наименованию бывают созвучны с ними. Именно так произошло, в частности, в Евросообществе, где в 1957 г. Римским договором был принят на вооружение принцип так называемой лояльной кооперации [5]. Или, как его нередко именуют, принцип недискриминации.

Другое его название и, пожалуй, наиболее всеобъемлющее, это принцип верности Европейскому Союзу или европейскому единству. Но, если опираться на точное юридическое его определение - это принцип лояльного сотрудничества.

Можно легко заметить, что европейский принцип «лояльного сотрудничества» даже по наименованию созвучен международно-правовому императивному принципу «сотрудничества государств». Если обратиться к сопоставлению содержания того и другого, то также можно видеть либо косвенную, либо даже прямую корреляцию между обоими принципами.

Принципы права Европейского Союза нацелены на закрепление и охрану устоев данной организации, а также на содействие её нормальному функционированию и развитию. Суд ЕС сформулировал и закрепил в своих решениях систему основных начал, на которых должна функционировать и развиваться правовая система ЕС - принципы права ЕС. Принципы права ЕС включают две группы: принципы, определяющие юридическую силу норм и источников права ЕС, их соотношение с национальным правом государств-членов и общие принципы права.

К первой группе относится принцип верховенства права ЕС, означающий, что правовые нормы, входящие в право ЕС, имеют приоритет над правилами, закрепленными в законодательстве каждого отдельного государства-члена. Принцип прямого действия права ЕС означает, что регламенты и решения Европейского сообщества являются актами прямого действия и применяются, напрямую минуя процедуру традиционной парламентской национальной ратификации. К этой же группе в последние годы стали относиться и директивы, которые в силу сложившейся практики, а также достаточной конкретности, адресуются напрямую национальным субъектам права, минуя процедуру парламентской ратификации.

Для их характеристики следует сказать, что наряду с закреплением в ЕС принципов субсидиарности и пропорциональности, символизирующих в некоторой степени отход от принципа верности, в Евроконституции наметилось и укрепление принципа сотрудничества. В тексте проекта появилось несколько норм довольно принципиального назначения, которые тоже носят сквозной и генеральный характер. Ими расширяются полномочия Брюссельских структур власти. Речь идёт, в первую очередь, о принципе верховенства европейско-правовых актов над источниками права государств-членов. Так, статья 1-6 проекта Евроконституции впервые закрепляет, что «Конституция и право, принятое институтами Союза для осуществления компетенций, возложенных на него, имеют примат над правом государств-членов». Это открывает потенциальную возможность для усиления метода субординации в отношениях между «Брюсселем» и государствами-членами [6].

Её внедрение последовало более чем через несколько десятков лет правового конфликта между ЕС и государствами, а принцип «верховенства» (примата - *primacy*) означает ликвидацию полицентричности в ЕС и, по сути, переподчинение всей правотворческой и контрольной деятельности только Брюссельским структурам. Так, принципы субсидиарности, пропорциональности, принцип лояльного сотрудничества и отказа от дискриминации - все они организуют жизнедеятельность Союза по тем правилам, которые государства-члены сочли нужными и в исполнении которых они не обязаны ни перед кем отчитываться, кроме самих себя. В то же время основные принципы международного права являются «мерилом», которым должны руководствоваться в своей международной деятельности все государства,

независимо от их собственной воли. Это, как известно, внешний «неизменяемый» стандарт поведения государств-членов, статичный, в то время как надгосударственные принципы - стандарт внутренний и переменный. Гибкость и изменчивость этой группы принципов продемонстрирована самой практикой ЕС. Остальные внутренние принципы также не исключение и могут быть подвержены вариациям договаривающихся государств [7].

Следовательно, поскольку принципы национальной идентичности вытекают и конкретизируют общие принципы международного права *Jus Cogens*, то они обладают более высокой нормативной силой, чем внутренние принципы, отражающие специфику внутриорганизационной деятельности. Причём, следует сказать, что и эта специфика не выходит принципиально за рамки международно-правовых отношений. Кузнецова С.Н., сопоставив право ЕС и международное право, пришёл к выводу, что право ЕС и международное публичное право «схожи в том, что они установлены между суверенными государствами: в отличие от любой национально-правовой системы, международное право и право ЕС по своей природе являются скорее горизонтальными, чем вертикальными». По его словам, “несмотря на всю свою сверхнациональность и стремление эволюционировать к «единому федеральному государству», ЕС является союзом суверенных государств и базируется на договорах, заключенных между ними. ООН также является результатом межгосударственных соглашений; и в обоих случаях страны - члены этих организаций могут как добровольно войти, так и добровольно выйти” [8].

К общим принципам европейского права относят принцип охраны и защиты основных прав и свобод личности - согласно статье А. Маастрихтского договора; принцип правовой определенности, ключевым элементом которого является недопустимость придания положениям законодательства ЕС обратной силы; принцип пропорциональности, провозглашающий адекватность принимаемых мер целям регулирования; принцип равенства, фиксирующий недопустимость дискриминации физических и юридических лиц по признакам гражданства, пола, местоположения в пределах общего европейского рынка, национальной принадлежности; процессуальные принципы, дающие право на представление и заслушивание своей точки зрения перед изданием правоприменительного акта ЕС [9]. В числе последних можно назвать принцип конфиденциальности, согласно которому институты и органы Сообщества в процессе реализации своих полномочий не вправе раскрывать посторонним лицам информацию, затрагивающую частную жизнь граждан, коммерческую тайну предпринимателей без согласия последних. Ко второй группе следует отнести также принцип субсидиарности, означающий, что к ведению Евросообщества относятся только те вопросы, которые государства-члены либо не в состоянии решать самостоятельно, либо их решение на уровне ЕС оптимально. Решение о передаче того или иного вопроса на уровень ЕС принимается самими государствами, равно как и контроль за соблюдением этого принципа - также осуществляется не судом ЕС, а юстицией государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энтин Л.М. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека. - 2-е изд. - М.: Норма, 2007. - 940 с.
2. Страшун Б.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. - М.: Норма, 2005. - 895 с.
3. Маклаков В.В. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть. - М.: Волтере Клувер. - 2006. - 896 с.
4. Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. // СПС «Юрист»
5. Римский договор 1957 г. // СПС «Юрист».
6. Евроконституция <http://txtb.ru>.
7. Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского Договора с комментариями. - М.: Инфра-М, 2011. - 698 с.
8. Кузнецова С.Н. Международная защита прав человека. - 2-е изд. - Н.-Новгород: Вектор-Тис, 2008. - 234 с.
9. Маастрихтский договор, 1993 // СПС «Юрист».

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Сулейменов А.Е. - магистрант кафедры «Юриспруденция»

В соответствии с мандатом Европейского Совета, выданного Конвенту в декабре 2001 года на межправительственной встрече государств-членов Европейского Союза, называемой «Лакейской Декларацией», был создан документ, положенный в основу Конституции Европы, который должен будет заменить соответствующие договоры [1]. Проект Конституции был представлен на Межправительственной конференции (IGC) в начале октября 2003 г. Несмотря на то, что Межправительственная конференция (IGC) имеет право вносить изменения в проект Конституции, оценка последнего формально могла быть сделана только в конце работы, хотя маловероятно, что основные положения Конвента будут полностью изменены. Однако, прежде чем начать процедуру рассмотрения этих положений, возник вопрос относительно того, как они должны быть оценены. Некоторые комментаторы склонялись в пользу подхода, который отражал ожидания государств-членов Европейского Союза, предпочитающих иметь запасной путь, в частности, тех, которые стояли за сохранение единогласия при голосовании по принципиальным вопросам в некоторых областях. Однако, этот подход представлялся недостаточно адекватным [2].

Так стало заметно, что это «наименее надежно с научной точки зрения», имея в виду столкновение мнений и позиций защитников (pro) и противников (contra) наднациональности (supranationality). Серьезное сомнение вызывала тенденция расценивать работу Конвента в свете деятельности национальных учредительных собраний прошлого, особенно американского и французского. Несмотря на вызывающие воспоминания, слово «конвент», обозначавшее коллегиальный орган, который разработал проект, отличается от прежних, основанных американцами в Филадельфии и французами в Париже в конце восемнадцатого столетия. Прежде всего, членство в Конвенте дифференцировано. Конвент был по сути межправительственной конференцией. Кроме того, в проект были внесены поправки на Межправительственной конференции. Наконец, многонациональный межгосударственный конституционный процесс Союза весьма отличается от национального, т.к. это не предполагает стремления к созданию отдельной нации. Однако это не предотвращает факта принятия новой формальной конституции, в противовес принятия независимой английской конституции.

Вопрос, на котором следует остановиться при анализе нового проекта Конституции, - это степень достижения целей, установленных в соответствии с Лакейской Декларацией. Это включает в себя процедуры, связанные с упрощением актов Европейского Союза с громким названием «больше демократии, прозрачности и эффективности в Европейском Союзе», которые Декларация рассматривала как желательные в виду нового расширения. Однако, это полезно только для проверки, насколько этот шаг конституционного процесса отклоняется от предшествующей Декларации.

Напротив, это ничего не говорит нам о разумности и последовательности нового конституционного регулирования, которое 15 (а после расширения - 25) государств-членов Европейского Союза должны обсудить в рамках Межправительственной конференции (ЮС) и затем ратифицировать через свои соответствующие процедуры (которые имеют, главным образом, парламентский характер). Этим объясняется, почему важность определения целей в Лакейской Декларации не следует преувеличивать.

С другой стороны, большое количество соответствующих стандартов может быть получено в результате экспертизы существующего конституционного наследия Европейского Союза, *acquis communautaire*. (Это создание первоначальной конституционной архитектуры, созданной Отцами-основателями, и ее последующее развитие. Этот подход нацелен на то, чтобы установить, укрепляет ли это или ослабляет первоначальные особенности существующей в настоящее время конституции.

Обеспокоенность разных сторон вызывают следующие моменты. Первое - конституционный процесс (из-за ограниченных возможностей документа различные механизмы внесения поправок в конституцию опущены). Второе - разнообразие существующих процедур имеет обыкновение принимать и общие правила и решения в индивидуальных и конкретных

случаях. Юридические акты (твердые и мягкие законные регламенты в особенности) будут также приняты во внимание в этом контексте. Третье процедурное измерение *acquis communautaire* рассматривает затрагивающие интересы частных партийных сторон. Он представляет собой все действующие Договоры и правовые акты. Существенным условием расширения Европейского Союза является полное принятие на себя *acquis* странами-кандидатами в Европейский Союз.

Первая и главная особенность *acquis communautaire* происходит не из договоров 1950-ых гг., устанавливающих основы, а из устоявшейся практики. Предусматривалась адаптация договоров в соответствии с нормами международного права. Однако эти действия были отмечены как экстраординарные (неудивительно, что Парижский Договор 1951 г. действовал пятьдесят лет). Кроме того, это было прекращено на Межправительственной конференции [3].

Вторая особенность *acquis communautaire* – разнообразие существующих процедур по принятию решений. Как и во всех международных организациях, эти процедуры включают в себя обоснование решений и в пределах Европейского Совета и Совета Министров на основе единогласного голосования. В этих случаях каждое отдельное государство может использовать свое право вето или препятствовать принятию решения, или получить преимущества в других областях. Однако, в отличие от иных международных организаций, Европейский Союз дает возможность широкого использования голосования большинством голосов, которое является типичным для национальных политических организаций.

Национальные парламенты привлекались только на уровне ратификации результатов их работы. Это важная роль. Действительно, при обсуждении и ратификации новых договоров, национальные парламенты осуществляют их главную политическую задачу, которая состоит в том, чтобы выразить демократическое согласие на новые изменения, которые произошли в Союзе.

Однако, ситуация существенно изменилась, когда в 1986 г. был принят Единый европейский акт (SEA). В результате вступившего в 1987 г. в силу Единого европейского акта (ЕЕА) были дополнены и модифицированы Римские договоры. Единый европейский акт (ЕЕА) расширил полномочия Сообщества во многих областях и уточнил процесс принятия решений. Принятие решений квалифицированным большинством в рамках сотрудничества стало одной из основных предпосылок совершенствования внутреннего рынка. В политическом плане главными были цели внутреннего рынка. Исходя из этого, Единый европейский акт поставил Европейское политическое сотрудничество (ЕПС) на договорную основу. Посредством Маастрихтского договора 1992 г. и Амстердамского договора 1997 г. осуществляемый Единым европейским актом (ЕЕА) процесс углубления был продолжен.

Во-первых, до того момента, кроме вступления в Европейский Союз новых государств, в учредительные договоры вносились изменения только однажды 30 лет назад: в соответствии с Договором 1965 года были объединены исполнительные органы государств-членов Европейских сообществ. Напротив, после Единого европейского акта (SEA) последовали три пересмотра в соответствии с договорами, подписанными в Маастрихте (1992), Амстердаме (1997) и Ницце (2001). Договор об учреждении Европейского Союза был подписан 7 февраля 1992 г. в Маастрихте и вступил в силу 1 ноября 1993 г. В соответствии с Единым европейским актом данный рамочный договор был второй крупной реформой Римских договоров. Для того чтобы обозначить новое качество европейской интеграции, Договор утверждает Европейский Союз, состоящий из «трех опор»: Европейского сообщества (ранее Европейского экономического сообщества), общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) и сотрудничества в области правосудия и внутренних дел [4].

Нововведением Маастрихтского договора стало создание Экономического и валютного союза. Исходя из этого, Договор содержит ряд постановлений, совершенствующих дееспособность и качество Европейского Союза. Следует назвать также введение понятий «Европа граждан» с правом проживания в любом месте Евросоюза и избирательное право при муниципальных выборах и централизованных выборах в Европейский парламент, расширение полномочий Сообщества во многих сферах политики, учреждение Фонда сплочения (конвергенции), введение федеральных элементов (принцип субсидарности, Комитет регио-

нов), совершенствование процедуры принятия решений, а также улучшение сотрудничества структур управления в общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ) и сотрудничества в области правосудия и внутренних дел.

В Договоре наличествует специальная ревизионная оговорка, согласно которой в 1996 г. была проведена новая Межправительственная конференция. Результатом этой ревизии явился вступивший в силу в 1999 г. Амстердамский договор [5]. Таким образом, можно констатировать, что формальные конституционные изменения больше не являются экстраординарными событиями. Они скорее относятся к деятельности, выполняемой регулярно, по крайней мере, каждые десять лет, чтобы сделать легитимными произошедшие изменения. Конституционный процесс также претерпел изменения. Изменения карты Европы 1990-х годов потребовали нового организационного устройства. Европейский парламент искал возможности (хотя далеко не так успешно, как хотелось бы) обмена своего согласия на новые расширения Европейского Союза взамен принятия мер, направленных на усиление эффективности Европейского Союза и законности. Самое главное процедурное новшество происходит из факта, что Конституция разрабатывалась на очередной Межправительственной конференции (IGC), а в соответствии с выработанным Конвентом Договором. Это юридический механизм, который был апробирован при разработке Хартии основных прав.

Важность Конвента определяется не только его демократическим характером в смысле избирательной деятельности. Действительно, в отличие от американского и французского, Конвент о будущем Европы не был избранным. Его решения не основаны на реализации принципа большинства, так как для их принятия требуется согласие всех членов, что было заложено его предшественником - Конвентом по выработке Хартии основных прав [6, 435].

Важность Конвента заключается в самом его составе и принципах его функционирования. Согласно Лакейской Декларации, Конвент был «составлен из главных сторон, вовлеченных в дебаты о будущем Европы». В него входили представители европейских учреждений, национальных правительств и парламентов, включая парламенты тех государств, которые должны были присоединиться к Европейскому Союзу в ближайшем будущем.

Это имело двойные последствия. Во-первых, представители национальных правительств больше не единственные лица, принимающие решение, другими словами, конституционный процесс не является исключительно межправительственным. Во-вторых, конституционный процесс, таким образом, получил большую связь с расширенной структурой Союза, являющейся сложным политическим органом *res publica composita*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсегов Ю.Г. Самоопределение и территориальная целостность. - М.: Междунар. гуманитар. Фонд арменоведения, 1993. - 42 с.
2. Арцибасов И.Н. Договоре о Европейском Экономическом Сообществе // <http://mir.zavantag.com>.
3. Парижский Договор 1951 г. <http://www.un.org/>.
4. Блюнчли И. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса. В книге: Пресечение нарушений международного гуманитарного права. Сборник статей. - М.: МККК. - 1998. - 159 с.
5. Амстердамский договор <http://www.un.org/>.
6. Игнатенко Г.В. и Тиунов О.И. Международное право. - М.: Издательская группа НОРМА - ИНФРА - М, 1999. - С. 435.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, ПОВЛЕКШИЕ ПРИЧИНЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО И ФИЗИЧЕСКОГО ВРЕДА

*Абдулов Асхат Тлешович - студент
кафедры «Юриспруденция»
Сейсембаев Г.Р. - м.ю.н., ст. преподаватель*

Нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение легкого вреда здоровью потерпевшего, - влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок от одного года до полутора лет.

Нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, - влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок от полутора до двух лет.

Примечания:

1. Под причинением легкого вреда здоровью следует понимать кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности.

2. Под причинением средней тяжести вреда здоровью следует понимать неопасное для жизни длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть.

По данной статье подлежит установлению наличие в действиях водителя нарушений ПДД, которые должны состоять в причинно-следственной связи с причинением вреда здоровью потерпевшему. Причем ответственность по данной статье наступает не только в случаях, когда вред причинен пешеходам, но и водителям или пассажирам находившемся в другом автомобиле, а также пассажирам того, авто которым управлял сам водитель.

Водитель должен вести ТС со скоростью, не превышающей установленного ограничения, учитывая при этом интенсивность движения, особенности и состояние транспортного средства и груза, дорожные и метеорологические условия, в частности видимость в направлении движения. Скорость должна обеспечивать водителю возможность постоянного контроля за движением транспортного средства для выполнения требований Правил. При возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства [1].

Нарушение данного пункта ПДД как раз и вменяют водителю тогда, когда вроде бы других нарушений ПДД нет (автомобиль перевернулся, попал в колею и не справился с управлением, сбит пешеход вне пешеходного перехода на проезжей части и пр.).

Защищаться водителю по данной статье достаточно трудно. Данная категория дел сложная и требует профессионального подхода к делу, внимательного изучения всех материалов дела, построения линии защиты в зависимости от обстоятельств дела.

Вопрос эффективности административных санкций остается дискуссионным среди ученых на протяжении ряда лет. В большей мере это относится к административным наказаниям за правонарушения, влияющие на безопасность дорожного движения.

В связи с тем, что основной причиной дорожно-транспортных происшествий являются нарушения Правил дорожного движения его участниками, целью административных наказаний в настоящее время становится побуждение участников дорожного движения к правомерному поведению, предупреждение совершения новых правонарушений как самим лицом, подвергаемым наказанию, так и другими лицами, для обеспечения безопасности дорожного движения и снижения аварийности. Одним из условий достижения этой цели является реализация принципов индивидуализации, соразмерности и справедливости наказания.

В настоящее время существующее правовое регулирование назначения административных наказаний за нарушения Правил дорожного движения, в результате которых был причинен материальный ущерб, то есть произошло дорожно-транспортное происшествие, не позволяет должностному лицу, назначающему наказание, учесть предусмотренный ст. 4.1 КоАП РК характер совершенного правонарушения. С одной стороны, это происходит в связи с абсолютно-определенными санкциями статей КоАП РК, устанавливающих ответственность за нарушения ПДД, а с другой - причинение материального ущерба в результате дорожно-транспортного происшествия вообще не является отягчающим обстоятельством [2].

Иллюстрацией влияния административного наказания на предупреждение совершения правонарушений может послужить опыт таких стран, как Канада, Германия, Япония и других, который показывает, что там, где жестче наказание за нарушение ПДД, показатели аварийности и травматизма ниже.

Казахстанские ученые-юристы, высказываются за усиление ответственности и увеличение размеров административных штрафов за нарушения ПДД, отмечая, что увеличение размеров административных штрафов оказывает эффективное сдерживающее воздействие на поведение участников дорожного движения, малые штрафы абсолютно не выполняют воспитательной функции, в КоАП РК следует закрепить более жесткую ответственность за нарушения Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшие создание опасной ситуации, материальный ущерб, за повторное совершение в течение года после применения мер административного наказания однородных правонарушений в области дорожного движения, ужесточить административное наказание за причинение вреда здоровью потерпевшего [3].

Данные статистики показывают, что усиление административной ответственности за совершение наиболее грубых нарушений, в частности, повышение ответственности за управление автомобилем в состоянии опьянения и за отказ от прохождения медицинского освидетельствования, правил пользования телефоном и других нарушений повлияли на снижение показателей аварийности на дорогах РК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россинский Б.В. Административная ответственность за нарушения в области дорожного движения. - М.: Норма, 2002. - С. 45 - 47.
2. Административное право Республики Казахстан. Общая часть. Отв. ред. А.А. Таранов. - Алматы: Жеты Жаргы, 1997. - С. 47.
3. Эрделевский А.М., Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. - 2 - е изд., испр. и доп. - М.: Изд - во БЕК, 2000. - 256 с.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ВОДИТЕЛЯ, ВИНОВНОГО В ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

*Ақпар Н.Р. - магистрант кафедры «Юриспруденция»,
Сейсембаева Г.Р.*

Личность преступника всегда была одной из центральных проблем всех наук криминального профиля, и попытка ее анализа в механизме преступного поведения проводилась многими исследователями не только в области криминологии и уголовно-правовых наук, но и психологии в том числе. Она представляет собой сложное структурное понятие [1].

Наиболее полное исследование социально-демографических и психологических характеристик личности преступника встречается в работах Ю.М. Антоняна и В.Е. Эминова. Определяя личность преступника как «личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно-опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в пре-

дотвращения отрицательного результата», авторы имеют своей целью выявление и оценку тех ее свойств и черт, которые порождают преступное поведение. Однако они указывают на необходимость более полного изучения личности неосторожного преступника. Что в своем исследовании мы и попытались сделать посредством проведенного анкетирования среди 130 осужденных лиц к лишению свободы и отбывающих наказание в колонии-поселении за совершение преступления, предусмотренного ст. 345 УК РК.

К одной из причин совершения дорожно-транспортных преступлений, относится управление транспортным средством в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения. Согласно результатам анкетирования 72 осужденных (55,4%) совершили неосторожное преступление, предусмотренное ст. 345 УК РК, в указанном состоянии.

Алкогольная и наркотическая зависимость уже давно стали одним из следствий неблагополучия населения, его дезадаптации. Водитель в таком состоянии не способен в полной мере осознавать значимость своих действий (бездействий), его реакция замедленна, физическая активность снижена, координация движения нарушена. Но, даже, несмотря на все эти показатели, водитель позволяет себе сесть за руль транспортного средства и отправиться в путь. Такое поведение является «заразительным», особенно в кругах тех категорий граждан, которые особенно поддаются чужому влиянию. Особенно часто данный вид правонарушений встречается среди молодежи, когда сверстники пытаются доказать, что не боятся предписаний закона в лице сотрудников УДП. Довольно реже, но все же, встречаются ситуации, когда водители с многолетним стажем, управляют автомобилем, находясь в состоянии алкогольного опьянения, надеясь на то, что не будут замечены [2]. Некоторая часть от общего числа водителей характеризуется отсутствием культуры в манере поведения среди потока транспортных средств. Желание удовлетворить свои потребности (например, поскорее прибыть на торжество) у лиц «хулиганского» типа превалирует над общеобязательными утвержденными государством правилами поведения на дорогах. Подтверждением хулиганских мотивов, на наш взгляд, может являться выявление соответствующего мотива.

Существуют особые факторы, которые являются сопутствующими и иногда решающими в совершении водителем преступления, при эксплуатации автомобильного транспорта. Они бывают как зависящими от внутренних установок личности, так и не зависящими от него. Зарубежными специалистами к факторам, не зависящим от внутреннего состояния личности нарушителя правил дорожного движения, были отнесены: величина парка автотранспортных средств, социальная и экономическая активность жителей, удельный вес детей и пожилых людей в структуре населения, климатические и погодные условия [3].

К факторам, зависящим от внутренних установок личности, на наш взгляд, можно отнести:

- состояние алкогольного или наркотического опьянения;
- сильная физическая утомленность водителя;
- недостаточная подготовка и незнание правил дорожного движения;
- отсутствие культуры вождения водителя среди остальных участников дорожного движения.

Низкий уровень культуры управления транспортным средством отражается и передается не только окружающим водителям, но и иным участникам дорожного движения. Этот негативный фактор заразителен, в том числе и для детей, которым свойственно перенимать и подражать, к примеру, своим родителям. Родители, будучи сами в достаточной степени воспитанными и не соблюдающими правила безопасности дорожного движения, передают свой негативный опыт своим детям [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефимова Е.О. Взаимодействие личности и ситуации в механизме совершения неосторожного автодорожного преступления - М.: Спарк. - 2012. - №4. - С. 119 - 125.
2. Зорин Р.Г. Защита по уголовным делам о дорожно-транспортных происшествиях. 2-е изд. - Минск.: Амалфея, 2001. - 336 с.
3. Коробеев А.И. Транспортные правонарушения: Квалификация и ответственность. - М.: Юрист, 1990. - 132 с.

ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ТАМОЖЕННОМУ ПРАВУ

*Балтакескен Е.С. - магистрант кафедры «Юриспруденция»,
Сейсембаева Г.Р. - м.ю.н., ст. преподаватель*

Одной из острых проблем, наносящей серьезный урон экономике Казахстана является нарушение таможенного права. Нарушением таможенного законодательства признаются противоправные действия или бездействия лица, посягающие на установленный порядок перемещения товаров и ТС через таможенную границу, таможенный контроль и таможенное оформление, а также уклонение от уплаты таможенных платежей и налогов.

За выше перечисленные нарушения законодательства может быть предусмотрена административная и уголовная ответственность в зависимости от степени общественной опасности таких нарушений.

В теории права принято выделять четыре вида ответственности: уголовная, административная, дисциплинарная и материальная (гражданская). Основанием любого вида ответственности является правонарушение. Так, основанием уголовной ответственности является преступление, основанием административной ответственности - административное правонарушение, основанием дисциплинарной ответственности - проступок, основанием материальной (гражданской) ответственности – деликт. Преступление, административное правонарушение, проступок и деликт рассматриваются как разновидности родового понятия «правонарушение». Правомерно возникает вопрос: имеется ли необходимость выделение еще одной разновидности правонарушения – таможенного правонарушения? Нынешнее состояние теории права не позволяет положительно ответить на этот вопрос. А поэтому суждения о необходимости выделения еще одной разновидности правонарушения - таможенного правонарушения, а тем более таможенного преступления представляются необоснованными. Однако некоторые виды ответственности дают основание для утверждения о наличии разновидности правонарушения, характерной только для таможенной деятельности [1].

Административная, уголовная, гражданская и дисциплинарная ответственности являются видами юридической ответственности, устанавливаемой государством путем издания правовых норм, определяющих основания ответственности, меры, которые могут применяться к нарушителям, порядок рассмотрения дел о правонарушениях и исполнения этих мер.

В теории права юридическая ответственность понимается как реализация правовой санкции в случае правонарушения, применение к правонарушителю наказания, поскольку оно есть и в выговоре за нарушение трудовой дисциплины, и в административном штрафе, и в лишении свободы, и в гражданско-правовой неустойке.

При наличии юридического факта включается механизм санкции правовой нормы, и санкция из потенциальной возможности применения наказания преобразуется в действительное наказание [2].

Юридическая ответственность имеет ряд признаков.

Во-первых, она представляет собой государственное принуждение, поскольку реализация властных полномочий осуществляется через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Во-вторых, это правовое принуждение, подчиняющееся общим принципам законности и справедливости права.

В-третьих, она влечет за собой наступление неблагоприятных последствий для правонарушителей, предусмотренных санкцией правовой нормы.

В-четвертых, в мерах юридической ответственности содержится итоговая правовая оценка деяния и нарушителя от имени государства.

Административная ответственность - это вид юридической ответственности, которой присущи все признаки последней и которая выражается в применении уполномоченным органом или должностным лицом административного наказания к лицу, совершившему административное правонарушение (административный проступок).

Так, основаниями административной ответственности следует считать совокупность факторов, наличие которых может повлечь за собой данный вид юридической ответственности. Среди таковых принято выделять следующие:

- нормативное основание, т.е. наличие норм права, устанавливающих административную ответственность и регулирующих ее;
- фактическое основание, каковым является деяние (действие или бездействие) конкретного лица, нарушающее правовые предписания, охраняемые административными санкциями (т.е. наличие административного правонарушения);
- процессуальное основание, каковым является правоприменительный акт компетентного субъекта о назначении административного наказания на конкретное лицо за конкретное административное правонарушение.

Административное правонарушение - это всегда виновное деяние, т.е. виновность - это обязательный признак административного правонарушения (и это также отражено в формулировке его понятия). Вина - это психическое отношение правонарушителя к совершенному им общественно опасному противоправному действию (бездействию) и его последствиям. Она проявляется в форме умысла либо неосторожности. Это касается физических лиц как субъектов административных правонарушений. Что же касается юридических лиц, то в КоАП РК сказано, что юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых КоАП РК или законами субъекта Республики Казахстан предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Уголовная ответственность может возникать только в связи с совершением преступления и наступать для лиц, обладающих соответствующими признаками (возраст, вменяемость) и потому способных нести уголовную ответственность за свои действия (бездействие), то есть держать ответ перед государством.

Уголовная ответственность реализуется в определенных видах правоотношений. С точки зрения содержания уголовная ответственность представляет собой реализацию определенных общественных отношений, которые регулируются правовыми нормами трех отраслей права: уголовного, уголовно - процессуального и исправительно-трудового, иначе говоря, уголовную ответственность образует реализация уголовных, уголовно-процессуальных и исправительно-трудовых правоотношений [3].

При рассмотрении уголовной ответственности в контексте правоотношений, возникающих между нарушителем закона и органами государственной власти, следует помнить: государство вправе применить меру принуждения к правонарушителю с момента возникновения уголовного правоотношения, а на нарушителя возлагается обязанность претерпевать неблагоприятные последствия, возникшие в результате применения такого наказания.

Следует разграничивать понятия наказание и ответственность. Привлечение виновного в совершении преступления лица к уголовной ответственности возможно и без реального отбывания последним наказания (например, в случае условного осуждения или отсрочке отбывания наказания). Между тем наличие уголовного правоотношения не вызывает сомнения, и такое лицо считается привлеченным к уголовной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алибеков С.Г. Таможенное дело в Республике Казахстан [Текст]. - Алматы.: Юрист. 2004. - 146 с.
2. Белоусов А.А. Осваиваем правила таможенных платежей / А.А. Белоусов // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://pda.tks.ru>.
3. Сарсембаев М.А. Таможенное право [Текст]. - Алматы: Данекер, 1999. - 335 с.

РОЛЬ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С СУДОМ

*Ержанов Д.Е. магистрант кафедры «Юриспруденция»
Сейсембаева Г.Р. - м.ю.н., ст. преподаватель*

По действующему законодательству в обществе существуют три независимые друг от друга ветви власти, одна из них - судебная.

Судебная власть - это принадлежащее государственным органам право и возможность осуществлять правосудие посредством применения норм права в рамках установленного законом порядка судопроизводства. Полномочия суда по разрешению конкретных дел, или, как их иногда называют, социальных конфликтов правового характера, являются его исключительным правом.

Принятие новой Конституции Республики Казахстан и процессуального законодательства явилось началом правового отделения деятельности суда как носителя судебной власти от деятельности следователя, прокурора, защиты. В статье 58 УПК РК указано, что разрешение уголовного дела отделено от функции обвинения и от функции защиты.

Провозглашение независимости судов от кого бы то ни было воспринимается обществом, государственными органами в целом положительно, судя по публикациям на страницах печати. Но поддерживаемая на словах идея укрепления подлинной независимости судебной власти на деле встречает активное сопротивление со стороны определенных кругов, а также и со стороны органов, деятельность которых соприкасается с деятельностью судов. Не все вопросы независимости судебной власти решаются так просто и гладко, как это кажется на первый взгляд [1].

В рамках провозглашенной Конституцией РК и установленной законом независимости судебной власти важным является правильное понимание и применение законодательных норм, регулирующих взаимоотношения судов с другими ветвями власти, а также с органами прокуратуры.

Вопрос взаимодействия органов прокуратуры с органами судебной власти и прост и сложен. Это прежде всего связано с правовым понятием процессуального положения прокурора в уголовном судопроизводстве.

О роли прокурора в уголовном судопроизводстве высказываются различные мнения.

Одни сводятся к тому, что прокурор - это не только государственный обвинитель, т.к. он еще выполняет и другую, куда более важную функцию - представительства интересов государства и защиты неопределенного круга интересов физических и юридических лиц. Поэтому необходимо максимально расширить возможности прокурора влиять на укрепление законности при осуществлении судопроизводства.

Другая точка зрения сводится к тому, что прокурор - это лишь сторона в деле, на которую возложен контроль за соблюдением норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства при осуществлении уголовного преследования, а потому прокурор, как должностное лицо в государстве, не должен обладать неопределенным кругом прав и полномочий в ходе уголовного судопроизводства.

Статья 62 УПК, определяя статус прокурора и тем самым как бы очерчивая круг вопросов, по которым прокурор соприкасается с правосудием, указывает, что прокурор - это должностное лицо, которое:

- в пределах своей компетенции осуществляет уголовное преследование на всех стадиях уголовного процесса;
- осуществляет надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания, следствия;
- является государственным обвинителем, когда участвует в рассмотрении уголовного дела судом и представляет интересы государства;
- осуществляет надзор за законностью судебных решений.

Чтобы правильно понять роль прокурора в уголовном судопроизводстве и уяснить его полномочия, нужно соотнести указанные полномочия с некоторыми статьями УПК РК.

Первая функция прокурора - осуществление уголовного преследования, т.е. действия уполномоченных законом лиц, совершаемые в соответствии с УПК, направленные на изобличение лица, совершившего преступление, привлечение его к уголовной ответственности через возбуждение против него уголовного дела, выдвижение и предъявление обвинения, собирание доказательств обвинения. В ходе уголовного преследования к такому лицу могут быть применены меры процессуального принуждения, задержание лица и избрание в отношении него меры пресечения [2].

В соответствии со ст. 182,183 УПК прокурор обязан возбудить уголовное дело в тех случаях, когда он при исполнении своих должностных обязанностей становится очевидцем преступления либо обнаруживает следы или последствия преступления непосредственно после его совершения. Такое же решение прокурор вправе принять в результате рассмотрения заявления или сообщения о преступлении.

Прокурор участвует в решении вопроса о возбуждении уголовного дела и в тех случаях, когда рассматривает жалобы на необоснованный отказ в принятии сообщения о совершенном преступлении, а также когда осуществляет в соответствии со ст. 190 УПК надзор за законностью возбуждения уголовного дела.

На практике же в подавляющем большинстве случаев дела возбуждаются постановлением должностных лиц органов дознания и предварительного следствия. Собираение доказательств, равно как и полное расследование дела, лежит не на прокуроре, а на органах предварительного расследования, а по делам частного обвинения обязанность доказывания обвинения лежит на частном обвинителе. В исключительных случаях (см. ч. 3 ст. 198 УПК) прокурор может возглавить следственную группу для координации действий входящих в нее следователей и других лиц, уполномоченных осуществлять уголовное преследование [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Суд и правоохранительные органы в Республике Казахстан / Г.Ж. Сулейменова. - Караганда: Фемида, 2010. - С. 266.
2. Есимов С.А. Предупреждение правонарушений средствами общего надзора прокуратуры. - Алматы: Юрист, 2011. - С. 92.
3. Чеканов В.Я. Прокурорский надзор в судопроизводстве. - Алматы: Юрист, 2012. - С. 182.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ РК

*Зейнолла А.С. - магистрант кафедры «Юриспруденция»
Сейсембаева Г.Р. - м.ю.н., ст. преподаватель*

Важнейшая роль в деле обеспечения экономических интересов государства принадлежит таможенной службе - одному из базовых институтов экономики. Участвуя в регулировании внешнеторгового оборота и осуществляя фискальную функцию, таможенная служба регулярно пополняет государственный бюджет и тем самым способствует решению экономических проблем.

Обретение Казахстаном суверенитета и независимости, признание его полноправным членом международного сообщества ставят перед государством глобальные задачи, выполнение которых требует создания оптимального механизма для их реализации и разрешения всех вопросов внутренней и внешней политики.

К составной части в государственном механизме власти необходимо отнести конституционный принцип разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную ветви, их взаимодействие между собой с использованием системы сдержек и противовесов (статья 3 Конституции Республики Казахстан).

Таможенное дело в Республике Казахстан нуждается также в теоретическом подкреплении и в механизме правового регулирования - таможенном праве как отрасли казахстанского права.

Отношения в сфере таможенного дела имеют многоотраслевой характер, что позволяет относить его к комплексной отрасли права.

Становлению таможенных органов способствуют принимаемые законодательные и нормативные акты, большинство из которых имеют государственную регистрацию и регулируют таможенные режимы, платежи, оформление, контроль и др. Но на сегодняшний день их все еще недостаточно. Изменения, внесенные в Указ о таможенном деле в Республике Казахстан, коснулись только лишения некоторых льгот сотрудников таможенных органов, а также отдельных категорий граждан. Постановлением №1119 от 16 сентября 1996 года утверждены Положение о прохождении службы должностными лицами в таможенных органах Республики Казахстан и текст присяги, которым закреплены основные положения, вопросы поступления на службу и ее прохождения. Правительственные акты касаются отдельных вопросов перемещения товаров и транспортных средств, ставок таможенных пошлин и др., предусмотренных Указом, в основном рассчитанных на исполнение таможенными органами. Требуется в ближайшее время принятие Положения о Государственном таможенном комитете, Устава о дисциплине и других документов о таможенных органах и должностных лицах. Организация таможенного дела выделена в Указе в отдельную главу (глава 1), что подчеркивает важность государственных подходов к должной постановке этой задачи [1].

Согласно возложенным функциям, а также в соответствии с Основами таможенных законодательств государств - участников СНГ таможенные органы являются правоохранительными и должны вести борьбу с контрабандой и преступлениями в сфере таможенного дела, нарушениями таможенных правил и налогового законодательства, относящимися к товарам, перемещаемым через таможенную границу, пресечением незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, оружия, предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Республики Казахстан и зарубежных стран, объектов интеллектуальной собственности, видов животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения, их частей и дериватов (шкур, клыков, черепов, рогов и т.п.), других товаров, а также содействовать в борьбе с международным терроризмом и пресечению незаконного вмешательства в аэропортах Республики Казахстан в деятельность международной гражданской авиации. Более подробно правоохранительная функция таможенных органов будет рассмотрена далее.

Таможенная служба имеет сложную административно-правовую структуру, обусловленную как комплексом выполняемых таможенными функциями (регулирование ВЭД, правоохранительная) с одной стороны, так и неоднозначными управленческими решениями с другой стороны (кадровый состав таможенной службы не однороден - поделен на сотрудников, имеющих специальные звания и государственных гражданских служащих таможенных органов, в связи с чем имеющих разный правовой статус, регулируемый разными нормативными документами). Кроме того, круг общественных отношений, которые призвана регулировать таможенная служба сложен и многообразен и принадлежит разным уровням нормотворчества, с одной стороны необходимо обеспечивать реализацию экономической политики государства, с другой стороны таможенная служба наделена правоохранительными функциями, что в связи с отсутствием комплексного законодательства о правоохранительной службе в РК добавляет в нормативно-правовую базу правового регулирования деятельности таможенных органов целый пласт разрозненных правовых норм, регламентирующих правоохранительную составляющую правового статуса сотрудников таможенных органов, что подтверждает необходимость скорейшего принятия Закона «О правоохранительной службе в РК» [2].

Существующая модель административно-правового устройства таможенных органов порождает ряд проблем, связанных с вопросами прохождения службы, подчиненностью, взаимозаменяемостью. По нашему мнению подобная концепция целесообразна лишь как переходный этап для дальнейшего формирования специального органа исполнительной власти, с передачей ему правоохранительной функции налоговых, таможенных и иных органов, а также функций, связанных с ведением дел об административных правонарушениях. Такой подход позволит, во-первых, восстановить однородность кадрового состава таможенных органов, во-вторых, наличие подобного специализированного органа приведет к унификации и

единообразие при расследовании дел об административных правонарушениях, что в свою очередь приведет к прозрачности в сфере расследования административных правонарушений и повышению доверия общества к государству [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алибеков С.Г. Таможенное дело в Республике Казахстан [Текст]. - Алматы.: Юрист. 2004. - 146 с.
2. Айтпаева К.С. Перспективы таможенной службы РК. - Караганда: КарГУ, 2002. - 165 с.
3. Сарсембаев М.А. Таможенное право [Текст]. - Алматы: Данекер, 1999. - 335 с.

ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ПРЕДЕЛЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Каппасов Ильяс Кайратович - студент кафедры «Юриспруденция»
Сейсембаев Г.Р. - м.ю.н., ст. преподаватель*

Общество представляет собой сложный социальный организм, в котором имеются различные сферы, каждая из которых представляет относительно самостоятельную область общественных отношений, связей и процессов. Не видеть здесь и не стремиться выделить сферу, которую мы именуем профилактической, а тем более отрицать ее наличие было бы серьезным заблуждением. Разумеется, все сферы общественной жизни практически взаимосвязаны между собой, имеют много общих черт и свойств. Поэтому раскрытие содержания понятия "сфера профилактики", уточнение границ (пределов) этой сферы, установление отличия ее от других сфер общественной жизни представляет значительную трудность. Но это не снимает с повестки дня данную проблему.

Сфера профилактики как своеобразная система располагает собственным "набором" компонентов (подсистем). Это прежде всего сама профилактическая деятельность, которая, образно говоря, осуществляется в пространстве, находящемся в пределах действия системы профилактики в целом. Здесь речь идет именно об области профилактической деятельности, пределах ее распространения.

Сфера профилактики преступлений чрезвычайно широка, тем более, если иметь в виду реальные возможности и масштабы общесоциальной профилактики. Как говорится, профилактика преступлений и других правонарушений все больше и больше расширяет свою "территорию", которую предстоит еще обработать. Значительно раздвинув рамки своего действия, она перешагнула границы сферы права.

Сегодня профилактика правонарушений и других преступлений уже не может оставаться полем деятельности только юристов. В целях обеспечения комплексного подхода к профилактике, к ее практическому осуществлению должны привлекаться (и привлекаются) представители почти всех общественных и некоторых естественных наук. Но, раздвинув границы своего применения, вторгаясь в решение многих важнейших социальных проблем, профилактика преступлений и других правонарушений и сама становится предметом пристального изучения философами, социологами, экономистами, представителями медицины, многими другими специалистами. Она выходит за рамки юридических средств борьбы с правонарушениями и, распространяясь на более широкие области государственной и общественной жизни, раздвигает свою сферу, пределы функционирования [1].

Несмотря на сказанное, следует учитывать, что профилактика преступлений представляет собой вполне конкретную деятельность, которая должна быть ограничена строго необходимыми пределами, хотя при этом надо решать большой объем задач с заранее не установленным и меняющимся содержанием. Это связано с вопросом о том, кто и как (в каких пределах) должен осуществлять профилактику преступлений и при каких обстоятельствах деятельность считается именно профилактической.

Необходимо ясно представлять себе всю область, которую затрагивает такая профилактика, видеть весь спектр возникающих при этом проблем. Осуществление профилактики

преступлений, управление в данной сфере имеют конкретно - исторический характер. Границы этого управления, т.е. сознательного комплексного профилактического воздействия на соответствующие объекты, его содержание, цели и принципы, зависят от господствующих в общественно общественных отношений, от характера социально - политического строя. Это и намечает пределы и сферу функционирования профилактики.

Здесь речь не идет о каком-то жестко очерченном круге своеобразных регуляторов. По-видимому, целесообразно говорить не только об огромных возможностях профилактики в решении проблем искоренения правонарушений, но и более отчетливо видеть ее пределы определяемые кругом общественных отношений. Содержание таких отношений непосредственно проявляется в многообразной государственной и общественной деятельности, направленной как на локализацию, нейтрализацию, постепенную ликвидацию элементов причинного комплекса преступных (антиобщественных) проявлений, так и против самих этих проявлений на их социальном и индивидуальном уровнях. Следовательно, пределы социальной профилактики определяются всей системой организационных, технических, нравственных, психологических, воспитательных и иных методов и средств воздействия, сфера функционирования которых самая разнообразная. Однако они охватывают в конечном счете только ту область, в которой действуют процессы, оказывающие влияние на правонарушения, преступления [2].

Раскрыть с достаточной полнотой содержание профилактики правонарушений можно лишь при условии учета и анализа конкретных форм взаимосвязи ее с иными сферами общественные отношений, с явлениями и процессами, находящимися вне сферы профилактики, но влияющими на нее. Это особенно важно иметь в виду сейчас, когда усложняется динамизм общественной жизни, происходит дифференциация социальных связей и отношений, что, безусловно, влияет как на изменение объектов профилактики, так и на ее методы. В настоящее время профилактика преступлений и других правонарушений приобретает свойство своеобразного общесоциального регулятора общественных отношений. Это связано с последовательной демократизацией общественной жизни и возрастанием веса сознательно принимаемых людьми решений на основе правильно понятых общественных и личных интересов. Однако нередко встречаются такие противоречия между людьми, личностью и обществом, которые противостоят общественному развитию. Их преодоление затруднительно без профилактики. Именно в этой связи мы и говорим о профилактике как об одной из форм разрешения противоречий между личностью и обществом.

Профилактика, регулируя в специфических формах взаимосвязи личности и общества, влияет на поведение человека как во имя его самого, так и во имя общественных интересов. Эта роль профилактики вытекает из присущей ей предупредительно-регулятивной функции: не только препятствовать развитию одних и благоприятствовать совершенствованию других общественных отношений, но и, разрешая возникающие между личностью и обществом противоречия, содействовать совершенствованию других общественных отношений, но и, разрешая возникающие между личностью и обществом противоречия, содействовать утверждению гармоничной взаимосвязи между индивидом и обществом. Такая взаимосвязь означает, что возникшее противоречие разрешено в пользу как общества, так и индивида [3].

Профилактика не допускает перерастания возникших противоречий в социальные конфликты преступного характера и тем самым служит позитивному разрешению противоречий и направлена на то, чтобы исключить антиобщественное поведение и создать тем самым условия для жизни и деятельности определенных категорий лиц в соответствии с правовыми и моральными нормами общества. Поведение членов общества при этом оценивается с точки зрения общественных и государственных интересов и требований. В зависимости от этого общество и государство реагируют соответствующим образом на поведение людей, а в конечном счете с помощью именно профилактики формируется поведение, приемлемое для общества. Выступая в указанной форме, профилактика активно проявляет свою охранительную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шеслер А.В., Смолина Т.А. Профессиональная преступность. - Тюмень: Юрист, 2006. - 215 с.
2. Гаухман Л.Д., Максимова С.В. Уголовное право. Общая часть. - М.: Норма, 2004. - 259 с.
3. Уваров И.А. Основные направления пенитенциарной профилактики и их взаимосвязь. - М.: Норма, 2007. - 213 с.

ПОНЯТИЕ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

*Нуртаев А.Б. - магистрант кафедры «Юриспруденция»
Сейсембаева Г.Р. - м.ю.н., ст. преподаватель*

Вина в уголовном праве выступает в двух плоскостях: с одной стороны, это необходимый признак состава преступления и в этом качестве входит в основание уголовной ответственности (статья 17 УК РК), с другой - также является принципом уголовной ответственности (глава 15 УК РК) [1].

Сам принцип вины, закрепленный в статье 15 УК РК, недостаточно четко сформулирован: «Лицо подлежит ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина», поскольку противоречит положениям, приведенным в статьях 19 и 24 УК РК. В соответствии со статьей 19 УК РК основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РК, а пункт 1 статьи 14 указывает, что преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РК под угрозой наказания. Таким образом, какими бы общественно опасными не были действия (бездействие) лица и наступившие общественно опасные последствия таких действий (статья 15 УК РК), но если ответственность за них не предусмотрена УК РК, то такое лицо не может подлежать уголовной ответственности, вне зависимости от его осознания, предвидения, желания и расчетов [1].

На основании вышесказанного, на наш взгляд, пункт 1 статьи 15 УК РК целесообразнее изложить в следующей редакции: «Лицо подлежит ответственности только за виновно совершенные общественно опасные действия (бездействие) и наступившие в результате этих действий общественно опасные последствия, закрепленные Особой частью УК РК, содержащие все признаки состава преступления, предусмотренные УК РК» [1].

В УК РК 2014 года вина представлена в качестве принципа уголовной ответственности, который в правовой литературе также называют принципом субъективного вменения, который, по мнению ряда ученых, является краеугольным камнем отечественного уголовного права.

Следует отметить, что отождествление принципа вины с принципом субъективного вменения вызывает определенные споры, поскольку понятие «субъективное вменение» в правовой литературе трактуется неоднозначно.

Сам по себе термин «вменение» позаимствован казахстанской дореволюционной наукой уголовного права в немецкой криминологической литературе и означает процесс поставления деяния в вину определенному лицу, следует согласиться с мнением о том, что использование в законодательстве термина «вменение» с любым прилагательным «скорее вводит в заблуждение, чем раскрывает его содержание».

Некоторые ученые рассматривают субъективное вменение как процесс по установлению обстоятельств дела, имеющих правовое значение, в ходе расследования правонарушений и завершающийся установлением вины и ее сущности [2].

Другие под субъективным вменением понимают какой-то результат указанного процесса. Правовую оценку совершенных действий, привлечение к ответственности за содеянное со стороны соответствующих органов в виде квалификации, определения вида и размера наказания за него. По мнению одного из исследователей, «субъективное вменение - элементарнейшее условие правильной социально - политической оценки человеческого поведения

вообще и преступного в частности» [2].

Помимо принципа субъективного вменения, ряд исследователей принцип вины отождествляют также с принципом личной и виновной ответственности. Иначе его называют принципом виновности или виновной ответственности либо принципом ответственности при наличии вины. Некоторые исследователи выделяют принцип виновной ответственности в качестве основополагающего: «Закрепление в статье 15 УК РК в качестве основополагающего начала уголовного права принципа виновной ответственности требует создания надежных гарантий реализации этого принципа». Первым и главным гарантом этого должен быть сам уголовный закон, который «должен установить точные границы и условия реализации принципа виновной ответственности, что обеспечило бы безошибочную деятельность правоприменительных органов в процессе установления и оценки вины преступника в совершенном им деянии» [2].

В указанных выше примерах принцип вины отождествляется как с принципом субъективного вменения, так и с принципом личной и виновной ответственности. Тем не менее в правовой литературе принцип субъективного вменения и принцип личной и виновной ответственности не рассматриваются в качестве синонимов. Вероятно, правильнее было бы говорить о том, что принцип личной и виновной ответственности и принцип вины являются подмножествами принципа субъективного вменения. В подтверждение данной позиции приведем мнение одного из исследователей, который в отношении принципа субъективного вменения указывает, что «концентрированным выражением этого принципа в советском уголовном праве является принцип вины», а в отношении принципа личной ответственности полагает, что «принцип субъективного вменения - системный принцип, в котором принцип личной ответственности получает концентрированное выражение» [3].

Вину как правовое явление также следует рассматривать в контексте единства формы и содержания. В теории права «совершенно основательно подчеркивается это единство, поскольку содержание вины немыслимо вне определения формы, а в свою очередь форма вины не имеет никакой цены, если она не есть форма содержания [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 г. (с изменениями и дополнениями от 24.11.2015) // СПС «ЮРИСТ».
2. Назаренко Г.В. Вина в уголовном праве. - Орел: Юр. литература, 1996. - 219 с.
3. Шатов С.А. Понятие вины: проблемы интерпретации в уголовном и административном праве // Российский следователь. - М.: ВЕК. - 2009. - №18. - С. 15.

ЗАҢДЫ ТҰЛҒАНЫ ҚҰРУ, ҚАЙТА ҚҰРУ

*Уаисова К.Д. - магистрант кафедры «Юриспруденция»,
Сейсембаева Г.Р. - м.ю.н., ст. преподаватель*

Заңды тұлғаны қайта құру (қосу, біріктіру, бөлу, бөліп шығару, өзгерту) оның мүлкін меншіктенушінің немесе меншік иесі уәкілдік берген органның, құрылтайшылардың (қатысушылардың) шешімі бойынша, сондай-ақ заңды тұлғаның құрылтай құжаттарында уәкілдік берілген органның шешімі бойынша, не заң құжаттарында көзделген реттерде сот органдарының шешімі бойынша жүргізіледі. Заңдарда қайта құрудың басқа да нысандары көзделуі мүмкін.

Егер заңды тұлғаның мүлкін меншіктенуші, ол уәкілдік берген орган, құрылтайшылар немесе заңды тұлғаның құрылтай құжаттарында қайта құруға уәкілдік берілген органы заңды тұлғаны қайта құруды сот органының шешімінде белгіленген мерзімде жүзеге асырмаса, сот заңды тұлғаның басқарушысын тағайындайды және оған осы заңды тұлғаны қайта құруды жүзеге асыруды тапсырады. Басқарушы тағайындалған кезден бастап заңды тұлғаның ісін басқару жөніндегі өкілеттік соған ауысады. Басқарушы сотта заңды тұлғаның атынан әрекет етеді, бөлу балансын жасайды және оны заңды тұлғаны қайта құру нәтижесінде туындайтын

құрылтай құжаттарымен бірге соттың бекітуіне береді. Аталған құжаттарды соттың бекітуі жаңадан пайда болған заңды тұлғаларды мемлекеттік тіркеу үшін негіз болады [1].

Заңды тұлға, біріктіру нысанында қайта құрылатын реттерді қоспағанда, жаңадан пайда болған заңды тұлғалар тіркелген кезден бастап қайта құрылған деп есептеледі.

Заңды тұлғаны оған екінші бір заңды тұлғаны біріктіру жолымен қайта құрған кезде, заңды тұлғалардың мемлекеттік регистріне біріктірілген заңды тұлға қызметінің тоқталғандығы туралы жазба жасалған кезден бастап олардың бірінші қайта құрылған деп есептеледі.

Заңды тұлғаларды қосқан кезде олардың әрқайсысының құқықтары мен міндеттері өткізу құжатына сәйкес жаңадан пайда болған заңды тұлғаға ауысады. Заңды тұлғаны екінші бір заңды тұлғаға біріктірген кезде біріктірілген заңды тұлғаның құқықтары мен міндеттері өткізу құжатына сәйкес соңғысына ауысады. Заңды тұлғаны бөлген кезде оның құқықтары мен міндеттері бөлу балансына сәйкес жаңадан пайда болған заңды тұлғаларға ауысады. Заңды тұлғаның құрамынан бір немесе бірнеше заңды тұлғаларды бөліп шығарғанда, бөлу балансына сәйкес олардың әрқайсысына қайта құрылған заңды тұлғаның құқықтары мен міндеттері ауысады. Заңды тұлғаның бір түрін екінші түрдегі заңды тұлғаға өзгерткен кезде (ұйымдық-құқықтық нысанды өзгерткенде) қайта құрылған заңды тұлғаның құқықтары мен міндеттері өткізу құжатына сәйкес жаңадан пайда болған заңды тұлғаға ауысады [2].

Қайта құрылған заңды тұлғаның мүліктік құқықтары мен міндеттері жаңадан пайда болған заңды тұлғаға қосылған немесе біріктірілген кезде – өткізу актісіне сәйкес, бөлінген және бөліп шығарылған жағдайда – бөлу балансына сәйкес ауысады. Өткізу актісі мен айыру балансында қайта құрылған заңды тұлғаның барлық несие берушілері мен борышқорларына қатысты, барлық міндеттемелері бойынша, соның ішінде тараптар дауласқан міндеттемелер бойынша да құқықты мирасқорлығы туралы ережелер болуға тиіс. Өткізу актісі мен бөлу балансын заңды тұлғаның мүлкін меншіктенуші немесе заңды тұлғаны қайта құру туралы шешім қабылдаған орган бекітеді және құрылтай құжаттарымен бірге жаңадан пайда болған заңды тұлғаларды тіркеуге немесе нақтылы бар заңды тұлғалардың құрылтай құжаттарына өзгерістер енгізу үшін олар құрылтай құжаттарымен бірге тапсырылады.

Заңды тұлғаларды мемлекеттік тіркеу және филиалдар мен өкілдіктерді есептік тіркеу жөніндегі осы Нұсқаулық (бұдан әрі - Нұсқаулық) Қазақстан Республикасы Әділет министрлігі Тіркеу қызметі және құқықтық көмек көрсету комитетінің және Қазақстан Республикасы Әділет министрлігінің аумақтық органдарының (бұдан әрі - тіркеуші органдар) Қазақстан Республикасы аумағында құрылатын, қайта ұйымдастырылатын, қайта тіркелетін, таратылатын заңды тұлғаларды мемлекеттік тіркеу және филиалдар мен өкілдіктерді есептік тіркеу, қайта тіркеу, есептік тіркеуден шығару жөніндегі қызметін нақтылайды.

Өздерінің құрылу мақсатында, өз қызметінің түрі мен сипатына, қатысушылар (мүшелер) құрамына қарамастан, Қазақстан Республикасының аумағында құрылатын барлық заңды тұлғалар мемлекеттік тіркеуге жатады. Заңды тұлғалардың Қазақстан Республикасының аумағында орналасқан филиалдары мен өкілдіктері, оларға заңды тұлға құқығы берілмей-ақ есептік тіркеуге жатады [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. «Қазақстан Республикасының азаматтық кодексі 2005 жылы 1 қаңтар // АҚЖ «Параграф».
2. Гражданский Кодекс Республики Казахстан (Особенная часть). Комментарий (постатейный): В двух книгах. Книга 1. / Отв. ред.: М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин. - Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2006. - 872 б.
3. Грешников И.П. Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве. - СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс, 2002. - 331 с.

ЗАҢДЫ ТҰЛҒА ҰҒЫМЫ, ТҮРЛЕРІ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ҚАБІЛЕТТІЛІГІ

*Уаисова К.Д. - магистрант кафедрасы «Юриспруденция»
Сейсембаева Г.Р. - м.ю.н., ст. преподаватель*

Заңды тұлға дегеніміз - меншік, шаруашылық жүргізу немесе жедел басқару құқығындағы оқшау мүлкі бар және сол мүлікпен өз міндеттемелері бойынша жауап беретін, өз атынан мүліктік және мүліктік емес жеке құқықтар мен міндеттерге ие болып, оларды жүзеге асыра алатын, сотта талапкер және жауапкер бола алатын ұйым.

Заңды тұлға дербес балансы немесе сметасы болуға тиіс және заңды тұлғаның өз атауы жазылған мөрі болады.

Заңды тұлға дегеніміз адамның кез – келген жиынтығы емес, ұйымдық бірлігімен бөлшектенетін, яғни мақсаттарымен міндетпе, құқықтары айқын көрсетілген өз жарғысы және ережесі бор ұйымдық бірлік.

Құқықтар мен міндеттердің [1] иесі бола білу, азаматтық айналымда құқықтың дербес субъектісі ретінде қатысу, біз жоғарыда айтқанымыздай, жеке тұлғаға ғана емес, заңды тұлғаларға да тән. Азаматтық кодекстің 33 - бабында оған мынадай тұжырым берілген: «Меншік, шаруашылық жүргізу немесе жедел басқару құқығындағы оқшау мүлкі бар және сол мүлікпен өз міндеттемелері бойынша жауап беретін, өз атынан мүліктік және мүліктік емес жеке құқықтар мен міндеттерге ие болып, оларды жүзеге асыра алатын ұйым заңды тұлға деп табылады. Заңды тұлғаның дербес балансы немесе сметасы болуға тиіс. Заңды тұлғаның өз атауы жазылған мөрі болады».

Азаматтық құқық ғылымы заңды тұлғаны мынандай белгілері бойынша айқындайды:

1. ұйымдасқандық бірлігі;
2. мүліктік оқшаулығы;
3. дербес мүліктік жауапкершілігі;
4. азаматтық айналымға өз атынан қатынасуы.

Әрбір заңды тұлғаның ұйымдасқан бірлігі оның өзіне тән қасиеті болғандықтан заңның өзі ұйымдарды бөліп қарайды. Ұйымдасқан бірлігі заңды тұлғаның ішкі құрылымнан көрінеді, сол арқылы қызмет аясы айқындалады. Заңды тұлғалар өз қызметтерін, егер заң құжаттарында өзгеше көзделмесе, жарғы немесе құрылтай шарты негізінде жүзеге асырады.

Мүліктік оқшаулық – заңды тұлғаның экономикалық құқықтық белгісі болып табылады және оның мүлікке заттық құқығын иеленуін білдіреді. Бұл арада әңгіме оның меншік құқығы, шаруашылықты жүргізу немесе оралымды басқару құқығы туралы болып отыр. Комерциялық ұйымдағы дербес балансын мөлшері мен мекемедегі смета заңды тұлғаның оқшаулық мүлкін айқындайтын құжаттар.

Дербес мүліктік жауапкершілік дегеніміз - Ол заңды тұлғаның міндеттемелері бойынша өздеріне тиеселі барлық мүлікпен жауап беруі. Бұл жалпы ереже. Ал, меншік иесі қаржыландыратын мекеме мен қазыналық кәсіпорындар Азаматтық кодекстің 44 - бабының 1 - тармағы 2 - бөлігіне сәйкес өз міндеттемесі бойынша өз билігіндегі ақшалай қаражатпен жауап береді. Қаражат жеткіліксіз болған жағдайда мекеме мен қазыналық кәсіпорынның міндеттемелері бойынша қосымша оның құрылтайшысы жауапты болады [2].

Заңды тұлғаның азаматтық айналымға өз атынан қатынасуы процессуалдық-құқықтық белгісі. Ол оның сотта талапкер және жауапкер болуына, өз атынан шарт жасасуға, бір жақты мәміле жасауына мүкіндік береді.

Азаматтық құқықтың негізгі субъектілерінің бірі заңды тұлғалар болып саналады. Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексінің 33 бабының 1 тармағының 1 бөліміне сәйкес меншік, шаруашылық жүргізу немесе жедел басқару құқығындағы оқшау мүлкі бар және сол мүлікпен өз міндеттемелері бойынша жауап беретін, өз атынан мүліктік және мүліктік емес жеке құқықтар мен міндеттерге ие болып, оларды жүзеге асыра алатын, сотта талапкер және жауапкер бола алатын ұйым заңды тұлға деп танылады. 2002 жылы 12 желтоқсанда қабылданған. Азаматтық кодексте берілген түсініктен, заңды тұлға анықтамасының алдыңғы азаматтық заңнамаларында берілген түсініктерге қарағанда өзгермегенін байқаймыз [3].

Заңды тұлға – мүліктік қатынастардың басқа субъектілері ұйымдастырған, құрған және құқықтары мен міндеттер берген субъект. Заңды тұлғаның құрылтайшылары (құрушылары) оны мүліктік қатынастардың субъектілері ретінде өзінен бөлу мақсатында құрады. Мүліктік азаматтық – құқықтық қатынастар үшін заңды тұлға институтының тәжірибелік маңыздылығы мынада: «заңды тұлға құрылтайшыларының өз кәсіпкерлік тәуекелін өздері үшін орынды болады деп есептейтін сомамен шектеу мүмкіндігі бар».

Заңды тұлға институтын заңды тұлғалардың құқық қабілеттілігін, олардың ұйымдық - құқықтық нысандарын, заңды тұлғаларды құру, қайта құру және тарату тәртібін белгілейтін нормалардың жиынтығы, азаматтық құқықтың сала тармағы ретінде анықтауға болады.

Сонымен жоғарыда айтылып кеткендей заңды тұлғаның жария анықтамасы ҚР АҚ-ның 33 бабының 1 тармағының 1 бөлімінде баянды етілген: «Меншік, шаруашылық жүргізу немесе жедел басқару құқығындағы оқшау мүлкі бар және сол мүлікпен өз міндеттемелері бойынша жауап беретін, өз атынан мүліктік және мүліктік емес жеке құқықтар мен міндеттерге ие болып, оларды жүзеге асыра алатын, сотта талапкер және жауапкер бола алатын ұйым заңды тұлға деп аталады [3].

Заңды тұлғаның дербес балансы немесе сметасы болуға тиіс.

Заңды тұлға сан алуан қоғамдық қатынастардың қатысушысы, құқық жүйесінің әр қилы салаларының субъектісі болғандықтан, оның құқық субъектілігіне көп салалы сипат тән болып келеді. Заңды тұлға мәртебесі арқылы ұйым әкімшілік, еңбек, азаматтық және өзге де құқық субъектіліктің ұстаушысы болуы мүмкін. Заңды тұлғаның мақсаттары мен жүзеге асыратын қызметтері арқылы оның құқық субъектілігін білуге болады [2].

Заңды тұлғалардың қатынасқа қатысу аясы олардың қандай мақсат үшін құрылғандығына әрі жүзеге асыратын әрекеттерінің сипатына қарай белгіленеді. Қатысуға тиісті қатынасына қарай заңды тұлға қайсыбір құқықтарды немесе міндеттерді иеленеді. Демек, заңды тұлғаның құқықтық қабілеті оған жүктелген міндеттерге қарай белгіленеді.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Қазақстан Республикасының азаматтық кодексі 2005 жылы 1 қаңтар // АҚЖ «Параграф».
2. Гражданский Кодекс Республики Казахстан (Особенная часть). Комментарий (постатейный): В двух книгах. Книга 1. / Отв. ред.: М.К. Сулейменов, Ю.Г. Басин. - Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2006. - 872 б.
3. Грешников И.П. Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве. - СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс, 2002. - 331 с.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА ВОЗДУШНОГО ПРОСТРАНСТВА

Алтыспаев Аскар Маратович - магистрант кафедры «Юриспруденция»

Являясь одной из сфер существования и деятельности человечества, воздушное пространство использовалось людьми при осуществлении ими практически любой даже самой примитивной деятельности. Передвигаясь по суше или воде, опускаясь в недра или морские глубины, бросая камни, возводя простейшие сооружения, стреляя из лука, или арбалета человек был связан с использованием воздушного пространства. Обращаясь к истории можно пронаблюдать постоянный рост и совершенствование деятельности, связанной с использованием воздушного пространства. Однако никаких попыток подчинить эту деятельность праву и закону не наблюдалось [1].

В древнем Риме воины, вооруженные метательным оружием (дротик, праща, лук) использовали воздушное пространство для поражения на расстоянии своих врагов. Особенный интерес в этом смысле имеет применение метательных машин, с помощью которых древние воины перемещали в воздушном пространстве уже достаточно крупные материальные объекты. Одной из таких машин была баллиста. С помощью баллисты дальность метания камней (до 30 кг), тяжелых стрел, окованных бревен (длиной до 3,5 м), бочек с горячей смолой и

т.п., достигала 400 - 800 м, более легких стрел - до 1000 м. Другим видом метательного оружия древности являлась катапульта. Она предназначалась для метания по крутой траектории камней, ядер, стрел массой 30 - 480 кг на дальность 850 - 250 м. Такие машины применялись в древней Греции и древнем Риме, начиная с 5 века до н.э. [2].

В конце XIII начале XIV вв. у арабов, а затем в Западной Европе и на Руси появился порох и огнестрельное оружие. Первыми из огнестрельного оружия появились пушки, стреляющие зажигательными, каменными и металлическими ядрами. Несколько позднее было создано ручное огнестрельное оружие.

Известно, что дымный порох был изобретен в Китае еще в 682 г. алхимиком Сунь-Сы-Мяо, описавшим свойства смеси серы, селитры и угля. Имеющиеся источники не указывают на широкое применение китайцами своего открытия для военных целей. Однако имеются данные, что в 969 году в Китае был изобретен состав, позволяющий не только зажигать стрелы, но и отбрасывать их по воздуху на большие расстояния. Спустя 30 лет были созданы особые трубки, выбрасывающие такие стрелы на 1000 шагов. Китайцы также применяли свое изобретение для фейерверков на увеселительных мероприятиях.

В первой половине XVI в. на Западе появились первые научные труды по артиллерии. Так, в 1537 году известный итальянский математик Никола Тарталья опубликовал исследование "О новой науке", а спустя одиннадцать лет - книгу "Разные вопросы и изобретения". В них он разработал закон кривизны траектории артиллерийских снарядов, доказав, что максимальная дальность их полета достигается при возвышении ствола орудия на 45°. На этом примере мы наблюдаем уже научные исследования в области использования воздушного пространства. Появление пороха и связанное с ним создание огнестрельного оружия (в начале элементарных пушек, а затем различного рода ракет) носит поистине революционный характер в использовании человечеством воздушного пространства. Порох - это первое созданное человеком топливо, позволяющее преодолевать гравитацию Земли, осуществлять целенаправленную деятельность в воздушном пространстве с помощью управляемых аппаратов. Эволюция человеческой деятельности, связанной с использованием воздушного пространства, последовательна, взаимосвязана и находится лишь в зависимости от уровня научно - технического развития. В этом смысле примечательны слова американского ученого А.С. Локка: "Управляемый снаряд является естественным развитием брошенного камня, метательного копья, огнестрельного оружия и ракеты». Управляемый снаряд он определяет как устройство, движущееся в воздушном пространстве без экипажа и обладающее средствами управления собственной траекторией. Причем, такой снаряд он считает действующим только при его нахождении над, а не на и не под поверхностью земли. А.С. Локк утверждает, что слово "снаряд" обычно понимается в смысле обобщенного названия такого оружия, как копье, стрела или пуля [3].

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод, что человеческая деятельность, связанная с использованием воздушного пространства, весьма разнообразна и практически существовала на всех этапах развития цивилизации на нашей планете. Однако эта деятельность долгое время не вызывала конфликтных ситуаций между людьми в плане собственно использования воздушного пространства и поэтому не получала должной общественной оценки и в последствие, с возникновением государства, не нуждалась в его регулировании.

Научно-технический прогресс и его влияние на возникновение процесса регулирования использования воздушного пространства в целях авиации. Общеизвестно, что одной из основных причин возникновения и развития новых отраслей права и международного права, в частности, является научно-технический прогресс, изменяющий материальные условия жизни людей и человеческого сообщества в целом. Появление новых общественных отношений, порожденных научно-техническим прогрессом, и проникновение его достижений в различные сферы человеческой деятельности вызывают потребность у государств регулировать указанные отношения.

«Эффективность международно-правовой позиции государства в международном правотворчестве, прежде всего, определяется тем, насколько верно она отражает актуальность потребности международных отношений, а также изменения, постоянно происходящих в мире под воздействием социального и научно - технического прогресса» [4].

Научно-технический прогресс в разные исторические периоды являлся причиной возникновения морского, воздушного и космического права, права охраны окружающей среды и др. Однако следует признать, что период между возникновением новых общественных отношений, потребностью их регулировать и созданием в связи с этим соответствующих правовых норм до настоящего времени является, не оправдано длительным. Для того, чтобы понять причины столь длительного процесса формирования новых правовых норм, объяснить появление «правового вакуума» в некоторых областях общественных отношений, устранить эти и другие имеющиеся недостатки в правотворческой деятельности, необходимо внимательно изучить и тщательно проанализировать исторический процесс возникновения и развития норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением той или иной вновь появившейся деятельности.

Указанная научная процедура изучения исторических процессов в полной мере относится и к анализу формирования правового режима воздушного пространства над государственной территорией и за ее пределами.

Прежде чем приступить к такому анализу, необходимо определить понятие «правовой режим воздушного пространства». По мнению Ю.Н. Малеева, и диссертант с этим абсолютно согласен, «правовой режим воздушного пространства, складывающийся на основе правового статуса суверенного и открытого воздушного пространства и содержащий конкретные дозволения и запреты на осуществление определенных видов деятельности в воздушном пространстве. Иными словами, правовой режим воздушного пространства определяет порядок его использования» [5].

Известный русский юрист В.Э. Грабарь утверждает, что до ближайшего времени воздушное пространство не могло быть использовано для каких-нибудь других целей кроме строительства. В этом же смысле он ссылается на мнение известного голландского юриста Гуго Гроция, который говоря о свободе моря одновременно высказывал предложение о свободе воздуха. При этом Гуго Гроций не видел необходимости устанавливать такую же свободу для воздуха как для моря из-за невозможности человека использовать воздушное пространство, не приходя в соприкосновение с землей [6].

Однако, из сказанного выше видно, что человечество давно и активно использовало воздушное пространство при проведении взрывных работ, стрельб, запуска различных снарядов и т.д.

Зарождение и развитие воздухоплавания, а затем авиации, послужили причиной возникновения принципиально новых общественных отношений, требующих нормативно-правового регулирования.

Первые попытки правового регулирования воздушных передвижений В.Э. Грабарь находит в постановлении парижской полиции от 23 апреля 1784 г., воспрещающем пускать шары, согреваемые спиртом и другими опасными в пожарном отношении веществами, а также в указе императора Леопольда II от 26 мая 1786 г., устанавливающим аналогичные запреты, штрафные санкции за нарушение указа и обязанность возмещения за причиненные аэростатами убытки [6].

И только век спустя в различных странах мира начинают появляться акты, выражающие заинтересованность государств в установлении специального правового режима воздушного пространства над своей территорией. Рождение этих актов было обусловлено, в первую очередь, оборонными и экономическими интересами законодателя. Задолго до появления нормативно-правовых актов (национальных и международных) ученые и специалисты в области воздухоплавания создавали сообщества (аэроклубы, институты и т.п.), разрабатывали собственные уставы и регламенты, частные по существу, обязательные для выполнения только членами этих авиационных сообществ.

До Парижской конвенции 1919 г. государствами предпринимались попытки решить проблемы воздушного права на международной основе, используя в том числе, свой национальный опыт. В 1910 году в Париже состоялась дипломатическая конференция, целью которой являлось принятие конвенции о воздушном передвижении. Её участниками стали девятнадцать государств. Представители Англии отстаивали следующую позицию: «Государства будут иметь полный суверенитет над воздушным пространством над их территорией и

территориальными водами». Противоположенной позиции придерживалась французская делегация, выступавшая за признание «свободы воздуха». Вследствие этого на конференции государства разделились на приверженцев английской и французской позиций. Такие диаметрально противоположенные позиции не позволили участникам конференции решить главный вопрос, касающийся установления правового режима воздушного пространства - определить правовой статус воздушного пространства, расположенного над государственной территорией [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихомиров Ю.А. Действующее международное право. - М.: Норма, 1997. Т.2. - 350 с.
2. Сарсембаев М.А. Международное право. Учебник. 3-е изд. - Алматы.: Гылым, 2001. - 440 с.
3. Локк А.С. Управляемые снаряды. - М.: Наука, 2007. - 390 с.
4. Малеев Ю.Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы // Московский журнал международного права. - М.: АСТ, 2004. - №3. - С. 31 - 47.
5. Малеев Ю.Н. Воздушное пространство: основные конфликтные позиции государств. Материалы 4 Комитета РАМИ. - М.: МГИМО, 2007. - 365 с.
6. Грабарь В.Э. Вопросы воздушного права.: История воздушного права. - М.: Авиаким, 1999. - 153 с.
7. Хлестов О.Н. Прогнозы развития международного права в XXI веке // Московский журнал международного права. 2001. - М.: АСТ, 2001. - С. 24 - 38.

СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ ЗА РУБЕЖОМ

Аяпбергенова А.К. - магистрантка специальности «Юриспруденция»

Банковская тайна в зарубежных странах является специфическим видом коммерческой тайны и оказывает решающее влияние на регулирование банковской деятельности.

В большинстве зарубежных стран сведения о состоянии счетов клиентов и выполняемых по ним операциям не подлежат разглашению и являются банковской тайной. Это означает, что сведения о счетах можно получить, как правило, только в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Рассмотрение гражданского дела во многих странах не является основанием для банка предоставлять суду любые сведения, за исключением тех случаев, когда банк сам выступает стороной по делу. Такая практика существует, например, в Германии и Франции. Однако это ограничение не распространяется на решения судов по гражданским и хозяйственным спорам. Так, например, если согласно решению суда осуществляется процедура санации или применяется другая форма объявления должника неплатежеспособным, то банки обязаны предоставлять соответствующие сведения. Это правило действует во Франции при проведении процедуры оздоровления в соответствии с Законом о банках от 25 января 1985 г. (ст. 19) [1], а также в случае наложения ареста на имущество должника в соответствии с Законом от 9 июля 1991 г. (ст. 47) [2]. Согласно ст. 57 Закона о банках профессиональная тайна не может быть скрыта от судебных органов, осуществляющих уголовное расследование. Речь идет о том, что банковские служащие должны давать показания определенным представителям правоохранительных органов. Однако круг таких представителей правоохранительных органов является ограниченным. В частности, лицо, производящее дознание, должно получить специальное поручение судебного следователя. Относительно налоговых органов, то во Франции закон предоставляет этой службе значительные права требования от кредитных учреждений получать конкретные сообщения. В соответствии с положениями книги налоговых процедур [3] фискальные агенты могут с целью осуществления налогового контроля получать справки из торговых книг, приходных и других документов, в том числе и служебных документов кредитного учреждения. Французское законодательство также предусматривает уголовную ответственность за разглашение бан-

ковской тайны. В соответствии со ст. 378 Уголовного кодекса Франции [4] врачи, другие медицинские работники, а также лица, которые обладают различной конфиденциальной информацией, которая была им доверена в результате выполнения ими постоянно или временно своих профессиональных или функциональных обязанностей, и которые огласили эти сведения при отсутствии ситуации, когда закон или обстоятельства обязывали их к этому, наказываются лишением свободы на срок от одного до шести месяцев и штрафом от 500 до 150 тыс. франков. Субъектами этого преступления, как свидетельствует судебная практика, могут быть также другие лица: представители власти, работники налоговой администрации, почтовые служащие, банкиры.

В Законе о Немецком Федеральном банке в редакции от 22 октября 1992 г. [5], предусмотрено, что "все лица, находящиеся на службе Немецкого Федерального банка, обязываются к неразглашению тайны о делах в учреждениях банка, а также о заключенных им соглашениях. Они без разрешения не имеют права давать показания или объяснения о фактах, ставших им известными в ходе их деятельности, а также при выбытии со службы, ни перед судом, ни вне суда. Разрешение, если это в интересах банка, предоставляется служащим банка Президентом, который может перенести эти полномочия на президентов Центральных банков земель. Разрешение для судебного допроса может не предоставляться тогда, когда этого требуют благополучие Федерации или интересы общественности" (ст. 32). Кроме того, в немецком законодательстве обязанность банка сообщать соответствующие сведения соотносится с процессом принудительного исполнения решений или процессом о несостоятельности и сопровождается обязанностью сделать заявление о третьих лицах (должниках). Среди других органов, которые могут в Германии требовать у банка предоставления сведений о счетах, следует назвать и налоговые службы. Насчет полиции, то банки не передают ей никаких сведений. Более того, в случае незаконного запроса полицией любых справок можно требовать возмещения причиненного вреда.

В отличие от стран, где действует "уставное право", несколько иначе решается вопрос охраны банковской тайны в странах, в которых право устанавливается судебными прецедентами.

Более широкий подход к определению предмета банковской тайны впоследствии был применен в Кодексе добросовестной банковской практики (Banking Code) [6], в котором предусмотрено, что банки обязаны строго соблюдать конфиденциальность о делах своих клиентов (в том числе бывших клиентов) и не раскрывать детали о состоянии счетов или название и адреса клиентов третьим лицам, включая компании, принадлежащие к одной группе. Итак, английская судебная практика традиционно основывается на очень осторожном подходе к раскрытию конфиденциальной банковской информации, в то же время статутное право устанавливает все больше оснований для предоставления конфиденциальной информации. Это проявляется в том, что ряд специальных законов предоставляет право публичным органам на получение от банка информации о клиенте. К таким законам относятся: Закон об управлении налогами (1970 г.), Закон о финансовых услугах (1986 г.), Закон о несостоятельности (1986 г.), Закон о полиции и доказательствах в уголовном праве (1984 г.).

Принятый в 1987 г. Закон о банковской деятельности закрепил принципиальное положение, согласно которому банк не должен раскрывать конфиденциальную информацию о клиенте, в то же время Закон предусмотрел вопросы, относительно которых возможно раскрытие информации Банка Англии и Банком Англии в связи с выполнением им своих функций и задач, предусмотренных Законом.

Относительно законодательства США, то здесь следует назвать Закон о банковской тайне (1970 г.) [9], Закон о праве на финансовую тайну (1978 г.) и ряд других законов по поводу наркотиков, отмывания денег и т.д. Нормы этих Законов обязывают банки должным образом проводить учет документов по счетам клиентов и сообщать о сделках на сумму свыше 10 тыс. долл. Однако судебная практика внесла существенные коррективы в указанные положения, учитывая право клиента на защиту информации. Клиенту в каждом случае запроса о его счете должны сообщать о таком запросе и он имеет право обратиться в суд с требованием отменить запрос, если он считает его незаконным.

В настоящее время существует группа стран (Швейцария, Австрия, Люксембург), где сохранение банковской информации рассматривается как важная задача правового регулирования банковской деятельности и получить любые сведения из банка практически невозможно. В этих странах предоставление банковской информации предусматривается только в случаях совершения преступления и если существуют доказательства причастности клиента к преступлению, а необоснованная передача такой информации влечет за собой применение строгого уголовного наказания банковских служащих. В Австрии за нарушение банковской тайны любые лица могут быть лишены свободы до 1 года или на них налагается штраф в размере до 360 ставок среднедневного заработка. В Швейцарии банковская тайна охраняется как гражданскими, так и нормами уголовного права. Банк, который не умеет держать секреты своих клиентов, может быть лишен лицензии, а служащим за разглашение такой информации грозит лишение свободы на срок до 6 месяцев или штраф до 50 тыс. швейцарских франков.

Согласно Закону Швейцарии "Про банки и сберегательные кассы" к организациям, которые обязаны хранить банковскую тайну, относятся: банки, частные банковские дома, сберегательные кассы, некоторые финансовые компании. Этим самым Законом предусматривается, что обязательства ответственных лиц по сохранению банковской тайны действуют в течение всей их жизни независимо от смены места работы.

В различных странах существуют различия в порядке и случаях, при которых информация о подозрительных операциях направляется компетентным органам. Если в Германии банковскую тайну раскрывают по требованию суда, то в Австрии, Люксембурге решение о предоставлении информации принимает также суд, но он требует конкретных доказательств вины владельца счета. В Великобритании тайна счета открывается по требованию Палаты лордов, которая выполняет функции Верховного Суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кристиан Г., Стуфле Ж. Банковское право. М.: Финстатинформ, 1996. С. 105.
2. Масленников В.В. Зарубежные банковские системы: Научное издание. М.: ТД "Элит - 2000", 2001. 392 с.
3. Французская республика. Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1989. 448 с.
4. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. Изд. 2 - е, доп. и испр. М.: Зерцало - М, 2002. 528 с.

ИНСТИТУТ БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аялбергенова А.К. - магистрантка специальности «Юриспруденция»

Большое значение для функционирования механизма правового регулирования банковской деятельности в странах с развитой рыночной экономикой имеют правовой режим банковской информации и обеспечение банковской тайны.

Банковская тайна в зарубежных странах является специфическим видом коммерческой тайны и оказывает решающее влияние на регулирование банковской деятельности.

В большинстве зарубежных стран сведения о состоянии счетов клиентов и выполняемых по ним операциях не подлежат разглашению и являются банковской тайной. Это означает, что сведения о счетах можно получить, как правило, только в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Рассмотрение гражданского дела во многих странах не является основанием для банка предоставлять суду любые сведения, за исключением тех случаев, когда банк сам выступает стороной по делу. Такая практика существует, например, в Германии и Франции. Однако это ограничение не распространяется на решения судов по гражданским и хозяйственным спорам. Так, например, если согласно решению суда осуществляется процедура санации или применяется другая форма объявления должника неплатежеспособным, то банки обязаны предоставлять соответствующие сведения [1].

Это правило действует во Франции при проведении процедуры оздоровления в соответствии с Законом о банках от 25 января 1985 года (ст. 19), а также в случае наложения ареста на имущество должника в соответствии с Законом от 9 июля 1991 года (ст. 47). Согласно ст. 57 Закона о банках профессиональная тайна не может быть скрыта от судебных органов, осуществляющих уголовное расследование. Речь идет о том, что банковские служащие должны давать показания определенным представителям правоохранительных органов. Однако круг таких представителей правоохранительных органов является ограниченным. В частности, лицо, производящее дознание, должно получить специальное поручение судебного следователя. Относительно налоговых органов, то во Франции закон предоставляет этой службе значительные права требования от кредитных учреждений получать конкретные сообщения [2]. В соответствии с положениями книги налоговых процедур фискальные агенты могут с целью осуществления налогового контроля получать справки из торговых книг, Приходных и других документов, в том числе и служебных документов кредитного учреждения. Французское законодательство также предусматривает уголовную ответственность за разглашение банковской тайны.

В соответствии со ст. 378 Уголовного кодекса Франции врачи, другие медицинские работники, а также лица, которые обладают различной конфиденциальной информацией, которая была им доверена в результате выполнения ими постоянно или временно своих профессиональных или функциональных обязанностей и которые огласили эти сведения при отсутствии ситуации, когда закон или обстоятельства обязывали их к этому, наказываются лишением свободы на срок от одного до шести месяцев и штрафом от 500 до 150 тыс. франков. Субъектами этого преступления, как свидетельствует судебная практика, могут быть также другие лица: представители власти, работники налоговой администрации, почтовые служащие, банкиры [3].

В Законе о Немецком Федеральном банке в редакции от 22 октября 1992 года, предусмотрено, что "все лица, находящиеся на службе Немецкого Федерального банка, обязываются к неразглашению тайны о делах в учреждениях банка, а также о заключенных им соглашениях. Они без разрешения не имеют права давать показания или объяснения о фактах, ставших им известными в ходе их деятельности, а также при выбытии со службы, ни перед судом, ни вне суда [4]. Разрешение, если это в интересах банка, предоставляется служащим банка Президентом, который может перенести эти полномочия на президентов Центральные банков земель. Разрешение для судебного допроса может не предоставляться тогда, когда этого требуют благополучия Федерации или интересы общественности" (статья 32). Кроме того, в немецком законодательстве обязанность банка сообщать соответствующие сведения соотносится с процессом принудительного исполнения решений или процессом о несостоятельности и сопровождается обязанностью сделать заявление о третьих лицах (должниках). Среди других органов, которые могут в Германии требовать у банка предоставления сведений о счетах, следует назвать и налоговые службы. Насчет полиции, то банки не передают ей никаких сведений. Более того, в случае незаконного запроса полицией любых справок можно требовать возмещения причиненного вреда [5].

В отличие от стран, где действует "уставное право", несколько иначе решается вопрос охраны банковской тайны в странах, в которых право устанавливается судебными прецедентами [6].

Так, в Великобритании общий подход к вопросу банковской тайны был изложен в деле *Tournier v National Provincial and Union Bank of England* в 1924 году, а именно - обязанность банка хранить тайну о финансовых делах своего клиента не является абсолютной, а поэтому суд может обязать банк предоставить информацию при выполнении определенных требований представителями государства.

Более широкий подход к определению предмета банковской тайны впоследствии был применен в Кодексе добросовестной банковской практики (*Banking Code*), в котором предусмотрено, что банки обязаны строго соблюдать конфиденциальность о делах своих клиентов (в том числе бывших клиентов) и не раскрывать детали о состоянии счетов или название и адреса клиентов третьим лицам, включая компании, принадлежащие к одной группе [7]. Итак, английская судебная практика традиционно основывается на очень осторожном под-

ходе к раскрытию конфиденциальной банковской информации, в то же время статутное право устанавливает все больше оснований для предоставления конфиденциальной информации. Это проявляется в том, что ряд специальных законов предоставляет право публичным органам на получение от банка информации о клиенте. К таким законам относятся: Закон об управлении налогами (1970 год), Закон о финансовых услугах (1986 год), Закон о несостоятельности (1986 год), Закон о полиции и доказательствах в уголовном праве (1984 год).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кристиан Г., Стуфле Ж. Банковское право. М.; Финстатинформ, 1996. С. 105.
2. Масленников В.В. Зарубежные банковские системы: Научное издание - М.: ТД "Элит-2000", 2001. - 392 с.
3. Французская республика. Конституция и законодательные акты. - М.: Прогресс, 1989. - 448 с.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Барлубаев Н.Б. - магистрант кафедры «Юриспруденция»

Интеграция государств Западной и Центральной Европы прошла сложный правовой путь от создания зоны свободного движения рабочей силы, товаров, капиталов и услуг через таможенный союз и общий рынок к единому экономическому, валютному, а затем и политическому союзу. Организационно-правовую основу их экономической интеграции составили созданные в 1950 - е годы три межгосударственных экономических ассоциации: Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом) и Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), получившие название «Европейские Сообщества». Следующим, более высоким уровнем интеграции, стало образование в 1992 г. Европейского Союза. Анализ нормативно-правовых и институциональных особенностей Европейского Союза свидетельствует о том, что параллельно и вместе с Европейскими Сообществами сформировалось и развивается реальное межгосударственное объединение, преследующее не только и не столько экономические и социальные цели, сколько политические, правовые, а также цели обеспечения совместной обороны [2].

В связи с этим можно предположить, что ЕС и его правовая система являются следующим очень важным звеном в развитии интеграции. Первоначально государства путем согласования своих волей образовали три интеграционных объединения, на основании деятельности которых начало образовываться право, а в дальнейшем формироваться и правовая система. Процессы сближения законодательства, провозглашенные в учредительных актах, способствовали формированию единого правового пространства в рамках Европейских Сообществ, а в дальнейшем и Союза. Представляется, что данная деятельность институтов, направленная на унификацию национальных систем государств - членов и привела к становлению европейского правового пространства. Еще одной предпосылкой является введение в правовую систему ЕС норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ). Признание действия норм данного международного договора на территории Союза было провозглашено в ст. F Маастрихтского договора о Европейском Союзе. Тем самым нормы ЕКПЧ инкорпорировались в правовую систему ЕС.

Правовая система Европейского Союза формировалась поэтапно. Первым этапом формирования было заключение договоров об учреждении Европейских Сообществ. Нормы этих правовых актов послужили первичной базой для зарождения права ЕС. В дальнейшем развитие норм права ЕС (как учредительных актов, так и актов, принимаемых органами Сообществ и Союза) и «введение» в него норм международных договоров, таких как Шенгенские соглашения, ЕКПЧ, а также договоров, заключаемых ЕС с третьими государствами и международными организациями, привело к формированию правовой системы ЕС. В эту систему входят нормы как внутреннего, так и внешнего права ЕС.

В процессе сложного и относительно длительного пути интеграции Европейские Сообщества и государства - члены образовали Европейский Союз. Следовательно, его учредителями являются субъекты международного права, что позволяет говорить о том, что ЕС - это межгосударственное образование регионального типа.

Но несмотря на то, что ЕС по своей природе является межгосударственной организацией, она обладает отличительными особенностями. В настоящий момент, с юридической точки зрения, Европейский Союз действительно представляет собой международно правовое образование (межгосударственное объединение). Это следует, в первую очередь, из того, что Европейские Сообщества и в целом Европейский Союз созданы путем заключения учредительных договоров, которые являются классическими международными договорами. На основе учредительных договоров создаются и функционируют постоянно действующая институциональная система, формирующая производное право. Очевидно, что Европейский Союз и созданная в его рамках неординарная правовая система имеют международно-правовое происхождение.

Однако следует обратить внимание на тот факт, что особенности сформировавшегося права ЕС позволяют утверждать, что по своей правовой природе Союз отличается от межгосударственных организаций в классическом их понимании. Без сомнения, ЕС представляет собой уникальное явление современного международного права. Союз был создан, как было указано выше, путем объединения субъектов международного права - трех международных организаций (ЕЭС, Евроатом, ЕОУС). В этом случае можно говорить об интеграции государств и интеграции Сообществ в единое межгосударственное образование, не имеющее аналогов. Это, а также отсутствие нормативно закрепленного определения его правовой природы, породило в теории международного права множество противоречивых позиций относительно правовой природы Европейского Союза [3].

Анализ ЕС свидетельствует о наличии в нем признаков и международной организации, и федерации, и конфедерации, что позволяет некоторым делать радикальные выводы. Так, Д. Ласок, указывая на наличие федеративности и конфедеративности в природе ЕС, заявляет, что анализ норм Единого Европейского Акта и Маастрихтского договора позволяет сделать вывод о том, что ЕС присущи более черты федерации, чем конфедерации.

Действительно, отдельные черты государственного устройства присущи правовой природе ЕС; например, единое европейское гражданство, единая валютная система, структура построения институтов, а также порядок и принципы их взаимодействия. Кроме того, можно предположить, что структура распределения властей также больше соответствует устройству государства, чем традиционному организационно-правовому механизму международной организации. Следует обратить внимание и на тот факт, что несмотря на международно-правовую природу, нормы некоторых источников права ЕС имеют прямое применение в государствах-членах ЕС, то есть должны применяться непосредственно в национальных правовых системах без процедуры имплементации. К таким актам относятся в первую очередь регламенты и директивы общего характера. Однако наличие нескольких характерных признаков еще не позволяет заявлять о том, что Союз по своей природе является государством. Например, принцип верховенства права ЕС заимствован из международного права и активно применяется в правовой системе Союза.

В пользу государственного устройства ЕС приводится факт наличия единой валютной системы. Однако несмотря на то, что евро является европейской денежной единицей, не все государства приняли ее в качестве национальной валюты (например, Великобритания). Кроме того, в «зону евро» входят и государства, не являющиеся членами ЕС.

Интерес представляет позиция Э. Ноэля. Говоря о природе ЕС, он подчеркивает, что ЕС - это нечто большее, чем обычная межправительственная организация; его институты обладают определенным юридическим статусом и своими собственными полномочиями, причем достаточно широкими. Однако, отмечает автор, Сообщество не является федерацией: в нем нет «федерального правительства», которому в определенных сферах подчиняются национальные правительства и парламенты.

Основным доказательством того, что ЕС не является государством, служит наличие у государств-членов суверенитета и полное его отсутствие у самого Союза. В ст. F.I. Договора

о ЕС (ст. 1-5 Договора, учреждающего Конституцию для Европы) закреплено, что Союз уважает национальную индивидуальность государств-членов. Государства-члены ЕС вступают в межгосударственные отношения за рамками Союза как самостоятельные субъекты международного права. При рассмотрении ЕС как международного образования говорить о его суверенитете, естественно, нет оснований, в то время как за государствами-членами суверенитет признается бесспорно. Римский договор и иные учредительные договоры, регулирующие деятельность ЕС, не содержат норм, ущемляющих суверенные права государств-членов, в том числе право выхода из Союза. Данная объективная реальность свидетельствует о том, что государства, являясь членами Сообщества, не утрачивают суверенитет, в силу которого они могут быть или не быть членами ЕС [4].

Статья 24 части 1 Основного закона ФРГ, наиболее явно допускающая передачу части «верховой власти» межгосударственным образованиям, также не может быть истолкована в смысле окончательной потери государствами своих национально-государственных полномочий в сферах, отданных регулированию ЕС. Государства-члены, хотя и отказываются добровольно от части собственных суверенных прав в пользу наднациональных органов, в то же время владеют ими по-прежнему как полноправные суверены, а не урезанные в правах члены новой федерации. Следует согласиться с позицией М.А. Моргуновой в том, что государственный суверенитет, так же как и национальный и народный суверенитет, представляет собой внутреннее свойство определенной общности. Он либо есть, либо его нет. Суверенитет государств, входящих в это Сообщество, гарантируется правом и реальной возможностью выхода из состава ЕС на основе одностороннего волеизъявления. Передаваться же могут определенные права, но не суверенитет.

Существенное различие ЕС и федерации можно проследить в институциональном устройстве. Как отмечают М.Л. Костенко и Н.В. Лавренова, федерация имеет ряд постоянно действующих государственных органов: президент, правительство, верховный суд и т.д. Здесь речь идет именно о государственных органах. Если попробовать провести аналогию с ЕС, исходя из теории его возможного федеративного устройства в будущем, то, прежде всего, следует отметить, что органы ЕС ни теоретически, ни практически нельзя отнести к числу государственных по следующим причинам: они являются органами международной организации и их функции и полномочия определены в нормах учредительного договора; в настоящее время не существует какого-либо правового акта, который изменял бы их статус как органов международной организации; они имеют представительный характер; в их работе принимают участие представители государств-членов Европейского Союза. Исходя из изложенного, можно говорить о наличии лишь отдельных черт федерации в правовой природе ЕС, однако можно однозначно сказать о том, что Европейский Союз в настоящее время не является федерацией [5].

Существует точка зрения и о том, что ЕС - это конфедерация. Конфедерация, как известно, представляет собой особое объединение (союз) государств, сохраняющих свое качество суверенных образований, но передавших некоторые свои полномочия такому объединению, наделив его тем самым правоспособностью выступать в международных отношениях от их имени, то есть специальной международной правосубъектностью. Такое объединение создается путем заключения международного договора и предусматривает создание совместного органа государств-членов, который и выступает от их имени в международном общении. Конкретными примерами конфедерации являются таможенные союзы, ассоциации свободной торговли. Характерными признаками конфедераций, указывает Н.А. Ушаков, является объединение территорий, отсутствие границ, свободное перемещение товаров, капиталов и услуг. Конфедерации обладают наднациональными полномочиями, поскольку не только выступают от своего имени, но и обязывают, и управомочивают своими договорами государства - члены, передавшие им часть своих суверенных прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарсембаев М.А. Международное сотрудничество в Европе. - М.: ACADEMIA, 2001. - 350 с.

2. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. - В 2-х томах. - Том 2. - М.: Зерцало, 2008. - 368 с.
3. Хартия Шанхайской организации сотрудничества 2002 г. // СПС «Параграф»
4. Агаев Э.Т., Аласания Т.Г., Ашавский Б.М. Всеобъемлющая международная безопасность: Международно-правовые принципы и нормы: Справочник. - М.: Международные отношения, 2013. - 327 с.
5. Хутаба Д. В. Взаимодействие и реализация международноправовых принципов равноправия и самоопределения народов и территориальной целостности государств. - М.: МГУ, 2011. - 24 с.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА

*Даиров Д.Ж. - магистрант кафедры «Юриспруденция»
Байжанов Е.А. - м.ю.н., ст. преподаватель*

В историческом контексте развития международных отношений вторая половина XX столетия, особенно его последняя четверть, характеризовалась беспрецедентным подъемом авторитета международного права. И.И. Лукашук отмечал, что после Второй мировой войны, в результате «победы антигитлеровской коалиции наступил «золотой век» международного права». Действительно, в этот период были достигнуты выдающиеся результаты в области кодификации международного права, выработки важнейших, основополагающих многосторонних договоров. Активный рост международного сотрудничества (а в отдельных сферах - его расцвет) способствовал распространению регулирующего воздействия международного права на новые области политической, экономической, социальной, научной, культурной, торговой и других сфер жизнедеятельности. Многие явления, которые традиционно считались прерогативой внутригосударственного регулирования, стали рассматриваться преимущественно через призму международного права. В результате плодотворной и быстро расширявшейся практики урегулирования «на согласованной основе» целого ряда вопросов в таких областях, как права человека, торговля, инвестиции, образование, охрана окружающей среды, транспорт, высокие технологии, строительство трансконтинентальных газопроводов, освоение природных ресурсов, здравоохранение и др., произошло радикальное увеличение объема нормативного материала, главным образом договорных источников международного права [1].

При этом последние обрели не только новое содержание, но и принципиально новый более высокий статус. По мнению профессора Карташкин В.А., «международное право - это уже не просто межгосударственное право, призванное состыковывать национальные интересы. Это - право международного сообщества, стоящее на страже общих надгосударственных интересов человечества» [2].

В орбиту влияния международного права стали вовлекаться частные лица, что еще в начале XX столетия казалось немыслимым. Одновременно с развитием международного права, укреплением его авторитета и роли как регулятора международных отношений происходили институциональные изменения: увеличилась численность международных организаций, наделенных компетенцией регулирования международных отношений в соответствующих областях международного права. По мнению Кудайбергенова М.Б., «институционализация международных отношений - тенденция мирового развития, объективной основой которой выступает интенсификация международных связей». Примечательно, что многие российские авторы указывают на повышение роли международных организаций не только в регулировании международных отношений, но и непосредственно в процессе международного нормотворчества [3].

Произошедшие в международном праве изменения привели к трансформации собственно структуры международного правопорядка.

Объединяет все перечисленные подходы представление о модели международного правопорядка как об идеальной, вдохновленной архитектурой внутригосударственных правопорядков. С определенными оговорками доминирующее в отечественной доктрине международного права представление о международном правопорядке можно охарактеризовать как конституционализм. Данное направление имеет среди зарубежных правоведов-международников немало сторонников. В современном прочтении наиболее характерным и объединяющим приверженцев конституционализма в международном праве является отстаивание необходимости «борьбы» с фрагментацией международного права за «восстановление» его единства главным образом посредством укрепления вертикали его источников. При этом не всегда учитывается то обстоятельство, что исходной платформой фрагментации международного права как явления может быть только его единство. Если нет единства, понятие (его) фрагментации бессмысленно. Как правило, единство международного права принимается как данность, в то время как оно не является, на наш взгляд, ни очевидным, ни бесспорным. Представления о международном праве, являющемся основой международного правопорядка, как жестко детерминированной системе норм и институтов, подкрепленной механизмом принудительного исполнения, не соответствуют международно-правовым реалиям. Они не только «откровенно устарели», но, строго говоря, никогда и не были присущи международному праву. Хотя принцип согласия государств постепенно утрачивает свое абсолютное значение, тем не менее, он существует и соблюдается. Уже одно это обстоятельство лишает основы утверждения о некоем органичном единстве международного права в метафизическом и формально-юридическом смысле.

Фрагментация и глобализация «являются скорее взаимодополняющими, нежели контрастирующими», также является весьма показательной в контексте терминологической путаницы в рассматриваемой области. «Фрагментация» и «глобализация» - это разнородные характеристики одного и того же явления [4].

Ставшее пресловутым утверждение о том, что процесс глобализации и усиление взаимозависимости государств ведет к повышению роли права в регулировании международных отношений путем выработки универсальных, общеобязательных правил поведения и укрепления международного правопорядка, в нынешних условиях представляется (в лучшем случае) упрощенческой трактовкой, граничащей с искажением сути происходящих процессов. С одной стороны, действительно наблюдается объективное - в силу диалектики исторических процессов переустройства мира - усиление взаимозависимости государств, что ведет к выработке общеобязательных правил регулирования международных отношений. Но, с другой стороны, не менее очевидно и то, что процессы эти происходят не столько на абстрактно глобальном, сколько на региональном и субрегиональных уровнях. В этой связи на первый план выходит задача рассмотрения проблематики сосуществования отдельных (обособленных) договорных режимов и правопорядков, установления юридической природы выстраиваемых ими связей, причем как между собой, так и с универсальным правопорядком, в основе которого лежат положения Устава Организации Объединенных Наций.

Усиление и углубление специализации отдельных договорных режимов, расширение сферы охвата международного права, появление параллельных и конкурентных норм различных режимов и некоторые другие факторы этого же порядка породили явление, обозначенное в науке международного права как «фрагментация международного права». По наблюдению судьи Международного Суда Б. Симмы (Bruno Simma), «фрагментация за последние годы стала одной из излюбленных тем международной юридической литературы. Ее характеристики определены негативно». Некоторые отечественные исследователи определяют фрагментацию как «явление, приводящее к дестабилизации взаимодействия основных элементов целостной системы международного права, следствием которой является возникновение противоречий между различными ее институтами и отраслями, что, в свою очередь, снижает эффективность современного международного права, как регулятора определенных международных правоотношений» [5].

Проблема фрагментации международного права постепенно обрела такую остроту, что стала предметом отдельного исследования Комиссии международного права ООН, которая в 2006 г. под руководством М. Коскенниemi (Martti Koskenniemi) представила доклад

«Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением охвата международного права». В докладе констатируется следующее: «Обоснованием для подхода Комиссии к вопросу фрагментации служит тот факт, что появление новых и специальных типов законодательного регулирования, «автономных режимов» и географически или функционально ограниченных договорных систем, создает проблемы для сохранения целостности международного права». В этой связи возникают вопросы о системности международного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарсембаев М.А. Международное право. - Алматы: Данекер, 2011. - 310 с.
2. Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. - М.: Норма, 2014. - 288 с.
3. Кудайбергенов М.Б. Международное уголовное право в документах. В 3-х томах. Т.2 - Алматы: Данекер. 1999. - 229 с.
4. Антонов И.П. Международное гуманитарное право. Актуальные проблемы. - М.: Акад. управления МВД России. 2011. - 124 с.
5. Свинарски К. Основные понятия и институты международного гуманитарного права. - М.: Международный Комитет Красного Креста, 1997. - 272 с.

ПРАВОПОНИМАНИЕ В ТЕОРИИ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИЙ

Жаналыев А.С. - магистрант кафедры «Юриспруденция»

Проблема правопонимания в отечественном и мировом правоведении является одной из сложнейших. Дискуссиям по этой проблематике сотни лет. Взгляды на право, его происхождение, место и роль в системе нормативного регулирования менялись по мере развития общества, зрелости научной правовой мысли.

Поэтому вопрос о правопонимании не теряет своей актуальности, практической значимости не только во внутригосударственной плоскости, но и, как верно замечают ученые, «в масштабе мировой общности» [1]. Без права, без его социально общезначимых нормативов человеческое общество существовать не может. Но в правовой деятельности этим понятием нельзя пользоваться как аксиоматичным, пока оно не имеет четкого конститутивного определения. Поиск универсальной научной дефиниции понятия права продолжается [2].

Право - понятие сложное и многогранное, однозначно ответить на вопрос «Что такое право» нельзя. Современные учения о сущности права представляют конгломерат отдельных концепций, направлений в теории права. Интерес к познанию этого социального явления появился уже давно в рамках отечественного нормативизма. Сохранился он и после появления в 50 - х гг. идей «широкого» правопонимания, поскольку его сторонники рассматривали в качестве составных частей права не только правоотношения, но и правовые нормы.

Говорить о понимании права вообще, не обращаясь к правам человека, невозможно. Право и права человека - это не различные феномены, ведущие независимую друг от друга жизнь, а явления принципиально одного порядка и одного типа. Права человека - это необходимый, неотъемлемый и неизбежный компонент всякого права, определенный аспект выражения сущности права. Право без прав человека также невозможно, как и права человека вне права. Таким образом, права человека соотносятся с правом как часть и целое. Что есть право и что есть права человека. Ответ на этот вопрос раскрывается в различных концепциях правопонимания. Выделяются два типа правопонимания: позитивистский и непозитивистский. В.С. Нерсесянц говорит о легистском и юридическом типах правопонимания, что в содержательном аспекте одно и то же. Позитивисты (легисты) считают, что право - это любые законы, административные акты, судебные решения и вообще любые приказы государственной власти независимо от их содержания. Такая позиция основана на критерии отождествления права и закона. Противоположный тип правопонимания непозитивистский (юридиче-

ский), включающий в себя разные направления правовой мысли, в которых проводится различение права и закона [3].

В современной юридической науке отсутствует единое мнение относительно определения понятия права, его признаков, функций и сущности. Кроме того, без точного определения данного понятия во всех суждениях о тех или иных правовых явлениях, в том числе о конкретных видах прав человека, будут наблюдаться неясность и отсутствие определенного научного содержания. По поводу каждого отдельного суждения, относящегося к той или иной области юриспруденции, может возникнуть сомнение, представляет ли оно собой действительно суждение о праве или о чем-то другом, что не есть право. При отсутствии универсального определения понятия права не могут быть проведены ясные границы между правоведением и другими науками; а при их отсутствии наука права может не полностью охватывать свой предмет и заимствовать знания из других, чуждых ей областей.

Опыт истории показал, что все поиски определения и сущности такой многогранной категории, как право, приводят к появлению различных подходов в исследовании самого понимания права. Сегодня по-прежнему остается актуальной мысль о том, что ни в какой другой науке нет столько противоречащих друг другу теорий, как в науке о праве [4].

В настоящее время не только различны подходы к пониманию права, но и отсутствует единая дефиниция правопонимания. Дискуссия, проведенная в конце 70-х гг., выявила разнообразие мнений о понятии права и привела к появлению, помимо нормативного, ряда иных подходов к правопониманию: социологического, философского, генетического, психологического, аксиологического и, наконец, комплексного (интегративного).

Правопонимание - это, без преувеличения, центральный вопрос теории права. Существует значительное количество дефиниций права, и среди них нет ни одной общепризнанной, разделяемой всеми, кто его ценит и изучает. Облик этого универсального явления меняется от одной эпохи к другой, от одной страны к другой. Вместе с тем, несмотря на многообразие выработанных в правоведении дефиниций правопонимания, неизменным остается уверенность ученых в том, что это, прежде всего, процесс познания, познавательная деятельность, направленная на изучение, объяснение и выработку представления о праве, определение системы элементов, составляющих его сущность.

В современной отечественной правовой науке некоторые ученые указывают на плюрализм правопонимания; другие говорят о существовании трех основных подходов. Так, выделяются следующие подходы: нормативный, широкий и подход, согласно которому подлежат различению право и закон по своей сути. Также выделяются три основных подхода к правопониманию: нормативный, из которого следует, что право представляет собой нормативные акты, в которых закреплены правила поведения людей; нравственный, согласно которому право - определенные гуманные идеи и принципы, и социологический, основывающийся на том, что право является сложившимися в обществе отношениями. Венгеров А.Б. говорил о формировании трех концепций в теории права: нормативной, социологической и нравственной. По мнению А.Б. Венгерова, многолетняя дискуссия о правопонимании определила три основных подхода к определению его понятия: нормативный (так называемое понимание права в узком смысле), социологический и философский. Некоторые ученые полагают, что право определяется «божественной волей и божественным творением». Унификация смысла права должна осуществляться в рамках интеграции основных подходов к правопониманию. Как известно, таких подходов огромное количество, но если проанализировать историю правовой мысли и обобщить все разнообразие взглядов и представлений о праве, то можно выделить три основные тенденции в правопонимании [5]:

1) позитивно-нормативную;

2) естественно-правовую (философско-доктринальную);

3) социологическую. Все остальные вариации и толки в правопонимании так или иначе укладываются в приведенную классификацию. Используя интегративный подход, рабочее определение права можно сформулировать: это сложная нормативная система, регулирующая социальную действительность, обусловленная представлениями людей о справедливости и свободе, закрепленная в системе юридических норм и реализуемая в общественных отношениях определенного рода.

Выдающийся правовед Глушкова С.И. отмечал, что термин «право» многозначен: под ним понимается ряд различных, подчас разноплоскостных явлений (моральное право, право как система общеобязательных юридических норм, права человека и т.д.) [6].

Недостатком существующих концепций правопонимания является то, что, находясь в плену теоретического прошлого, они акцентируют внимание главным образом на генетической характеристике права, а функционально трактуют его слишком односторонне, фрагментарно, что не дает достаточно ясного представления о реальной практической роли права в системе общественных отношений, его ценностном регулятивном значении. Все больше превалируют констатирующие, а не концептуальные суждения.

Смысловой спектр понятия права весьма широк, многогранен (не всякое понятие моносеманлично), поэтому оно требует к себе во многом осмысленного аналитического внимания, что, собственно, и позволяет выявить основной смысловой центр этого понятия.

С нашей точки зрения, важно отметить, что при рассмотрении различных теорий и взглядов о праве необходимо учитывать следующие обстоятельства: исторические условия функционирования права и рамки культуры, в которых жил и работал «исследователь»; результат правопонимания всегда зависит от философской, нравственной, религиозной, идеологической позиции познающего субъекта; что понимается под источником права (человек, Бог или общество) и под его сущностью (воля класса, мера свободы человека или природный эгоизм индивида) и др. В качестве критерия классических типов правопонимания представляется наиболее важным источник правообразования (государство или природа человека). В зависимости от этого различают естественно - правовую и позитивистскую теории права [7].

Системный подход к анализу рассматриваемых проблем дал нам возможность включить в поле исследования анализ соотношения не только нормативистского и естественно-правового подходов, но и тесно взаимодействующих с ними социологического, психологического, нравственного (философского), а также марксистского подходов, касающихся не только собственно правопонимания, но и основных прав и свобод.

По мнению Чалидзе В., право вообще - это нормативно выраженная свобода. При этом совокупность прав человека, достигнутых в конкретной правовой культуре, составляет тот объем правовой свободы, который в этой культуре признается необходимым для каждого индивида. В исторически неразвитых правовых культурах права человека существуют как сословные права - права «сословного человека», разные для разных сословий. В исторически развитой правовой ситуации - это равные права каждого человека или каждого гражданина.

По своей природе права человека - это такие социально значимые притязания на некую меру свободы, которые совместимы с принципом формального равенства, которые могут быть всеобщими требованиями свободы.

Индивиды, свободные члены общества, - это первичные, исходные субъекты права и государства. Правовое общение происходит между субъектами, которые признают друг друга обладающими равной свободой, одинаковыми исходными, первичными правами.

Эти основополагающие права (права и свободы) существуют не в силу закона, а в силу их взаимного признания внутри круга субъектов государственно-правового общения. В этом смысле фундаментальные права можно называть естественными, ибо они проявляются до и независимо от их официального признания. Они называются неотчуждаемыми, так как без них человек не может быть субъектом права и государства.

В современном мире основные права провозглашаются принадлежащими каждому человеку (гражданину). Они формулируются в международных декларациях, пактах, конвенциях, в конституциях отдельных государств. Права человека лежат в основе правового законодательства. Права человека - критерий, позволяющий различать правовые и правонарушающие законы.

Историческими предпосылками возникновения позитивистской теории права как одного из классических типов правопонимания явились процессы формирования западно-европейских абсолютистских государств и кодификация национальных законодательств (XVI-XVII вв.) [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Берандзе М.Р. Концепция транснационального права в международном праве. - М.: МГУ, 2010. - 172 с.
2. Аверин А.Н. Социальный эксперимент и его роль в управлении.: - М.: АНХ, 1986. - 117 с.
3. Адлер Ю.П. Предпланирование эксперимента. - М.: Педагогика, 1978. - 87 с.
4. Нерсесянц В.С. Права человека в истории политической и правовой мысли (от древности до Декларации 1789 г.) // Права человека в истории человечества и в современном мире. - М.: Наука, 1999. - 32 - 38 с.
5. Адлер Ю.П. Теория эксперимента: прошлое, настоящее, будущее. - М.: Знание, 1982. - 164 с.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДНОЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ПО ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Кайрат А. - магистрант кафедры «Юриспруденция»

Свободное передвижение лиц по территории Европейского Союза в настоящий момент обеспечивается на основе норм, имеющих различный статус в рамках правовой системы ЕС. Главным различием выступает круг лиц, на которых распространяется действие этих норм: граждане Европейского Союза и граждане третьих стран. Несмотря на то, что структура, характер и объем норм, касающихся этих двух категорий лиц, различны, тем не менее, они представляют собой две стороны одной свободы - свободы передвижения лиц.

Под свободой передвижения лиц понимается право граждан ЕС и граждан третьих стран на беспрепятственное передвижение по территории государств членов ЕС. Развитие норм, касающихся этих двух категорий лиц, имело существенные различия. Нормы о свободе передвижения граждан государств членов ЕС появились гораздо раньше норм, касающихся граждан третьих стран [1].

Развитие свободы передвижения граждан государств членов ЕС связано с процессом расширения компетенции Европейских Сообществ. Непосредственной целью Договора о ЕЭС 1957 года была интеграция подписавших его государств путем создания единого рынка. С политической точки зрения экономическая интеграция подразумевала перераспределение функций государств, их передачу наднациональной организации, что привело к ограничению суверенитета членов ЕЭС [2].

Нужно отметить, что различают два вида экономической интеграции - позитивную и негативную. Негативная интеграция заключается в отмене препятствий к экономическому обмену между государствами, однако не предполагает создания новых норм. Позитивная интеграция, напротив, заключается в создании норм на наднациональном уровне, которые бы изменяли положения национальных правовых систем. В процессе строительства европейских Сообществ были использованы элементы обоих типов интеграции, поскольку отмена препятствий для установления зоны свободного обмена сопровождалась принятием норм, создающими новые права и обязанности, как для государств - членов, так и для их граждан. Так, например, при создании общего рынка были не только отменены таможенные пошлины на товары, перемещаемые внутри сообщества, но и созданы наднациональные нормы о едином таможенном тарифе, с помощью которого регулируется ввоз товаров на территорию ЕС.

Огромную роль в процессе расширения компетенции Сообществ, в общем, и в создании прав и обязанностей в частности, сыграл Суд Европейских Сообществ. Его деятельность по толкованию основополагающих Договоров позволила появиться на свет теории прямого действия и верховенства права Сообществ, а также понятию конституционно-образующих норм права ЕС. Расширительное толкование норм права ЕС было возможно благодаря нескольким факторам.

Во-первых, до принятия Единого Европейского Акта в 1986 году, изменения компетенции Сообществ было возможно при согласии всех членов, что обуславливало жесткий контроль над сферой компетенции Сообществ со стороны государств [3].

В этой ситуации, деятельность Суда ЕС не рассматривалась ими в качестве серьезной угрозы объему собственного суверенитета; его решения, хотя и затрагивали существенные стороны государственных полномочий, тем не менее, могли преодолеть барьер естественного политического сопротивления со стороны правительств государств членов. Во-вторых, расширительное толкование норм европейского права поддерживалось национальными судебными системами. Это можно объяснить тем, что право ЕС наделяло суды всех инстанций возможностью проверять законность актов законодательной и исполнительной власти на предмет их соответствия нормам европейского права. Такая возможность укрепляла их позиции в системе распределения власти на национальном уровне. Тем не менее, процесс признания верховенства права ЕС по отношению к национально-правовым системам был не одномоментным и, зачастую, достаточно болезненным. Потребовалось немало времени, чтобы конституционные суды государств членов ЕС признали концепцию верховенства права ЕС (показателен пример Италии, которой потребовалось более 15 лет, чтобы признать верховенство как первичного, так и актов вторичного права ЕС).

Ситуация изменилась с принятием Единого европейского акта (ЕЕА), который позволил распространить процедуру принятия решений квалифицированным большинством голосов в целях ускорения построения единого рынка в рамках Сообществ. Вероятность большего ограничения компетенции государств заставила последние более внимательно относиться к деятельности Суда и принимаемым им решениям. Создание Европейского Союза и включение новых сфер деятельности в полномочия Европейского Сообщества еще более усилило контроль государств членов ЕС над компетенцией Суда ЕС [4].

Вторая и третья опоры ЕС не подлежали контролю со стороны Суда ЕС, в отношении первой опоры - Европейского Сообщества - начали действовать принципы субсидиарности и пропорциональности, призванные ограничить деятельность Сообщества его непосредственными целями.

Ярким проявлением процесса расширения компетенции ЕС и изменения баланса сил между государствами членами и ЕС является развитие права лиц на свободное передвижение.

Право лиц на свободное передвижение было закреплено в Договоре о Европейском Экономическом Сообществе, заключенном Францией, Германией, Италией и странами Бенилюкс в 1957 году [5].

Статья 2 Договора о ЕЭС указывала, что целью создания ЕЭС является укрепление отношений между народами, которые он объединяет. Для реализации этой цели (согласно пункту «с» статьи 3 Договора) ЕЭС предпринимает необходимые меры для устранения препятствий к свободному передвижению лиц на его территории на условиях, предусмотренных в Договоре. Эти условия перечислены в третьем разделе Договора о ЕЭС, регулирующем свободное передвижение лиц, услуг и капиталов.

Уже в названии соответствующих глав этого раздела проявляется экономическая направленность предоставленных прав: глава 1 «Работники», глава 2 «Право на создание предприятий», глава 3 «Услуги».

Глава 1 в статье 39 (в старой нумерации статья 48) устанавливает право работников государств членов ЕЭС на свободное передвижение внутри его территории. Часть 3 этой статьи предусматривает право граждан государств членов ЕС отвечать на предложения рынка труда стран членов ЕС. Другими словами, свободное передвижение по территории ЕС было возможно только с целью найма на работу в каком-либо государстве, в противном случае этим правом нельзя было воспользоваться.

Реализация данного положения была достигнута в три этапа, каждому из которых соответствовали отдельные регламенты и директивы ЕС.

Регламент №15 [6] и директива №57 от 16 августа 1961 года представляли собой первый этап и сохраняли приоритет интересов национального рынка труда. Это выражалось в сохранении необходимости получения разрешения на работу для начала трудовой деятельности на территории государства члена ЕС. Работник должен был выждать трехнедельный срок после открытия вакансии, чтобы государственные органы могли удостовериться, что она не востребована со стороны рабочих данного государства члена ЕС. Регламент и дирек-

тива 1961 года запрещают квоты на количество иностранных работников из числа стран членов ЕС, и, что самое главное, отменяют требование о получении виз для пересечения внутренних границ в целях найма на работу, которое заменяется требованием простого предъявления документа, удостоверяющего личность.

Регламент №38 / 64 [8] и директива №64 / 240 от 25 марта 1964 года [9] представляют собой второй этап реализации права на свободное передвижение лиц. Их главное отличие от своих предшественников заключалось в отмене приоритета интересов национального рынка труда, в связи с чем положение о трехнедельном сроке было отменено. В соответствии со статьей 1 регламента любой гражданин государства члена ЕС мог занять вакансию, открывшуюся на территории другого государства члена, которая была зарегистрирована в соответствующем органе занятости [10, 35].

Также в отличие от документов 1961 года, которые не применялись к сезонным или приграничным работникам, артистам и музыкантам, работникам, передвигающимся в рамках предоставления услуг, регламент №38 / 64 и директива №64 / 240 охватывали все виды занятости. Работники получили право привезти с собой свою семью, члены которой также имели право на работу и обучение в учреждениях специального и высшего образования. Однако для этого работник должен был располагать жильем, соответствующим минимальным требованиям, существующим в регионе его проживания. Статья 2 регламента предусматривала возможность приостановления его действия в случае, если избыток иностранной рабочей силы мог вызвать серьезные нарушения внутри определенной профессии или на определенной территории страны члена ЕС. Мотивы приостановления действия регламента должны были быть сообщены Комиссии ЕС; такое приостановление не могло быть осуществлено в отношении приграничных работников и работников, передвигающихся в рамках предоставления услуг.

Регламент №1612 / 68 и директива №68 / 360 от 15 октября 1968 года стали заключительным этапом и отменили все препятствия к свободному передвижению работников по территории ЕС. На их основании работники получили право свободно искать работу в государствах членах ЕС в течение трех месяцев без необходимости получения разрешения на работу и визы. Суд ЕС подтвердил эти положения в решении по делу *Heylens*, указав на абсолютный характер отмены любого вида дискриминации по вопросам доступа к рынку труда и условий труда. При этом запрет дискриминации не касается требований о владении языком, содержащихся в последнем пункте части 3 статьи 3 регламента №1612 / 68. В решении по делу *Groener* от 28 ноября 1988 года. Суд ЕС указал, что требование владения государственным языком для преподавателя в университете соответствует положениям регламента №1612 / 68 и не являются дискриминационными.

Директива и регламент 1968 года предусматривали создание системы компенсации спроса и предложения на рынке труда. С этой целью предлагалось улучшить механизмы взаимодействия органов занятости стран членов ЕС, чтобы сделать рынок труда более прозрачным. Лучшее информирование о вакансиях в странах членах ЕС позволяло избежать дисбаланса на различных территориях, а также наилучшим способом использовать механизм приостановления действия положений о свободе передвижения, решение о котором принималось уже Сообществом, а не государствами членами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арцибасов И.Н. За пределами законности. - М.: Юриздат, 1981. - 310 с.
2. Договор 1957 о создании Европейского Экономического сообщества // СПС «Юрист».
3. Единый Европейский Акт, 1986 г. // СПС «Юрист».
4. Сарсембаев М.А. Международное право. - Алматы: Данекер, 2001. - 400 с.
5. Арцибасов И.Н. Договоре о Европейском Экономическом Сообществе // <http://mir.zavantag.com>.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОМПЕНСАЦИЙ ЖЕРТВАМ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Капарова А. - магистрант кафедры «Юриспруденция»

Предоставление жертве уголовного преступления права на компенсацию и, соответственно, самой компенсации имеет весьма большое значение для всего общества. Во многом именно такой правовой институт определяет эффективность правовой системы в целом и, следовательно, сплоченность самого общества.

Не требует доказательств тот факт, что во все времена находились люди, покушавшиеся, путем совершения уголовно-наказуемых деяний, на права и свободы других людей. Более того, преступления совершаются в настоящее время, и они будут совершаться в будущем. Следовательно, всегда будет существовать потребность в восстановлении нарушенных прав и свобод тех, кто понес вред от преступлений. В противном случае - теряется смысл в поддержании и сохранении социума, как такового [1].

Кроме того, если не обеспечивать возмещение вреда (ущерба), причиненного преступлениями, то, в принципе, уменьшается также и ценность объектов, за посягательства на которые принимаются и применяются уголовно-правовые санкции. В связи с этим «возмещение материального и морального вреда от преступлений играет важную роль в восстановлении социального порядка и в конечном итоге является стержнем системы правосудия» [1].

Не осталась данная проблема и без внимания мирового сообщества. Так, выход преступности за пределы национальных границ, транснациональный характер многих преступлений повлекли за собой расширение международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, в частности, по вопросам защиты прав потерпевших, возмещения им вреда, причиненного преступлениями.

Представляется, что институт права на получение возмещения вреда стал складываться одновременно с возникновением самых первых уголовно-правовых устоев: сначала это были правовые обычаи в первобытных обществах, а потом - уже писанные источники права в развившихся цивилизациях. Конечно, институт права на возмещение вреда формировался не так быстро и слаженно, как криминализация деяний и совершенствование мер наказаний за эти деяния.

Исторически сложилось, что законодатели в разных странах при принятии уголовных законов занимались, вплоть до последней четверти XX века, вопросами криминализации (декриминализации) деяний, определением мер наказаний за преступления и регулированием правового статуса подозреваемого и обвиняемого больше, чем вопросами регулирования права на получение возмещения (компенсации) вреда, причиненного преступлениями [1].

На протяжении всей истории человечества центральными элементами в правовых отношениях, регулировавших меры государственного принуждения (в число которых входит и наложение обязанности возместить вред) в отношении преступников, являлись, по сути, преступление и наказание, а не возмещение, реституция или компенсация. Указанные центральные элементы всегда доминировали над другими названными элементами в силу того, что необходимо было упорядочить мирное сосуществование между членами группы, рода, племени, народа, государства и предотвратить совершение дальнейших преступлений. Соответственно, любое действие или бездействие людей, которое воспринималось обществом в качестве преступления, преследовалось, и за его совершение налагалось наказание. В противном случае - общество перестало бы существовать из-за бесконтрольного нарушения правил сосуществования. Таким образом, при разбирательстве дел о преступлениях на первом плане всегда выступал возмутитель спокойствия - преступник. В общественном сознании преступник был, а в настоящее время для многих членов общества и остается главным субъектом уголовного процесса. В связи с этим, участь тех людей, которые пострадали от совершенных преступлений, отходила на второй план. Тем самым, исторически сложилось, что в большинстве случаев вопросам возмещения вреда жертвам преступлений (будь то лечение травм, полученных вследствие совершения преступления, возврат похищенного имущества или возмещение его стоимости, а также выплата родственникам скончавшейся жертвы денежных

средств «за обиду») не уделялось должного внимания, так как первостепенной задачей являлось наказание преступника. Более того, «жертвы преступлений игнорировались отчасти, и потому что преступление считалось преступным актом в отношении государства, и оно воспринималось таковым, начиная с одиннадцатого века, когда феодальная концепция «королевского мира» заменила собой племенную практику выплаты компенсаций Роду пострадавших сторон» [2].

Такое положение вещей нашло свое отражение в многочисленных источниках древнего права: если проанализировать их содержание, то становится очевидным, что в них не так много норм, которые предписывали выплату компенсаций людям, пострадавшим вследствие преступлений. Соответственно, правовые идеи и теории по вопросам возмещения вреда, причиненного преступлением, стали появляться намного позже возникновения юридических догм о преступлениях и наказаниях.

Представляется, что, только начиная с эпохи Просвещения, правоведы стали серьезно говорить о жертвах преступлений как об участниках уголовного процесса и, следовательно, ставить для обсуждения вопросы о правах таких жертв на компенсации.

В XVIII веке один из наиболее видных представителей классической школы уголовного права Иеремия Бентам предлагал ввести для жертв преступлений компенсацию ущерба, с тем, чтобы еще больше устроить и наказать преступника.

Еще ученик Ломброзо, Энрико Ферри (1866 - 1929), подробно осветил проблему возмещения вреда жертве преступления. Он развивает идею о том, что «возмещение ущерба, причиненного жертве преступлением, должно быть выплачено государством, ибо именно оно виновато в том, что не сумело предупредить деликт и лучше защитить от него граждан. Ведь, 60% раскрытых преступлений остаются ненаказанными, а в оставшихся 40% случаев государство не оказывает помощи пострадавшим, предоставляя заботу об их частных интересах гражданскому суду». Один из прародителей криминологии, позитивист права Раффаэль Гарофало (1852 - 1934), воспринимал введение компенсации жертвам преступлений как средство ресоциализации и усиления социальной защиты населения от преступников [3].

Идея о необходимости защиты прав жертв преступлений берет свои корни, прежде всего, из развития представлений о социальной ответственности государства перед своими подданными. Признание государством ценности человеческой личности вызывает необходимость создания эффективно действующих механизмов, обеспечивающих каждому человеку и гражданину возможность добиваться защиты и восстановления его прав и свобод от любых незаконных ограничений и нарушений.

Беззащитность жертв преступлений - проблема, не лежащая на поверхности. Данная проблема продолжает оставаться нерешенной окончательно. Кроме того, сейчас даже нет единого понимания об основополагающих терминах: «жертва», «уголовное преступление», «вред», «компенсация». И это, не говоря о том, в каких случаях и в каком объеме требуется от государства, как от гаранта социальной стабильности, выплата компенсаций за свой счет.

Представляется, что в процессе развития цивилизации было, официально или нет, опробовано множество форм материальной поддержки жертв преступлений. Например, в Англии во второй половине восемнадцатого века было принято образовывать на местах так называемые «обвинительные общества» («prosecution associations») из числа обеспеченных местных жителей, на которые возлагалось бремя оплаты деятельности правоохранительных органов по изобличению и поимке преступников. В определенных случаях от таких обществ требовалась и выплата компенсаций жертвам преступлений. Более типичным было то, что общества гарантировали выплату компенсаций только по преступлениям, совершенным против своих членов, и вынуждены были покрывать разницу между расходами стороны обвинения и какой-либо компенсацией, присужденной судом [4].

Защита жертв преступлений - проблема одновременно правозащитная и антикриминальная. Фактически «жертвы криминального насилия оказались на обочине интересов науки и практики, правоохранных структур и правосудия». В объяснение этому можно, конечно, приводить разные причины. И, тем не менее, откладывать научно-организационный поиск решения проблемы до пришествия лучших времен означало бы уступку криминалу, оскорбление многих миллионов самых незащищенных и обиженных граждан.

Сегодняшние дискуссии наводят на мысль о том, что уголовное правосудие должно быть повернуто в сторону жертв, свидетелей и широкой общественности, интересы которых система призвана представлять. Действительно, существующие тенденции в сторону восстановительной юстиции, *inter alia*, приветствуются из-за способа, которыми эти тенденции в большей степени включают жертв в процесс, из которого последние традиционно исключались.

В мире существуют две системы правосудия: карательная и восстановительная. Последние 20 лет в мире все больший авторитет завоевывает альтернативное - восстановительное правосудие. Именно оно призвано защищать права жертв уголовных преступлений в наиболее полном объеме, в частности, право на получение справедливой компенсации [5, 58].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудайбергенов М.Б. Международное уголовное право в документах: В 3-томах. Том 2. - Алматы: Данекер, 1999. - 325 с.
2. Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон. - М.: Наука, 1995. - 310 с.
3. Ромашкин П.С. Преступления против мира и человечества. - М.: Наука, 1993. - 400 с.
4. Ахметова С.А. Принципы международного уголовного права. - Алматы: Ун-т им. Д.А. Кунаева, 2008. - 430 с.
5. Карпец И.И. Преступления международного характера. - М.: Юридическая литература, 1998. - 280 с.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА ПОСТАВКИ

Кенжегожин А. - магистрант кафедры «Юриспруденция»

Рассмотрение диссертационного исследования наиболее целесообразно начать именно с истории развития договора поставки, так как, изучив, его эволюцию в гражданском праве Республики Казахстан и России (как наследницы СССР), можно понять каким образом и в каких направлениях шло преобразование и развитие данного вида договора, что, несомненно, поспособствует более детальному изучению договора поставки.

Можно условно выделить несколько этапов развития договора поставки: дореволюционный, советский и современный. Характерной чертой дореволюционного гражданского законодательства являлось выделение договора поставки в качестве самостоятельного договора наряду с договором купли-продажи. При этом под поставкой понимался договор, по которому одна сторона обязывалась доставить другой какую-либо вещь за известную цену к известному сроку. Все отличие поставки от купли-продажи состояло в том, что поставка предполагала некоторый промежуток времени между заключением и исполнением договора, тогда как купля-продажа не предполагала (хотя и не исключала) такого промежутка времени. Это обстоятельство имело решающее значение, поскольку продавцом по договору купли-продажи мог выступать только собственник вещи, а, следовательно, данным договором не охватывались правоотношения, предусматривающие, что лицо, обязующееся доставить имущество покупателю, приобретет это имущество в будущем к сроку исполнения обязательства [1].

В гражданско-правовой доктрине того времени отмечалось значительное сходство договоров купли-продажи и поставки и, более того, отсутствие каких-либо серьезных правовых оснований для выделения договора поставки в качестве самостоятельного договора. Например, М.Г. Розенберг отмечал: «Совокупность юридических отношений, охватываемых на Западе одним понятием купли-продажи, у нас разлагается на три вида по едва уловимым признакам, а именно: на куплю-продажу в тесном значении этого слова, запродажу и поставку. С этой системой трех договоров, служащих одним и тем же юридическим средством достижения экономической цели, русское законодательство стоит совершенно одиноко среди других правильных законодательств» [2]. При подготовке V книги проекта Гражданского уло-

жения цивилисты рассматривали договор поставки как один из видов договора купли-продажи, определяя его как договор, в силу которого продавец обязуется за денежное вознаграждение доставить покупателю известное количество заменимых вещей к назначенному в договоре сроку. При этом подчеркивалось, что порядок исполнения договора поставки вполне применим и к договору купли-продажи, в особенности, если он заключен с условием о доставке товара к известному сроку. Одинаковыми признавались и последствия неисполнения указанных договоров [3].

Гражданский кодекс 1922 г. не включал в себя нормы о договоре поставки как самостоятельном виде гражданско-правового договора. Однако в дальнейшем в связи с жестким централизованным регулированием имущественного оборота договор поставки стал рассматриваться в качестве оптимального средства доведения плановых заданий до конкретных участников имущественного оборота. В советский период развития гражданского права договор поставки снова признается самостоятельным договором, являющимся основной правовой формой отношений организаций по снабжению и сбыту продукции в народном хозяйстве и одновременно ведущим хозяйственным договором [4].

Под договором поставки понимался плановый договор, по которому организация-поставщик обязуется передать в определенные сроки или срок в оперативное управление организации-покупателю определенную продукцию согласно обязательному для обеих организаций плановому акту распределения продукции; организация-покупатель обязуется принять продукцию и оплатить ее по установленным ценам. Договором поставки признавался также и заключаемый между организациями по их усмотрению договор, по которому поставщик обязуется передать покупателю продукцию, не распределяемую в плановом порядке, в срок, не совпадающий с моментом заключения договора (ст. 44 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г.). Отличительными признаками договора поставки как самостоятельного договора признавались:

- участие в договоре поставки только социалистических организаций;
- плановый характер договора;
- несовпадение момента исполнения возникающего из договора обязательства со сроком заключения договора.

Законодательство той поры предусматривало две разновидности договора поставки:

- договор, основанный на плановом акте распределения продукции;
- договор, заключаемый по усмотрению сторон.

Преобладающим являлся плановый договор поставки, который конкретизировал и детализировал задание, установленное плановым актом [5].

В гражданско-правовой доктрине советского периода необходимость выделения самостоятельного планового договора поставки объяснялась тем, что производство на социалистических предприятиях велось в плановом порядке. Планировалось также снабжение торговой сети товарами народного потребления. Обеспечение планового характера производства и снабжения было возможным лишь при условии, если такой же плановый характер будут носить и договоры, направленные на обеспечение производства оборудованием, сырьем и на реализацию продукции социалистических предприятий. Основным источником правового регулирования отношений по поставкам служили Положение о поставках продукции производственно-технического назначения и Положение о поставках товаров народного потребления, утверждаемые Советом Министров СССР, которые периодически обновлялись. Кроме того, в тот период действовали многочисленные Особые условия поставки отдельных видов продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления, которые разрабатывались заинтересованными министерствами и ведомствами и утверждались Госнабмом СССР и Государственным арбитражем при Совете Министров СССР. Положения о поставках принимались, в частности, в 1969, 1981 гг. Последние из действовавших положений о поставках были утверждены постановлением Совета Министров СССР от 25 июля 1988 г. №888. До принятия нынешнего Гражданского кодекса в Казахстане с 1964 года действовал Гражданский кодекс Казахской ССР, который также, в целом, строился на принципах запрета частной инициативы и частного предпринимательства [6].

Эта система государственного правового руководства экономикой в корне противоречила тем целям и задачам, которые необходимо было решать после развала СССР суверенной Республике Казахстан на пути проведения радикальных экономических реформ и перехода от централизованно управляемой экономики к рыночной. В настоящий момент, в современном деловом обороте договор является одним из основных документов, определяющих права и обязанности сторон, заключивших его. Гражданское право Республики Казахстан отличается от других отраслей права уникальным юридическим инструментом, выработанным веками, основным инструментом этой отрасли по праву считается именно договор. С 1 марта 1995 года на территории Республики Казахстан была введена в действие Общая часть Гражданского кодекса Республики Казахстан [7], а с 1 июля 1999 года была введена в действие Особенная часть Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК) [8].

Создание основополагающего гражданского закона в изменившихся экономических условиях было призвано учесть реальную практическую надобность в совершенствовании правовых форм имущественного оборота. В Гражданском кодексе РК были обоснованы и развиты такие важные принципы, как прекращение приказного вмешательства государства в частную хозяйственную деятельность, неприкосновенность собственности, широкое развитие частной собственности, свобода гражданско-правовых договоров, невмешательство государства в частные дела и личную жизнь [9].

Гражданский кодекс РК положил конец практике регламентации договоров по большей части подзаконными актами или даже ведомственными инструкциями. Таким образом, им было закреплено стабильное правовое регулирование соответствующих правоотношений с учетом интересов всех участников имущественного оборота. Отказ от административно-командной системы управления экономикой выявил необходимость распространения института купли-продажи на отношения поставки, энергоснабжения и контрактации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславский М.М. Международное частное право. Учебник. - М.: Международные отношения, 1994. - 24 с.
2. Розенберг М.Г. Международная купля-продажа товаров. - М.: Юридическая литература, 2002. - 195 с.
3. Розенберг М.Г. Договор внешнеторговой купли-продажи (поставки). - М.: Юридическая литература, 1998. - 280 с.
4. Вахнин И.Г. Учет целей договора и цел ей деятельности сторон при формировании условий договора поставки // Законодательство. - №3. - М.: АСТ, 2000. - С. 17 - 19.
5. Диденко А.Г., Нестерова Е. Пути совершенствования гражданского законодательства. // Советник. - М.: АСТ, 2009. - №1. - С. 40.

БИЛІК МАЗМҰНЫ МЕН НЕГІЗГІ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

*Куаныштекова Инара Сериковна
магистрантка кафедры «Юриспруденция»
научный руководитель: м.ю.н., Мусипова Д.М.*

Билік жөнінде ғалымдар арасында әр түрлі анықтамалар мен тұжырымдамалар бар. Солардың негізгілеріне қысқаша тоқтала кетейік.

1. Телеологиялық анықтама билікті белгілі бір мақсатқа, белгілеген нәтижеге, қорытындыға жету мүмкіндігі деп түсіндіреді. Мысалы, ағылшын фэлсафашысы Т. Гоббс (1588 - 1679) билік болашақта игілікке жетудің құралы және өмірдің өзі өле-өлгенше билік үшін үздіксіз ұмтылыс деп жазды.

2. Бихевиористік анықтама бойынша билік деп басқа адамдардың жүріс-тұрысын, өзін-өзі ұстауын өзгерту мүмкіндігіне негізделген іс-әрекеттің ерекше түрі.

3. Инструменталистік анықтама билікті белгілі бір құралдарды, амалдарды (зорлық-

зомбылық, күштеу сияқты шараларды) пайдалану, қолдану мүмкіндігі деп біледі. Мәселен, Американың белгілі саясаттанушысы Р. Даль (1915 жылы туған) билік бір адамға екінші адамды өз еркімен жасамайтын іс-әрекетті жасауға мәжбүр ету мүмкіндігін береді дейді.

4. Структурсистік анықтама. билікті басқарушы мен бағынушының арасындағы қатынастың ерекше түрі деп ұғады. Олар кейбір адамдарды туғанынан, табиғатынан әміршіл, басқарғысы келіп тұратын болады, ал басқалары көнбіс, көнгіш, басқа біреу өз ырықын билеп, басқарып, жол көрсетіп тұрғанын ұнатады, қалайды дейді. Солардың арасында, олардың ойынша, билік қатынастары туады.

5. Конфликтілік анықтама билікті дау-жанжал жағдайында игілікті бөлуді реттейтін мүмкіндік, шиеленісті шешудің құралы деп түсіндіреді.

6. Біраз ғалымдар билікті кең мағынасында басқаларға тигізілетін жалпы ықпал ретінде қарайды.

7. П. Моррис, А. Гидденс сияқтылар, жоғарыдағы көзқараспен келіспей, билікті біреуге немесе бірдеңеге тигізетін жай ғана ықпал, әсер емес, оларды өзгертуге бағытталған іс-әрекет дейді.

8. Америка саясаттанушылары Г. Лассуэлл мен А. Каплан "Билік және қоғам" деген кітабында билікті шешім қабылдауға қатысу мүмкіндігі ретінде сипаттайды.

Сонымен, біз билік туралы ғалымдардың арасында ортақ пікір, анықтама жоқ екенін байқадық. Батыстың әлеуметтанушысы Р. Мартин билік махаббат сияқты, күнделікті тілімізде жиі пайдаланылады, іштей сезіледі, бірақ сирек анықталады деп бекер айтпаған. Оның себебі, француздың саясаттанушысы Ж.К. Шевалье айтқандай, адамдарды биліктің жалпы ұғымының айналасындағы айтыс-тартыстан гөрі нақтылы, шын мәніндегі биліктің өзі көбірек ойландырған, магнитше тартқан.

Дегенмен, ғылым болғандықтан анықтама беріледі. Мысалы, "Философиялық энциклопедиялық сөздікте" билік туралы былай делінген: "Сөздің жалпы мағынасында билік өз еркінде жүзеге асыруға қабілеттілік пен мүмкіндік, адамдардың жүріс-тұрысы, іс-әрекетіне қайсыбір амал-әдістер - бедел, құқық, күштеу арқылы шешуші ықпал жасау" ("Фшософский энциклопедическийсловорь". М., 1983, 85-бет). Біздіңше, билік деп біреудің екіншілерге әмірін жүргізіп, олардың іс-әрекеті, қызметіне ықпал етуін айтады.

Билік адамзат қоғамымен бірге пайда болады және оның даму барысында бола бермек. Ол ең алдымен қоғамдық өндірісті ұйымдастыру үшін керек. Онсыз барлық, қатысушы адамдарды біртұтас ерікке бағындыру қиын. Билік адамдар арасындағы қарым-қатынастарды, адамдар, қоғам және мемлекеттік саяси институттар арасындағы қатынастарды реттеуге міндетті. Ол қоғамның тұтастығы мен бірлігін қолдау үшін керек.

Алғашқы қауымдық қоғамда билік қоғамдық сипатта болды. Ол кезде билікті қауым бастығын сайлайтын ру-ру мен тайпалардың барлық мүшелері бірігіп іске асыратын. Әлеуметтік бөлшектену өрістеп, мемлекеттің пайда болуына байланысты ру басшыларының адамгершілік беделі төмендеп, оның орнына ақсүйектер билігінің беделі ұлғайды. Биліктің аппараты дүниеге келді, адамдарды еркінен тыс, ықтиярсыз еркіне көндірген мекемелер пайда болды. Олар мемлекет ретінде қоғамнан дараланып, оқшауланып, оның үстінен қарайтын органға айналды. Құлдық қоғамда саясат, саяси билік пайда болды. Сондықтан саяси биліктің пайда болуын қазіргі саясаттануда мемлекеттің пайда болуымен байланыстырады.

Әдетте, "билік" деген сөз әр түрлі мағынада қолданылады. Оны ықпал ету бағытына, объектісіне байланысты былай етіп бөледі: ата-аналар билігі, мемлекеттік, экономикалық, саяси, әлеуметтік, құқықтық, әскери, рухани билік және т.т. Бірақ биліктің толық мағынасы мемлекеттік-саяси салада ғана айқындалады. Сондықтан саяси билік биліктің ең басты түріне жатады.

Биліктің басқа түрлерімен салыстарғанда саяси биліктің мынадай ерекшеліктері бар: оның өктемдік сипаты (ол басқа биліктерден жоғары тұрады, оның шешімдерін қалғандары орындайды), оның бүкіл қоғамның атынан билік жүргізуі, басқарумен кәсіби айналысатын адамдардың ерекше тобының болуы, оның көпшілік адамдардың мүддесін қозғауы, басқа мекемелерге қарағанда билік органдарының тәуелсіздігі, қоғам өмірінің жұмыс тәртібін белгілеуде жеке-дара құқығы, мемлекет шеңберінде ашық күш қолдана алуы және т.б.

Саяси билік бар жерде теңсіздік бар. Мұнда біреулер билік етуге құқықты да, екіншілері оларға бағынуға міндетті. Бұл теңсіздік неден туады? Ол үшін саяси биліктің қарамағында теңсіздікті қамтамасыз ететін әдіс-құралдары бар. Оған жататындар:

1. Экономикалық күш. Қандай саяси билік болмасын оған қаржы-қаражат керек. Мысалы, сайлау науқанын өткізу үшін ондаған миллион ақша жұмсалады. Мемлекет тарапынан бөлінген қаражат жетіспегендіктен шет елдерде үміткерлер жеке бай адамдардың, бірлестіктердің көмегіне сүйенеді. Билеуші аппаратты ұстау үшін қаншама қаржы кетеді. Оның үстіне, әдетте, билік басына келген топ өзінің экономикалық бағдарламасымен келеді. Мысалы, АҚШ-тың көрнекті президенттері: Ф. Рузвельт "Жаңа бағыт", Дж. Кеннеди "Жаңа шеп", Л. Джонсон "Кедейлікке қарсы соғыс" және т.с.с. бағдарламаларды алға тартқан. Оларды жүзеге асыруға қыруар ақша іздестіруге тура келеді.

Экономикалық қорға қоғамдық өндіріс пен тұтынуға керек басқа да материалдық құндылықтар, құнарлы, шұрайлы жерлер, пайдалы қазба байлықтары және т.б. кіреді.

2. Әлеуметтік әдіс-құралдар. Үстемдік етіп отырған билік өзін қолдайтын, оның одан әрі өмір сүруіне мүдделі адамдар іздейді. Ондай рөлді ең алдымен оның мәртебелі, абыройлы, жалақысы мол қызметтерді атқаратын, көптеген жеңілдіктермен пайдаланатын қызметкерлері орындайды. Қазіргі Батыс елдерінде үстемдік етіп отырған саяси билікті сақтауға халықтың көпшілігі мүдделі. Себебі, оларда орта деңгейде тұратын адамдар көп, саяси билік басына келгендер соларға арқа сүйейді, көпшілікті мұқтаждық жағдайға жібермейді, елдерінде әлеуметтік әділеттілік, халықты сақтандыру кең дамыған. Мысалы, зейнеткер жұмыс істеп жүргенде алған жалақысының 90% - ға дейінгісін ала алады, неше түрлі қайырымдылық қорлары жұмыс істейді және т.с.с.

3. Күш жұмсау құралдары. Олар мемлекетті қорғайды, ішкі тәртіпті сақтайды, саяси билікті құлатуға әрекет жасаушыларға мүмкіндік бермейді. Оған жататындар: әскер, полиция, қауіпсіздік органдары, сот, прокуратура және т.т. Тарихи тәжірибеге сүйенсек, саяси билік оларды өз мақсаттарына әсіресе экономикалық және саяси дағдарыстар кезінде жиі пайдаланады. Оның арнайы дайындалған адамдары болады.

4. Ақпарат құралдары. Қоғамдық пікір тудырып, саяси өмірге ықпал ету жағынан оны төртінші билік деп те атайды. Кейбір саяси қайраткерлер кім теледидарды бақыласа, сол бүкіл елді бақылай алады деп санайды. Шынында да, олардың мүмкіншіліктері мол. Әсіресе, әрбір үйде радио, теледидар бар кезде адамдар өз елдеріндегі жағдайды ғана емес, дүние жүзінде не болып, не қойып жатқанын көріп-біліп отырады. Ақпарат құралдарының маңызы шын мәнінде сөз, баспасөз бостандығы берілген, оппозициялық партиялар бар елдерде арта түседі.

Биліктің қайнар көзі, бастауына бедел, күш, байлық, заң, адамның қоғамдағы алатын орны, ұйым, мүдде, білім және хабарлама ақпараттар жатады.

Билікті жүзеге асырғанда құқық, бедел, сендіру, әдет-ғұрып, дәстүр, амал-айла, құлық, күштеу, зорлау, еріксіз көндіру сияқты әдіс-амалдар пайдаланылады. Оны жүзеге асырудың түрлеріне үстемдік жүргізу, басшылық ету, үйлестіру, ұйымдастыру, бақылау жатады..

ЛИТЕРАТУРА

1. Қазақстан Республикасының Конституциясы 1995 жылы 30 тамыз, өзгерістер мен толықтырулар 07.10.1998 ж., 21.05.2007 ж. // АҚЖ «Юрист».
2. Қазақстан Республикасының Президенті Нұрсұлтан Назарбаевтың Қазақстан «Жаңа онжылдық-жаңа экономикалық өрлеу Қазақстанның жаңа мүмкіндіктері» атты Қазақстан Халқына Жолдауы 2010 ж. // АҚЖ «Юрист».
3. «ҚР мемлекеттік тәуелсіздігі туралы» конституциялық заң 16 желтоқсан 1991 ж. // Жоғарғы Кеңес жаршысы 1991. - №51. - с. 54-55.
4. «ҚР Президенті» туралы конституциялық заң 26.12.1995 ж., өзгерістер мен толықтырулар 19 маусым 2007 ж. енгізілген // Егемен Қазақстан. - Алматы: 2007 ж. 20 маусым. - с. 13-15.

ВЕРХОВНЫЙ СУД США В СИСТЕМЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: ОРГАНИЗАЦИЯ, СОСТАВ, КОМПЕТЕНЦИЯ

*Кулинка Н.А. - магистрант кафедры «Юриспруденция»
Научный руководитель: Капышев А.К. - д.и.н.*

Конгресс, обязанный согласно Конституции выработать параметры судебной системы, создал два типа низших федеральных судов, общей и специальной юрисдикции, не затронув судебную систему штатов, поскольку таковая существовала еще до разработки проекта Конституции США. У делегатов Конституционного Конвента возникали серьезные разногласия относительно необходимости создания системы федеральных судов, а также по вопросу о том, должна ли эта система вытеснить суды штатов. Однако, в конце концов, делегаты достигли компромисса, в чем проявили приверженность принципу федерализма, определив, что суды штатов сохраняют свою юрисдикцию, но и признают федеральную судебную систему со своей компетенцией. Конституционно было установлено, что судебная власть осуществляется Верховным судом и нижестоящими федеральными судами, ограниченными делами федеральной юрисдикции, а в силу X поправки каждый штат имел право создавать свои собственные судебные органы. При этом ни Верховный суд, ни другие федеральные судебные органы административного контроля над судами штатов не осуществляют [1].

Законом о судоустройстве 1789 г. была определена двух и трехступенчатая система судов штатов, что объяснялось историческими условиями формирования судов в каждом штате. Двухступенчатая система общих судов будет некорректным утверждение, что в США существует единая судебная система, поскольку в действительности там действует 51 судебная система: федеральных судов и самостоятельная в каждом из 50 штатов, которая является отдельной закрытой системой. Подробнее об американской судебной системе: D. Meador. American courts. West, 199 включающая в себя суды первой инстанции и высший судебный орган, полагалась небольшим по размерам и населению штатам, а трехступенчатая, с судами промежуточной, апелляционной юрисдикции, - более крупным штатам, в судах которых рассматривалось большое количество гражданских и уголовных дел [2].

Для лучшего понимания сущности государственного строя США и роли в нем Верховного суда, необходимо сосредоточить внимание на его структуре, функциях и компетенции, а также на процедуре принятия в производство и рассмотрении дел.

Верховный суд венчает пирамиду федеральной судебной власти. Он является единственным судом, прямо упоминаемым Конституцией США; его состав и компетенция, в пределах статьи 3, также были определены законодательными актами Конгресса. Первый Закон о судоустройстве 1789 г. предусматривал образование Суда в составе шести судей: главного судьи (председателя) и пяти судей. Это количество не осталось неизменным: в 1801 г. число судей было уменьшено до пяти, в 1807 увеличено до семи, в 1837 до девяти, в 1863 поднялось до десяти, в 1866 г. оно было снова уменьшено до семи, а затем опять увеличено до девяти в 1869 г. Данное количество судей и действует на сегодняшний день. Правда попытка изменить число судей Верховного суда с девяти до пятнадцати предпринималась, и была связана еще с предложением президента Ф.Д. Рузвельта, когда благодаря работе действующего на тот момент состава судей была заблокирована программа «нового курса». В последующем, идея о дополнительной комплектации Суда периодически возникала у законодательной и исполнительной властей в периоды либерального активизма, но политикам удавалось изменить курс Суда при помощи новых назначений без увеличения числа судей [3].

Верховный суд является единственным органом власти, на который не распространяется конституционный принцип выборности. Пункт 2 раздела 2 статьи 2 Конституции говорит, что президент «должен назначать судей Верховного суда с совета и согласия Сената». Таким образом, право назначения поделено между Президентом и Сенатом, причем последний, учитывая политическое значение данных должностных лиц (поскольку пост судьи Верховного суда США рассматривается как более престижный и высокий по своему официальному статусу, чем пост министра или руководителя федерального ведомства), их пожизнен-

ный статус, весьма внимательно рассматривает предлагаемые кандидатуры. Когда место в Верховном суде становится вакантным, окружение президента начинает «атаковать» его предложениями имен по замещению вакансии. Однако немногие из указанных лиц могут оказать какое-либо воздействие, и большинство наблюдателей полагают, что число лиц и групп, которые могут существенно повлиять на решение Президента, может быть справедливо ограничено тремя: генеральным солиситором США, членами Сената и судьями Верховного суда. Наиболее влиятельным лицом, к мнению которого прислушивается президент, считается генеральный солиситор США, который также является и главным политическим советником, в чью компетенцию входит составление списка потенциальных кандидатов на вакантное место в Суде. При этом мнение сенаторов и судей менее существенно и зависит от готовности президента искать и слушать их советы [4].

Право Президента назначать кандидатов на должность судей Верховного суда является одним из наиболее влиятельных конституционных форм воздействия на судебную власть со стороны исполнительной ветви. Отсутствие же в Конституции критериев отбора на столь высокую должность привело к политизированию процесса назначения судей. Можно с уверенностью сказать, что процесс выдвижения и утверждения кандидатур в судьи Верховного суда был политическим с самого начала истории США. Если кандидатура Д. Ратлиджа, предложенная Д. Вашингтоном, была отклонена Сенатом из-за его оппозиции договору с Великобританией, то назначению Л. Брандейса активно сопротивлялись представители крупного капитала, заседавшие в Сенате, недовольные его деятельностью в защиту общественных интересов и задержавшие утверждение данной кандидатуры на пять месяцев [5].

Существует много факторов, которые могут быть приняты во внимание при выборе кандидатов в судьи Верховного суда. Таковыми являются различные политические и социологические моменты, профессиональные и доктринальные критерии. Наиболее явным политическим принципом отбора кандидатов является принадлежность к партии, к которой принадлежит сам Президент. По данным Г. Спэта и Д. Рода, из ста лиц, заседавших в Верховном суде с момента возникновения республики до назначения У. Ренквиста в 1971 году, 90 были из той же партии, что и назначавший их Президент. Единственным Президентом - демократом, назначившим судьей республиканца, был Трумэн, который определил на должность судьи Верховного суда Н. Бертона из Огайо в 1946 году. Также практикуется и назначение на должность в Верховный суд лица, не являющегося членом партии президента (хотя и придерживающегося аналогичных взглядов на текущую политику) для раскола оппозиционной партии и привлечения дополнительных голосов к партии президента. Другим политическим соображением является «географический» способ расстановки судей на вакантные места. Большинство Президентом полагало, что в Суде должны быть представлены все главные области страны. Но в научной литературе подчеркивается особенно активность южных и восточных штатов, которая сказывается на количестве членов Суда от данных штатов в ущерб остальных регионов. Географический критерий особенно важен, когда рассматриваемая область страны - часть или надеется стать частью избирательной коалиции президента. Например, многие наблюдатели рассматривали назначение Президентом Р. Никсоном К. Хайнсворта, Г. Карсвела и Т. Пауэлла, которые, являясь южанами, были частью его обсуждаемой «южной стратегии» [6].

Кроме того, существует социологический набор признаков, которые оказывают влияние на выбор Президентом. Такие признаки включают религиозную, этническую принадлежность кандидата, расу, и пол. Подавляющее большинство судей были протестантами, в то время как католики и евреи были исключением. Первым назначенным католиком был председатель Суда Р. Тэни в 1835 году, и (исключая период 1949 - 1956 гг.) приверженцы этой веры представлены в Суде по сей день. Первым судьей-евреем стал У. Брандэйз в 1916 году, и с той поры в Суде был, по крайней мере, хоть один еврей до отставки судьи Э. Фортаса в 1969 году. Интересно, что все Президенты, которые предоставляли одно место для судьи - еврея, были демократами: возможно, хотя бы потому, что традиционно именно евреи на выборах Президента голосуют за представителей демократической партии. Но было бы ошибкой думать, что только политические усмотрения влияют на выбор кандидата в Верховный суд.

Президенты осознают их место в американской истории и понимают, что человек, которого они назначат на столь высокую должность, окажет влияние на развитие всей страны. Таким образом, большинство президентов выбирали лиц с определенной известностью в профессиональных кругах. Примером является Б. Кардозо, назначенный в Суд президентом Г. Гувером в 1932 году. В соответствии со всеми критериями, это был плохой выбор. Он был демократом (при этом либеральным), евреем (когда в Суде уже был один еврей, Брандэйз), и из Нью - Йорка (в то время как двое судей, Ч. Хьюз и Х. Стоун, уже были из этого штата). Однако Б. Кардозо был признан одним из самых лучших судей. Несмотря на проблемы, вставшие перед Гувером в связи с этим назначением, он порекомендовал Сенату именно кандидатуру Кардозо [7].

Для определения политического кредо номинанта используются всевозможные способы, и в первую очередь изучается отчет по предыдущей деятельности потенциального номинанта. Почти все судьи имеют указанные отчеты по своим решениям, исследование которых определяет политико-правовые ориентиры возможного кандидата. Помимо отчетов по работе, существует дополнительный ряд критериев, на основе которых Президенты выявляют лиц с аналогичными их политико-правовыми установками и делают свой выбор. Одним из главных критериев является согласие с политикой, проводимой администрацией. Если Дж. Вашингтон назначал судей, преданных доктрине сильного федерального правительства, то А. Линкольн - сторонников аболиционизма; Ф. Рузвельт привел в суд лиц, поддерживающих «Новый курс», а Р. Никсон - приверженцев ужесточения уголовно-процессуальных процедур с консервативными взглядами. Другим важным фактором являются личные дружеские или деловые отношения между Президентом и кандидатом. По этой причине Л. Джонсон выбрал Э. Фортаса, В. Вильсон - Л. Брэндэйса, Г. Трумэн - Х. Бертона. Упомянувшийся ранее Д. Эйзенхауэр назначил Э. Уоррена председателем Суда благодаря помощи и поддержке последнего на президентских выборах. Учет указанных и иных факторов напрямую сказывался на совместимости и взаимной поддержке в работе всех ветвей власти, хотя это и не являлось панацеей от возможных конфликтов, когда тот или иной состав судей не проводил политику администрации. Американская судебная история знает много примеров, когда поведение назначенного в Суд лица противоречило первоначальным представлениям Президентов.

Несмотря на разнообразие и многочисленность факторов, которые влияют на назначения в Верховный суд, можно констатировать также, что все судьи с момента возникновения данного института власти по сегодняшний день происходили из обеспеченных семей, окончили престижные учебные заведения, уже обладали политическим влиянием и имели определенную известность в профессиональных кругах. Например, У. Дуглас (назначенный президентом Ф. Рузвельтом в 1939 г.) окончил Колумбийский Университет, преподавал в Йельском и Колумбийском Университетах, У. Бреннан (назначенный Д. Эйзенхауэром в 1956 г.) окончил Гарвардский университет, был судьей Верховного суда в Нью-Джерси, Т. Маршалл учился в Университете Линкольна, занимал пост главного солиситора США, был судьей апелляционного суда, У. Бергер был помощником министра юстиции и после судьей апелляционного суда, У. Ренквист окончил Стэнфордский Университет, был клерком судьи Верховного суда США Р. Джексона, а после занимал пост помощника генерального атторнея.

Таким образом, следует отметить, что членами Верховного суда являются высокообразованные, знающие юристы, которые до занятия должности судьи работали на высших постах государственной службы или в известных корпорациях. Часть судей в прошлом активно занималась политической деятельностью в качестве законодателей, администраторов политических компаний либо членов и председателей центральных комитетов политических партий. У. Бергер, Б. Уайт, Г. Блэкмэн, Д. Стивене, У. Ренквист, Т. Маршалл работали ранее в качестве адвокатов, но их назначение в Суд произошло благодаря их предшествующей деятельности в области политики или на высших государственных должностях. Также в качестве примеров можно назвать: Э. Уоррена и Ч. Хьюза, которые были губернаторами, а Х. Стоун, Т. Кларк - генеральными атторнеями; а Д. Джей, Д. Маршалл, Р. Тэни, Ф. Винсон, Э.

Фортас являлись доверенными лицами Президентов. Лица из профессорско-преподавательского состава, такие как О. Холмс, Х. Стоун, Б. Кардозо, В. Ратлидж, Ф. Франкфуртер, все-таки составляли малочисленную группу судей.

На сегодняшний день судьи Верховного суда отказываются от традиции пересмотра дел, считая, что практика отклонения от прежде вынесенных решений способствует выработке в обществе убеждения об излишней политичности Суда, который руководствуется в своей деятельности чисто политическими предпосылками. Хотя следует признать, что подобный пересмотр только позволяет адаптировать положения Конституции к реалиям жизни. Изменение обстановки в стране, смена членов Суда также служат поводами для внесения существенных изменений в прежние решения. Как справедливо отмечает М.А. Никифорова, «практика отхода от разработанных ранее прецедентов предопределена возложенной на Суд важной функцией приспособления общих принципов конституционного права к потребностям конкретной политической ситуации».

Конституция, предоставляя судьям Верховного суда существенную защиту от внешнего влияния при осуществлении их полномочий (в том числе самостоятельно приобретенных) путем серьезных правовых гарантий неприкосновенности (сложная процедура импичмента, пожизненность пребывания в должности, стабильность заработной платы и др.) удаляет их от давления общества, которое влияет на других политических деятелей. Поэтому Верховный суд в глазах широкой публики стал почти мистическим местом, где вершатся судьбы отдельных людей и нации в целом. Вместе с тем сам Суд всей своей деятельностью и активной позицией оказывает огромное воздействие на жизнь американского общества. Конституция США, благодаря схематичному изложению основных положений (в том числе о судебной власти) позволила возникнуть институту конституционного контроля, который, уже в свою очередь, сделал возможным проявиться судебному активизму как основной тенденции в деятельности Верховного суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова И.В. Популизм и консерватизм. К истории американской политической мысли. - М.: МПТУ, 2003. - 49 с.
2. Боботов С.В. Конституционный контроль в буржуазных странах: доктрина и практика. // Советское государство и право. - М.: Юристъ, 2009. №3. - С. 56 - 59.
3. Гоббс Т. Избранные философские произведения. - М.: Политическая литература, 2001. - 756 с.
4. Воронин Ю.А. Конституции и политические системы в странах социализма и капитализма. - М.: Изд - во «Вазар-Ферро», 2001. - 120 с.

ПЕДАГОГ-ПСИХОЛОГ КАК УЧАСТНИК ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО

*Базарбаева А.Н. магистрантка
специальности «Юриспруденция»
Научный руководитель: Жолумбаев М.К., к.ю.н.*

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан в целом отражает требования международных стандартов о повышенной правовой охране несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). Это обеспечивается различными способами, в том числе и участием в производстве по такой категории дел педагога или психолога, что является дополнительной гарантией, реализующей права несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) с учетом их возрастных и индивидуальных психологических особенностей.

Педагог или психолог в соответствии с положениями ч. 1 ст. 488 УПК РК наряду с защитником является обязательным участником допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в возрасте до 16-ти лет, а также несовершеннолетнего в возрасте от 16 до

18 лет, страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, не связанным с психическим заболеванием.

На практике возникает вопрос, какого педагога следует приглашать для участия в допросе: знакомого или незнакомого допрашиваемому. Справедливо отмечено Н.Г. Калугиной, что в одних случаях участие знакомого педагога способствует нормальной обстановке и установлению психологического контакта на допросе, в других – нет. Неправильно организованный допрос не только не несет в себе необходимой воспитательной нагрузки, но и в ряде случаев приводит к тяжелым переживаниям [1].

Психологи отмечают, что в присутствии одного человека другой чувствует себя уютно и комфортно, а в присутствии иного – испытывает дискомфорт. Но взрослым людям подвластно контролировать и управлять своими эмоциями, что для несовершеннолетних довольно затруднительно в силу присущих им возрастных особенностей и данной напряженной для них ситуации. Это вполне объяснимо и с позиции социальной психологии, поскольку при общении лицо, а в данном случае педагог, может выступать либо как фасилитатор, либо как ингибитор.

Социальная фасилитация в психологии определяется как стимулирующее влияние социальных факторов на мысли, чувства, активность человека. Фасилитация возникает на основе положительных чувств субъектов взаимодействия по отношению друг к другу и к осуществлению совместной деятельности [2]. Соответственно фасилитатор – человек, влияющий положительно на общий настрой группы и способствующий эффективной деятельности каждого субъекта.

Социальная ингибиция, напротив, характеризует тормозящее, негативное влияние социальных факторов или конкретного человека на поведение и самочувствие собеседника, что возникает обычно в условиях негативного отношения друг к другу субъектов взаимодействия. Ингибитор, таким образом, – противоположность фасилитатора.

Именно с учетом этих понятий следователю (дознавателю) необходимо решать вопрос об участии того или иного педагога как в допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), так и в других следственных действиях, проводимых с его участием. Предвосхищая вопросы наших оппонентов, сразу отметим, что если несовершеннолетний не может определить, в участии какого конкретно педагога он нуждается, то следует пригласить для участия в допросе психолога либо работника социальной службы, имеющего высшее педагогическое образование [3].

Принимая во внимание точки зрения ряда ученых по данной проблеме мы считаем, что с учетом мнения несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) и применительно к каждой ситуации к педагогу должны предъявляться следующие требования:

- высшее педагогическое образование и стаж работы по специальности не менее 3-х лет;
- деятельность педагога должна быть связана с несовершеннолетними той же возрастной категории, что и допрашиваемый;
- отсутствие заинтересованности в исходе дела;
- наличие авторитета у подростка, доброжелательных отношений между ними, отсутствие конфликтов (если они знакомы).

Классный руководитель, который может быть допрошен в качестве свидетеля, как правило, не должен приглашаться для участия в допросе несовершеннолетнего [4].

Психолог, которого допускают к участию в уголовном деле, должен также отвечать определенным требованиям, а именно: иметь высшее психологическое образование со специализацией в области возрастной (социальной, клинической) психологии, иметь стаж работы не менее 3-х лет по специальности.

Считаем, что при решении вопроса о допуске того или иного педагога (психолога) к участию в деле следователь (дознатель) должен установить компетентность данного лица, т.е. приобщить к материалам уголовного дела копию диплома, подтверждающего наличие соответствующего образования, или (при невозможности) выяснить это при допросе.

Соглашаясь с мнением некоторых специалистов в этой области [6], уверены, что педагог (психолог) может оказать существенную консультативную помощь следователю (доз-

навателю) перед допросом несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). Например, в определении особенностей его характера, восприятия, запоминания, воспроизведении информации, интеллектуальных особенностей, свойств и состояния нервной системы.

Так, А.Я. Вышинский еще в 1939 году применительно ко всем несовершеннолетним, не зависимо от их процессуального статуса в уголовном процессе, писал: «Только получив исчерпывающие данные как о характере самого ребенка и степени его развития следователь может правильно провести допрос и тем самым повысить достоверность показаний несовершеннолетнего».

Психолог (педагог) при необходимости помогает устанавливать психологический контакт с несовершеннолетним, вырабатывает вместе со следователем (дознавателем) тактику проведения допроса, адаптируют вопросы к допрашиваемому с учетом его возрастных и индивидуальных особенностей психики.

Именно поэтому, по нашему мнению, целесообразно закрепить в законе право педагога (психолога) перед первым допросом наедине и конфиденциально провести «ознакомительную» беседу с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), особенно если они не знакомы. Это позволит педагогу (психологу) выявить особенности личности допрашиваемого, составить его психологический портрет, а затем изложить свои выводы и рекомендации (устно или письменно) по построению и проведению допроса. Изучив личностные особенности допрашиваемого, педагог (психолог) может рекомендовать продолжительность, место допроса и тактические приемы его проведения.

А.В. Шмонин считает, что в случаях, когда специалист делает выводы, то обязательно должен представлять их в виде справки, приобщаемой к материалам уголовного дела в качестве документа или письменных доказательств. Однако в ст. 117 УПК РК закреплен такой источник доказательств как заключение специалиста. Поэтому, на наш взгляд, педагог (психолог) может составить свое заключение специалиста по поводу личности несовершеннолетнего, а при необходимости рекомендовать для постановки перед экспертом вопросов для производства соответствующей судебной экспертизы.

Необходимость изучения личности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) перед допросом поддержало большинство (78,7%) опрошенных нами социальных педагогов и психологов. При этом 41% опрошенных нами следователей (дознавателей) отрицательно отнеслись к такому предложению. Одни мотивировали это нехваткой времени, особенно если несовершеннолетний задерживается в качестве подозреваемого на основании и в порядке ст. 147 УПК РК и решается вопрос о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу. Другие определяли данную процедуру нецелесообразной, считая, что педагог (психолог) вряд ли предоставит им важную информацию. Отрадным является то, что большая половина (59%) все-таки поддержали данное предложение.

Во время конфиденциального общения педагогу (психологу) могут стать известными сведения о совершенном несовершеннолетним преступлении. Считаем, что на данного специалиста должны распространяться правила свидетельского иммунитета и он не может быть допрошен об указанных обстоятельствах.

Поднятые в статье проблемные вопросы требуют дальнейшего обсуждения в кругу специалистов различных областей знаний и законодательного урегулирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калугина Н.Г. Этические основы следственных действий по делам о преступлениях несовершеннолетних: Монография. Домодедово: ВИПК МВД России, 2000.
2. Андриенко Е.В. Социальная психология: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001.
3. Семьянова И.С. Проблемы совершенствования расследования преступлений несовершеннолетних (организационно-правовой аспект): дис. канд. юрид. наук. - Омск, 2003. - С. 114
4. Андриенко Е.В. Социальная психология: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. - С. 89.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Смаилов Б. - магистрант кафедры «Юриспруденция»

Термин «международное гуманитарное право» впервые был предложен в 50-х гг. XX в. известным швейцарским юристом Жаном Пикте. За сравнительно небольшой период он получил широкое распространение и признание сначала в публицистике, в юридической литературе, а затем вошел в название Женевской дипломатической конференции (1974 - 1977) по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применимого в период вооруженных конфликтов.

Начало развития международного гуманитарного права в XX в., как правило, связывают с принятием 22 августа 1864 г. на дипломатической конференции в Женеве Конвенции об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны 1864 года.

Неоценимая роль в работе по подготовке и принятию Конвенции 1864 г. принадлежит швейцарскому предпринимателю Анри Дюнану, свидетелю страданий и мук раненых и умирающих французских и австрийских солдат после битвы между австрийскими и франко-итальянскими войсками в 1859 г. при Сольферино, во время войны в Италии. По предложению Анри Дюнана был создан комитет, состоявший из единомышленников Дюнана, так называемый «Комитет пяти», одной из основных целей которого была разработка международных гуманитарных принципов, а также изучение возможности создания в каждой стране добровольного общества помощи, члены которого будут обучаться и готовиться в мирное время к оказанию помощи военно-медицинской службе во время военных действий. В дальнейшем именно этот комитет явился учредителем Комитета Красного Креста, а с 1880 г. стал называться Международным комитетом Красного Креста.

Важнейшим нововведением в международное право, внесенным Женевской конвенцией 1864 г., было понятие нейтральности в том виде, в котором его предложил Дюнан. Врачи и другой медперсонал не должны считаться принимающими участие в военных действиях и не подлежат захвату в плен.

В Конвенции оговаривалось, что всегда и везде раненым должно оказываться уважение и проводиться одинаковое лечение, независимо от того, на чьей стороне они сражались.

В Женевской конвенции 1864 г. содержалось всего 10 статей, но они заложили фундамент, который послужил основой для дальнейшего развития международного гуманитарного права. Эти статьи затрагивали существенные моменты: военные санитарные повозки и госпитали были признаны нейтральными, им обеспечивались защита и уважение; нейтральность распространялась на армейских священников, исполняющих свои обязанности; если они попадали в руки противника, они должны были быть освобождены и возвращены в собственный лагерь; необходимо было с уважением относиться к мирному населению, пришедшему на помощь раненым; раненым и больным воинам необходимо было обеспечить уход, независимо от того, на чьей стороне они сражались; знак красного креста на белом поле должен был обозначать госпитали и медперсонал для обеспечения им защиты.

Сегодня трудно себе представить, какое огромное влияние оказала Женевская конвенция 1864 г. на развитие права наций. Впервые в истории государства приняли официальный постоянно действующий документ, содержащий ограничения их могущества в интересах отдельных людей и человеколюбия.

Уже через два года после ее принятия, в австро-прусской войне 1866 г., Женевская конвенция 1864 г. прошла боевое крещение. Это был удобный случай доказать ее значимость, особенно при Садове, в битве почти столь же кровавой, что и битва при Сольферино. Пруссия ратифицировала

Конвенцию и придерживалась ее. Она располагала хорошо оснащенными госпиталями, и Прусский Красный Крест был все время там, где нужна была его помощь. В лагере противника ситуация была абсолютно иной, поскольку Австрия не подписала Конвенцию, и отступающая австрийская армия оставляла своих раненых на поле боя. В лесах около Садо-

вы были найдены тела 800 раненых, умерших из-за отсутствия медицинской помощи.

В 1867 году почти все ведущие державы ратифицировали Женевскую конвенцию 1864 года, кроме Соединенных Штатов, которые сделали это в 1882 году [4, 58].

С этого времени Конвенция приобрела всеобщий характер, что было весьма важно для ее авторитета. Франко-прусская война 1870 г. показала, насколько сложно обеспечить выполнение положений Женевской конвенции 1864 г. и норм обычного права.

Один из основателей Международного комитета Красного Креста и в течение многих лет бессменный его Президент - Гюстав Муанье, сразу же после окончания этой войны изложил свои наблюдения и выводы в работе «Женевская конвенция во время франко-прусской войны» [4].

Первый военный конфликт, в котором Конвенции придерживались обе воюющие стороны, была сербско-болгарская война 1885 г. Смертность в ней составила не более двухпроцентов. На этот раз государства поняли, что Женевская конвенция служит их обоюдному благу, и данный факт более не подвергался сомнению. Сама идея, или концепция, распространения международного гуманитарного права не родилась вместе с Женевской конвенцией 1864 г., где еще не упоминалось о необходимости ознакомления населения с ее положениями.

Хотелось бы отметить, что по поручению Президента США Авраама Линкольна 24 апреля 1863 г. по армии США был издан приказ №100 «Инструкция полевым войскам Соединенных Штатов», подготовленный известным американским юристом немецкого происхождения Френсисом Либером. Данная Инструкция, ныне известная как Кодекс Либера, подтолкнула процесс последующей кодификации законов и обычаев войны [4, 65]. Кодекс Либера содержал подробные правила, относящиеся ко всем аспектам сухопутной войны, от способов ведения боевых действий как таковых и обращения с гражданским населением до обращения с особыми категориями лиц, такими, как военнопленные, раненые, партизаны (франтиреры) и т.д. Хотя Инструкция полевым войскам Соединенных Штатов формально была сугубо внутренним документом и предназначалась для применения в условиях гражданской войны между Севером и Югом, тем не менее она не только послужила импульсом для последующей кодификации законов и обычаев войны, но и явилась первым примером регулирования на внутригосударственном уровне отношений по защите жертв войны, воплотившим научные воззрения того периода, в том числе об ответственности индивидов за нарушение правил ведения военных действий, а также явилась документом, провозгласившим необходимость распространения знаний о праве войны.

Таким образом, у истоков возникновения международного гуманитарного права стоит Женевская конвенция 1864 года. Однако сам термин «международное гуманитарное право» возник гораздо позднее, а именно в 50-х годах XX века, и впервые был предложен известным швейцарским юристом Жаном Пикте [4, 60].

Принцип уважения прав и свобод человека, зафиксированный в Уставе ООН, был детализирован и закреплен в виде конкретных международно-правовых норм в договорах и соглашениях, таких, как Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года, Женевские Конвенции о защите жертв войны 1949 года, Конвенция о политических правах женщин 1953 года, Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 года, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Дополнительные протоколы I и II 1977 года к Женевским Конвенциям 1949 года, Конвенция о правах ребенка 1989 года и другие [4].

Объем урегулированных международными нормами отношений и качество их регламентации свидетельствуют о том, что в современном международном праве сформировалась новая отрасль, отражающая результаты сотрудничества государств в гуманитарной сфере – международное гуманитарное право [4]. Нормы этой отрасли зафиксированы в различных источниках международного права, отличающихся по своей юридической силе, сфере действия, составу участников, характеру регулирования прав и свобод человека и т.д.

В отечественной и зарубежной литературе по вопросу о содержании международного гуманитарного права («права человека», «международная защита прав человека», «междуна-

родное право прав человека» и т.п.) и месте этой отрасли в системе международного права имеются две основные точки зрения.

Согласно одной из них, отрасль «права человека» регламентирует международное сотрудничество в области прав человека в мирное время, а нормы, регулирующие защиту прав человека в условиях вооруженных конфликтов, образуют подотрасль другой отрасли – «права вооруженных конфликтов» («законов и обычаев войны»).

Другие ученые рассматривают гуманитарное право в более широком контексте, включая в него вопросы обеспечения и защиты прав человека как в военное, так и в мирное время. Эта точка зрения представляется более обоснованной.

Предмет регулирования у «гуманитарного права в мирное время» и «гуманитарного права в период вооруженных конфликтов» в общем един - осуществление, обеспечение и защита прав человека. Вооруженный конфликт приводит в действие, «включает» целую систему международных норм о защите человеческой личности. Эти нормы устанавливают особый режим регулирования общественных отношений в период вооруженных конфликтов. Во время вооруженных конфликтов появляются новые группы участников правоотношений - комбатанты, гражданское население, раненые и больные, и другие лица, права которых подлежат особой защите.

Таким образом, отдельные категории индивидов наделяются специальными правами и защитой, предусмотренными нормами, т.е. физические лица приобретают специальные правовые статусы. Поэтому можно говорить о том, что «право вооруженных конфликтов» состоит главным образом из норм, имеющих «главную прописку» в других отраслях международного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Действующее международное право. Т.1. - М.: Московский независимый институт международного права, 1996. - С. 42 - 54, 83 - 91.
2. Международное публичное право. Сборник документов. Т.1. - М.: БЕК, 1996. - С. 470 - 482.
3. Курс международного права. Т.4 / Под ред. Н.А. Ушакова. - М.: Норма, 1992. - С. 123.
4. Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М.: Юридическая литература, 1990. - С. 14 - 20, 58 - 80.
5. Жеребцов А.Н. Международное гуманитарное право. Курс лекций. - Краснодар: Юрист, 1998. - С. 76.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

*Абдразахова М.Х. - магистрант группы «Ю-11»
Научный руководитель: Жолумбаев М.К. - к.ю.н.*

Соучастие в преступлении в самом общем виде - это различные случаи совершения преступного деяния несколькими лицами. Соучастие считается более опасной формой преступной деятельности, чем совершение преступления одним лицом.

Взаимная поддержка соучастников позволяет им использовать более изощренные способы совершения преступления и облегчает сокрытие совершенного общественно опасного деяния [1].

Новый уголовный кодекс Казахстана 2014 года (далее УК РК) определяет соучастие как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного уголовного правонарушения (ст. 27 УК РК). Законодательная дефиниция однозначно исключает неосторожное соучастие в умышленном или неосторожном преступлении. Неосторожное преступление может быть совершено несколькими лицами, однако это не образует того единства действий и намерений участников, которое необходимо для соучастия.

Соучастие в первую очередь это участие нескольких лиц в совершении преступления. Предложение заменить термин «лиц» на термин «субъектов преступления» в определении

соучастия, не нашел поддержки у отечественного законодателя. Тем не менее, следует иметь в виду, что эти лица должны обладать признаками субъекта преступления: возрастом (ст. 15 УК РК) и вменяемостью (ст. 16 УК РК).

Умышленная деятельность участвующих в преступлении лиц предполагает наличие единства действий участников, объединенных единой волей и единым стремлением к преступлению. Как известно, при соучастии состав преступления непосредственно осуществляется исполнителем. Действия других соучастников создают лишь благоприятные для этого условия. Поэтому любая их деятельность всегда определенным образом отражается в действиях исполнителя, которые и приводят к преступному результату.

Следующим признаком соучастия является «совместность участия» двух или более лиц в совершении преступления.

Совместность действий соучастников означает, что каждый из них, стремясь к единому результату, совершает свою часть преступных действий, чем облегчает совершение преступления другим соучастникам и содействует достижению оговоренного результата. Соучастие может выражаться как в совершении активных действий, так и в бездействии. Таким образом, все соучастники, несмотря на свою роль в преступлении, действуют едино при совершении деяния, для достижения преступных последствий и создания между деянием и последствиями причинной связи [2].

Внешним выражением совместности действий соучастников является причинная связь между действиями каждого соучастника и общественно опасным результатом – необходимое условие ответственности за этот результат. Причинная связь служит объективной границей, которой ограничиваются пределы ответственности за соучастие [3].

С точки зрения Б.В. Здравомыслова: «в теории уголовного права выделяется также третий объективный признак соучастия: участие двух или более лиц в совершении «одного и того же преступления». Параметрам (признаками) единства преступления называются: единство объекта преступления, единство формы вины, единство посягательства в его первооснове [4].

В рамках анализа объективной стороны соучастия следует иметь в виду, что для соучастников не требуется совпадения признаков места, времени и способа действий и иных факультативных обстоятельств: для каждого субъекта они могут быть различными.

Однако тремя названными признаками не исчерпывается содержание понятия «соучастие в преступлении». Не менее важное значение для отграничения этой формы проявления преступного поведения от смежных форм индивидуально совершаемых преступлений имеют субъективные признаки соучастия в преступлении.

Субъективная сторона соучастия предполагает не только наличие умышленной вины всех соучастников в отношении совершенного преступления, но и на взаимную осведомленность в том, что их желаемые совместные действия направлены на достижение общего преступного результата. Соучастие также предполагает осведомленность исполнителей о деятельности других соучастников (хотя бы одного – подстрекателя, пособника), содействующих совершению преступления. При этом любое преступление, совершаемое в соучастии, изначально предполагает, на наш взгляд, только прямой умысел всех соучастников. Мотивы при этом могут быть различными. Например, подстрекатель действует по мотивам ревности, склоняя другое лицо к убийству, а исполнитель преступления может действовать из корыстных побуждений. Главное в их действиях то, что они совместными усилиями достигают общей преступной цели, что и делает их соучастниками.

Теоретическая позиция, допускающая косвенный умысел в соучастии [5], находится в противоречии с действующим законодательством. Часть 3 ст. 20 УК РК, характеризуя волевой признак косвенного умысла, указывает, что лицо не просто сознательно допускает общественно опасные последствия своих действий, а, прежде всего, лицо не желает их наступления, что, конечно, подтверждается его поведением. Получается, что с одной стороны, пособник осознает, что содействует совершению преступления своими советами, предоставлением оружия или другими способами помогает исполнителю в совершении будущих преступлений, а с другой стороны, не желает, чтобы исполнитель совершил преступление. Еще бессмысленнее становятся действия подстрекателя, который осознает, что склоняет другое лицо

к совершению преступления путем уговоров, подкупа или угрозы, и в то же время не желает, чтобы склоняемое им лицо совершило преступление.

Таким образом, из вышеизложенного можно обозначить следующие основные выводы:

1. УК РК 2014 года определяет соучастие как «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного уголовного правонарушения». Из ст. 27 УК РК следует, что о соучастии в преступлении можно говорить лишь тогда, когда в совершении преступления участвовало два и большее число лиц. Наличие двух и более лиц предполагает, что все соучастники достигли возраста, установленного законом, позволяющего привлечь их к уголовной ответственности, а также что все соучастники были вменяемы во время совершения преступления.

2. Соучастие в преступлении есть умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Соучастие возможно там, где у соучастников имеются: а) взаимное знание о преступной деятельности друг друга; б) единое намерение совершить одно и то же преступление, хотя, разумеется, цели и мотивы у них могут быть и разными.

3. В учебной литературе предлагаются различные варианты классификации соучастия, причем нередко в одном учебнике говорится о форме соучастия, а в другом такое же содержание вкладывается в понятие "вид соучастия" либо одно и то же явление именуется по-разному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий. - М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. - С. 23.
2. Сноп С.Н. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций. - Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. - С. 56.
3. Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Кондрашова Т.В., Незнамова З.А. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. Отв. ред.: Козаченко И.Я., Незнамова З.А. - М.: Норма, Инфра-М, 1998. - С. 77.
4. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. проф. Б.В. Здравомыслова. - Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: Юристъ, 1999. - С. 123.
5. Уголовное право Российской Федерации. В 2 т. Т.1: Общая часть: Учебник / Под ред. проф. Л.В. Иногамовой - Хегай. - М.: Инфра - М., 2000. - С. 43.

СОЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Нұрмұханбет Данияр Ысқақұлы
к.ю.н., доцент, член РАЮН
Анисбеков Сунгат Сеілбекович
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»

Представленный в предыдущей части исследования статистический анализ профессиональной преступности демонстрирует хотя и важные, но все же лишь внешние характеристики этого криминологического феномена. Необходимым дополнением такого анализа выступает познание внутренних характеристик профессиональной преступности, основанное на материалах изучения конкретных уголовных дел и результатах применения социологических методов. В качестве теоретико-методологической основы такого исследования в настоящей работе нами использованы принципы, методика, программа и опыт социологического изучения преступлений, разработанные А.А. Герцензоном, некоторым образом скорректированные с учетом предмета и целей диссертации [1].

В процессе проведения исследования были изучены материалы 112 уголовных дел о групповом грабеже, рассмотренные судами Акмолинской области. Кроме того, были дополнительно исследованы материалы 94 уголовных дел о грабеже, совершенном одним исполнителем без иных соучастников, а также 98 уголовных дел о групповом разбое. Сопоставительный анализ полученных данных позволил более зримо, рельефно выделить особенности профессиональной преступности и их отличия от близких криминологических и уголовно-правовых явлений. Что касается достоверности анализа и его основных выводов, то как и всякое выборочное исследование, наша диссертация не исключает погрешностей. Вместе с тем, учитывая, что 112 дел о групповых грабежах составляет 23% от среднегодового числа профессиональной преступности в Акмолинской области (478 за последние 13 лет). Предел ошибки при данном числе наблюдений колеблется в интервале от 6,0 до 10,0 [2].

В изученных материалах все групповые грабежи были квалифицированы по ч. 2 ст. 191 УК РК. В подавляющем большинстве случаев (67%) обвиняемым вменялось совершение одного преступления. Квалификация деяния по совокупности с иными преступлениями присутствовала в 33% случаев, в том числе: в 9% случаев дополнительно вменялся грабеж, в 9% случаев - разбой, в 5% случаев - вымогательство, в 5% случаев - вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, в 5% случаев - изнасилование или насильственные действия сексуального характера.

Сравнивая эти данные с результатами анализа уголовных дел о групповых разбоях, можно установить, что здесь несколько чаще встречается практика квалификации содеянного по совокупности с иными преступлениями. Отсутствие признаков совокупности зафиксировано в 47% случаев; в остальных случаях подсудимым вменялись: разбой (23%), кража (12%), незаконный оборот оружия, вымогательство и хищение документов (по 6%>). В уголовных делах о грабежах без признаков соучастия отсутствие совокупности преступлений установлено в 55% случаев; соответственно в 45% случаев осужденный привлекался к ответственности сразу за несколько преступлений, в том числе: грабеж (17%), кража (14%), разбой (6%), причинение тяжкого вреда здоровью и мошенничество (по 4%).

Уже из этих данных видно, что группы, совершающие грабеж, не ориентированы на многократную преступную деятельность. Совокупность преступлений в этих группах встречается реже, чем у субъектов, совершающих грабеж в одиночку. Это позволяет предположить, что сегодня преступникам не требуется особой кооперации усилий для совершения грабежей. Их объективные социальные характеристики таковы, что позволяют не менее эффективно совершать преступление в одиночку. Иное дело групповые разбои. В данном случае группа чаще настроена на повторение преступной деятельности. Очевидно, что характер применяемого при преступлении насилия и объем корыстных устремлений объективно требуют согласования действий нескольких лиц. Кроме того, повышенная результативность именно группового разбоя обуславливает тот факт, что в 23% о случаев эти группы повторяли именно разбойные нападения, в то время как доля повторно совершенных грабежей в группах не превышает 9%.

Группы, совершающие грабежи, представляют собой, как уже было отмечено в предыдущем параграфе, нестойкие криминальные образования. Этот предварительный тезис в полной мере подтвержден результатами анализа материалов уголовных дел.

В 67% случаев в группе, совершающей грабеж, не было распределения ролей и все ее участниками непосредственно выполняли функции исполнителя преступления. Только в 33% дел имело место распределение функций, причем оно чаще всего носило технический характер и не отражалась на квалификации, лишь в 11%) случаев распределение ролей было связано с необходимостью применения положений УК РК, однако ни в одном из изученных дел действия соучастников не были квалифицированы как организаторские; применялись лишь положения УК РК о пособничестве в совершении преступления группой лиц по предварительному сговору.

Таким образом, исследуемым группам не свойственны начала организованности. Составляющие их лица на паритетных началах входят в группу. До момента возникновения умысла на совершение преступления они были хорошо знакомы (этот факт установлен в 95%

случаев) и, как правило, находились в дружеских, приятельских отношениях. Этому в немалой степени способствовал примерно равный возраст участников группы: в 10% случаев они были погодками, в 24% случаев разница в возрасте не превышала одного года, в 29% случаев - двух лет, в 14% случаев - трех лет; итого в 77% групп разница в возрасте между участниками не превышала трех лет. Примерно равный возраст, уровень образованности, близость интересов во многом облегчают неформальные контакты таких лиц, в том числе и сговор на совершение преступления. С психологической точки зрения они же объясняют отсутствие острой необходимости в структурировании группы и установлении в ней иерархичных начал.

Подобная характеристика группы непосредственно связана и с ее численным составом. В 62% случаев группа, совершившая грабеж, состояла из двух лиц, 28%) групп состояло из трех человек, в 5% уголовных дел грабеж бы совершен группой из четырех человек и еще В 5%) дел - из пяти.

По этому признаку группа грабителей существенно отличается от группы, совершающей разбойное нападение. Последняя в 47% случаев состоит из двух лиц, а в 41% случаев - из трех и в 6% случаев - из четырех человек. Численное превосходство преступников - один из значимых факторов, который определяет интенсивность криминальной деятельности, объем возможного насилия, степень согласованности действий, и как следствие, масштаб криминальных последствий.

Число человек в группе часто предопределяет специфику сговора между ними о совершении преступления. В исследованных уголовных делах о групповом грабеже сговор, как правило, не предполагал детального планирования преступления. В 50% случаев между моментом сговора и моментом его непосредственной реализации практически отсутствовал какой-либо промежуток времени, в 39% изученных дел сговор был реализован в течение нескольких часов, и только в оставшихся 11% случаев между сговором и началом совершения преступления прошли сутки или более. Иначе представлена данная характеристика в группах, совершающих разбой. Здесь в 53%) случаев между моментом возникновения умысла на совершение преступления и достижением договоренности, с одной стороны, и временем совершения преступления прошло время, равное суткам или более.

Этот срок - важный показатель, поскольку в течение соответствующего промежутка времени происходит разработка плана совершения преступления, содержание и последовательность посткриминальной деятельности. Его отсутствие или минимальная продолжительность предопределили тот факт, что в групповых грабежах только в 5% изученных дел нами был зафиксирован факт проработки участниками группы предварительного решения о сбыте имущества, добываемого преступным путем; в 38% преступлений преступникам на момент начала посягательства еще не был четко известен предмет хищения; и лишь в 10%) случаев при групповом грабеже использовались специальные средства совершения преступления (в частности, маски). В отличие, кстати, от групп, которые совершали разбойные нападения: специальные орудия и средства заранее готовились здесь в 82% случаев, а в 43% случаев преступлению предшествовала разработка более или менее детального плана его совершения.

Таким образом, социологическое исследование позволяет в полной мере подтвердить вывод о том, что группа, совершающая грабеж, - это, в основной своей массе, группа лиц по предварительному сговору с типичными для такой группы криминологическими признаками. Небольшой состав участников и их тесное знакомство друг с другом обуславливают тесноту эмоциональных контактов участников группы и неразличение личных и криминально-деловых связей. Характер коммуникативных связей между участниками такой группы относительно примитивен и децентрализован, он не предполагает наличие в группе четко обозначенного лидера (организатора). Если воспользоваться классификацией коммуникативных связей в преступных группах, разработанной А.В. Шеслером, то можно констатировать, что в группах, совершающих грабежи, он строится по принципу либо «полной структуры» либо «цепи» [3].

Группа с «полной структурой» характеризуется тем, что каждый член преступной группы устанавливает связь со всеми другими ее членами, здесь нет четкого лидера, все чле-

ны группы принимают участие в разработке плана преступления и все, как правило, являются его исполнителями. Такие группы неустойчивы и недолговечны; они, как правило, распадаются после совершения преступления, а привлечение к уголовной ответственности одного из участников группы влечет за собой прекращение функционирования данного группового образования [4].

Несколько иная ситуация наблюдается в группах, где коммуникативные связи строятся по принципу «цепи». Это также децентрализованная структура; информация в группе передается от первого участника к последнему через остальных, также строится и система отношений между участниками группы. Эта группа легко разрушается, если изолировать в цепи кого-либо из ее участников. Как правило, в таких группах имеет место соисполнительство преступления, однако не исключается и распределение ролей, поскольку процесс передачи информации по звеньям цепи может сопровождаться активизацией подготовительной деятельности к преступлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий. - М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. - С. 23.
2. Сноп С.Н. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций. - Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. - С. 56.
3. Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Кондрашова Т.В., Незнамова З.А. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. Отв. ред.: Козаченко И.Я., Незнамова З.А. - М.: Норма, Инфра-М, 1998. - С. 77.

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА КРИМИНОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В СИЗО

*Нұрмұханбет Данияр Ысқақұлы
к.ю.н., доцент, член РАЮН
Атымтаева Жанар Жайлаубаевна
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Исследование преступности в СИЗО с точки зрения криминологической безопасности содержащихся в них лиц представляется рациональным исходя из нескольких причин.

Во-первых, виновность лиц, содержащихся в СИЗО, еще не доказана. В связи с этим уровень обеспечения криминологической безопасности указанных лиц не должен уступать уровню обеспечения криминологической безопасности других граждан.

Во-вторых, применяющийся в настоящее время подход к оценке эффективности деятельности СИЗО предполагает учет раскрытых и предотвращенных преступлений. Оценка самими обвиняемыми того, насколько эффективно обеспечивается в СИЗО их криминологическая безопасность, не учитывается.

В-третьих, рассмотрение угроз криминологической безопасности в СИЗО позволяет максимально широко охватить проблемы их предупреждения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в основе теории криминологической безопасности лежат права личности и их защита. В связи с этим научный интерес представляет анализ достижений юридической науки в области защиты прав личности в части, касающейся формирования предпосылок для появления указанной теории и ее развития в уголовно-исполнительной системе.

В настоящее время процесс нахождения заключенных в СИЗО осуществляется в неблагоприятной социальной, психологической, санитарной среде. По мнению ряда авторов, антиобщественная направленность большинства личностей заключенных искажает ценностные ориентации, нередко приводит к круговой поруке, насилию, паразитизму, стремлению

противопоставить себя администрации СИЗО. Среда обвиняемых неоднородна. Она разнообразна по возрасту тюремному «стажу», образованию, интеллекту, степени общественной опасности, антисоциальной направленности, состоянию здоровья, социальной защищенности и т.д. Анализ статистических данных, отражающих состояние оперативной обстановки в учреждениях УИС, позволяет констатировать, что в большинстве из них она характеризуется как сложная. Это проявляется в стабильно высоком уровне ежегодно совершаемых преступлений, основная часть которых состоит в насильственных посягательствах, в том числе относящихся к тяжким и особо тяжким преступлениям (убийства, тяжкий вред здоровью и т.д.).

Первым европейским документом о правах человека считаются «Двенадцать статей» 1525 года, манифест Реформации и Крестьянской войны в Германии, включающий в себя часть требований крестьян в борьбе за свои права. Первая статья документа перекликается с идеями М. Лютера, изложенными в его трактате о праве христианской общины оценивать доктрину и выбирать духовного наставника; в какой-то степени можно сказать, что и весь документ в целом обязан своим появлением движению Реформации. Помимо социальных и политических требований, авторы заявили о праве на свободу совести; это право оказалось в центре активных дискуссий уже тогда, в XVI в., когда термин «права человека» еще не существовал.

Если в Западной Европе за правами личности стоит многовековая традиция, то в отечественной истории проблематика обеспечения права личности была осознана только в середине XIX в. При этом политическая ситуация в Казахстане, характеризующаяся неоднократной сменой социального строя, не способствовала объективному и непредвзятому осмыслению теоретических проблем правового положения человека, всегда имеющему выход в реальную жизнь людей в виде различного рода нормативных предписаний.

Гуманизация общественных отношений, обусловившая отмену крепостного права в Казахстане, не могла не отразиться и на состоянии правосознания, что, в свою очередь, «очеловечило» право, заставило по-новому рассмотреть личность, формы и мотивы ее самоосуществления, связи ее с действительным миром, в котором реализуется ее свобода и несвобода.

Однако какими бы значительными ни были эти исследования, они не могли обеспечить комплексного подхода к возрастающей роли личности и расширению возможностей ее участия в правовых отношениях.

О вопросах обеспечения криминологической безопасности стали упоминать всерьез во второй половине XX в., так как до XX столетия был период «пренебрежения» государством нужд и чаяний отдельного человека, а про лиц, заключенных под стражу, разговоров вообще не было. Эту ответственность на себя возлагали церковь и общество. Община, жившая замкнутой жизнью, играла важную роль, она выступала субъектом обеспечения безопасности.

В социалистической модели безопасности основные положения были абсолютно другими.

В 1917 г., в результате Октябрьской революции, государством была принята социалистическая модель безопасности - страна вступила в следующий этап развития науки безопасности, в котором снова не оказалось места для лиц, содержащихся в СИЗО.

Рассмотренные нами периоды развития представлений о безопасности, а также развития государственной политики в данной области взаимосвязаны с периодами формирования уголовно-исполнительной политики государства, поскольку пенитенциарная система по своей сути является неотъемлемым компонентом системы обеспечения безопасности.

В истории деятельности учреждений для содержания под стражей в контексте обеспечения в них прав личности учеными выделяются различные этапы.

Так, С.Я. Саламова предлагает историю формирования законодательства, регулирующего положение подозреваемых и обвиняемых в Казахстане в царский период, разделить на три периода: 1) до середины XVI в.; 2) с середины XVI в. до 30-х годов XIX в.; 3) с 30-х годов XIX в. до 1917 г. [1].

Первый период характеризуется отсутствием какого-либо законодательного закрепления положения лиц, находящихся под следствием и судом. Содержание под стражей в этот

период применялось в исключительных случаях в отношении незначительной части подсудимых. К местам содержания под стражей относились погреба и клетки [2].

О втором периоде можно говорить с момента принятия Судебника 1550 года. Отличие этого этапа от первого заключалось в том, что преступники содержались там до суда, следовательно, тюремное заключение стало выполнять еще и эту функцию.

В рамках третьего периода существенно повысился уровень правового регулирования положения осужденных и деятельности тюрем. В 1831 г. издается тюремная инструкция, представляющая собой первые правила внутреннего распорядка общеимперского значения. Она закрепляла обязанности смотрителя и надзирателя, а также весь комплекс мер, связанных с содержанием под стражей.

В советском периоде истории развития предварительного заключения под стражу в следственных изоляторах выделяют четыре этапа.

В целом анализ истории обеспечения криминологической безопасности лиц, содержащихся в СИЗО, позволяет сделать вывод о том, что она тесно переплетается с историей развития прав личности в государстве. В начальный период развития уголовно-исполнительного законодательства вопросам обеспечения безопасности заключенных не уделялось необходимого внимания, что отражало политику государства в отношении прав человека и гражданина в целом. Основной рывок в формировании представлений о правовом положении лиц, содержащихся под стражей, совпадает с развитием теории прав человека и закреплением в основных законах государства демократических прав и свобод.

Анализ исторического опыта свидетельствует о вероятности увеличения рисков формального подхода к обеспечению криминологической безопасности лиц, содержащихся под стражей, в связи с усилением полицейских функций государства и смещением акцентов на карательные цели исполнения уголовных наказаний. Указанный риск заключается в номинальном закреплении правовых основ защиты прав лиц, содержащихся под стражей, и отсутствии эффективного механизма их реализации [4].

На современном этапе развития пенитенциарной системы вопрос обеспечения криминологической безопасности лица, заключенного под стражу в следственный изолятор, является одним из важнейших, так как права и свободы личности выступают высшей ценностью в демократическом государстве. Данному направлению уделяется большое внимание. В частности, диссертантом предложены меры по совершенствованию обеспечения криминологической безопасности лиц, содержащихся в СИЗО, с учетом последних тенденций в уголовно-исполнительной политике и законодательстве. Например, в связи с актуализацией проблемы увеличения количества обвиняемых, содержащихся в СИЗО и исповедующих ислам, а также в целях профилактики межрелигиозных и межэтнических конфликтов предлагается использовать в профилактической работе с подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися в СИЗО, религиозное обучение [5].

В настоящее время характерно влияние взаимосвязанных между собой внутренних факторов, касающихся специфики психологического состояния личности, ожидающей приговора в условиях изоляции от общества, и внешних факторов, отражающих сложные явления и процессы в деятельности СИЗО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий. - М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. - С. 23.
2. Сноп С.Н. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций. - Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. - С. 56.
3. Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Кондрашова Т.В., Незнамова З.А. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. Отв. ред.: Козаченко И.Я., Незнамова З.А. - М.: Норма, Инфра-М, 1998. - С. 77.

ПОНЯТИЕ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Аубакиров Н.К. - магистрант группы «Ю-11»
Научный руководитель: Жолумбаев М.К. - к.ю.н.*

Провокация преступления со стороны правоохранительных органов и ее правовые последствия является одной из наиболее сложных проблем в современном уголовном и уголовно-процессуальном праве. В настоящее время полицейские органы во всем мире широко используют различные агентурные методы для выявления латентных преступлений, таких, как наркоторговля, сутенерство, коррупция. При этом в некоторых случаях, осуществляя такие оперативные мероприятия, как контрольная закупка или оперативный эксперимент, полицейские и их агенты выступают в роли инициаторов совершения преступных действий «разрабатываемыми» лицами, воздействуя на их волю путем подстрекательства. Такие методы вызывают возражение у значительной части юридического сообщества, полагающей, что задачей полиции является предотвращать преступления, а не подталкивать морально неустойчивых лиц к их совершению.

Первой страной, в которой провокация преступления была признана обстоятельством, устраняющим виновность лица, стали США. В XX веке в этой стране была выработана доктрина, согласно которой полицейская провокация делится на «правомерную» и «неправомерную». К последней относятся только ситуации, когда сотрудник правоохранительных органов (или его помощник) с целью возбуждения уголовного преследования активно побуждает объекта к совершению преступления, которое тот не намеревался совершить. В этом случае действия агента рассматриваются как «вовлечение в ловушку» (entrapment) и объявляются противоправными.

Федеральные суды США стали признавать вовлечение в ловушку как основание защиты начиная с дела *Woo Wai v. United States* (223 F 412 (9th Circuit 1915)). Верховный Суд США в деле *Sorrells v. United States* (287 U.S. 435 (1932)) единодушно высказался за отмену обвинительного приговора лицу, продавшему в нарушение «сухого закона» спиртное агенту полиции после серии настойчивых предложений последнего.

Выработанная прецедентным правом доктрина была перенесена в уголовное законодательство штатов. В большинстве из них в качестве образца была использована юридическая конструкция, предложенная Примерным УК США (ст. 2.13).

Проведенный анализ научных подходов к определению провокации и ее разграничению с подстрекательством позволяет сделать вывод о том, что провокация и подстрекательство как форма соучастия не являются тождественными понятиями. Юридическая природа провокации преступления, в том числе провокации взятки либо коммерческого подкупа, не детерминируется такой разновидностью соучастия, как подстрекательство, а обладает собственными следующими характеристиками:

- провокация вызвана намерением субъекта обеспечить одностороннее проявление искомой (желательной) модели поведения со стороны провоцируемого лица, имеющей лишь внешние признаки преступного деяния;
- провокационное поведение осуществляется в порядке односторонней умышленной деятельности со стороны виновного лица, не охватываемой сознанием провоцируемого;
- провокатор предполагает использовать спровоцированное «криминальное» деяние лица не в целях достижения совместного преступного результата, а в целях дискредитации либо создания искусственных доказательств обвинения;
- цель действий провокатора - наступление вредных последствий для провоцируемого;
- наличие у провокатора только прямого умысла, причем этот умысел должен быть направлен не на вид и последствия совершенного вовлеченным преступления, а на сам факт его совершения.

Для того, чтобы в правоприменительной деятельности вопросы, связанные с оценкой таких провокационных действий, не возникали, следует усовершенствовать уголовное зако-

нодательство путем включения самостоятельной нормы о провокации преступления. Способ его совершенствования может быть самым разнообразным. В научной литературе предлагалось несколько вариантов.

Один из них сводится к тому, чтобы в Общей части УК закрепить понятие провокации преступления, прямо указав в данной норме, что провокатор несет уголовную ответственность в рамках института соучастия, то есть как подстрекатель или организатор (в зависимости от характера совершенных им действий). А.А. Арутюнов предлагает под провокацией преступления понимать склонение лица к совершению преступления либо организацию совершения преступления с целью выдать спровоцированное лицо органам власти и устанавливает ее наказуемость (провокатор преступления несет ответственность на общих основаниях как подстрекатель или организатор преступления) [1].

Аналогичного мнения придерживается А.А. Мастерков, утверждающий, что нахождение именно в Общей части формулировки провокации преступления позволит избежать разногласий в определении сущности последней и обеспечить правильную юридическую оценку действий провокатора [2].

Данным автором предлагается дополнить УК нормой следующего содержания:

«Провокация преступления. Провокацией преступления признается вовлечение другого лица в совершение преступления, совершенное с целью наступления вредных для этого лица последствий. Провокация преступления влечет за собой уголовную ответственность, в зависимости от роли провокатора, в соответствии с положениями статей об ответственности соучастников преступления».

Нами поддерживается позиция вышеупомянутых авторов, относящих провокацию преступления к нормам Общей части. Однако, в данном определении отсутствует указание, во-первых, на одностороннюю деятельность провокатора, во-вторых, на характер совершаемых им действий.

С указанным предложением частично не соглашаются другие авторы, мотивируя свое мнение следующим. Во-первых, не определена правовая природа провокации (самостоятельный институт или разновидность соучастия). Во-вторых, субъективная сторона провокации в данном определении ограничена одной-единственной целью - выдать лицо представителям власти (перечень целей значительно шире).

Н.В. Артеменко, А.М. Минькова считают, что данную норму целесообразно расположить в главе 31 УК РФ (гл. 17 УК РК) «Преступления против правосудия» путем включения в нее ст. 304-1 УК РФ (ст. 417 УК РК), исключив из нее специальную норму о провокации взятки или коммерческого подкупа, в следующей редакции:

1. «Провокация преступления, то есть склонение другого лица к совершению преступления, а равно заведомое создание обстановки и условий, вызывающих преступление, в целях последующего изобличения лица, искусственного создания доказательств совершения преступления, шантажа - наказывается.

2. Те же деяния, совершенные должностными лицами, - наказываются.

3. Провокация тяжких или особо тяжких преступлений, а равно повлекшая тяжкие последствия - наказывается».

Данный подход представляется для С.В. Кугушевой более обоснованным и позволяющим в полной мере устранить пробел уголовно-правового регулирования в вопросе уголовной ответственности за провокацию преступления.

Результаты проведенного нами анализа свидетельствуют о том, что предложенные понятия не раскрывают суть провокации преступления, поскольку провокационное поведение осуществляется в порядке именно односторонней умышленной деятельности со стороны виновного лица, не охватываемой сознанием провоцируемого. В указанных формулировках данный признак авторами упускается из виду, что в свою очередь не позволяет разграничить подстрекательство от провокационной деятельности.

Указанной позиции придерживается В.Д. Иванов, который также предлагает ввести в главу, предусматривающую ответственность за преступления против правосудия, новую статью, устанавливающую ответственность за провокацию преступления [5].

Несмотря на данные обстоятельства, нами поддерживается ранее указанная позиция о

необходимости криминализации провокационных действий лиц, осуществляющих имитацию преступного поведения. По нашему убеждению, такая инициатива вполне оправдана, уголовная ответственность за провокационные действия должна быть установлена уголовным законодательством Казахстана, но предлагать это следует только после закрепления в Уголовном кодексе РК общего понятия «провокация преступления», которое бы как минимум называло признаки провокационного деяния. Остальные же нормы, в том числе содержащиеся в Особенной части УК РК, должны соответствовать таким признакам.

На основе анализа вышеизложенных мнений считаем необходимым изложить статью 29-1 в следующей редакции:

«Статья 29-1. Провокация преступления не признаются подстрекательством к совершению преступления действия лица, направленные на провокацию преступления, то есть умышленную одностороннюю деятельность виновного, направленную на моделирование такого поведения другого лица, которое имело бы все внешние признаки преступления с целью дискредитации, шантажа либо создания искусственных доказательств обвинения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов А. Провокация преступления // Российский следователь. - 2002. - №8. - С. 34.
2. Мастерков А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: дис. канд. юрид. наук. - Владивосток, 2000. - С. 113.
3. Артеменко Н.В. Проблемы уголовно-правовой оценки деятельности посредника, провокатора и инициатора преступления в уголовном праве России // Журнал российского права. - 2004. - №11. - С. 15.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

*Даулетбек Ә.Ж. - магистрант кафедры «Учета и управления»
Научный руководитель: Сагин Ж.К. - к.э.н., доцент*

В политической жизни общества важное место принадлежит молодежи, ее общественной деятельности, молодежным организациям. Государство и общество заинтересовано в молодежи как в активной социальной силе, как в таком поколении, которое, включаясь в общественную жизнь, является участником общественного прогресса.

Роль молодежи в современном Казахстане возрастает, а в некоторых областях, прежде всего в экономической сфере, велика (малое предпринимательство, новые технологии, банковские структуры).

Вместе с тем, в условиях модернизации казахстанского общества и в сложившейся социально-экономической обстановке именно молодежь является наиболее незащищенной и подверженной радикальным различным и экстремистским идеям. Поэтому есть смысл говорить о необходимости воздействия государства на молодое поколение с целью формирования физически и морально развитого индивида, вовлечения молодежи в политическую и общественную деятельность, поддержке таких молодежных организаций, которые направляют свою деятельность в интересах Казахстана.

Выдвигая на каждой ступени исторического развития определенные требования к подрастающему поколению, общество создает условия для интеграции молодежи в социальную структуру. Это осуществляется через государственную молодежную политику [1].

Участие молодежи в формировании и реализации государственной молодежной политики является одним из принципов этой политики. Молодежь - важнейший субъект этого направления государственной деятельности. В то же время механизм действительного вовлечения молодежи в проводимые государством мероприятия, ей адресованные, остаются коренной проблемой государственной молодежной политики.

При рассмотрении различных моделей взаимодействия государства с молодежными объединениями представляется целесообразным в силу ряда причин обратиться к казахстан-

скому опыту. Каковы же эти причины? Во-первых, посттоталитарное, транзитное состояние наших обществ приводит к тому, что процессы происходящие в социальной, экономической и политической сферах, протекают во многом схожим образом. Во-вторых, на сегодняшний день, по мнению специалистов в области молодежной политики имеет «самый современный механизм молодежной политики в мире» [2].

В Казахстане формируется представление, что государственная поддержка молодежных объединений – это система мер органов всех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной, которая имеет своей целью способствовать, прямо или косвенно, поддержанию жизнеспособности и осуществлению деятельности объединений. Все это осуществляется имеющимися в наличии правовыми, экономическими, организационными средствами [3].

Молодежное движение – это способ самостоятельного участия молодежи в процессе смены и преемственности поколений, освоения и реализации своей социальной субъектности в соответствии с реальным или желаемым социальным статусом [4].

Государственная молодежная политика в РК в своей основе имеет принцип стимулирования самореализации и социального развития молодежи, исходя из чего основной акцент ставится на поддержке форм молодежного движения. Существенным условием здесь является равные условия государственной поддержки для всех молодежных объединений.

С первых лет независимости Казахстана вопросы успешной социализации молодого поколения были и остаются в центре внимания государства.

Институциональной основой для последующей реализации молодежной политики стало принятие Закона Республики Казахстан от 7 июля 2004 года «О государственной молодежной политике в Республике Казахстан». В данное время идет работа по изменению данного Закона с учетом требований современной молодежи, сегодняшней ситуации, актуальной проблематики.

Дальнейшим этапом совершенствования процессов взаимодействия государства и молодежи стало создание в структуре Министерства образования и науки Комитета по делам молодежи и управлений по вопросам молодежной политики городов Астаны, Алматы и областей.

В целом, к настоящему времени на улучшение социально-экономических условий, становление и всестороннее развитие будущих поколений направлены не только специальные молодежные, но и реализуемые сегодня в стране масштабные государственные программы развития образования, здравоохранения, языков, форсированного индустриально-инновационного развития; программы «100 школ, 100 больниц», «Балапан», «Занятость-2020», «Дорожная карта бизнеса - 2020», «Доступное жилье - 2020» [5].

На современном этапе развития молодежная политика в Казахстане формируется на основе еще одного документа – Концепции государственной молодежной политики Республики Казахстан до 2020 года [6].

Молодежная политика на региональном уровне, тесно связана с государственной политикой, тем не менее, представляет собой относительно самостоятельный процесс со своим механизмом реализации. Последний предполагает учет самых острых проблем молодежи конкретного муниципального образования в сфере здоровья и досуга, занятости и образования, бытовых проблем.

Таким образом, на региональном уровне должна быть сформирована целостная система социальной поддержки молодежи, ее обучения и трудоустройства, которая создает возможности регулирования процессов молодежной миграции, обеспечения защиты прав и реализации интересов молодых людей, поддержки молодых семей, способствует развитию молодежного и детско-юношеского движения [7].

Прогрессивность молодежи и стремление к глобализации должны сочетаться с чувством подлинного патриотизма, уважения традиций и культуры народа Казахстана, принципами межэтнического взаимоуважения и межкультурного взаимообогащения.

Для успешной реализации молодежной политики необходимо создать условия для социального становления личности молодого человека, а так же инновационной деятельности всего молодого поколения в интересах общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий. - М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. - С. 23.
2. Сноп С.Н. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций. - Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. - С. 56.
3. Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Кондрашова Т.В., Незнамова З.А. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. Отв. ред.: Козаченко И.Я., Незнамова З.А. - М.: Норма, Инфра-М, 1998. - С. 77.

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСКОГО ТРУДА И ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Нұрмұханбет Данияр Ысқақұлы
к.ю.н., доцент, член РАЮН
Жагипаров Азамат Беибитович
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»

Субъективная сторона представляет собой психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и следующим за ним последствиям, характеризующееся виной, мотивом, целью и эмоциями, т.е. является отражением в сознании субъекта объективных признаков содеянного. Трудности в познании признаков субъективной стороны преступления часто бывают вызваны тем, что они не имеют внешней формы и не могут непосредственно восприниматься органами чувств. Однако они находят выражение вовне в объективных обстоятельствах, изучение и анализ которых способствует установлению признаков субъективной стороны преступления. Важность их установления подчеркивает не только уголовное, но и уголовно-процессуальное законодательство. Суд при постановлении обвинительного приговора помимо установления факта совершения общественно-опасного деяния, содержащего состав определенного преступления, предусмотренного уголовным законом, обязан установить еще и виновность подсудимого в совершении этого преступления.

В науке уголовного права под виной понимается психическое отношение виновного к совершаемому им общественно опасному деянию (действию или бездействию) и наступившим или могущим наступить в результате этого общественно опасным последствиям. УК РК называет две формы вины: умысел и неосторожность.

Согласно УК РК деяния, совершенные только по неосторожности, признаются преступлениями лишь в тех случаях, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК. Основываясь на результатах исследований, мы приходим к выводу о том, что если в уголовно-правовой норме прямо не определена форма вины, то преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, если состав его сконструирован как материальный, и только умышленно, если состав его сконструирован как формальный. Поскольку состав торговли людьми является формальным составом, то и само преступление может быть совершено только умышленно. Кроме того, субъективная сторона торговли людьми характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает, что распоряжается судьбой человека по своему усмотрению и желает совершить эти действия.

Часть третья в п. «а» устанавливает ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины. Лицо, осуществляющее передачу человека, сознает общественную опасность своего деяния, но отношение к наступившим тяжким последствиям (например, смерть человека) выражается в форме неосторожности. Лицо может предвидеть возможность наступления таких последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение, или не предвидит, но может и должно предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным

умышленно.

Если лицо, осуществившее передачу или получение человека, желало или сознательно допускало наступление тяжких последствий, то такое деяние надо рассматривать как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 128 УК РК и соответствующей статьей УК РК, предусматривающей ответственность за преступления против жизни и здоровья личности.

Давая характеристику субъективной стороне преступления, нельзя не остановиться на мотиве преступления. В психологии под мотивом понимается то, что обуславливает стремление человека к данной, а не к какой-нибудь иной цели. В науке уголовного права имеются различные и в то же время очень схожие определения мотива преступного поведения человека. Например, А.А. Пионтковский определял мотив как побуждение, которым руководствовалось лицо, совершая преступление. А.И. Рарог определяет мотив как обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление, и которыми оно руководствовалось при его совершении. Итак, несмотря на некоторые различия даваемых определений, под мотивом понимается внутреннее побуждение к преступному поведению.

Диспозиция ст. 128 УК РК не упоминает о мотиве совершения торговли людьми, следовательно, мотивы данного преступления не влияют на его квалификацию. Однако они обязательно должны быть установлены в процессе предварительного следствия, поскольку могут учитываться при назначении наказания. Тем более, что даже само употребление законодателем термина «торговля» предполагает стремление лица получить материальную выгоду или удовлетворить какие-либо иные личные интересы (например, воспитание ребенка).

С мотивом преступления неразрывно связана цель преступления – идеальный образ желаемого будущего результата, к которому стремится преступник, совершая преступление [1].

Итак, наряду с прямым умыслом обязательным признаком субъективной стороны торговли людьми является наличие цели эксплуатации человека, характеризующей любое из деяний, образующих объективную сторону. Указание законодателем данного признака ставило определенную проблему практического применения ст. 128 УК РК.

Так, существуют расхождения относительно того, является ли цель эксплуатации необходимым признаком только вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения, или такая цель – необходимый признак всех форм совершения этого преступления, в том числе и купли-продажи. Как нами уже отмечалось, на наш взгляд, законодатель использует не совсем корректную и нелогичную с точки зрения и русского языка, и юридической техники широкую трактовку понятия «торговля людьми», ставит знак равенства между понятиями «купля-продажа», «вербовка», «перевозка», «передача» и «укрывательство», которые образуют состав преступления торговли людьми не только в совокупности, но и в отдельности. Из всего этого следует вывод о том, что цель эксплуатации присуща купле-продаже наряду с другими формами совершения этого преступления. Но, как справедливо подчеркивают многие авторы, в связи с этим возникают сложности при квалификации действий, связанных с куплей-продажей человека, совершенных без цели эксплуатации. Особенно проблематичен в этом случае вопрос об уголовной ответственности за торговлю несовершеннолетними (особенно малолетними).

В отдельных случаях у посредника сделки или у продавца цель может отсутствовать. В этой связи мы согласны с мнением А.И. Милевского, который отмечает, что «посредником-пособником является лицо, которое, действуя по поручению продавца или покупателя, непосредственно выполняет отведенное только ему поручение. У посредника, несмотря на внешнюю совместность действий с торговцами, отсутствует умысел на достижение единой преступной цели с той стороны (сторонами), от имени которой (которых) он выступает» [2]. Как известно, посредники могут и не преследовать цели эксплуатации «предмета сделки», т.к. они могут действовать безвозмездно либо за вознаграждение, получаемое от продавца. Таким образом, ввиду того, что в данном случае привлечение к уголовной ответственности может быть затруднено, мы считаем излишним указание на специальную цель эксплуатации.

Обратимся к значению термина «эксплуатация»: это присвоение результатов чужого неоплаченного труда [3]. Законодатель вновь использует расширительное толкование, не ох-

ватывая, однако, данным понятием все возможные варианты совершения противоправной передачи человека. Например, если происходит передача - получение человека в целях удовлетворения сексуальных потребностей самого исполнителя преступления.

Понятие эксплуатации раскрывается в УК РК.

Полагаем данное понятие недостаточно полным и предлагаем изложить понятие эксплуатации в следующей редакции:

Под выгодой имущественного или иного характера в настоящей статье понимаются получение денежных средств, имущества, услуг и т.д., использование занятия проституцией другими лицами, иные формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд, подневольное состояние, изъятие органов или тканей для трансплантации, удовлетворение собственных потребностей.

Использование занятия проституцией другими лицами предполагает, что субъект преступления сам не занимается проституцией, а организует занятие проституцией другими лицами. Согласно ст. 1 Конвенции ООН о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, под понятие «эксплуатация проституции другими лицами» подпадают и такие случаи, когда жертва дает согласие на эксплуатацию [4].

В Уголовном кодексе РК 2014 г. нормы о некоторых преступлениях, связанных с сексуальной эксплуатацией женщин и детей, включены в главу о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности. По мнению некоторых авторов [2], после того, как в УК РК появилась самостоятельная разновидность преступлений, направленных против свободы личности, связанных с рабством и торговлей людьми, необходимости в самостоятельном существовании составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 308 и 309 УК РК, нет. Это объясняется тем, что с точки зрения международного законодательства такие преступления входят в группу преступлений, связанных с торговлей людьми и рабством, направлены против личности, а значит, представляют собой гораздо большую общественную опасность.

Вовлечение в занятие проституцией (ст. 308 УК РК) предусматривает цель виновного, совершающего данное деяние, – обеспечить занятие проституцией другими лицами. Понятие «эксплуатация», включает эту цель. Отличие состоит в том, что при вовлечении должно быть получено согласие жертвы. Однако если отказаться от расширительного толкования торговли людьми, то конкуренция норм в данном случае не выявляется. Вовлечение в занятие проституцией – это совершение активных действий, имеющих своей целью побудить определенное лицо к занятию проституцией. Диспозиция данной нормы не включает передачу – получение человека против его воли. Поэтому, думается, обе эти нормы (передача – получение человека и вовлечение в занятие проституцией) имеют право на самостоятельное существование [2].

Что же касается собственно ст. 309 УК РК, то необходимо отметить следующее. Согласно ст. 2 и 3 Конвенции ООН о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, к эксплуатации проституции третьими лицами должны быть отнесены действия, связанные с содержанием дома терпимости или управлением им; сознательным финансированием или участием в финансировании дома терпимости; предоставлением помещения для занятия проституцией третьими лицами; иные формы эксплуатации в целях проституции другого лица, даже с согласия этого лица. А подпункт «с» ст. 5 Протокола №2 к Конвенции против транснациональной организованной преступности прямо относит организацию других лиц или руководство ими в целях сексуальной эксплуатации к преступлениям, связанным с торговлей людьми. На наш взгляд, такие преступления, как вовлечение в занятие проституцией и организация занятия проституцией (ст. ст. 308 и 309 УК РК) могут быть отнесены к преступлениям против личности, т.е. включены в главу 1 Уголовного кодекса РК. Кроме того, думается, что установление ответственности за вовлечение в занятие проституцией и организацию занятия проституцией само по себе является мерой предупреждения противоправной передачи человека и использования принудительного труда. Объясняется это тем, что лицо или группа лиц, организовавшие занятия проституцией и привлеченные за это к ответственности вряд ли пойдут дальше в своей деятельности, а тем самым и не организуют более тяжкие преступления – использование принудительного труда и передачу че-

ловека.

Следует отметить, что при конструировании примечания 2 к норме о торговле людьми законодатель заимствовал дефиниции из международных конвенционных актов.

Так, понятие «другие формы сексуальной эксплуатации» содержится в п. «а» ст. 3 Протокола №2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности. Для анализа содержания данного понятия необходимо обратиться к другим международно-правовым актам. Например, п. «g» ст. 7 Римского статута Международного уголовного суда объединяет «обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительную беременность, принудительную стерилизацию или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести». Кроме того, по смыслу международного законодательства, для квалификации преступления как обращения в сексуальное рабство не имеет значения, в совершение какого числа актов сексуального характера была вовлечена жертва. Исходя из вышесказанного, мы считаем необходимым к иным формам сексуальной эксплуатации отнести следующее:

- 1) принудительную беременность;
- 2) принудительную стерилизацию, т.е. лишение лица естественной способности к воспроизводству;
- 3) использование ребенка для создания различного рода порнографических материалов, а также в любой другой сексуальной деятельности;
- 4) другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести.

Как известно, понятие «подневольное состояние» в законодательстве также не раскрывается, поэтому снова следует обратиться к дефинициям международного права. Так, Дополнительная Конвенция ООН об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством определяет, что «лицо, находящееся в подневольном состоянии» - это лицо, находящееся в состоянии или положении, создавшемся в результате институтов и обычаев, сходных с рабством, а именно в результате:

– долговой кабалы, т.е. положения или состояния, возникающего вследствие залога должником в обеспечение долга своего личного труда или труда зависимого от него лица, если надлежаще определяемая ценность выполняемой работы не зачитывается в погашение долга или если продолжительность этой работы не ограничена и характер ее не определен;

– крепостного состояния, т.е. такого пользования землей, при котором пользователь обязан по закону, обычаю или соглашению жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, и выполнять определенную работу для такого другого лица, или за вознаграждение, или без такового, и не может изменить это свое состояние;

– любого института или обычая, в силу которых женщину обещают выдать или выдают замуж, без права отказа с ее стороны, ее родители, опекун, семья или любое другое лицо или группа лиц за вознаграждение деньгами или натурой; муж женщины, его семья или его клан имеет право передать ее другому лицу за вознаграждение или иным образом; или женщина по смерти мужа передается по наследству другому лицу;

– любого института или обычая, в силу которого ребенок или подросток моложе 18 лет передается одним или обоими своими родителями или своим опекуном другому лицу, за вознаграждение или без такового, с целью эксплуатации этого ребенка или подростка или его труда [5].

Понятие «эксплуатации» дано в УК РК и означает использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг). Таким образом, по действующему уголовному закону понятия «рабский труд» и «рабские услуги» признаны тождественными. Но понятие «услуга» означает действие, приносящее помощь, пользу другому, а равно свободное волеизъявление, добровольное согласие на ее оказание просителю [3]. Следовательно, получается, что эксплуататор обращается с просьбой к лицу, находящемуся в подневольном состоянии, что является, на наш взгляд, абсурдным. Думается, употребление законодателем термина «услуги» является излишним и подлежит исключению из данной нормы. Понятие «труд», на наш взгляд, охватывает все

возможные варианты действий, оказываемых жертвой в пользу преступника.

При этом также остается под вопросом факт придания качества квалифицирующего признака только изъятию органов или тканей из всего перечня форм эксплуатации. Мы считаем более практичным в применении уголовного закона – вернуть в норму указание на эксплуатацию в форме изъятия органов или тканей человека для трансплантации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий. - М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. - С. 23.
2. Сноп С.Н. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций. - Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. - С. 56.
3. Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Кондрашова Т.В., Незнамова З.А. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. Отв. ред.: Козаченко И.Я., Незнамова З.А. - М.: Норма, Инфра-М, 1998. - С. 77.

СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

*Жайжуманов Б.А. - магистрант группы «Ю-22»
Научный руководитель: Жолумбаев М.К. - к.ю.н.*

Как многогранное явление предупреждение преступности включает в себя различного рода мероприятия. Речь идет не только об общесоциальных мерах, но и специально-криминологических. Безусловно, последние базируются на общесоциальных мерах. Однако им присуща и своя специфика. Она выражается в содержании принимаемых мер, в субъектах их реализации, в объекте воздействия. Так, например, специальное предупреждение преступности осуществляется путем воздействия на социальные группы, отдельных лиц и организации или сферы деятельности, в отношении которых есть основания полагать, что они обладают повышенной криминогенностью или виктимностью. Кроме того, особенность специально-криминологических мер предупреждения сельской преступности выражается и через целевую составляющую. Иными словами, указанные меры осуществляются целенаправленно в интересах предупреждения преступности именно в сельской местности. Оговоримся, что в криминологической науке в настоящее время не сложилось унифицированного, универсального понимания сущности специально-криминологического предупреждения. Это закономерно обуславливает определенные трудности не только в разработке названных мер, но и прогнозировании их эффективности. Рассмотрим некоторые научные подходы к исследуемой категории и сформулируем авторское определение специально-криминологического предупреждения преступности в сельской местности. Одна группа ученых, в числе которых А.Э. Жалинский, под специальным предупреждением понимает деятельность, которая направлена на устранение причин совершения преступлений и условий, им способствующих. Названная дефиниция, на наш взгляд, несколько дискуссионна.

Во-первых, она не в полной мере отражает субъектную характеристику, т.е. не называются субъекты специально-криминологического предупреждения.

Во-вторых, содержание объекта воздействия несколько сужено. Так, речь идет лишь о причинах совершения преступлений и условиях, им способствующих, не просматривается четко направленность воздействия на «потенциальных преступников» и «потенциальных жертв преступлений», то есть виктимологическая профилактика. Иная группа авторов (М.Н. Голоднюк, В.И. Зубкова) считает, что специальное предупреждение включает меры, направленные исключительно на нейтрализацию криминогенных факторов, исправление лиц, могущих совершить или уже совершивших преступления.

Третья группа, например, М.Д. Шаргородский, определяют специальное предупреждение как деятельность специальных органов борьбы с преступностью, обеспечивающих превентивные меры в отношении совершения конкретных преступлений. Таким образом,

подходы к специально-криминологическому предупреждению преступности, а, соответственно, и преступности в сельской местности весьма дискуссионны. Это обуславливает острую потребность, по возможности, максимально полного и всестороннего отражения сущности и содержания названной категории в его определении. Справедливо замечает Г.М. Миньковский, что специальное предупреждение отличается от «мероприятий общесоциального уровня своим специальным предназначением и целенаправленностью: решение профилактических задач составляет все их содержание». Иные ученые, например А.Б. Сахаров, в своих работах рассматривают специально-криминологическое предупреждение как особый уровень предупреждения преступлений, отличный от общесоциального предупреждения предназначенностью для устранения конкретных криминогенных факторов. Особую позицию по этому поводу высказал А.Э. Жалинский, который считает, что «специально-криминологическое предупреждение называется специальным не только потому, что специально направлено на достижение определенных целей, но и потому, что требует специальных и даже профессиональных знаний». Названная позиция нам импонирует, поскольку затрагивает специфику субъектов специально-криминологической деятельности, подчеркивая необходимость наличия специальных, профессиональных знаний для реализации предупредительных мероприятий. Поэтому считаем вполне уместной позицию Д.Е. Ваничкина, в том, что такой подход в наибольшей степени отвечает интересам практики, поскольку позволяет реализовывать профилактические функции органов внутренних дел в неразрывном единстве с их охранительными и оперативно-розыскными функциями.

Исходя из посылок соотношения общесоциального и специально-криминологического предупреждения преступности, особенностей последнего, в криминологической науке все же предпринимаются попытки разработки дефиниции, которая максимально отражала бы все сущностные и содержательные стороны специально-криминологического предупреждения преступности. В частности, Д.Е. Ваничкин полагает, что специально-криминологическое предупреждение преступлений - это деятельность специальных государственных и негосударственных органов, а также их представителей в целях выявления и устранения детерминант преступлений, оказания позитивного корректирующего воздействия на лиц с криминально ориентированным поведением, предотвращения замышляемых и подготавливаемых, а также пресечения начатых и длящихся преступлений. Одновременно с этим автор конкретизирует предлагаемое понятие относительно специфики функционирования органов внутренних дел, обозначая его как вид деятельности органов внутренних дел, их сотрудников, осуществляемой в пределах их компетенции, по выявлению, нейтрализации и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, позитивному профилактическому воздействию на лиц с устойчивым антиобщественным поведением с целью недопущения с их стороны преступных деяний, а также по предотвращению или пресечению преступлений при строгом соблюдении законодательства.

На наш взгляд, предложенная исследователем дефиниция наиболее полно отражает природу специально-криминологического предупреждения преступности, поскольку в ней раскрывается и содержательная сторона предупреждения, и субъектная составляющая, и объекты воздействия, и целевая характеристика. Таким образом, исследовав существующие подходы к понятию специально-криминологического предупреждения преступности, вопросы соотношения с общесоциальным предупреждением, выявив особенности специального предупреждения, считаем необходимым предложить авторскую дефиницию специально-криминологического предупреждения преступности в сельской местности.

На наш взгляд, под ним следует понимать целенаправленную правоохранительную деятельность, представляющую собой систему взаимосвязанных, взаимодополняющих мероприятий, осуществляемых, прежде всего, правоохранительными органами, направленную не только на выявление, нейтрализацию и устранение конкретных причин и условий, способствующих совершению преступлений в сельских поселениях и на других территориях вне городов, как местными жителями, так и приезжими, но и на воспитательное воздействие на лиц, склонных к противоправному поведению, предотвращение готовящихся и пресечение совершаемых преступлений.

Помимо дискуссионности определения понятия специально-криминологического

предупреждения преступности, в частности в сельской местности, в научной литературе также неоднозначно решается вопрос классификации специальных мер. Существует множество критериев их классификации. Одна группа авторов, в числе которых Г.М. Миньковский, к специальным мерам относит: меры предотвращения совершения преступлений конкретным лицом, меры предупреждения рецидива, меры по ликвидации причин и условий, облегчающих совершение преступлений. По характеру эти меры ученый подразделяет на технические, процессуальные, организационные, оперативные и др. Иные ученые предлагают другие основания классификации. Так, например, в зависимости от масштаба называются меры: - общегосударственные, относящиеся к большим социальным группам; - относящиеся к отдельным объектам или микрогруппам; - индивидуальные. По стадиям выделяются такие, как: непосредственное предупреждение преступности и предупреждение рецидива. Третья группа авторов обосновывает следующие виды предупреждения в рамках названного основания: предотвращение замышляемых и подготавливаемых, пресечение начатых преступлений. По степени радикальности исследователи называют:

- специально-криминологические меры: предупреждающие возможность возникновения криминогенных явлений и ситуаций;
- нейтрализующие (блокирующие, минимизирующие) такие явления и ситуации; полностью устраняющие их.

В зависимости от правовой характеристики различаются: специально-криминологические меры: базирующиеся на нормах права, но ими не регламентированные (правовое просвещение, воспитание); детально урегулированные юридическими нормами (административный надзор). В зависимости от уровня авторы называют специальное предупреждение, реализуемое на общегосударственном, региональном и индивидуальном уровнях. Полагаем, последнее основание классификации нуждается в некотором уточнении. На наш взгляд, более приемлемо и логично было бы выделение специального предупреждения на общегосударственном, региональном и местном уровнях. Безусловно, специальное предупреждение на местном уровне должно базироваться и исходить из общей концепции реализации общегосударственного и регионального предупреждения. Однако это вовсе не означает, что местный уровень (особенно в рамках сельских поселений) не обладает своими специфическими особенностями. При этом следует оговориться, что отдельный блок местного уровня специального предупреждения преступности отождествляется нами со специальным предупреждением преступности в сельской местности.

Таким образом, необходимость дальнейшего исследования специально-криминологических мер предупреждения преступности в сельской местности не вызывает сомнений. Достаточно вспомнить, что криминологические исследования показывают, что 7 из 10 преступлений могут быть предотвращены при специальной профилактике. Поэтому анализ существующих достижений криминологической науки в названном вопросе, своевременная разработка комплекса специально-криминологических мер, их совершенствование, призваны оптимизировать процесс борьбы с сельской преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жалинский А.Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР. Вопросы теории. - Львов. 1976. - С. 96.
2. Голоднюк М.Н., Зубкова В.И. Предупреждение преступности. - М., 1990. - С. 9.
3. Шаргородский М.Д. Преступность, ее причины и условия // Преступность и ее предупреждение. - Л., 1966. - С. 47.

ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОРУЖИЯ

Нурмұханбет Данияр Ысқақұлы
к.ю.н., доцент, член РАЮН
Исенова Динара Туменовна
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»

Причины и условия преступности, в том числе ее отдельных видов, - одна из наиболее сложных проблем криминологии, имеющая как теоретическое, так и практическое значение. По справедливому замечанию А.Б. Сахарова для того, чтобы ликвидировать какое-либо социально негативное явление, вначале следует определить те причины, по которым оно возникло. В криминологической науке под такими причинами принято понимать социально-психологические явления различных уровней и связей, которые непосредственно порождают как конкретные преступления, так и преступность в целом. Категория «условия совершения преступлений» означает те явления, которые сами по себе не порождают совершение преступлений и не входят в механизм совершения конкретному преступления, но которые создают благоприятную почву для появления и последующей реализации преступного умысла или сокрытия уже совершенного деяния.

Необходимо подчеркнуть, что между причинами и условиями не существует глубинных различий. Как верно пишет А.И. Алексеев, те явления, которые в одних случаях выступают в качестве причин, в других случаях являются условиями, и наоборот, условия в зависимости от того, в чем именно состоит преступление и какова степень их проявления, превращаются в весьма весомые причины. В этой связи Л.И. Алексеев указал, что в этой связи в науке и на практике широко используется термин «криминогенные факторы», и это именно ввиду того, что между причинами и условиями имеется постоянная динамическая взаимосвязь. Кроме того, в данное понятие предложено включить и другие глубинные детерминанты преступности, имеющие как социальные, так и индивидуально-психологические корни.

Причинный комплекс преступности в условиях действительности представляет собой сложное социальное явление, он складывается из значительной совокупности криминогенных факторов. Ученые справедливо отмечают, что в настоящее время в РК имеет место кризис как в экономической, так и в духовной жизни. При этом кризис не является неизбежным, он произошел ввиду ряда ошибок, которые были допущены в ходе реформирования отечественной государственности. Дня нашего общества характерен целый ряд противоречий, которые разделили население на социальные группы, существенно отличающиеся друг от друга по уровню доходов, стабильности, наличию или отсутствию властных полномочий и т.п. В свою очередь, это порождает различные формы социальных протестов, крайним и наиболее негативным выражением которых является совершение преступлений³. Дополним, что такое поведение обусловлено не только ошибками прошлых лет, но и более широким спектром социально-экономических причин, в том числе постоянно возникающих, развивающихся и углубляющихся в настоящее время.

По мнению Ю.М. Антонина основными причинами вооруженных преступлений являются четыре группы обстоятельств: возросший оборот оружия, большая возможность приобрести его неофициально; расширение организованной преступности в общей структуре преступности в РК; широкое распространение использования оружия в боевых конфликтах на территории как РК, так и сопредельных государств; возросшая психологическая потребность людей в приобретении оружия.

В целом соглашаясь с данным утверждением, дополним, что отдельного пояснения требуют причины, по которым потребность людей в обладании оружием возросла и продолжает расти. Проведенные нами исследования показывают, что это может быть самооборона, общая возросшая агрессивность в обществе, престижность обладания дорогим оружием, а также ряд иных причин, в том числе и неконкретизированное стремление к разрешению

конфликтов таким специфическим способом, как применение огнестрельного или холодного оружия.

По содержанию целесообразно выделить следующие криминогенные факторы преступлений, совершаемых с использованием оружия: 1) социально-экономические; 2) социально-культурные, в том числе и социально-психологические; 3) воспитательные; 4) политические; 5) правовые; 6) организационные.

Рассмотрим более подробно социально-экономические факторы.

Социально-экономические факторы. Конец XX в. в стране характеризуется практически полной сменой экономических отношений. Плановая экономика, характерная для социализма, была заменена на экономику рыночную с провозглашением того, что необходим полный отказ государства от вмешательства в экономические механизмы и возникающие при этом проблемы.

При этом экономические реформы в тот период были поспешными и не всегда обдуманными. Как верно отмечено в литературе, нынешнее состояние экономики сложилось в силу субъективных причин - грубых ошибок реформаторов, которые, серьезно заблуждаясь в отношении потенциальной возможности влиять на социальные процессы, способствовали появлению целого ряда негативных факторов [1].

Была существенно подорвана экономическая безопасность государства, причинами чего стали поспешный перевод экономики на рыночные рельсы, хаотическая приватизация государственного имущества, отсутствие контроля со стороны государства и общества от нарушений закона, в том числе преступлений, а также существенное возрастание коррупционных проявлений.

Среди экономических факторов денежные доходы, которыми располагает население, напрямую связаны с уровнем жизни.

На людей особенно негативно влияет низкий материальный уровень как значительной части населения, так и их самих. Особенно это касается людей молодого возраста, которые только вступают в жизнь, и отсутствие возможности официального заработка толкает их на путь совершения преступлений. У молодежи растет чувство неуверенности в завтрашнем дне и, как следствие, агрессивность, зависть, чувство неполноценности. На этом фоне исчезает чувство внутренней регуляции, многие жизненные проблемы кажутся разрешимыми криминальным путем, в том числе путем использования оружия или угрозы такого использования.

В.Д. Малков полагает, что одним из важнейших признаков рецидивной преступности является наличие противоречий в распределении экономических ценностей, результатов общественного производства, что особенно наглядно наблюдается в период развития рыночной экономики.

Действительно, рыночные отношения изначально основаны на конкуренции. Однако, как пишет Н.А. Лопашенко, не все могут ее выдержать, отсюда возникает безработица, расслоение людей на богатых и бедных и стремление последних любым способом получить материальные блага. Кроме того, в нашей стране конкуренция изначально приобрела обостренный, не свойственный цивилизованному обществу характер. В современной РК произошло глубочайшее расслоение общества на богатых и бедных. Поскольку «средний класс» в нашей стране находится в зачаточном состоянии, общество разделилось на очень богатых и очень бедных граждан, практически не имеющих средств к существованию [2].

Расслоение на богатых и бедных приобрело гипертрофированные размеры. При фактическом отсутствии среднего класса существует незначительная часть очень богатых и огромная масса очень бедных граждан, не имеющих средств к существованию. Тогда как, согласно данным известного социолога академика Г.В. Осипова, в мировой практике предельным отношением доходов 10% наиболее богатых и 10% наиболее бедных людей является пропорция 10 к 13.

Как считает политолог А. Кива, в РК имеет место крайне несправедливое распределение общественного продукта. Так, 20% богатых людей и чиновников пользуется практически всеми экономическими благами, тогда как уровень доходов остальных 80% населения даже хуже, чем при Советской власти. Многие из них находятся в крайней степени нищеты и бедности.

Дифференциация доходов в РК, по мнению специалистов, не имеет аналогов в восточноевропейских странах. Соотношение между доходами самых бедных и самых богатых в 2008 г. составило 15,8. На долю самых высокооплачиваемых граждан приходится 30,4% от общего объема денежных доходов, самым бедным достается лишь 1,9% этой суммы [3].

Имеет место еще один социально негативный фактор. Падение реальных доходов населения сопровождается снижением уровня социальной поддержки неимущего населения, а также лиц, находящихся в сложных жизненных условиях.

В частности, произошли сокращения социальных трансферт -источника денежных ресурсов. Государство, следуя по пути развития рыночной экономики, неизбежно включает механизмы, сдерживающие выплаты населению, переносят центр тяжести затрат на самих людей. Экономическое расслоение привело к тому, что общество фактически разделилось на две части - богатых и бедных, пропасть между которыми все более расширяется.

Мы согласны с утверждением о том, что, будучи составным элементом криминального насилия, преступность с использованием оружия напрямую и непосредственно зависит от уровня занятости населения, а также относительно того, что уровень преступности зависит от обнищания населения [4].

Как правильно отметила А.И. Долгова, высококриминогенная составляющая экономической революции привела к тому, что приоритетом стали материальное благополучие, причем стали приемлемыми любые средства для достижения этих целей [5]. Сфера экономики на рубеже веков крайне криминализировалась, причем не только за счет совершения собственно экономических преступлений, но и ввиду того, что многие другие преступления, прежде всего с использованием оружия, стали совершаться с целью скорейшего противоправного обогащения.

Особо необходимо отметить, что довольно часто в экономике все противоречия и споры разрешались и разрешаются криминальным путем, в том числе и с использованием оружия. Физическое устранение конкурентов по бизнесу стало одной из характерных черт преступности в современной РК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий. - М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. - С. 23.
2. Сноп С.Н. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций. - Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. - С. 56.
3. Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Кондрашова Т.В., Незнамова З.А. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. Отв. ред.: Козаченко И.Я., Незнамова З.А. - М.: Норма, Инфра-М, 1998. - С. 77.

ЗАРУБЕЖНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА ДЕЗОРГАНИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Абильмажинова Алия Халеловна
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Уголовный кодекс РК в ст. 429 «Угроза применения насилия в отношении сотрудника учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, либо его близких, а также осужденного или посягательство на их здоровье или жизнь» гл. 16 «Преступления против порядка

управления» трактует исследуемое нами преступление как:

1. Угроза применения насилия в отношении сотрудника учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, либо его супруга (супруги) или близких родственников в связи с осуществлением им служебной деятельности, а также в отношении осужденного с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения – наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

2. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, к лицам, указанным в части первой настоящей статьи, – наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, – наказываются лишением свободы на срок от семи до десяти лет.

4. Посягательство на жизнь сотрудника учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, либо его супруга (супруги) или близких родственников в связи с осуществлением им служебной деятельности, а также в отношении осужденного с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения – наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы.

В соответствии со ст. 15 УК РК «Возраст, с которого наступает уголовная ответственность» за совершение интересующего нас преступления несовершеннолетние подлежат уголовной ответственности с шестнадцатилетнего возраста. Отечественный законодатель ставит исследуемое нами преступление в один ряд с такими преступлениями, как государственная измена, бандитизм, геноцид, разглашение государственной тайны. Объясняя это тем, что осознание общественной опасности этих преступлений требует наличия определенного уровня политического сознания и социальной зрелости. Несовершеннолетние до достижения данного возраста не понимают, в каких случаях их действия могут причинить вред.

Возраст, указанный в ст. 15 УК РК, по нашему мнению, взят с явным запасом. Ю.М. Антонян отмечает, что осознание наказуемости преступного деяния, а также способность отдавать отчет своим поступкам в условиях современного информационного общества формируются у детей значительно раньше того возраста, который устанавливает отечественный уголовно-правовой законодатель.

На наш взгляд, законодатель вводит себя в заблуждение тем, что в качестве основного объекта этого преступления предусматривает деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, а как дополнительный – здоровье и личность. И тут же он устанавливает: «Если указанные действия совершают осужденные или заключенные под стражу в возрасте от 14 до 16 лет, они отвечают за преступления против личности». Данные проведенного нами исследования показывают, что процент подростков в возрасте от 14 до 16 лет, отбывающих наказание в ВК, совершивших преступления по ст. 106 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», в несколько раз выше процента преступлений, совершенных воспитанниками в возрасте от 16 до 19 лет по ст. 429 «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

Характеристика интересующего нас преступления и ответственности несовершеннолетних за его совершение будет неполной без сравнительного анализа с тождественными преступными посягательствами, ответственность за которые находит свое отражение в уголовно-правовом законодательстве зарубежных стран [2].

Возраст, с которого наступает совершеннолетие, не является общепринятым для всех государств мира. Обычно это возраст составляет 18 лет, но существуют государства, где несовершеннолетними признаются лица, не достигшие возраста 15, 20 лет и даже 21 года. В связи с этим, в соответствии с положениями международно-правовых актов, принято считать возрастом совершеннолетия 18 лет, с оговоркой: «если иной возраст не предусмотрен национальным законодательством». Именно такое определение возраста совершеннолетия содержится в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних [3].

В Современном отечественном законодательстве, для определения способности у не-

совершеннолетнего сознательно относиться к совершаемым действиям и руководить ими эксперты останавливаются на выявлении дефектов в психологическом состоянии исследуемого, а не тому, действительно ли имеющееся у несовершеннолетнего отставание в психическом развитии существенно ограничивало его способность к осознанному руководству своим поведением в момент совершения преступных действий, сопряженных с насилием.

Уголовно-правовое законодательство нашей страны уголовной ответственности и наказанию несовершеннолетних посвятило специальный раздел Уголовного кодекса РК. Выделение самостоятельного раздела об уголовной ответственности несовершеннолетних обусловлено социально-психологическими условиями лиц, совершивших преступление в возрасте от 14 до 18 лет.

Содержание наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетнего имеет свои специфические особенности. Лишение свободы – самое строгое наказание в системе наказаний, которое может назначаться на срок не свыше 10 лет [4].

Так, в Шотландии законодатель устанавливает запрет на вынесение обвинительных приговоров в отношении лиц в возрасте с шестнадцати лет до двадцати одного года с дальнейшим тюремным заключением. Отбывание наказания в виде лишения свободы на срок от двадцати восьми дней до четырех месяцев допускается только при отдельном содержании несовершеннолетних и взрослых в специальных центрах. В Великобритании в зависимости от возраста несовершеннолетних правонарушителей срок тюремного заключения колеблется от четырех месяцев до одного года. В Канаде максимальный срок лишения свободы в отношении несовершеннолетнего составляет не более трех лет с изолированным и безопасным содержанием, даже если за преступление, которое он совершил, закон предусматривает пожизненное лишение свободы. Во Франции возраст несовершеннолетнего от тринадцати до пятнадцати лет является смягчающим обстоятельством, а максимальный срок заключения для таких лиц составляет пять лет. Несовершеннолетним в возрасте от шестнадцати до семнадцати лет суд отказывает в смягчении приговора и устанавливает максимальный срок лишения свободы десять лет. В Швейцарии и Греции такое же сокращение сроков лишения свободы предусмотрено и для лиц в возрасте от восемнадцати лет до двадцати одного года.

В Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии приговоры особенно снисходительны к несовершеннолетним, а наказание в виде лишения свободы применяется в исключительных случаях. Судебная практика этих государств идет по пути прекращения дел в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Например, в Дании прекращение уголовных дел в отношении несовершеннолетних составляет 2 / 3, в Финляндии 1 / 3 от всех дел находящихся в судебном производстве в отношении несовершеннолетних, в Швеции прекращается до 70% уголовных дел в отношении малолетних преступников. В Германии к уголовной ответственности привлекаются в основном ранее судимые несовершеннолетние.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцев В.В. Учение об объекте преступления: монография: в 2-х т. Волгоград, 2010. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. - 383 с.
2. Ильин И.А. О сущности правосудия / Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. IV. Россия XI-XIX вв. / руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. - М.: Мысль, 2001. - 464 с.
3. Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла // Гос-во и право. - М.: Спарк. - 2007. - №2. - 452 с.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Абильпеисов Нурсултан Калымжанович
Магистрант I года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Очевидно, что разработка эффективной, теоретической модели криминологического обеспечения миграционной безопасности государства, не представляется возможной без исследования, обобщения, а в отдельных случаях и заимствования зарубежного опыта.

К наиболее крупным, государствам - «миграционным реципиентам», традиционно относят те из них, которые решают собственные демографические, экономические и даже некоторые социальные проблемы посредством миграционных из стран, условно называемых «миграционными донорами». Как правило, государства - миграционные доноры имеют более низкий уровень экономического развития, чем традиционные реципиенты. Однако в исследованиях наряду с экономическими, называются и другие факторы, объясняющие причины эмиграции из стран доноров (например: неблагоприятная экология или дефицит жизненно-необходимых природных ресурсов; военные, политические, социальные конфликты и т.д.). Выяснение причин миграционных процессов в государствах реципиентах и донорах имеет значение для развития миграционной политики в целом, и разработки программ обеспечения миграционной безопасности этих государств, в частности.

Известно, что реализация миграционной политики большинства стран - реципиентов начинается ещё до предоставления будущим иммигрантам разрешений (виз) на пересечение границ принимающих государств, за исключением случаев, когда такие разрешения не требуются. Домиграционные мероприятия (проверки, собеседования, анкетирования, консультирования и др.) необходимы для выяснения качественных и количественных критериев будущей миграции.

Процессы глобализации миграционных отношений, по мнению В.А. Ионцева, оказали существенное влияние на развитие миграционного законодательства многих стран. Формирование «нации мигрантов» численностью более 174 млн. человек, вовлекли в орбиту международных миграционных процессов фактически всё мировое сообщество.

Однако миграционные законодательства стран - реципиентов с эффективной миграционной политикой, развивается в векторе прагматичной и согласованной стратегии, ориентированной в первую очередь на приоритет интересов этих государств, во вторую - коренного населения, и только в третью - собственно, самих иммигрантов.

Как уже было отмечено, наиболее привлекательными для миграции являются экономически развитые страны, либо с более благоприятными климатическими или другими природными условиями, чем в странах эмиграционного исхода. На первый взгляд, преимущества, обуславливающие миграционную привлекательность стран - реципиентов предоставляют им самые широкие возможности в формировании и реализации миграционной политики, которая полностью соответствовала бы их интересам. Однако мы придерживаемся мнения Е.А. Никифоровой о том, что большинство государств реципиентов, проводящих активную миграционную политику, имеют как позитивный, так и негативный опыт управления миграционными процессами:

во-первых, этими странами был пройден этап массовой иммиграции малоквалифицированной рабочей силы. В настоящее время их иммиграционная политика и законодательство четко сориентированы на привлечение высококвалифицированных специалистов. При этом потоки неквалифицированной рабочей силы и сезонных рабочих ограничиваются путем введения критериев в системе балльного отбора и закрепления практики квотирования трудовой иммиграции. Кроме того, установлен строгий приоритет трудоустройства на работу собственных граждан;

во-вторых, иммиграцию стали законодательно дифференцировать на виды относи-

тельно целей и других критериев классификации. Так в международных и национальных актах выделяют - экономическую (трудовую), гуманитарную, репатриацию и воссоединение семей. Однако приоритет в большинстве стран - реципиентов отдаётся последним;

в-третьих, такие государства имеют значительный опыт по приему беженцев и лиц, ищущих убежище, на основе норм Женевской конвенции 1951 г. В этой связи, большинство стран готовы предоставлять данной категории иммигрантов дополнительный (гуманитарный) правовой статус;

в-четвертых, на миграционные процессы оказывают влияние нормативно-правовые меры противодействия нелегальной миграции (ужесточение въездных требований, совершенствование кадрового и технического потенциала пограничных служб, расширение полномочий миграционных служб в связи с миграционным контролем и выдворением нарушителей миграционного законодательства, оптимизация процедур депортации, активизация пропаганды в странах исхода нелегальных мигрантов, активизация международного сотрудничества и др.);

в-пятых, существенное значение для управления миграционными процессами имеет участие государства и общества в адаптации иммигрантов к условиям жизни в новой социальной среде.

Однако наиболее распространённые варианты моделей миграционной политики реализуемой в экономически развитых странах Ближнего Востока, США и Канады, ФРГ и Швеции, имеют существенные различия. Разделим их условно на первый, второй и третий варианты. Так, государства, реализующие миграционную политику соответственно первому варианту, ориентированы в основном на привлечение иностранцев для неквалифицированных видов деятельности на постоянной основе. Страны же второй группы, привлекают в основном квалифицированных иностранных специалистов, на временной основе, чему в немалой степени способствует создание безвизовых зон или общеэкономического пространства. Третий вариант заключается в реализации селективной миграционной политики по принципу естественного отбора из среды мигрантов тех, кто способен реализовать свои способности в новых социальных условиях, что соответствует принципу, так называемого американского «плавильного котла», где иностранный мигрант рано или поздно должен принять американские ценности и образ жизни.

Страны, относимые к первому варианту миграционной политики, стремятся к наиболее подробной правовой регламентации всего, что связано с временной иммиграцией населения включая её трудовую, учебную и туристическую составляющие.

В странах, относимых ко второй группе, существует четкое деление на иностранных граждан и лиц без гражданства. Базовыми являются понятия «иностранец» и «лицо без гражданства», «трудовой мигрант» и «вынужденный переселенец». Понятие «иммиграция» также используется в законодательстве этих стран, но цель адаптации и натурализации иностранцев не является базовой.

В государствах реализующих третий вариант миграционной политики, как правило, разрабатываются долгосрочные стратегии, концепции и программы, определяющие вектор развития миграционных процессов. Реализация же миграционной политики таких стран предполагает широкий круг рекрутинговых и селективных мероприятий на территориях стран потенциальных миграционных доноров.

Несмотря на различные подходы к формированию миграционной политики, представляется целесообразным закрепление на законодательном уровне её основных национальных приоритетов, предполагающих извлечение демографических, экономических, социальных и культурных выгод от миграции и признание необходимости интеграции мигрантов в жизнь общества. Это в свою очередь, поможет предусмотреть и минимизировать негативные проявления миграционных процессов, наибольшую опасность среди которых представляют сопровождающие эти процессы, криминогенные риски и криминальные угрозы, что должно способствовать формированию самостоятельного и очень важного направления миграционной политики государств «миграционных реципиентов», а именно - криминологического обеспечения миграционной безопасности таких государств. Если же рассуждать о содержании криминологически значимых угроз и рисков, источником которых являются собственно

миграционные процессы и которые способны причинять существенный вред интересам безопасности государства. На основании итоговых выводов главы первой и второй настоящего исследования, следует признать, что центральное место среди криминальных угроз интересам миграционной безопасности государства принадлежит незаконной миграции вообще и её криминальной составляющей, то есть миграционной преступности в особенности. Среди основных криминогенных рисков, являющихся катализаторами подобных угроз, следует назвать, комплекс криминогенных факторов создающих условия для совершения преступлений в области миграции населения, а также иных сферах общественных отношений находящихся в прямой и объективной взаимосвязи с миграционными процессами (например: управляемость миграционных процессов; эффективность миграционного контроля; уровень коррупции в соответствующих государственных структурах; эффективность деятельности системы профилактики незаконной миграции вообще и её криминальной составляющей в особенности и др.). Обобщая зарубежный опыт в области противодействия незаконной миграции, как одного из главных направлений в обеспечении миграционной безопасности государств, можно резюмировать, что к организации подобной деятельности сегодня применяются следующие подходы: а) ужесточение миграционных режимов, включающее усложнение иммиграционных процедур, усиление иммиграционного контроля и ответственности за нарушение требований миграционного законодательства, введение ограничений на пересечение государственной границы, через распространение практики предоставления въездных и выездных виз; б) антиподом первому, является либерализация миграционного законодательства в расчёте на устранение основных причин побуждающих к нелегальной миграции, одним из наиболее радикальных подходов в противодействии незаконной миграции является правовой компромисс в форме «миграционных амнистий»; в) третий подход отличается от первого и второго тем, что некоторые из государств придерживаются политики «миграционной изоляции» предоставляя право на въезд или выезд из страны в каждом конкретном случае и при наличии веских причин, подобные государства, как правило, носят тоталитарный характер. Наряду с этим, многие государства «миграционные реципиенты» используют следующие меры противодействия нелегальной миграции:

- предупреждение незаконной миграции по средствам проведения информационных кампаний и просветительской работы;
- укрепление границ и усиление пограничных режимов, совершенствование технической оснащённости пограничных служб и систем миграционного контроля;
- оптимизация работы с транспортными перевозчиками;
- ужесточение ответственности за нелегальную миграцию, особенно за её организацию, а также незаконное использование труда мигрантов;
- организация немедленной депортации и административного выдворения нелегальных мигрантов, обеспечение правовых запретов на пересечение государственных границ лицами которые ранее привлекались к ответственности за нарушение миграционного законодательства;
- совершенствование правового регулирования отношений в сфере миграции населения, и особенно в связи с обеспечением правового статуса иностранных мигрантов, осуществление программ легализации (миграционных амнистий и т.п.) для нелегальных мигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ

Алмуханов Бекетай Уракбаевич

к.ю.н., доцент

Абыкаева Айгерим Бауыржановна

Магистрант 1 года обучения

Специальность «Юриспруденция»

Примирение с потерпевшим как способ урегулирования социально-правового конфликта.

Во всех сферах материальной действительности (в обществе, в том числе) действуют разные противоречия, которые пронизывают все стороны общественной жизни. Все, что посягает на социальные и культурные ценности, противоречит интересам общества. Поэтому вряд ли у кого-либо вызовет сомнение утверждение о том, что преступное поведение, а, следовательно, и противоправные интересы преступника, противоречат интересам общества.

Когда преступные и общественные интересы вступают в противоречие, тогда речь уже можно вести о конфликте интересов, так как в основе любого конфликта лежат противоречия. «Объективная реальность всегда развивается через возникновение внутри нее конкретного противоречия». Признаком любого противоречия является существование противоположностей, которые понимаются как стороны противоречия и «1) находятся в неразрывном единстве, 2) взаимоисключают друг друга. 3) взаимопроникают» и «переходят в свою противоположность» [1].

Преступное поведение вызывает к жизни не одно противоречие, а целый комплекс. Участниками данных противоречий выступают две стороны: лицо, совершившее преступление - с одной; потерпевший, уполномоченные правоохранительные и государственные органы, общество и государство - с другой. При этом лицо, совершившее преступление, как правило, считает свое поведение нормальным, а противоположная сторона осуждает и порицает его (поведение). Таким образом, появляются противоположные интересы, которые, в свою очередь, являются сторонами соответствующего противоречия.

Противоречие идет рука об руку с развитием, оно является источником движения, ибо «диалектическое противоречие есть взаимодействие противоположных, взаимоисключающих сторон и тенденций, предметов и явлений, которые находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, выступая источником самодвижения и развития».

Высшей формой развития для социальных обострений и противоречий является конфликт. Именно «грубым противоречием», «физическим столкновением людей» называл его Карл Маркс.

Когда в конкретной социальной ситуации обостряются социальные противоречия и при этом требуется разрешение возникшей социальной проблемы, которая выражается в столкновении различных социальных общностей, преследующих противоположные цели, речь идет о социальном конфликте.

Существует несколько разновидностей социального конфликта. Автор не будет рассматривать все, а остановится лишь на одном его виде - конфликте юридическом, «в котором спор связан непосредственно с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями) и, следовательно, субъекты, мотивация их поведения, а также объект конфликта обладают правовыми признаками». Характерными чертами юридического конфликта являются «противоборство субъектов права в связи с применением, нарушением или толкованием правовых норм». Если это сопряжено с нарушением норм уголовного права, то происходит криминализация конфликта.

В основном, криминальные конфликты являются ни чем иным, как преступлением. Начинаются они с создания кем-то помех для осуществления действий другого субъекта или же попыток захватить желаемый другим объект. Вслед за тем, как появляется противоречие, чаще всего, возникает первая стадия - «стадия переговоров». На ней стороны (или одна из

них) высказывают просьбы (или требования), либо делают заявления об отказе уступить чужим притязаниям. В случае невозможности остановиться на «переговорной» стадии, сторонами применяются угрозы, которые существенно накаляют ситуацию, переводя ее на новый этап, на стадию одностороннего или взаимного применения физической силы. Тем самым происходит эскалация конфликта, при которой один криминальный конфликт может перерасти в другой.

Окончание конфликта неоднозначно, возможно несколько его исходов:

- прекращение конфликта в результате взаимного примирения сторон;
- прекращение конфликта путем симметричного его разрешения (обе стороны выигрывают или проигрывают);
- прекращение конфликта путем асимметричного решения (выигрывает одна из сторон);
- перерастание конфликта в другое противоборство;
- постепенное затухание конфликта.

На наш взгляд, нельзя не согласиться с мнением Л.Н. Лянго, которая утверждает, что не стоит различать два первых предложенных исхода. Скорее всего, прекращение конфликта в результате примирения сторон можно считать частным случаем его симметричного разрешения, поскольку при примирении обе стороны выигрывают: избавляются от дополнительных затрат, забот, усилий, предотвращают наступление неблагоприятных для себя последствий.

Самым лучшим (и наиболее результативным, на наш взгляд) вариантом разрешения конфликта является устранение противоречий между интересами субъектов конфликта, которые могут быть разрешены в пользу одной из сторон, или найдено такое решение, которое устраивало бы обе стороны. Бесспорно, что последний вариант является наилучшим способом, потому что при этом конфликт разрешается и урегулируется по воле и доброму согласию конфликтующих сторон при взаимном удовлетворении их интересов. Такой исход не только позволит избежать дальнейшего развития конфликта и перерастания его в новый спор, но и благоприятным образом скажется на дальнейших взаимоотношениях сторон. Помимо этого, подобное разрешение конфликта положительным образом скажется и на психологическом состоянии его участников, так как избавит их от стрессовых ситуаций, которыми изобилует любое противостояние. Не следует забывать и о материальной стороне: всякое противоборство (за редкими исключениями) связано с материальными затратами, которые можно значительно уменьшить посредством мирного урегулирования спора. Таким образом, одним из способов разрешения спора является консенсуальный способ - ситуация, при которой конфликтующие стороны приходят к согласию по поводу того, что может представлять собой приемлемое для них решение.

Многие исследователи считают консенсус оптимальным способом разрешения всех конфликтов - от внутрисемейных до международных. Современные словари определяют консенсус как «общее согласие по спорным вопросам», «общее согласие, преобладающее мнение». «В юридическом смысле консенсус - это метод выработки и принятия решений, который предполагает такую согласованность позиций, когда большинство участников поддерживают предложенное решение... и ни один не выступает против его принятия» [2].

Так как при консенсуальном способе совпадает мнение участников конфликта, которые имеют противоположные интересы, в результате чего и достигается соглашение, консенсус смело можно назвать социальной формой единства противоположностей.

Для прекращения конфронтации в криминальном конфликте чаще всего избирают принудительные средства. Уголовная ответственность и есть тот метод, то правовое средство, с помощью которого данный конфликт устраняется путем применения наказания как меры государственного принуждения к лицу, виновному в совершении противоправного деяния, которое преследуется уголовным законом. Но в то же время именно урегулирование криминального конфликта без использования мер государственного принуждения, а именно консенсуальным путем с взаимным удовлетворением сторон, делает результат особенно важным и желанным. Поэтому законодателем и была создана необходимая база, способствующая тому, чтобы правоприменитель выбирал именно такой путь решения в тех случаях,

когда это возможно, о чем свидетельствует группа норм УК РК об освобождении от уголовной ответственности и наказания [3].

Консенсуальный метод разрешения криминального конфликта, выхода из него, наиболее полно выражается в случае примирения потерпевшего с лицом, совершившим преступление (ст. 68 УК РК, ст. 35 УПК РК). При этом обе стороны совершают позитивные действия, которые приводят к положительному, благоприятному исходу противостояния. В данном случае возможны два варианта развития событий. Первый заключается в том, что обвиняемый приносит потерпевшему извинения за вред и страдания, которые тот претерпел вследствие его (обвиняемого) неправомерного поведения и возмещает причиненный потерпевшему ущерб, а потерпевший, в свою очередь, принимает такие извинения и возмещенный ущерб, т.е. прощает лицо, совершившее преступление. В том случае, когда потерпевший сам спровоцировал обвиняемого на совершение преступных действий своим аморальным или даже противоправным действием то, осознавая собственную негативную роль, он будет искать пути примирения с обвиняемым, и сам будет просить у него прощения.

Именно взаимные компромиссы между потерпевшим и лицом, совершившим преступление, указанные действия, предпринимаемые сторонами и направленные на выход из конфликтной ситуации, и составляют содержание примирения. При этом важным условием является добровольность и осознанность совершения таких действий участниками конфликта.

Достижение соглашения между потерпевшим и лицом, совершившим преступление, изменяет негативный характер их взаимоотношений, что, в свою очередь, способствует стабилизации порядка в обществе и служит укреплению положительных эмоциональных связей между его членами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПОТЕРПЕВШИЙ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

*Айсин Сайкен Бахытович
к.ю.н., доцент
Агымбаева Айсуну Куатовна
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Как мы уже указывали в предыдущих параграфах, если преступления “с направленностью” можно объединить в одну группу для акцентирования их повышенной общественной опасности на современном этапе и повышения эффективности борьбы с ними, то возникает вопрос о том, почему конкретные (отдельные) преступления экстремистской направленности имеют в качестве основного непосредственного объекта различные общественные отношения; могут ли данные преступления образовывать единый объект уголовно-правовой охраны ?

Для обеспечения вышеназванных целей выделения “преступлений с направленностью” более эффективно в рамках уголовного закона определить единую сферу общественных отношений, охватываемых данными преступлениями, то есть определить объект уголовно-правовой охраны [1].

Решение данного вопроса будет иметь не только теоретическое, но и практическое значение. Как писал И.Ф. Кузнецов, именно объект преступления имеет решающее значение для построения системы Особенной части уголовного права. С учетом объекта уголовное законодательство объединяет различные преступления в отдельные группы и определяет их место в системе уголовного права. При этом на первом месте неизменно оказываются преступления, посягающие на важнейшие интересы, характерные для данного общества, представляющие для него наибольшую ценность [2].

Попытаемся ответить на данный вопрос при описании значения в его решении предмета преступления и потерпевшего, как обязательных составляющих объекта, поскольку преступления экстремистской направленности можно объединить по признакам единства потерпевших, на которых направлено посягательство - представители и той или иной политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной или социальной группы.

При помощи признаков, характеризующих потерпевшего и предмет преступления, в диспозициях норм Особенной части УК РК может указываться объект уголовно-правовой охраны. Причем признаки предмета преступления и потерпевшего могут определять не только непосредственный, но и видовой объект.

В частности преступления возможно объединить по признакам общности потерпевшего, в отношении которого совершаются данные преступления (по аналогии с предметом преступления, по признакам которого определяется объект уголовно-правовой охраны) [3]

На данное обстоятельство прямо указывают преступления против несовершеннолетних, против собственности (хищения), экологические преступления, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, преступления в сфере компьютерной информации и др.

Общеизвестно, что общественное отношение как объект уголовно-правовой охраны имеет следующую структуру:

- участников общественных отношений (субъекты);
- предмет общественного отношения, в связи с которым (по поводу которого) существует данное общественное отношение;
- взаимосвязь между участниками (субъектами) и предметами.

Таким образом, предмет преступления непосредственно связан с объектом – общественными отношениями в которых он проявляется и защищается в рамках уголовного закона. Предмет и объект преступления взаимосвязаны и взаимообусловлены, определяют друг друга. Предмет преступления является частью общественных отношений. А общественные отношения в большинстве своем не могут существовать без предмета преступления.

В уголовно-правовой литературе, анализируя правовое значение предмета преступления, указывается, что существует тесная связь между предметом посягательства и объектом преступления. Сам по себе предмет посягательства вне связи с объектом преступления не может служить раскрытию общественной опасности преступного деяния. Предмет посягательства является материальной формой, условием существования общественных отношений. Предмет посягательства является той непосредственной “целью”, на которую направлены преступные действия виновного. Уничтожение предмета, причинение ему ущерба, отрицательное.

Говоря о соотношении предмета и объекта преступления, В.Н. Кудрявцев отмечал, что уголовный закон охраняет не вещи и предметы сами по себе, а те общественные отношения, которые являются объектами посягательства. Поэтому для многих институтов уголовного права важное значение имеют понятие предмета, его особенности и причиняемый предмету вред. По мнению академика, в “материальных” составах объект преступления определяется посредством указания на вредное последствие и на предмет посягательства [4].

По мнению Н.А. Беляева, предмет преступления – это элемент объекта посягательства, воздействуя на который, преступник нарушает или пытается нарушить общественное отношение.

Многие криминалисты Казахстана признают предмет преступления субстратом общественных отношений, существующих по поводу этого предмета.

По справедливому утверждению А.В. Шульги, предмет преступления не может суще-

ствовать вне общественных отношений, но предмет посягательства имеет самостоятельное значение, определяя конкретный объект на который произведено посягательство. Предмет преступления – это конкретное благо, по поводу которого возникают общественные отношения. Выделение и исследование предмета преступления необходимо проводить для более глубокого и всестороннего изучения объекта преступления.

В уголовно-правовом смысле предмет преступления не может существовать вне объекта посягательства, он всегда выступает в связи с конкретными общественными отношениями. Без общественного отношения предмета преступления не может быть, так как совершение преступления возможно только в обществе. Вещь является предметом преступления только потому, что она обращается в сфере общественных отношений [5].

В настоящее время также наиболее распространенной является позиция, принимаемая большинством ученых, согласно которой предметом преступного посягательства является вещь, в связи с которой или по поводу которой совершается преступление. Объектом же преступления являются интересы того, кому принадлежит данная ценность. Воздействуя на предмет преступления, виновный осуществляет посягательство на объект преступления. Как указывает Галиакбаров Р.Р., предмет преступления – это материальные ценности, вещи, документы, которые служат поводом, условием либо свидетельством существования определенных отношений и посредством изъятия, уничтожения либо видоизменения которых причиняется ущерб объекту преступления.

Следовательно, предмет преступления в уголовном праве – это материальные блага (вещи, деньги, ценные бумаги) на которые направлено преступление.

В науке уголовного права предмет преступления традиционно классифицируют на следующие группы: человек (потерпевший), имущество (вещи); животные и растения. При этом если животные или растения выращены человеческим трудом, то есть обладают экономическим свойством стоимости, то они относятся к категории имущества, имеют вещные признаки. При посягательствах на личность, признак “предмет преступления” подразумевает человека, “путем воздействия на тело которого совершается посягательство против объекта” [6].

Итак, если мы говорим об одушевленном существе, в отношении которого совершено преступное посягательство – человеку, то мы называем его в рамках состава преступления не предметом, а потерпевшим.

Таким образом, все характеристики предмета, значение предмета преступления в уголовном праве, его взаимосвязь с объектом преступления – имеет аналогичное применение и если мы будем говорить о потерпевшем.

Потерпевший имеет такое же значение во взаимоотношениях с объектом преступления, может его предопределять. Причем может предопределять не только непосредственный, но и видовой объект уголовно-правовой охраны, то есть стоять в основе выделения его в рамках системы особенной части УК РК.

Видовому, родовому и общему объектам вред причиняется только посредством повреждения непосредственного объекта, через непосредственный объект. Видовой, родовой и общий объекты определяются также через непосредственный объект. Таким образом, именно непосредственный объект играет первостепенную роль в систематизации Особенной части УК РК.

Как известно, непосредственный объект – это конкретное общественное отношение, на которое направлено посягательство и которому преступлением причиняется вред либо создается угроза причинения такого вреда. Для охраны того или иного непосредственного объекта, существует специально созданная для этого статья Уголовного кодекса. Видовой объект – это группа однотипных общественных отношений, отношений одного вида, охраняемых уголовным законом.

Итак, как мы указали выше, предмет преступления имеет большую роль при определении признаков основного непосредственного объекта, который является первоосновой для определения видового (группового объекта). Рассмотрим это на примере преступлений против собственности.

Так, объект и предмет при хищениях носят имущественный характер и имеют эконо-

мическую ценность.

Большинство ученых современности также считает, что предметом преступлений, в том числе преступлений против собственности, хищений, следует признавать только материальную вещь, в связи с которой или по поводу которой совершается преступление.

Например, имущество в составе вымогательства предполагает те же свойства, что и при других посягательствах на собственность – это во-первых, по своим физическим свойствам имущество характеризуется тем, что оно воплощено в различных вещах и предметах, которые могут находиться в любом физическом состоянии и быть одушевленными и неодушевленными. Во-вторых, экономическое свойство предмета вымогательства заключается в том, что имущество способно удовлетворять те или иные материальные или духовные потребности людей, обладать способностью участвовать в гражданском обороте.

Исходя только из характеристик имущества (вещи) как предмета преступления разграничивают преступления против собственности от преступлений против интеллектуальной собственности (ст. ст. 198, 199 УК РК), компьютерных преступлений, экологически преступлений.

Поскольку обязательным признаком предмета преступлений против собственности, хищения являются его физические признаки, то есть имущество должно быть вещественным (телесным) предметом материального мира, обладать конкретными физическими свойствами и местом в пространстве, поэтому не относится к предмету преступлений против собственности результаты интеллектуальной деятельности.

К преступлениям против интеллектуальной собственности относят: нарушение авторских и смежных прав (ст. 198); нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 199); незаконное использование товарного знака (ст. 222); незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 223).

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

*Казбаева Асель Габиденовна
к.ю.н., доцент*

*Анвар Азамата Аманбайұлы
Магистрант I года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Правовым системам различных государств присущи общие закономерности. Это касается как общесоциальных правовых институтов, так и конкретных отраслей права, специфических правовых отношений. В то же время правовые институты, отдельные нормы получают свою интерпретацию в законодательной и иной нормотворческой деятельности конкретного государства.

Казахстан является границей многих международных конвенций и других международных соглашений. Активные взаимные интеграционные процессы происходят в сфере сотрудничества Казахстана со странами – участницами СНГ. Это осуществляется как в рамках уже устоявшихся форм взаимодействия (СНГ), так и в межгосударственных образованиях (Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России; Евразийский союз Белоруссии, Казахстана и России).

Указанное обуславливает актуальность и необходимость анализа, в том числе института контроля и надзора в исследуемой сфере, возможности имплементации отдельных норм и институтов, имеющих место в законодательстве, в практику соответствующих субъектов деятельности в сфере предупреждения рецидива преступлений.

Такой подход к рассмотрению проблемы, вынесенной в название диссертационного исследования, помогает лучше понять правильную природу контроля и надзора, их роль в предупреждении рецидива преступлений, их особенности, место и функции среди других институтов в целостной системе противодействия рецидивной преступности [1].

Необходимость изучения зарубежного опыта в данном аспекте обуславливается также концептуальной перестройкой деятельности различных органов, служб, осуществлением ими контрольно-надзорных функций. Речь прежде всего идет об органах внутренних дел, учреждениях и органах, исполняющих наказания, органах прокуратуры.

Контрольные функции, в том числе в исследуемой сфере, возложены и на такой институт, как уполномоченный по правам человека. Данный институт является для Казахстана достаточно новым и здесь как никогда востребована необходимость изучения сената аналогичных институтов в государствах, имеющих длительный опыт их применения [2].

О необходимости изучения зарубежного опыта в сфере контроля и надзора в предупреждении рецидива преступлений свидетельствуют и другие обстоятельства: применение условий функционирования учреждений и органов контроля и надзора; востребованность комплексного теоретического осмысления сущности и содержания контроля и надзора; значимость в уяснении сходства и различий данных видов контрольно-надзорной деятельности. Безусловно, это способствует более четкому установлению функциональной принадлежности каждой из составляющих. Однозначно, это имеет не только теоретическое, но и прежде всего практическое значение, так как позволяет оптимизировать как контрольную, так и надзорную деятельность.

Анализ законодательств зарубежных государств по изучаемой теме и практики осуществления контрольно-надзорной деятельности в сфере предупреждения рецидива преступлений приводит к выводу о том, что их можно классифицировать по следующим основаниям: уровень законодательной или иной нормативно-правовой регламентации; формы и методы их осуществления; полномочия учреждений и органов, выполняющих контрольно-надзорные функции [3].

Сопоставительный анализ уровней правовой регламентации контроля и надзора в сфере предупреждения рецидива преступлений в зарубежных странах позволил прийти к следующим заключениям.

Указанные вопросы регулируются прежде всего международными документами. Безусловно, наличие норм, предусматривающих осуществление контроля и надзора за лицами, отбывающими наказание, а также освобожденными от наказания, в указанных правилах являются основой не только для закрепления их в соответствующих правовых нормах национальных государств, но и для совершенствования имеющихся. Это позволяет на основе определенных стандартов устанавливать различные нормы их закрепления. Они могут выступать в качестве отдельных норм в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве (как правило, в странах СНГ) и в самостоятельных законах (республики Беларусь, Азербайджан). Особо следует выделить законы, определяющие создание и функционирование службы пробации. При этом необходимо отметить, что данная служба получила апробацию в странах дальнего зарубежья. Однако нельзя не уточнить, что определенный опыт в этом отношении имеют и государства постсоветского пространства (Молдова, Латвия, Эстония). Создание такой службы предусматривается и Концепцией развития уголовно-исполнительной системы. В этих условиях вопрос изучения опыта создания такой службы, ее деятельности является особенно актуальным [4].

Анализ форм и методов контроля и надзора позволяет сделать следующие выводы. В международных документах речь идет о всестороннем подходе к осуществлению форм и методов контроля и надзора и о их многообразии (ст. 107 Европейских пенитенциарных правил).

Законодательство большинства зарубежных государств предусматривает отдельные

формы и методы контроля и надзора:

- регламентация лиц, состоящих под надзором; – поощрения и наказания поднадзорных;
- предупреждение лиц, находящихся под надзором, нарушающих возложенные на них обязанности;
- предоставление постпенитенциарной помощи и консультирование.

В соответствии с формами и методами осуществления контроля законодательств зарубежных стран их субъекты наделяются соответствующими компетенциями.

Следует отметить широкий круг компетенций, определяющий опасности в таком международном документе, каким является Европейские пенитенциарные правила. Они регламентируют разработку учреждениями, органами, осуществляющими контрольно-надзорную деятельность, специальных программ, предшествующих освобождению, или частичное условное освобождение под надзор в сочетании с действенной социальной поддержкой.

Законодательство ряда стран наделяет соответствующие органы правом осуществлять надзор в форме административного надзора в различной его интерпретации. Учреждения и органы, осуществляющие контроль и надзор, наделены правом предупреждать поднадзорного об ответственности такого надзора [5].

Систематический сопоставительный анализ законодательства, регламентирующего осуществление контроля и надзора за лицами, позволяет сделать вывод о том, что ряд норм, регулирующих применение средств контроля и надзора в деле предупреждения рецидива преступлений, могут быть взяты на вооружение законодательством, востребованы соответствующими субъектами, наделенными правоприменительными полномочиями.

Среди них:

- практика осуществления контроля общественными объединениями в Республике Беларусь – наблюдательными комиссиями; наличие самостоятельных законов в исследуемой сфере в Республике Азербайджан;
- образование самостоятельной службы пробации (Германия, Финляндия и др.);
- осуществление электронного контроля;
- наделение наблюдательных комиссий правом участия через своих представителей при решении судами вопросов об условно-досрочном освобождении от наказания, о замене осужденному не отбытой части наказания более мягким видом наказания; в ряде случаев они имеют право требовать письменные объяснения от поднадзорного, входить в любое время суток в помещение поднадзорного (Республика Беларусь).

Законодательство большинства стран возлагает на контрольно-надзорные учреждения и органы функции осуществления контроля и надзора за лицами, осужденными к наказаниям без лишения свободы и освобожденными условно-досрочно от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы.

Служба пробации имеет место в странах постсоветского пространства. Так, в Латвии действует закон 2003 г. «О государственной службе пробации». К числу ее функций также отнесено осуществление надзора за лицами, условно освобожденными от уголовной ответственности и условно-досрочно освобожденными.

В службе пробации Эстонии имеется отдел уголовного надзора. Инспектор этого отдела следит за исполнением обязанностей лицами, осужденными к наказаниям без изоляции от общества, условно-досрочно освобожденными, консультирует поднадзорных. В течение испытательного срока поднадзорному помогают найти работу, жилье, а также в решении других личных проблем. Инспектор должен направлять поднадзорного в его усилиях самостоятельно справляться с возникающими в повседневной жизни проблемами.

В Республике Казахстан контроль за поведением указанных лиц осуществляется органами внутренних дел по месту жительства освобожденного в порядке, определяемом Министерством внутренних дел Республики Казахстан, а в отношении военнослужащих – командованием воинских частей и учреждений в порядке, определяемом Министерством обороны Республики Казахстан.

Данные органы осуществляют персональный учет лиц, освобожденных условно-

досрочно, в течение оставшейся не отбытой части наказания, контролируют исполнение возложенных на них обязанностей.

В случае уклонения условно-досрочно освобожденного от контроля уполномоченный орган проводит первоначальные мероприятия по установлению его местонахождения и причин уклонения.

Злостным уклонением от исполнения обязанностей лицом, освобожденным условно-досрочно, является неисполнение им без уважительной причины более двух раз одной из обязанностей, указанных в УИК.

Если в течение оставшейся не отбытой части наказания лицо, к которому было применено условно-досрочное освобождение, совершило неоднократно административное правонарушение либо правонарушение, за которое на него был наложен административный арест, или злостно уклонилось от исполнения обязанностей, уполномоченный орган вносит в суд представление об отмене условно-досрочного освобождения и исполнении оставшейся не отбытой части наказания.

Приказом министра юстиции Республики Армения от 25 апреля 2006 г. №4-Т утверждены правила участия общественности в исправлении осужденных и осуществлении общественного контроля за деятельностью учреждений, исполняющих наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий. - М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. - С. 23.
2. Сноп С.Н. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций. - Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. - С. 56.
3. Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Кондрашова Т.В., Незнамова З.А. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. Отв. ред.: Козаченко И.Я., Незнамова З.А. - М.: Норма, Инфра-М, 1998. - С. 77.

СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЛИЦАМИ БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Аубакиров Аслан Рахметоллаулы
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Как мы уже отмечали в первом параграфе второй главы, в зависимости от направленности превентивных мер, их делят на общесоциальные, специальные (специально-криминологические), индивидуальные. Такое традиционное деление предупредительных мер на систему разноуровневых, но объединенных единой целью составляющих, во многом определяет специфику их места в непосредственной деятельности по предупреждению преступлений, совершаемых лицами без определенного места жительства ее основными субъектами - органами полиции согласно их компетенции. Поэтому, на наш взгляд, следует обратить внимание на содержательную сущность каждого из уровней предупреждения преступлений в целом.

Общесоциальное предупреждение представляет собой совокупность конкретных социально-экономических, организационно-управленческих, идеологических и иных мер, которые в совокупности направлены на обеспечение:

- качественного улучшения криминогенной обстановки как в целом по стране, а также по отдельно взятому региону;
- повышения уровня охраны и защиты имущественной и личной безопасности юридических и физических лиц;

- создания предпосылок для стабилизации и снижения уровня преступности и нейтрализации негативных последствий, вызываемых ею;
- формирования основ правовой культуры общества и должностных лиц;
- обеспечения повышения эффективности условий деятельности правоохранительных органов.

Комплексность мер, предусматриваемых при общесоциальном планировании, является одним из основополагающих условий успеха при их осуществлении. Они не направлены прямо против преступности, но их косвенное влияние существенно. Продолжают оставаться актуальными выводы И.И. Карпеца и А.С. Шляпочникова о том, что предупреждение преступности должно основываться, прежде всего, на проведении общих мероприятий экономического, правового, воспитательного характера. Данные мероприятия осуществляются, как правило, в рамках комплексных программ, направленных на координацию деятельности всех государственных и негосударственных структур по реализации их основных функций в сфере предупреждения преступлений в целом и, совершаемых лицами без определенного места жительства, в частности. Такие программы предусматривают систему долгосрочных и текущих мероприятий, являющихся основой для эффективного сотрудничества и взаимодействия всех заинтересованных сторон. В результате проведенного нами анализа сделан вывод о том, что в правонарушений.

В рамках реализации региональных программ активно используется профилактический потенциал законодательства РК. Следует отметить, что в настоящее время принято свыше 130 региональных законов об административной ответственности, нормативных правовых актов об организации работы субъектов и социальных учреждений профилактики правонарушений, участия граждан в охране общественного порядка и др., развивающих положения законодательства в сфере профилактики правонарушений и частично устранивших пробелы в нем.

Меры специально-криминологического предупреждения непосредственно направлены на устранение причин и условий совершения преступлений в определенных сферах общественной жизни путем воздействия на конкретные социальные группы, в которых складываются конфликтные ситуации.

В качестве самой эффективной меры специально-криминологического предупреждения, преступлений выделяют проведение комплексных широкомасштабных оперативно-профилактических операций с различными условными наименованиями. Данные операции разрабатываются и осуществляются исходя из определенных направления оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел в целом. К ним следует отнести - виды конкретных совершаемых или совершенных преступлений;

- обеспечение охраны порядка на конкретной территории, зоне, участке оперативного обслуживания;
- оперативное обслуживание различных отраслей и сфер, наиболее подверженных риску оказаться в зоне преступных интересов;
- социальные группы криминогенно опасных лиц;
- сферы общественной жизни, в условиях которых проходит формирование и становление человека как личности.

Эффективность таких операций заключается в их непродолжительности, кратковременности, привлечении значительных сил и средств, конкретности обозначенных задач, необходимых для решения в ходе проведения.

Одним из эффективных способов профилактики правонарушений, совершаемых лицами без определенного места жительства, является проведение специальных оперативно-профилактических мероприятий (операций). Их отличие от специальных проверок мест концентрации бездомных заключается во времени проведения и комплексности. Если специальные проверки проводятся постоянно в течение года на плановой основе, то оперативно-профилактические мероприятия проводятся несколько раз в год и ограничены во времени. Кроме этого в период проведения задействованы все подразделения и службы органов внутренних дел. Как правило, такие оперативно-профилактические мероприятия проводятся под

условным наименованием «БОМЖ», « Попрошайка», «Бродяга», «Странник» и т.п.

Целями таких операций являются выявление лиц без определенного места жительства; выявление и задержание лиц, находящихся в розыске; выявление лиц без определенного места жительства, представляющих оперативный интерес для соответствующих правоохранительных органов.

Осуществление мер специально-криминологического предупреждения допустимо с помощью всех присущих ОВД сил, средств и методов. Их комплексное использование позволяет на ранней стадии нейтрализовать криминогенные факторы, негативно влияющие на оперативную обстановку и условия, облегчающие совершение преступных деяний.

К одним из важнейших направлений предупреждения преступлений, совершаемых лицами без определенного места жительства относится информационно-разъяснительная и агитационно-пропагандистская деятельность, которую можно рассматривать в двух аспектах: как средство обеспечения эффективности основных превентивных мероприятий и как самостоятельный метод (способ) предупреждения преступлений. Приоритетным объектом такой работы являются подростки, для которых свойственны неустойчивость и динамизм потребностей, ценностей и установок, склонность к путешествиям и т.п.

Индивидуальное предупреждение преступлений признается относительно самостоятельным направлением в превентивной деятельности и ее объектом является отклоняющееся поведение. Оно занимает одно из главных направлений работы государственных органов и общественных организаций по предупреждению преступлений. В индивидуальной работе по предупреждению преступлений заключены широкие возможности по повышению эффективности всей предупредительной деятельности. В силу сложившихся традиций индивидуальное предупреждение связывают, как правило, с оказанием профилактического воздействия на конкретное лицо. В ходе такого воздействия ОВД становятся известны причины и условия, негативно влияющие на конкретное лицо.

Таким образом, исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что, благодаря отсутствию четкой задачи предупреждения преступлений, совершаемых лицами без определенного места жительства и ее конкретизированного выражения, в организации деятельности по предупреждению преступлений ОВД, наиболее эффективным предупреждением рассматриваемой категории преступлений, будет специально-криминологическое. А ее субъектами, исходя из того же приказа участковые уполномоченные полиции, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, сотрудники патрульно-постовой службы, сотрудники подразделений уголовного розыска, сотрудники подразделений органов внутренних дел на транспорте.

ОВД решают оперативно-служебные задачи в сложной социально-политической и экономической обстановке, характеризующейся продолжением роста инфляции, ухудшением благосостояния значительных групп населения, ростом социальной напряженности. С учетом изложенного в качестве приоритетных направлений деятельности системы МВД РК и ДМП РК в 2012 г. определены, в том числе:

- укрепление законности в деятельности сотрудников ОВД и военнослужащих ВВ МВД РК, повышение уровня их правовой культуры и правовых знаний, совершенствование нормативно-правового регулирования деятельности и управления в системе ОВД;
- принятие неотложных мер по воссозданию зонально-линейного принципа работы территориальных органов МВД РК на районном уровне, обеспечить солидарную ответственность оперативных сотрудников, участковых уполномоченных полиции, инспекторов ПДН, а также их руководителей за состояние правопорядка, профилактики и раскрытия преступлений на вверенной им территории;
- повышение эффективности участия оперативных подразделений ОВД в реализации административного законодательства и профилактике правонарушений;
- укрепление правопорядка и общественной безопасности, совершенствование организации профилактической работы с лицами, имеющими опыт совершения противоправных деяний, и несовершеннолетними.

Выделение предупреждения преступлений в качестве одного из приоритетных направлений деятельности объясняется тем, что оно детерминируется жизненно важными по-

требностями общества. Но в связи с тем, что по своему содержанию потребности общества разнообразны, цель и задачи имеют различный характер. Неоднозначность целей (задач) обуславливается не только различием сфер применения своих возможностей тем или иным субъектом предупреждения преступлений, совершаемых лицами без определенного места жительства, но и их различными возможностями в этой деятельности и ее содержанием. То есть эта деятельность самостоятельна по своему содержанию, несмотря на ее комплексный и многосубъектный характер. Ее отличие заключено, во-первых, поставленными задачами, решение которых предполагает применение различных отраслей знаний, навыков и умений. И, во-вторых, возможностью достижения положительного результата при условии специальной организации работы ОВД в этой сфере, не совпадающей по существу с системой организации их деятельности по другим направлениям предупреждения преступлений (несовершеннолетние, наркоманы, незаконный оборот оружия, экстремизм, терроризм и т.п.).

Лицам без определенного места жительства присуща своя идеология, ориентация на определенные жизненные, моральные, нравственные, психологические, правовые и другие ценности. Сами по себе эти ценности и приоритеты в их среде - результат взаимного влияния разных категорий граждан, ставших в силу жизненных обстоятельств бездомными. Их невозможно быстро изменить, а, следовательно - создать «положительный образ» лица без определенного места жительства в обществе, за сравнительно небольшой срок проблематично. Поэтому очевиден криминологический интерес к проблемам социально-криминологического предупреждения преступлений, совершаемых лицами без определенного места жительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Аубакиров Арман Ержанович
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Несмотря на то, что преступления против мира и безопасности человечества в качестве международных преступлений и преступлений международного характера первоначально были определены международным правом, а потом уже были закреплены в российском уголовном законодательстве, элементы составов данных преступных деяний не полностью совпадают. В международном уголовном праве преступления такого рода подразделяют на две группы: международные преступления и уголовные преступления международного характера [1].

С учетом существования обусловленной рядом факторов взаимосвязи в определениях понятий международных преступлений, преступлений международного характера и преступлений против мира и безопасности человечества, необходимо их исследовать [2].

Если проанализировать источники, содержащие нормативные материалы о международных преступлениях, то можно сделать вывод о том, что же рассматривается в качестве непосредственных объектов международных преступлений. Такими объектами являются всеобщий мир и международная безопасность. Посягательство на данные объекты является наиболее опасным с точки зрения международного сообщества.

А.Н. Трайнин отметил, что попытка обойти вопросы борьбы с преступлениями против человечества выражается и в бессодержательных формальных определениях международного преступления. Иными словами, вопреки требованиям принципа общественной безопасности авторы этих определений не давали четкого определения объекта, на который международное преступление было направлено.

Существует большое количество определений объекта международных преступлений.

Так, по мнению А.Н. Трайнина, который уделил большое внимание разработке определения международных преступлений, такие преступления могут быть определены как посягательства на основы существования и прогрессивного развития народов.

Определяя понятие международного преступления, ученые-теоретики не имеют кардинальных разногласий.

В тоже время, М.И. Блум, утверждала, что международные преступления и преступления, посягающие на международный правопорядок, резко различаются по своей направленности и опасности для судьбы мира и человечества. По степени своей опасности они не подлежат ни сопоставлению, ни сравнению.

А.Н. Трайнин сформулировал понятие международного преступления как формулу «преступления против человечества», тщательно проанализировав все составные части столь емкого понятия, и определил их «как посягательства на основы существования и прогрессивного развития народов», рассматривал он и виды этих преступлений.

И.И. Карпец дал определение международного преступления как деяния, которое представляет повышенную опасность для существования мирных отношений и сотрудничества между государствами независимо от их социально-политического устройства.

И.И. Лукашук и А.В. Наумов считают, что международное преступление - это виновное нарушение индивидом нормы международного уголовного права, требующее наличия международного элемента. Все данные преступления они подразделяют на преступления по общему международному праву и конвенционные преступления.

По нашему мнению, международные преступления - это деяния, которые посягают на мир и безопасность человечества, то есть основы международного правопорядка, установившиеся международные отношения, важнейшие общепризнанные интересы мирового сообщества, установленные международными договорами (Уставами Нюрнбергского, Токийского трибуналов, резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 1946 и 1947 гг., Уставами Трибуналов для Югославии и Руанды и Статутом Международного уголовного суда и др.) и национальным законодательством [3].

В 1976 году Международной Правовой Комиссией в статье 19 Проектов статей об ответственности государств были определены понятия "международные преступления" и "международные правонарушения". Это явилось огромным прогрессивным шагом по пути развития понятия преступлений против мира и безопасности человечества [4].

В соответствии с определением, международным преступлением являлось: во-первых, действие государства, которое нарушает международные обязательства, является неправомерным действием в международных отношениях, независимо от предмета нарушенных обязательств. Во-вторых, неправомерное действие в международных отношениях, которое явилось результатом нарушения государством международных обязательств, существенных для защиты фундаментальных интересов мирового сообщества; это нарушение признается мировым сообществом преступлением и в целом составляет международное преступление [5].

Могло, помимо прочего, явиться результатом:

а) серьезного нарушения международного обязательства, когда это нарушение представляет особую важность для поддержания всеобщего мира и безопасности;

б) серьезного нарушения международного обязательства, представляющего особую важность для обеспечения гарантий соблюдения права на самоопределение народов (например, поддержание силой колониального режима);

в) серьезного нарушения (в широких масштабах) международного обязательства, представляющего особую важность для защиты прав человека, такого как запрещение рабства, геноцида и апартеида;

г) серьезного нарушения международного обязательства, представляющего особую важность для охраны и сохранения окружающей среды, такого как запрещение массового загрязнения атмосферы или водного пространства.

Любое неправомерное действие в международных отношениях, которое не является международным преступлением в соответствии с п. 2, составляет международное правонарушение. Международные правонарушения разнообразны, их основными видами являются:

а) преступления против мира (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий);

б) военные преступления (нарушение законов или обычаев войны, в том числе убийства, истязание или увод в рабство гражданского населения оккупированных территорий, бессмысленное разрушение городов и т.д.);

в) преступления против человечности (убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости в отношении гражданского населения до или во время войны; преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам и др.).

Международного уголовного суда. Определив международное преступление как "международно-правовое деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом", проект Кодекса признавал таковым:

- агрессию;
 - угрозу агрессией;
 - вмешательство во внутренние и внешние дела другого государства;
 - колониальное и другие формы иностранного господства;
 - геноцид;
 - апартеид;
 - систематическое и массовое нарушение прав человека;
 - исключительно серьезные военные преступления;
 - вербовку, использование, финансирование и обучение наемников;
 - международный терроризм;
 - незаконный оборот наркотических средств;
 - преднамеренный ущерб окружающей среде.
- несколько из перечисленных деяний уголовный Кодекс РК рассматривает как преступления против мира и безопасности человечества.

Статья 6 Римского статута включает геноцид в юрисдикцию Международного уголовного суда в соответствии с положением статьи II.

Согласно Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, принятой 14 декабря 1973 г. Генеральной Ассамблеей ООН, данные преступления создают серьезную угрозу поддержанию нормальных международных отношений, которые необходимы для сотрудничества между государствами [6].

При международных правонарушениях различаются три вида субъектов связанных с этими правонарушениями:

Субъекты первичных правонарушений, существовавших до совершения правонарушения. Этими субъектами могут быть только обычные субъекты международного права - государства и международные организации.

Субъекты - совершители юридической патологии, то есть международных правонарушений, которые являются одновременно и субъектами ответственности. Иные лица, чьи права нарушены.

Субъектами международных преступлений являются как сами государства, так и физические лица. За любое международное преступление государства как правило, могут быть установлены конкретные ответственные лица. Это общее положение касается и ситуаций,

когда преступления совершаются физическими лицами, не находящимися в официальной связи с государством [7].

В юридической литературе высказывается мысль, что субъектами могут быть и международные организации, но как бы там ни было, это не противоречит уголовному законодательству, которое закрепило принцип, что субъектами уголовной ответственности являются физические вменяемые лица, достигшие определенного возраста, юридические лица, государство - не могут быть субъектами ответственности в соответствии с российским уголовным правом, однако это не означает, что они не могут нести международно-правовую ответственность в соответствии с международным правом [8].

В отличие от международных преступлений, преступления международного характера, по мнению И.И. Карпеца, - это деяния, предусмотренные международными соглашениями (конвенциями), не относящиеся к преступлениям против человечества, но посягающие на нормальные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях отношений (экономических, социально-культурных, имущественных и т.п.), а также организациям и гражданам, наказуемые либо согласно нормам, установленным в международных соглашениях (конвенциях), ратифицированных в установленном, порядке, либо согласно нормам национального уголовного законодательства в соответствии с этими соглашениями.

По нашему мнению, преступление международного характера - это деяние, посягающее на общественные отношения, интересы и блага, представляющие, согласно международным соглашениям (конвенциям) и нормам национального законодательства, наибольшую ценность для мирового сообщества, за исключением преступлений против мира и безопасности человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корецкий Д.А. Криминальная армалогия. - М.: Наука 2010. - 316 с.
2. Кобец П.Н., Краснова К.А. Основные причины и условия, детерминирующие бандитизм // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - М.: АСТ 2011. - №4. - 162 с.
3. Казакова В.А. Вооруженная преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы. - М.: Правда 2003. - 266 с.

«КОНТЕКСТ МАССОВОСТИ» ЖЕРТВ ГЕНОЦИДА В РЕШЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРИБУНАЛОВ AD NOS

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Аубакирова Жулдыз Кусаиновна
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

В доктрине международного уголовного права геноцид справедливо называют «тягчайшим преступлением против человечности» («the gravest form of crime against humanity»), «преступлением исключительной тяжести», «тягчайшим международным преступлением».

Суть геноцида, по словам Р. Лемкина, предполагает координированный план действий, направленный на разрушение основ существования групп с целью их искоренения. Составные части такого плана – уничтожение политических и общественных институтов, культуры, языка, национального самосознания, религии, экономических основ существования национальных групп, а также лишение личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и самих жизней людей, принадлежащих к этим группам.

Любое из перечисленных в ст. II Конвенции 1948 г. деяний является геноцидом, если совершено с намерением (целью) полного либо частичного уничтожения защищаемой группы как таковой. Как неоднократно подчеркивалось, наличие такого намерения у виновного

отличает геноцид от иных преступлений против человечности. Таким образом, одним из наиболее важных вопросов является «контекст массовости» жертв и «контекст локализации» проявлений геноцида.

Как это, возможно, ни цинично звучит, но сам факт наличия «геноцидального намерения» полного либо частичного уничтожения защищаемой группы как обязательного субъективного признака самого геноцида ставит вопрос: сколько должно быть потерпевших, чтобы содеянное квалифицировать именно как геноцид?

Понятно, что исторические примеры геноцида просто ужасают количеством жертв. Однако международные трибуналы современности в своей деятельности столкнулись с примерами спорадического уничтожения людей по признаку принадлежности к защищаемой группе, где речь шла не о миллионах или десятках тысяч потерпевших, а о гораздо меньшем их количестве.

В зарубежной доктрине отмечается, что, с точки зрения международного уголовного права, для квалификации содеянного как геноцида не требуется установить какое-нибудь «существенное» количество жертв – главное заключается в доказанности намерения на полное или частичное уничтожение представителей защищаемой группы.

Так, по словам А. Кассезе, не существует «широкомасштабной или систематической практики в качестве юридического. В действительности же, направленные на геноцид действия едва ли можно представить как изолированные или спорадические события. Обычно они часть широко распространенной практики (часто допускаемой, одобряемой, или, по крайней мере, совершаемой с согласия правительственных властей или при их потворстве), или даже часть правительственной политики». Следовательно, «в принципе, убийство, скажем, пятых или десятых членов религиозной, этнической, национальной или расовой группы с намерением уничтожить, полностью или частично, группу, может означать геноцид, даже если это – изолированный акт». В итоге вопрос «широкомасштабной» или «систематической» практики может, в конечном итоге, приобрести важность но не как юридической компонент преступления».

Г. Верле указывает, что, хотя конвенционные нормы упоминают «членов» защищаемой группы в качестве жертв геноцида во множественном числе, «нормативное требование выполняется уже в том случае, когда деянием затрагивается хотя бы один член группы».

Отечественные авторы также подчеркивают, что «элемент массовости» не может признаваться решающим при определении состава преступления геноцида, так как «оконченным такой состав признается при совершении любого из деяний, предусмотренных в Конвенции о геноциде, при наличии умысла виновного на уничтожение полностью или частично национальной, этнической, расовой и религиозной группы». Для квалификации геноцида необходимо установить «намерение лица уничтожить полностью или частично демографическую группу населения» – при этом у лица должно быть намерение уничтожить «значительную часть группы» [3].

Т.Г. Дадуани также полагает, что, исходя из положений Конвенции, речь должна идти о намерении уничтожить, по крайней мере, «значительную часть» какой-либо конкретной группы людей. Такое условие содержится в самой природе преступления геноцида: поскольку цель и задача Конвенции в целом заключается в том, чтобы предотвратить умышленное уничтожение групп населения, то часть группы, в отношении которой замыслено совершение данного преступления, должна быть по численности «достаточно большой по отношению ко всей группе в целом».

Однако ни один автор не дает ответ на вопрос о том, какой количественно должна быть «значительная часть» защищаемой группы.

Обратимся к решениям международных трибуналов. В одном из наиболее известных решений МТР подчеркнуто, что для вменения геноцида не требуется устанавливать «точное число жертв» либо «реального» уничтожения «значительной» части защищаемой группы – достаточно установить совершение с этой целью любого «акта, образующего объективную сторону (actus reus)» геноцида [4].

Однако наибольший интерес в «контексте массовости» жертв геноцида представляет дело Г. Елисича, рассмотренное МТБЮ.

Г. Елисич лично убил в местах содержания под стражей города Брко (Босния и Герцеговина) 13 мусульман и жестоко обращался с другими задержанными, хотя МТБЮ «допустил», что реальное число жертв «может быть значительно большим», так как в ходе эксгумации в местах массовых захоронений было обнаружено 66 тел. Был сделан вывод о том, что действия Г. Елисича (т.е. убийства членов группы) «удовлетворяют материальным элементам преступления геноцида» и совершались «по дискриминационным основаниям». Главный вопрос заключался в том, было ли у него «специальное намерение», свойственное геноциду.

МТБЮ посчитал, что такое «специальное намерение» может быть охарактеризовано двумя признаками: 1) жертвы принадлежали к защищаемой группе; 2) предполагаемый преступник, должно быть, совершил свое преступление как часть более широкого плана уничтожить группу как таковую.

Не смотря на то, что «обвинитель не представил достаточных доказательств, позволяющих установить вне разумного сомнения, что там существовал план уничтожить мусульманскую группу в Брко или в другом месте, в пределах которого убийства, совершенные обвиняемым, были предположительно совершены», судьи МТБЮ пришли к выводу о том, что Г. Елисич «может быть объявлен лицом, виновным в совершении геноцида и вне контекста существования более широкого плана» уничтожения представителей защищаемой группы. Данное предположение основывалось на том, что разработчики Конвенции о геноциде «не считали существование организации или системы, направленной на геноцид, юридическим компонентом преступления. Таким образом, они не исключили возможности обвинения единственного человека, стремящегося уничтожить группу как таковую».

Суд учел показания свидетелей о том, что Г. Елисич говорил задержанным боснийским мусульманам, что «оставит из них в живых только 5-10 процентов», так как он «ненавидел мусульман и хотел бы убить их всех, избавив от них мир, но живущие пока мусульмане могли бы быть рабами». Также обвиняемый, по показаниям свидетелей, заявлял, что «ненавидел мусульманских женщин», считая их «грязными», и «хотел бы стерилизовать их всех, чтобы предотвратить увеличение числа мусульман, но прежде он истребит мужчин». Также Г. Елисич «часто сообщал задержанным число мусульман, которых он убил. Так, 8 мая 1992 г. он, по общему мнению, сказал одному свидетелю, что он будет шестьдесят восьмой жертвой, 11 мая он убил сто пятьдесят человек, и, наконец, 15 мая сказал другому свидетелю после убийства, что это был его “восемьдесят третий случай”».

В итоге судьи МТБЮ пришли к выводу, что Г. Елисич «осуществлял убийства беспорядочно», вне какой-либо системы и иногда даже по своей собственной инициативе («вопреки логике» отпускал задержанных (например, после игры в «русскую рулетку»). Действия Г. Елисича «не являются выражением подтвержденного решения уничтожить полностью или частично группу как таковую», а обвинитель «не установил вне разумного сомнения, что в Брко, в течение периода, охваченного обвинительным актом, был совершен геноцид. Кроме того, поведение обвиняемого указывает на то, что хотя он очевидно выбирал мусульман, он убивал произвольно, а не с ясным намерением уничтожить группу».

В результате Г. Елисич был признан виновным не в геноциде, а в ряде других преступлений против человечности, в том числе в нанесении телесных повреждений и в убийстве тринадцати человек как нарушении законов и обычаев войны и как преступлении против человечности, и приговорен к 40 годам заключения.

Обвинение обжаловало данный приговор в апелляционную палату МТБЮ, так как, по его мнению, не получил должной оценки довод о том, что Г. Елисич «полагал, что следовал плану, спущенному сверху начальством, направленному на уничтожение мусульман Брко», и что «независимо от любого такого плана, он был самостоятельной индивидуальной миссией геноцида с личным намерением на уничтожение защищенной группы полностью или частично».

И, хотя приговор по делу Г. Елисича остался в силе, был создан «уникальный прецедент», открывший «теоретическую возможность» для осуждения лица, определенного как «индивидуального миссионера геноцида» вне контекста существования широкомасштабного плана по уничтожению представителей защищаемой группы.

То обстоятельство, что для установления преступления геноцида не существует како-

го-либо верхнего или нижнего уровня для числа жертв из состава защищенной группы, подтверждено в ряде других решений международных трибуналов ad hoc.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). Комментарий. - М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1997. - С. 23.
2. Сноп С.Н. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций. - Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. - С. 56.
3. Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Кондрашова Т.В., Незнамова З.А. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. Отв. ред.: Козаченко И.Я., Незнамова З.А. - М.: Норма, Инфра-М, 1998. - С. 77.

ОШИБКА КАК ФИЛОСОФСКАЯ И ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Ахметов Амангельды Ерболович
Магистрант I года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Errare humanum est. Человеку свойственно ошибаться. Этот постулат был сформулирован еще древними мыслителями и поэтами [1]. Однако представляется, что человек как *Homo sapiens* осознал данное обстоятельство и пришел опытным путем к соответствующему выводу гораздо ранее, обнаружив несоответствие своих восприятий мира его реалиям. Заблуждения и ошибки сопровождают человечество на всем пути его существования и развития, являясь в то же время мощным двигателем познания и прогресса. Г. Гегель замечал: «человеку свойственно заблуждаться, и кто не заблуждался относительно того или другого, например ел ли я вчера к обеду капусту или овощи, и вообще относительно бесчисленного множества других, не очень важных и важных вещей?» [2].

Любая, даже самая примитивная, деятельность человека всегда связана с восприятием окружающей действительности, с ее познанием. В свою очередь, названные процессы представляют собой, прежде всего, отражение объективной действительности в психике лица. В специальной литературе справедливо отмечается, что познание на любом его уровне нельзя рассматривать как воздействие реального предмета на пассивно воспринимающего это воздействие субъекта. На самом деле познание даже на сенситивном уровне - это уже активный процесс сбора информации о внешнем мире [3].

Как известно, представители философской науки выделяют в познании два его элемента (уровня) – чувственное и рациональное познание. Первое именуется еще сенситивным (*от лат. sensus - чувство, ощущение*) познанием.

Чувственное познание осуществляется с помощью органов чувств – глаз (зрение), ушей (слух), языка (вкус), носа (обоняние), кожи (осязание). Его суть заключается в получении непосредственного знания о том или ином предмете и его свойствах, качествах. Сенситивное познание может протекать в трех формах. Первая – это ощущение, предполагающее формирование чувственного образа какого-либо отдельного свойства предмета. Например, его внешней формы, запаха, цвета, вкуса, тактильного свойства (твердый, мягкий, шершавый и пр.). Ощущение – исходный простейший чувственный образ в познавательной деятельности, «отражение, копия или своего рода снимок отдельных свойств предметов». Итак, «ощущения - переработанный в коре головного мозга результат взаимодействия внешнего мира и органов чувств человека». Как писал Аристотель, «ощущение есть то, способно принимать формы чувственно воспринимаемых [предметов] без [их] материи», подобно тому, как воск принимает отпечаток печати без железа и без золота» [4].

Вторая – восприятие предмета как целостной системы, совокупности всех свойств,

познанных на сенситивном уровне. Восприятие формируется в результате обобщения комбинации, множества ощущений, связанных с определенным объектом познания. Это уже «целостный образ, отражающий не посредственно воздействующие на органы чувств предметы, их свойства и отношения [5].

Третья форма, в которую облекается сенситивное познание, отличающаяся от первых двух большей сложностью, - это представление. Оно являет собой сохраняющийся в памяти человека образ соответствующего предмета (или объекта познания), сформированный в результате пережитых ощущений и восприятия его как целостной структуры, совокупности присущих ему свойств. Представление как чувственное отражение объекта позволяет воспроизвести последний мысленно при его отсутствии, вследствие чего в представлении отражаются не все воспринимаемые свойства, а лишь наиболее важные в каком-то отношении, обобщенные и типичные.

Представления отличаются от восприятия наглядных образов тем, что, будучи субъективно непосредственно данными, они вместе с тем не сопровождаются чувством прямого контакта с реальным миром [6].

Насколько верным, адекватно отражающим окружающую действительность является чувственное познание? От чего зависит уровень сенситивной интерпретации человеком объективной реальности?

Однозначного ответа на первый вопрос быть не может. Адекватность отражения зависит от многих факторов и, главным образом, от способностей человека. Его органы чувств не настолько совершенны, чтобы во всех ситуациях с помощью ощущений распознать все свойства предмета, отразить их точно и полно. Таким образом, уже на уровне ощущений у человека может сложиться неверное представление о том или ином свойстве объекта познания.

Восприятие как более или менее целостное видение предмета тоже далеко не всегда в полной мере адекватно объективным реалиям. Оно может им не соответствовать как вследствие дефекта тех или иных ощущений, так и из-за неправильно сформировавшейся общей картины познаваемого объекта, поскольку из мозаики адекватных ощущений может сложиться в целом неверный пазл [7].

Что касается представления, то образ соответствующего предмета как итог ощущений и восприятия вполне может расходиться с отражаемым объектом познания. Предпосылками этого могут послужить как пороки ощущений или восприятия, так и дефекты самого по себе представления, обусловленные, в частности, нарушениями памяти, недостаточным ее приложением в процессе сохранения того или иного образа, неверной оценкой человеком совокупности свойств и признаков предмета и др.

Отвечая на вопрос, от чего зависит уровень сенситивной интерпретации человеком объективной реальности, следует указать на многообразие факторов, на него влияющих. Их можно дифференцировать на объективные и субъективные. К первой группе относятся, например, обстановка, в которой протекает процесс чувственного познания, ограниченные возможности человека в этой сфере. Конечно же, наука и техника вооружили человечество дополнительными способами и средствами познания, в том числе и сенситивного, но абсолютно точное отражение действительности не всегда возможно даже при их использовании.

Субъективные факторы, влияющие на уровень сенситивного познания, связаны со свойствами познающего. Это, в том числе, физиологические его качества (острота зрения, слуха, порог обонятельного и уровень тактильного восприятия); эмоциональное состояние во время формирования ощущений, восприятий, представлений; умственные и интеллектуальные способности конкретного человека и др. Как справедливо отмечает С.С. Сулакшин, «подлинный субъект познания никогда не бывает только гносеологическим: это живая личность с ее страстями, интересами, чертами характера, темперамента, ума или глупости, таланта или бездарности, сильной воли или безволия». Все это не может не сказываться на качестве и результатах познавательного процесса [8].

Несомненно, более высоким уровнем познания выступает рациональное познание. Оно выводит человека за грани чувственного восприятия мира, позволяя восходить от ограниченной, примитивной его картины к обобщению знаний об отдельных предметах и их

свойствах, проникновению в сущность вещей, к познанию причин явлений и их взаимосвязей, законов бытия. Вместе с тем фундаментом его выступают результаты сенситивного познания. Рациональное познание основывается на абстрактном мышлении и находит выражение в таких формах как понятие, суждение и умозаключение.

Понятие трактуется как логически оформленная общая мысль о классе предметов, явлений. Таким образом, понятие позволяет отражать предметы, присущие им свойства, явления и связи между ними в обобщенной (абстрактной) форме. Его специфика состоит в том, что понятие «как отражение существенных свойств изучаемых объектов, благодаря своей знаковой форме, не обладает наглядностью, объединяя в себе абстрактные признаки вещей».

Суждение есть совокупность взаимосвязанных понятий, что-либо утверждающих либо отрицающих; это форма мышления, представляющая собой сочетание понятий, из которых одно (субъект) раскрывается через другое (предикат) [9].

Умозаключение – еще более сложная форма мышления, нежели суждение, в рамках которой из одних суждений (двух или более), именуемых посылками, выводится новое суждение, называемое выводом или заключением.

Рациональное познание тесно связано с мышлением, оно не может быть лишь результатом простого созерцания окружающего мира. Итоги чувственного познания у человека разумного перерабатываются, осмысливаются, переводя его на более высокий уровень отражения сущего. Но умственные способности людей отличаются, что не может не сказываться на качестве и результатах познания. Чувственно, казалось бы, одинаково воспринимаемая одно и то же явление, предмет, люди по-разному могут отражать его на уровне рационального познания. Это вполне естественно и должно учитываться при оценке человеческих заблуждений. Как писал Г. Гегель, «понятие предмета не дается нам от природы. У каждого человека есть пальцы, он может получить кисть и краски, но это еще не делает его художником. Так же обстоит дело и с мышлением». Наличие разума еще не означает обладание способностью правильного, адекватного отражения действительности на уровне рационального познания. Более того, иногда это объективно невозможно в силу ограниченных возможностей человечества в освоении объективной реальности.

Само собой разумеется, что неадекватное восприятие объекта познания, его свойств и качеств возможно и на уровне рационального познания. Более того, представляется, что сложность его осуществления формирует более объемный комплекс как объективных, так и субъективных предпосылок неверного, искаженного отражения действительности. На рациональное познание, более того, влияют и дефекты сенситивного постижения, наличие которых не может не сказаться на процессе освоения объекта, поскольку ощущения, восприятия и представления – необходимый базис для формулирования понятий, суждений и умозаключений. Кроме того, специфика рационального познания состоит в том, что в процессе его осуществления человек опирается не только на результаты собственного отражения окружающей действительности, но и на восприятие ее иными людьми, на разработанные ими в процессе постижения на указанном уровне понятия, суждения и умозаключения. Последние тоже могут противоречить истинному положению вещей. Соответственно, отсутствие критического к ним отношения неизбежно породит у лица, их воспринявшего, ложное представление об объекте познания или об отдельных его свойствах, проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корецкий Д.А. Криминальная армалогия. - М.: Наука 2010. - 316 с.
2. Кобец П.Н., Краснова К.А. Основные причины и условия, детерминирующие бандитизм // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - М.: АСТ 2011. - №4. - 162 с.
3. Казакова В.А. Вооруженная преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы. - М.: Правда 2003. - 266 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Для того, чтобы успешно предупреждать рецидив преступлений, недостаточно знать их состояние и личность рецидивиста, не менее важно ознакомление с зарубежным опытом исправления осужденных и приобщения освобожденных от наказаний к честной трудовой жизни. Вот почему Концепция развития уголовно-исполнительной системы РК до 2020 года отмечает, что национальная пенитенциарная система учитывает нахождение Казахстана в международном правовом поле, в частности разделяет международные стандарты обращения с заключенными. Поэтому столь важно адаптировать передовой зарубежный опыт работы по предупреждению преступлений, носящих повторный характер [1].

Для преобладающего количества отрицательных последствий наказания в виде лишения свободы не существует государственных границ, они, по сути, «интернациональны», поэтому представляется необходимым изучение и сравнение положительных аспектов, касающихся вопросов социальной адаптации лиц, освобождающихся от отбывания наказания из пенитенциарных учреждений различных государств, замечает в этой связи Е.Ю. Бирюкова.

В соответствии с темой диссертационного исследования интерес представляет прежде всего ст. 58 Максимальных стандартных правил обращения с заключенными, где указывается, что «целью и оправданием приговора к тюремному заключению или вообще к лишению свободы является в конечном счете защита общества и предотвращение угрожающих обществу преступлений. Этой цели можно добиться только в том случае, если по отбытии срока заключения и по возвращению к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечить свое существование».

В Минимальных стандартных правилах в контексте рассматриваемой проблематики содержится еще одна весьма характерная норма: с самого начала отбывания срока заключения необходимо думать о будущем, которое ждет заключенного после его освобождения. Поэтому ему следует помогать, поддерживать и укреплять связи с лицами или учреждениями, находящимися за стенами заведения, которые способны защищать интересы его семьи и способствовать его включению в жизнь общества после освобождения (ст. 80).

Согласно статье 81 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными «правительственные или другие органы и учреждения, помогающие заключенным находить свое место в обществе, должны там, где это возможно и необходимо, заботиться о том, чтобы такие заключенные получили необходимые документы и удостоверения личности, находили подходящее жилье и работу, имели подходящую и достаточную для данного климата и времени года одежду и располагали средствами, достаточными для проезда на место их назначения и для жизни в течение периода, непосредственно следующего за их освобождением». В той же статье Правил говорится о том, что представители таких учреждений должны иметь возможность посещать тюремные заведения и заключенных в них лиц, с которыми следует консультироваться о перспективах их дальнейшей жизни [2].

В Европейских пенитенциарных правилах содержится целый ряд норм, посвященных постпенитенциарной адаптации осужденных. В части 1 ст. 107 Правил говорится, что заблаговременно до освобождения осужденных им должно оказываться содействие в виде процедур и специальных программ, обеспечивающих переход от науки в пенитенциарном учреждении к законопослушной науке в обществе. Правила определяют пути достижения данной цели – разработка программы мероприятий, предшествующих освобождению под надзором в сочетании с действенной социальной поддержкой (ч. 2, 3 ст. 107). Известно, что такие программы до настоящего времени не получили широкого применения, чего не скажешь о практике ряда зарубежных государств.

Само понятие рецидива преступлений в Казахстане и в других странах не могут совпадать по вполне понятным причинам. Однако ясно, что такого рода понятия могут и долж-

ны совпадать.

Сравнение УК РК и УК стран-участниц СНГ показывает, что в большинстве их при определении понятия рецидива за основу взяты нормы, содержащиеся в ст. 20 Модельного УК для стран СНГ. Отличие имеется только в УК Узбекистана, в котором говорится о возможности признания лица особо опасным рецидивистом только по приговору суда (ст. 34).

Значительные отличия имеются в законодательстве стран «дальнего» зарубежья. Во многих из них законодатель не оперирует понятием «рецидив» вообще (например, УК ФРГ), в других же имеются существенные особенности. В качестве примера можно привести Уголовный кодекс Франции, в котором «О наказаниях, применяемых в случае рецидива» выделен в самостоятельный подраздел. В этом подразделе говорится о рецидиве преступлений, совершаемых как физическими, так и юридическими лицами.

Так, согласно ст. 132-8 УК Франции, если физическое лицо, уже осужденное за какое-либо преступление или проступок, подлежащий наказанию по закону десятью годами тюремного заключения, совершает какое-либо преступление, максимум уголовного заключения или уголовного заточения будет пожизненным, если максимум, установленный законом за преступление, составляет двадцать или тридцать лет.

Если физическое лицо, уже осужденное за какое-либо преступление или проступок, подлежащий наказанию по закону десятью годами тюремного заключения, совершает в пятилетний срок, считая со дня окончания предыдущего наказания или истечения срока давности его исполнения, какой-либо проступок, подлежащий наказанию в виде тюремного заключения на срок свыше одного года, но ниже десяти лет, максимум предусмотренных наказаний в виде тюремного заключения и штрафа удваивается (ст. 132-9) [3].

В случаях, предусмотренных регламентом, если физическое лицо, уже осужденное окончательно за какое-либо нарушение 5-го класса, совершает в течение одного года, считая со дня окончания предыдущего наказания или истечения срока давности его исполнения, такое же нарушение, устанавливается максимально предусмотренный денежный штраф (ст. 132-11).

В отличие от УК РК в УК Франции не говорится о таких признаках рецидива, как умышленное совершение преступления и наличие судимости за предыдущее преступление, совершенное в совершеннолетнем возрасте.

На уменьшенную форму вины указывается в УК Польши: «Если виновный, осужденный за умышленное преступление к наказанию лишением свободы, в течение 5 лет после отбытия не менее 6 месяцев наказания совершил умышленное преступление, подобное преступлению, за которое уже был осужден, суд может назначить наказание, предусмотренное за это преступление, в размере до верхнего предела наказания, установленного в санкции, увеличенного наполовину» (§1 ст. 64).

На наш взгляд, весьма удачно пошел законодатель по пути предупреждения рецидива преступлений в Республике Беларусь. Там предусмотрен превентивный надзор и профилактическое наблюдение за лицами после отбывания наказания.

Согласно ст. 80 УК РБ превентивный надзор после освобождения из мест лишения свободы устанавливается:

- за лицом, допустившим особо опасный рецидив (ч. 2.1);
- за лицом, осужденным за преступления, совершенные в составе организованной группой или преступной организации (ч. 2.2):
- за лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, судимым за тяжкое или особо тяжкое преступление либо судимым два и более раза к лишению свободы за любые умышленные преступления, если его поведение в период отбывания лишения свободы свидетельствует об упорном нежелании встать на путь исправления (п. 1 ч. 3 ст. 80 УК РБ);
- за лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, судимым за тяжкое или особо тяжкое преступление либо судимым два и более раза к лишению свободы за любые умышленные преступления, если оно после отбывания наказания систематически привлекалось к ответственности за административные правонарушения, за которые законом предусмотрено наказание в виде ареста (п. 2 ч. 2, ч. 3 ст. 80 УК РБ).

Уголовный закон Беларуси устанавливает порядок назначения превентивного надзора

и особенности правового положения поднадзорного. Мы считаем совершенно обоснованным и современным то, что превентивный надзор и связанные с ним ограничения устанавливаются и прекращаются судом по месту отбывания наказания либо по месту жительства осужденного по представлению администрации исправительного учреждения или органа внутренних дел. В отношении лиц, указанных выше, превентивный надзор устанавливается на срок от шести месяцев до двух лет и может быть продлен судом в пределах срока судимости (ч. 4 ст. 80 УК РБ).

В отношении лиц, находящихся под превентивным надзором, могут быть установлены следующие обязанности: прибыть в установленный срок к избранному месту жительства и зарегистрироваться в органе внутренних дел, уведомлять этот орган о перемене места работы или жительства, выезжать за пределы района (города) по служебным и личным делам только с согласия органа, осуществляющего надзор. Суд может также обязать поднадзорного посещать определенные места, не покидать дом (квартиру) в определенное время суток, являться в орган внутренних дел для регистрации от одного до четырех раз в месяц (ч. 6 ст. 80 УК РБ).

Превентивный надзор за лицом, допустившим особо опасный рецидив, может быть прекращен судом до снятия судимости, отбытия лишения свободы, если будет установлено, что поднадзорный своим поведением и образом жизни проявляет стойкое стремление к законопослушному поведению.

Согласно части 1 ст. 81 УК РБ за лицом, осужденным за тяжкое или особо тяжкое преступление, а равно за осужденными за тяжкое или особо тяжкое преступление, а равно за осужденными с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77), за осужденными с условным применением наказания (ст. 78), за осужденными несовершеннолетними, в отношении которых назначены принудительные меры воспитательного характера (ст. 117), в течение срока судимости осуществляется профилактическое наблюдение.

Лицо, находящееся под профилактическим наблюдением, обязано предварительно уведомлять орган внутренних дел об изменении места жительства, выезде по личным делам в другую местность на срок более одного месяца, являться в указанный орган по его вызову и при необходимости давать пояснения относительно своего поведения и образа жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришанин П.Ф. Современные проблемы уголовной политики и уголовно-правовой практики. - М.: Форум-Инфра-М, 2005. - 254 с.
2. Сахаров А.Б. Социальная система предупреждения преступлений. Советское государство и право. - Саратов: Норма, 2008. - 367 с.
3. Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций. - М.: НОРМА, 1997. - 383 с.
4. Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. - Саратов: Норма, 2000. - 412 с.

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Баймаганбетов Самат Жанабаевич
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

В некоторых УК зарубежных стран в Общей части деятельное раскаяние регламентируется не только в отношении отдельных категорий преступлений, но и отдельных видов преступлений. Так, например, согласно ч. 3 ст. 58 УК Латвии, может быть освобождено от уголовной ответственности лицо, которое оказало существенную помощь в раскрытии совершенного организованной группой тяжкого или особо тяжкого преступления, которое является более тяжким и опасным, чем преступление, совершенное самим лицом. Подобная

норма еще более широкого действия предусмотрена и в ч. 2 ст. 65 УК Республики Казахстан. Она распространяется на предотвращение, раскрытие или расследование преступлений, совершенных не только организованной группой, но и преступным сообществом (преступной организацией) [1].

За исключением стран СНГ, в уголовном законодательстве большинства зарубежных стран в качестве уголовно-правового последствия деятельного раскаяния (положительного посткриминального поведения) предусмотрено освобождение не от уголовной ответственности, а от наказания или его смягчение. Причем, такого рода последствия, как и в УК РК, регламентируются и в Общей, и в Особенной части. В последнем случае они, как правило, сопровождают раскаяние участников шпионской деятельности и антиправительственных заговоров, членов незаконных вооруженных формирований, террористических и организованных преступных группировок. Так, в числе «оснований назначения наказания» в Общей части УК ФРГ предусматривается такое, как «поведение после совершения деяния, особенно его усилия возместить причиненный вред и достигнуть соглашения с потерпевшим» (§46). При возмещении ущерба полностью или большей его части суд «может смягчить наказание или отказаться от него, если не предусмотрено более суровое наказание, чем лишение свободы на срок до одного года или денежный штраф до 360 дневных ставок» (§46a). В Особенной части этого же УК вслед за §81-77 «Государственная измена Федерации», «Государственная измена Земле», «Подготовка к государственной измене» предусмотрен §77 а «Деятельное раскаяние», в котором предусматривается смягчение наказания или отказ от наказания за совершение действий (бездействие), подобных тем, которые предусмотрены в примечании к ст. 265 УК РК. Если в данном случае норма о деятельном раскаянии закреплена в отдельном параграфе, то в §84 [2].

«Продолжение деятельности партии, объявленной антиконституционной» она предусмотрена в одной из его частей (ч. 5). Такой способ законодательной техники применяет немецкий законодатель и в большинстве других случаев (ч. 3 §87, ч. 2.1 §98, ч. 6 §129, ч. 4 §142 и др.), что в целом не характерно для зарубежного уголовного законодательства, в котором нормы о деятельном раскаянии обычно оформляются не в качестве одной из составляющих статьи (или параграфа), устанавливающих преступность конкретного деяния, не в виде примечаний как в УК, а в виде отдельных статей. Например, согласно ст. 324-6 УК Республики Корея «Смягчение наказания», если лицо, которое совершило преступления, указанные в статье 324-2 или 324-3, или которое покушалось на совершение таких преступлений, отпускает заложника в безопасное место, наказание ему может быть смягчено».

Возвращаясь к анализу УК ФРГ, можно сделать вывод о том, что нормы о деятельном раскаянии в Особенной части обособляются в отдельные параграфы тогда, когда их действие распространяется не на одну, а на несколько статей.

Нельзя не отметить и тот факт, что УК ФРГ предусматривает и целый ряд специальных норм о деятельном раскаянии, неизвестных отечественному уголовному законодательству. Путем возможного смягчения наказания или отказом от него таким образом стимулируется, например, добровольное в течение 24 часов установление фактов дорожно-транспортного происшествия его участником (ч. 4 §142), исправление ложного показания (§158) [2].

Возможным смягчением наказания – позволение похищенному с целью вымогательства вернуться к своему окружению (ч. 4.1 §239a); отказом от наказания – добровольное сообщение об отмывании денег, укрывательстве незаконно полученных имущественных выгод, способствование сохранению предмета данного преступления (ч. 9 §253), добровольное предотвращение выплат кредитором при мошенничестве в ситуациях, когда они лежат за рамками состава преступления (ч. 2.1 §265b) и др.

По мнению В.Н. Додонова, в уголовном законодательстве Германии, а также некоторых других стран (Бразилии, Италии Швейцарии), под деятельным раскаянием скорее всего подразумевается добровольный отказ от доведения преступления до конца при оконченном покушении. Представляется, что в отношении УК ФРГ этот вывод не является бесспорным, поскольку в нем в соответствии со специальными указаниями применительно к конкретным преступлениям наказуемо не только покушение, но и те действия, которые по оценке автора

представляют «оконченное покушение». Стимулируется же при этом предотвращение либо уменьшение последствий, находящихся за рамками того или иного состава преступления. Сказанное актуально и для оценки в этом вопросе уголовного законодательства Швейцарии, в котором, например, согласно ст. 260 ter. УК Швейцарии, судья может смягчить наказание по своему усмотрению (ст. 66), если лицо старается предотвратить «дальнейшую преступную деятельность» преступной организации, членом которой оно является [3].

В целом подобный немецкому подход в регламентации положительного посткриминального поведения использован в УК Франции, в котором в Общей его части в числе оснований освобождения от наказания помимо прочего предусмотрены такие, как возмещение причиненного ущерба и прекращение вредных последствий, вызванных преступным деянием (ст. 132-59). Не так широко как в УК ФРГ французский кодекс в Особой части предусматривает ситуации, в которых при совершении конкретных преступлений допускается, может быть, и не столь значительное, но смягчение уголовно-правового обременения. Например, освобождение задержанного или незаконно лишенного свободы лица до наступления семи полных суток влечет наказание в пять лет тюремного заключения, в то время как по общему правилу такой срок равен двадцати годам заключения (ст. 224-1). Согласно ст. 414-2, 414-3 УК Франции, лицо, покушавшееся на совершение преступлений, посягнувших на тайну национальной обороны, либо принявшее участие в заговоре, освобождается от наказания, если в первом случае позволит предотвратить совершение преступного деяния и установить других виновных, а во втором – раскроет заговор компетентным органам власти и позволит установить других соучастников. Обязательное и безусловное освобождение от наказания либо его смягчение наполовину предусмотрено для случаев предотвращения акта терроризма либо наступления смерти или хронических заболеваний при его подготовке, соответственно (ст. 422-1, 422-2) [4].

Особый интерес в части регламентации положительного посткриминального поведения представляет УК Австрии. Пожалуй, это один из немногих, если не единственный УК, в котором так четко и последовательно прослеживается заинтересованность законодателя в таком поведении. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Общей части этого УК в числе «особых смягчающих обстоятельств» в §34 называются такие, как «добровольно отказался от причинения большего вреда, несмотря на то, что существовала такая возможность, или если вред был возмещен им самим или третьим лицом за него» (п. 14), «настойчиво старается возместить причиненный вред или предотвратить наступление дальнейших вредных последствий» (п. 15), «сам явился с повинной, хотя легко мог бы скрыться, или было очевидно, что он остался бы не обнаруженным» (п. 16), «чистосердечно признает себя виновным или посредством своих показаний существенно способствует установлению истины» (п. 17). Помимо исключительного смягчения наказания при преобладании смягчающих обстоятельств, предусмотренного в §41, и являющегося, по нашему мнению, аналогом ст. 55 УК РК, в §41а УК Австрии предусмотрено «чрезвычайное смягчение наказания при сотрудничестве с органами, осуществляющими уголовное преследование», результатом которого может стать назначение наказания ниже минимального размера, предусмотренного §41. Такое возможно тогда, когда «исполнитель преступления сообщает органу уголовного преследования о преступном деянии, предусмотренном в §277, 271, 271а или 271б, или о преступном деянии, которое связано со сговором, объединением или организацией, свои сведения о фактах, знание которых существенно способствует тому, чтобы 1. устранить или значительно уменьшить возникающую опасность, связанную со сговором, объединением или организацией, 2. содействовать раскрытию такого преступного деяния с его собственным участием или 3. разузнать сведения у другого лица, которое занимало руководящую роль в таком сговоре, или было главным действующим лицом в таком объединении или организации».

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.

2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.
4. Методические рекомендации по сравнительному анализу законодательств государств - участников СНГ, разработанные Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. В кн.: Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. - М.: Норма. 1996. - 415 с.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИН, СОВЕРШАЮЩИХ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Баяганова Гульдана Маратовна
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Чем большими сведениями будут обладать правоохранительные органы о личности преступников, ее особенностях, в том числе особенностях женщин, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, тем более эффективной будет их предупредительная деятельность как по всей преступности в целом, так и по наркопреступлениям в частности.

К социально-демографическим свойствам и качествам преступника традиционно относят его пол, возраст, род деятельности, образовательный уровень, семейное положение, место жительства, национальность, гражданство.

Как отмечает Н.Н. Кондрашков, выделенные по одному или нескольким социально-демографическим признакам категории преступников имеют свои особые черты преступности. Преступность женщин и мужчин, взрослых и несовершеннолетних, городских и деревенских жителей будет различаться по направленности посягательств, устойчивости антиобщественного поведения (рецидиву), степени организованности преступных групп и т.д. В этой связи изучать социально-демографические свойства и качества преступников, в том числе женщин, совершающих наркопреступления, весьма важно.

Наиболее значимым, на наш взгляд, социально-демографическим признаком после пола является возраст преступника. Это связано с тем, что, во-первых, с наступлением лишь определенного возраста для индивида может наступать уголовная ответственность, а во-вторых, и это главное, с тем, что именно возраст человека определяет многие другие его свойства и качества, такие, как род деятельности, образовательный уровень, интересы и потребности, физическое состояние. В этой связи верно отмечает И.С. Кон, что между возрастом и социальными возможностями индивида существует тесная взаимосвязь. Хронологический возраст, а точнее предполагаемый им уровень развития индивида, прямо или косвенно определяет его общественное положение, характер деятельности, диапазон социальных ролей. По этому возраст преступника наряду с его полом подвергается криминологическому анализу в первую очередь.

На протяжении многих лет ученые фиксируют довольно устойчивые статистические закономерности, показывающие определенную зависимость характера преступлений от возраста преступников: основную часть преступников составляют люди молодого и среднего возраста, то есть наиболее работоспособная и активная часть населения; каждой (или почти каждой) возрастной группе соответствуют определенные показатели распространенности, направленности посягательств, степени устойчивости преступного поведения и другие особенности характера преступных проявлений [1].

Проведенное исследование личности женщин, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, подтверждает известное утверждение о том, что пре-

ступность – явление молодежное [2]. Так, основная масса изученных преступниц – это молодые женщины в возрасте от 18 до 30 лет. Они составляют почти половину (47,3%). За ними по распространенности следуют женщины в возрасте от 30 до 50 лет, которые составили 42,3%. Лица старше 50 лет составили 7,3%, а в возрасте от 16 до 18 лет – 3,1%. Таким образом, каждая вторая женщина наркопреступница (50,4%) не старше 30 лет. Доля лиц старше 30 лет, соответственно, составляет 49,6%.

Для сравнения следует отметить, что у мужчин, совершивших наркопреступления, доля лиц старше 30 лет больше, чем у женщин, и составляет 52,7%. Это связано с тем, что нередко мужчины вовлекают своих жен и подруг (которые, как правило, моложе их) в совершение наркопреступлений, пользуясь их доверчивостью и неопытностью.

Эти данные в целом сопоставимы с данными, приведенными в других исследованиях. Так, Е.В. Цыденова пишет, что в Приморском крае «6% осужденных мужчин и 10% женщин совершили наркопреступление в возрасте до 20 лет. В возрасте от 20 до 29 лет – 56% мужчин и 44% женщин. С 30 до 39 лет – 27% мужчин и 38% женщин. И в возрасте 40 лет и старше – 11% мужчин и 8% женщин. Таким образом, пики наркокриминальной активности приходятся на возраст 20-29 лет».

Следует также отметить интересный факт, заключающийся в том, что ранее – в конце 90-х годов прошлого столетия и в начале текущего столетия, как отмечают отдельные исследования, основная доля женщин, совершающих наркопреступления, приходилась на возрастную группу 30-35 лет [3].

То есть прослеживается негативная тенденция омоложения контингента женщин, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Как отмечает В.В. Лунеев, молодежь и подростки, не имея необходимого жизненного опыта и устойчивых положительных ориентаций, попадая в сложные ситуации, гораздо чаще, чем лица зрелого возраста, вступают в конфликт с уголовным законом. Это связано, с одной стороны, с недостаточным уровнем социальной зрелости, а с другой – со сложностью ситуации, к правильному разрешению которой они, как правило, не готовы. Чем сложнее жизненная ситуация и чем меньше подготовлена личность к ее решению, тем больше вероятность отступления от требований закона.

Характерно то, что на протяжении многих лет для несовершеннолетних и молодых преступников были типичны корыстные преступления, то есть посягательства на собственность. Но ситуация, как уже отмечено, постепенно меняется. Молодежь все более вовлекается в незаконный оборот наркотиков. Как отмечается во многих исследованиях, в последние годы в различные наркопреступления все больше втягиваются студентки, учащиеся средних специальных учебных заведений (техникумов, колледжей, профессионально-технических училищ) и даже школьницы, что вызывает серьезную тревогу в различных слоях общества.

Распространенность среди изучаемых преступниц лиц молодого возраста, на наш взгляд, связана еще и с тем обстоятельством, что многие женщины-наркопреступницы сами употребляли наркотики, и примерно 70% из них пристрастились к наркотикам в возрасте до 25 лет.

А.В. Петрянин совершенно справедливо обратил внимание на начавшийся еще в начале 90-х годов прошлого века «беспрецедентный для страны рост заболевания наркоманией и токсикоманией среди подростков». В дальнейшем этот процесс принял, по существу, характер цепной реакции. На начало нового века на учете в наркологической службе состояло примерно 10 тыс. подростков в возрасте до 14 лет с диагнозом «наркозависимость», а свыше 15 тыс. подростков этого же возраста находились на профилактическом учете. За истекшее десятилетие эти цифры почти удвоились.

Важной социально-демографической характеристикой личности преступника является его образование. Уровень образования личности служит условием благоприятного или неблагоприятного формирования личности. Более высокий образовательный уровень повышает нравственный уровень индивида, формирует его интересы, потребности, поведение, не противоречащие общественным нормам, помогает ему вырабатывать и использовать законопослушные формы реагирования на какие-то сложные, конфликтные жизненные ситуации. А низкий образовательный уровень, как правило, наоборот, способствует неблагоприятному

формированию личности, возникновению конфликтных ситуаций и противоправному пути их разрешения.

Следует отметить, что в стране в последние годы, хотя и незначительно, возрастает доля лиц с высшим образованием. В настоящее время они составляют 21% от общего количества граждан страны, что является достаточно высоким показателем. В целом у женщин более высокий уровень образования по сравнению с мужчинами. Доля женщин с высшим образованием составляет 16%, тогда как мужчин – 12%.

При этом многочисленные исследования показывают, что среди преступников на протяжении длительного времени, напротив, преобладают лица с невысоким образовательным уровнем. Например, в 70 – 90-е годы прошлого столетия среди них преобладали лица с неполным средним образованием, в последние годы – со средним образованием, то есть доля лиц с высшим образованием очень мала. Например, среди лиц, осужденных к лишению свободы, высшее образование имели лишь 1,3%. Но по некоторым видам преступлений доля лиц с высшим образованием намного выше. Это характерно для преступлений экономических, должностных, против правосудия. По указанным деяниям доля лиц с высшим образованием может составлять более 50%. Изучаемые нами преступницы в этом плане исключением не являются, их образовательный уровень невысок. Исследование показало, что основная масса таких лиц, а именно – 60,7%, имеет среднее образование (в том числе, средне-специальное и средне-техническое); 23,2% – неполное среднее. Были выявлены лица с начальным образованием или же без какого-либо образования (9,7%). Это прежде всего лица цыганской национальности, а также представители Таджикистана и Узбекистана. Доля лиц с высшим образованием составила всего 6,4% от общего количества изученных преступниц. Небольшой удельный вес преступниц с высшим образованием, на наш взгляд, объясняется тем, что лица с высшим образованием более воспитаны, культурны, осознают для себя вред употребления наркотиков и опасность наркомании. Чем ниже образовательный уровень преступников, тем более «примитивные», более «простые» преступления они совершают, и наоборот. Так, для лиц с высшим образованием были характерны прежде всего такие преступления, как незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (статья 299 УК РК), организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 302 УК РК), реже иные преступления.

Для сравнения следует отметить, что у мужчин, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, образовательный уровень еще ниже, чем у женщин-наркопреступниц. Согласно результатам нашего исследования, лишь 4,1% таких преступников имели высшее образование. Это, на наш взгляд, связано еще и с тем, как отмечалось, что в стране доля женщин с высшим образованием на 2-3% больше доли мужчин с таким образованием.

В плане предупреждения женской наркопреступности важными являются знания о роде деятельности женщин, совершивших преступления. Статистические данные показывают закономерность увеличения среди преступников в последние годы лиц, не имеющих постоянного источника дохода, не занимающихся никакой общественно полезной деятельностью. Например, в 1994 году они составляли 42,1% от общего количества выявленных преступников, в 2002 году – 52,4%, в 2013 году – 65,7%⁷³. Для многих преступников в настоящее время основной источник дохода и существования – это совершение преступлений, для некоторых своего рода бизнес, причем достаточно доходный. В частности, наркобизнес один из наиболее доходных видов криминального обогащения. По оценкам международных экспертов, общий годовой доход от незаконного оборота наркотиков на планете составляет около 6 млрд долл. При этом около 4 млрд долл. приносит доход от реализации афганского героина, 1 млрд из которых оседает на территории Казахстана.

Не удивительно поэтому, что абсолютное большинство опрошенных женщин на момент совершения преступления не занимались никакой общественно полезной деятельностью, то есть официально не работали и не учились. Они составили 70,3%. Для многих таких лиц незаконный оборот наркотиков был основным источником дохода. Меньшая доля указанных лиц не работала и не училась в силу своей деградации в связи с болезненной зави-

симостью от наркотиков. Незначительная доля изученных лиц (15,2%) на момент совершения преступления работали, из них 13,0% на низкооплачиваемых, малоквалифицированных работах (работали продавцами, ткачихами, секретарями), 2,2% занимали должности врачей, заведующих аптечными складами, фармацевтами или иные должности [2].

Для сравнения следует отметить, что среди осужденных мужчин, совершивших наркопреступления, доля неработающих лиц еще выше, чем среди женщин-наркопреступниц. Так, 72,7% опрошенных наркопреступников мужского пола на момент совершения преступления не работали и не занимались никакой общественно полезной деятельностью.

В ходе исследования анализировались и данные о месте жительства женщин, совершивших наркопреступления. В настоящее время в РК, согласно официальным статистическим данным, преобладает городское население (74%). Доля сельского населения, соответственно, составляет 26%. Это объясняет то, что и среди преступников большинство – жители городов. Женщины, совершающие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в этом отношении исключением не явились. Так, установлено, что 78,3% опрошенных женщин были городскими жительницами. Доля выходцев из сельской местности намного меньше и составила 21,7%. У осужденных мужчин показатели практически такие же. Так, доля жителей сельской местности среди них составила 22,3%.

Несмотря на то, что сельская местность весьма «удобна» для выращивания наркосодержащих растений, хранения наркотических средств, тем не менее, основная масса незаконного оборота наркотиков приходится именно на города. Это может объясняться еще и тем, что в сельской местности, как отмечают некоторые исследователи, в целом женщин проживает меньше, чем мужчин (49,8%), среди которых преобладают лица пожилого возраста 78.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

ВИДЫ И ТИПЫ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВА

*Айсин Сайкен Бахытович
к.ю.н., доцент
Бекишов Асхат Бауыржанович
Магистрант 2 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Проблема правильного определения классифицирующих признаков (основания классификации) является наиболее важной и одновременно сложной задачей. В одной из публикаций В.Е. Эминов справедливо отмечает: «до настоящего времени в криминологии не разработано какой - либо единой классификационной модели видов преступлений, и сделать это весьма затруднительно, если учесть разнотипный и многоцелевой аспект подобных классификаций. Таким образом, нам предстоит отбирать классификационные признаки с учетом собственных целей и задач [1].

Типология преступлений основывается на том, что к вопросу классификации преступлений в основном подходят с двух позиций. В первом случае при выделении категории преступлений, преступность рассматривается в качестве статистической совокупности преступлений, и для выделения какой - либо группы достаточно выделить одно - два основания, как, например, в случае выделения «преступности несовершеннолетних», «корыстной преступности», «насильственной преступности». Другая позиция сформирована на том основа-

нии, что преступность рассматривается как сложное социальное явление в различных сферах общественной жизни (вся совокупность преступлений в сфере экономики частично включающая в себя все предыдущие виды).

Очевидно, что для создания стройной классификационной модели интернет-мошенничества могут использоваться далеко не все из традиционных криминологических оснований [2].

Так, в частности, не может быть использован критерий вины, подразделяющий преступность на умышленную и неосторожную. Совершение преступлений, предусмотренных ст. 190 УК и ст. 195 УК, возможно только с прямым умыслом. Отклонить придется и такое основание, как мотивация, поскольку, раскрывая в предыдущем параграфе объект исследования, мы пришли к выводу о корыстной направленности всех посягательств, объединяемых понятием «мошенничество в глобальной сети Интернет». В силу трансграничности «Всемирной паутины» не имеет значения и такой критерий, как типы поселения.

Одним из самых общих критериев дифференциации мошенничества в глобальной сети Интернет является «техногенно-исторический». Поскольку преступность обладает исторически изменчивым и проходящим характером то существуют:

а) «традиционные компьютеронезависимые» формы мошенничества, использующие возможности Интернет для реализации преступного умысла в целях обогащения. Характерной чертой таких видов преступной активности является то обстоятельство, что они не являются «компьютерозависимыми», т.е. изначально совершались в реальном пространстве и только в процессе развития информационных отношений были перенесены в «виртуальную реальность». Примеров подобной трансформации преступной деятельности много: например, изготовление поддельных документов, бланков, марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия, поддельных денег или ценных бумаг, сначала с помощью простого перерисовывания, несколько позднее с помощью изготовления клише, еще позднее с помощью копировального оборудования, и в последнее время при помощи компьютера и распечатывания на принтере. Поэтому даже весьма радикальные методы такие как прекращение функционирования Интернет или даже отказ человечества от компьютерной техники, не способен полностью искоренить мошенничество;

б) «нетрадиционные компьютерозависимые» формы (компьютерное мошенничество), зачастую использующие коммуникационные возможности (хищение) не мыслимо без модификации, копирования компьютерной информации. «Компьютерозависимое» мошенничество является следствием несовершенства информационной безопасности [3].

В отношении наиболее распространенных в Интернет мошеннических схем можно говорить лишь о типологии. Согласно основным направлениям мошеннической деятельности можно выделить следующие типы:

Виртуальный товарообмен.

Легкие деньги.

Лжеблаготворительность.

Мошенничество в сфере интернет-знакомств.

Телеработа, удаленный заработок.

Мошенничество в сфере услуг.

Инвестиционные мошенничества.

Компьютерное мошенничество.

Виртуальный товарообмен является распространенной разновидностью мошеннических схем в Интернет. Формальным прикрытием мошеннической схемы в этом случае выступает договор купли-продажи между участниками электронной торговли.

Внутри данной группы можно выделить две мошеннические схемы: мошенничество на онлайн аукционах и создание лжепредпринимательских сетевых ресурсов (фирм-однодневок) в мошеннических целях. В данном случае мошенники чаще выступают в качестве физических лиц-контрагентов по сделкам купли-продажи, совершаемых через Интернет, При этом взятые на себя обязательства по доставке и передаче якобы выставленного на продажу товара они не исполняют.

Характерной особенностью проведения расчетных операций за «совершенную сдел-

ку» является использование способа оплаты, по которому установить конкретного получателя не представляется возможным. Например, все современные электронные платежные системы позволяют злоумышленнику открыть электронный счет на условиях анонимности [4].

Другой способ связан с открытием виртуальных проектов - однодневок, В данном случае он тесно связан со лжепредпринимательством, которое ныне декриминализировано, что не позволяет как прежде вменять совокупность статей; тем самым ужесточая ответственность за подобные сложно организованные формы мошенничества. Данная схема отличается тем, что преступник «маскируется» под фирму-организацию (интернет-магазин) и в отличие от мошенников на интернет-аукционах иногда все же доставляет товары но не надлежащего качества, взамен обещанных (например, подделку или другой товар).

Еще одной вариацией на тему быстрого обогащения выступает мошенническая схема - «легкие деньги». В данном случае мошенники апеллируют ко вполне естественным, но не самым лучшим качествам человека: жадности, что в итоге приводит к росту естественной латентности таких деяний. Среди особенностей мошеннических приемов Рунета следует отметить следующие схемы.

Секретные кошельки WebMoney? Данная - мошенническая схема имеет и другие пространственные названия: «Золотой кошелек», «Волшебный ак-каунт», «Золотой аккаунт», «Двойной баланс». Суть мошеннической схемы состоит в обещании удвоения (утроения) посланных на него денежных средств в течение нескольких дней или часов. Подобные способы преумножения средств - мошенники объясняют различными причинами. Данный способ до сих пор не изжил себя, хотя повсеместно признан мошенничеством. Он постоянно совершенствуется, появляются новые варианты.

Первые «волшебные кошельки» появились в 2001 - 2002 гг. Это были сообщения об игроках на биржах, об инвесторах, которые привлекали «заемные средства вкладчиков», предлагая преумножить вложенный «капитал» на 100 - 150% за несколько дней. Однако подобные проекты не получили широкой популярности. После нескольких мошеннических операций суть схемы становилась известна интернет-пользователям, и сразу же предавалась гласности. Широко растиражированная новость во всемирной паутине практически отрезала путь мошенникам к их потенциальным жертвам.

После первой волны получили распространение письма от якобы бывших и несправедливо уволенных сотрудников WebMoney, которые сообщали о тайных кошельках системы. Особое свойство этих кошельков заключалось в автоматическом возврате удвоенной суммы средств, посланных на эти кошельки через несколько часов или дней. Необъяснимость надобности создания подобных кошельков для Web Money постепенно свела на нет подобные предложения.

В 2004 - 2005 годах волшебные кошельки были повсеместно объявлены мошенничеством, не без активного участия самой компании ЗАО «Вычислительные силы» держателя сервиса WebMoney.

На это незамедлительно последовал ответ - схема трансформировалась: в виде спама рассылались сообщения, в которых указывалось, что мошенники один - два раза посланные деньги возвращают для привлечения новых, более крупных средств. Авторы спама якобы являются доброжелателями и предлагают обмануть мошенников, послав им мелкие суммы. На самом деле спамеры и являются владельцами указанных кошельков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.
4. Методические рекомендации по сравнительному анализу законодательств государств - участников СНГ, разработанные Институтом законодательства и сравнительного правове-

дения при Правительстве РФ. В кн.: Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. - М.: Норма. 1996. - 415 с.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ВОКЗАЛАХ АЛМАТЫ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент*

*Бектенбаев Бейбітхан Шарипханұлы
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Следует отметить, что данное исследование в первую очередь проводится с целью использования его результатов при разработке мер по предупреждению указанных преступлений. В современной криминологической литературе все острее ставится проблема изучения личности потерпевших от преступлений и более активного включения виктимологической профилактики в процесс предупреждения преступлений. Разработка эффективных мер по предупреждению преступлений, совершающихся на алматинских железнодорожных вокзалах, требует учета знаний о личности граждан, ставших жертвами таких преступлений, и знаний об обстоятельствах, способствующих виктимизации некоторых категорий граждан. В основу виктимологической профилактики положена идея того, что поведение некоторых потерпевших может стимулировать, провоцировать криминальную активность преступников и облегчать достижение преступных результатов. Цель такой профилактики - предупреждать совершение преступлений путем информирования граждан о возможных преступных посягательствах [1].

Практика реализации мер по предупреждению преступлений, разработанных без учета сведений о потерпевших от таких преступлений, характеризуется меньшей эффективностью, чем практика реализации мер, разработка которых осуществлялась с учетом указанных сведений. Судебная практика свидетельствует о том, что во многих случаях между виновным и потерпевшим еще до преступной ситуации складываются сложные связи, создающие целый комплекс отношений, которые, в конце концов, выливаются в совершение преступления. Более того, нередко непосредственным поводом конкретных преступлений выступает поведение (как правомерное, так и неправомерное) самих пострадавших. Таким образом, знание личностных особенностей жертвы, ее роли в зарождении и развитии преступления, анализ и характеристика отношений между преступником и потерпевшим с позиций свойств жертвы и ее поведения значительно расширяют возможности профилактики и борьбы с преступностью [2].

Человек способен благоприятствовать совершению в отношении него преступления даже своим образом жизни. Он может пренебрегать мерами предосторожности и тем самым подвергать себя особому риску, связанному субъективно или объективно с поведением (сознательным или бессознательным), которое в виктимогенных ситуациях превращает его в жертву преступления. Жертва преступления способна уже тем облегчить совершение деликта, что она своим поведением идет против социальных стереотипов. Этим поведением она может побудить преступника субъективно оправдать свое деяние. Речь идет об иллюзорном искажении ситуации, о процессах символической интеракции между преступником и потерпевшим, в ходе которой первый неверно интерпретирует поведение второго. Таким образом, положение возможной жертвы, ее образ жизни, особенности поведения в совокупности с формами и степенью взаимосвязей с потенциальным правонарушителем могут способствовать зарождению в сознании последнего преступного замысла, стимулировать его антиобщественную установку, определять способ и средства совершения преступления. Причем возможная жертва зачастую даже и не подозревает об этом, а в связи с этим не способна принять упреждающие защитные меры [3].

Результаты научных исследований большого числа авторов свидетельствуют о том, что по некоторым видам преступности результатом провоцирующего поведения потерпевшего становится каждое третье совершенное преступление. Таким образом, нет смысла доказывать, насколько снизился бы уровень преступности, если бы удалось исключить из криминальной сферы правонарушения, возникающие по «вине» самых пострадавших, или хотя бы существенно сократить их число.

В настоящее время становится все более очевидным, что успешное решение задач в сфере борьбы с преступностью должно осуществляться не только на основе углубленного изучения преступности и личности правонарушителя, но и детального исследования жертв преступлений, их поведения в предпреступной ситуации, во время самого противоправного акта и после его окончания.

Изучение жертв преступлений необходимо в целях организации профилактической работы, как с потенциальными преступниками, так и с их возможными жертвами. Именно профилактическую работу призвана обеспечивать криминальная виктимология.

Организация действенной профилактики преступлений невозможна без глубокого и качественного анализа обширной информации виктимологического характера, позволяющей выявить и учесть всю совокупность криминологических факторов, лежащих в основе причин совершения преступлений и условий, способствующих их совершению. Кроме этого, исследование сопричастности жертвы к преступлению служит в большей мере решению задачи развития способности у потенциальных жертв предотвращать преступления [4].

Применительно к различным видам преступности существуют определенные периоды времени и места, когда и где определенные группы населения особенно часто становятся жертвами тех или иных деликтов. Не являются исключением и железнодорожные вокзалы г. Алматы. Анализ криминологической характеристики преступлений, совершающихся на данных объектах железнодорожного транспорта, показывает, что совершению некоторых преступлений свойственно определенное время и место совершения. Например, грабежи и разбои чаще всего совершаются в вечернее и ночное время по пути пассажиров от вокзала к стоянке такси.

В этой связи одной из наиболее важных задач проведения исследований виктимологической характеристики жертв преступлений является выявление указанных временных периодов и территориальных мест, чтобы информировать о них население. Если граждане обладают такой информацией, то они реже попадают в виктимогенные ситуации.

Использование результатов настоящего виктимологического обследования потерпевших, ставших на алматинских железнодорожных вокзалах жертвами различных преступлений, позволит решить конкретные задачи следующего содержания:

получить более полную информацию о преступлениях, совершающихся на алматинских железнодорожных вокзалах;

- подготовить основу для разработки эффективного комплекса мер, направленных на предупреждение указанных преступлений и на сокращение числа потенциальных жертв от преступлений за счет устранения негативных факторов и условий, способствующих их совершению.

Применительно к виктимологической характеристике потерпевших от различных видов преступлений современной криминологической наукой не выработан единый перечень элементов, входящих в структуру такой характеристики, и отсутствует единая типология поведения потерпевших от преступлений.

В этой связи личность граждан, подвергшихся на алматинских железнодорожных вокзалах преступным посягательствам, так же, как и личность преступника, изучалась по социально-демографическим, правовым и нравственно-психологическим признакам, а также по признакам типичного поведения до совершения, во время совершения и после совершения преступления. Кроме того, так же, как и личность преступников, личность интересующих нас потерпевших изучалась на основе анализа материалов уголовных дел и в процессе осуществления криминологического наблюдения.

По материалам уголовных дел было обследовано 300 человек, которые подвергались преступным посягательствам, будучи на одном из железнодорожных вокзалов г. Алматы.

Из общего числа обследованных лиц:

- 10 человек пострадали от умышленного причинения им тяжкого вреда здоровью;
- 26 человек - от умышленного причинения им вреда средней тяжести;
- 94 человека - от тайных хищений их имущества;
- 36 человек - от мошенничеств;
- 76 человек - от открытых хищений их имущества;
- 35 человек - от совершения на них разбойных нападений;
- 11 человек - от вымогательств;
- 15 человек - от хулиганских действий.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что потерпевшими от рассматриваемых преступлений чаще всего становятся мужчины (63% случаев), но по некоторым видам преступлений удельный вес женщин-потерпевших выше, чем мужчин.

По мнению диссертанта, высокий уровень виктимизации лиц мужского пола для совершения в отношении них насильственных преступлений объясняется тем, что мужчины, как правило, вступают в значительно более широкий круг контактов с окружающими людьми, чаще и легче, чем женщины, завязывают случайные и сомнительные знакомства, приводящие иногда к совершению в отношении них преступлений.

Женщины чаще всего становились жертвами мошенничеств, грабежей и разбойных нападений, реже краж. Такая тенденция объяснима тем, что при совершении мошенничеств, грабежей и разбойных нападений субъекты преступлений, как правило, ориентируются на хищение ювелирных изделий (сережек, цепочек, колец и др.) и дамских сумочек, в которых зачастую находится дорогой телефон. Например, в толпе народа легче совершить карманную кражу из женской сумочки и именно в них женщины носят деньги и телефоны, в то время когда мужчины носят деньги в карманах брюк, пиджаков, а телефоны в специальных кобурах на брючном ремне.

Объяснение высокой виктимности женщин при совершении корыстно-насильственных преступлений следует искать и в том, что женщины физически слабее мужчин и при совершении названных преступлений не могут оказать серьезного сопротивления. Некоторые преступные группы и отдельные преступники, специализирующиеся на совершении корыстно-насильственных преступлений, совершали данные преступления только в отношении женщин и несовершеннолетних.

Изучение уголовных дел о корыстно-насильственных преступлениях свидетельствует о том, что жертва таких преступлений выбирается в основном двумя способами.

1. Субъекты преступлений визуально наблюдают за гражданами, находящимися на железнодорожных вокзалах, следят за ними, а когда они оказываются в безлюдном месте, совершают преступление, иногда за пределами вокзала.

2. Субъектам преступлений соответствующими наводчиками предоставляются координаты конкретных лиц, сообщается время их прибытия в г. Алматы, цель визита, размеры денежных сумм, которые могут при них находиться. В основном такие преступления совершаются в отношении граждан производящих закупки товаров на оптовых рынках Алматы. Совершению таких преступлений предшествует тщательная подготовка. Если удастся, то в отношении потерпевшего совершается кража или мошенничество, если нет, то на потерпевшего совершается разбойное нападение или он подвергается вымогательству.

Выбор насильственного способа совершения преступлений, как правило, связан со следующими причинами:

- возможностью похитить крупную сумму денег (36% изученных случаев);
- возможностью достичь преступного результата относительно простым способом (53% изученных случаев);

- кража или мошенничество в процессе их совершения по незапланированным преступником обстоятельствам переросли в грабеж, разбойное нападение или вымогательство (21% изученных случаев).

Насильственным преступлениям на алматинских железнодорожных вокзалах подвер-

гаются в основном одни мужчины. Как уже указывалось, зачастую данные преступления совершаются на почве ссор между пьяными пассажирами, БОМЖами и лицами, собирающимися на вокзалах в поисках временной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпец И.И. Правовая наука и борьба с преступностью. - М.: Знание. 1967. - 199 с.
2. Двенадцатый конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бразилия, Сальвадор, 12-19 апреля 2010 года): сб. документов // сост. Волеводз А.Г., Тарасенко С.М., Алиадзе В.А. - Т.1 - М.: Юрлитинформ. 2011. - 473 с.
3. Саркисов Г.С. Индивидуальная профилактика преступлений. - Ереван: «Айастан». 1986. - 449 с.
4. Двенадцатый конгресс Организации Объединенных Наций. Т.2 - Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы: монография. - М.: НОРМА. 2001. - 953 с.

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ – КАК ОСНОВА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ ЛИЦ, БОЛЬНЫХ ТУБЕРКУЛЕЗОМ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Бирюков Сергей Николаевич
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Уровень преступности в государстве и растущий уровень рецидивной преступности являются фактами, создающими угрозу национальной безопасности, оказывающую негативное влияние на социально-экономическую и нравственно-духовную сферы общественной жизни.

Так, анализ официальных статистических данных, характеризующих результаты борьбы с преступностью в стране за последние годы, свидетельствует о достаточно высоком удельном весе рецидива преступлений (2008 г. – 23,8%, 2009 – 23,9, 2010 – 26,5, 2011 – 28,7, 2012 г. – 32,3%), причем с каждым годом этот показатель возрастает. Только за последние пять лет число выявленных лиц, ранее совершавших преступления, выросло на 15,9%, каждое второе расследованное преступление совершено данными лицами.

На этом фоне прогрессивное человечество стремится к обеспечению безопасности путем удержания преступности на социально терпимом уровне.

Ориентиром современное общество избирает идеи гуманизма и справедливости, принципы толерантного отношения к человеку. Проявление нового современного подхода к вопросу предупреждения преступности есть признание возможности ресоциализации лиц, отбывших наказание, и разработка способов ее реального осуществления.

Ресоциализация осужденных – это длительный процесс, имеющий в своей основе сложный комплекс психолого-педагогических, экономических, медицинских, юридических и организационных мер, направленных на формирование у каждого осужденного способности и готовности к включению после отбытия наказания в обычные условия жизни общества. Она помогает осужденному в первое время после освобождения более или менее успешно справляться с необходимым количеством ролей в обычных условиях жизни общества, а в перспективе будет служить базой для восстановления соответствующего объема функций нормального члена общества. Одновременно с этим она предъявляет конкретные требования к условиям отбывания наказаний, которые должны быть достаточными хотя бы для того, чтобы осужденный не утрачивал умений и навыков поведения, практикуемого в обычных условиях жизни общества. Учет этого требования позволяет преодолеть существенный недостаток в идеологии воспитания, которая на протяжении многих лет мирилась с существ-

вующими в местах лишения свободы условиями, затрудняющими эффективную организацию педагогического процесса.

Ресоциализация лиц, отбывших наказание, стала неотъемлемой частью предупреждения рецидивной преступности. Ежегодно из ИУ освобождаются до 300 тыс. человек, многие из которых больны такими социально значимыми заболеваниями, как ВИЧ-инфекция и туберкулез. После освобождения из мест лишения свободы бывшие осужденные возвращаются в общество, неся с собой приобретенный в заключении опыт. Далеко не всегда он положителен, поэтому государство заинтересовано в том, чтобы ранее судимое лицо как можно скорее стало вести социально приемлемый образ жизни и не совершало вновь преступлений.

В научной литературе существует ряд мнений относительно временного периода ресоциализации осужденных, его начала и окончания.

Некоторые ученые (А.Ф. Степанюк, В.М. Трубников) разделяют процесс ресоциализации на два этапа: пенитенциарный (во время отбывания наказания) и постпенитенциарный (после освобождения от наказания).

Наиболее широко понимание процесса ресоциализации раскрыто В.Е. Южаниным. По его мнению, в структуре ресоциализации осужденных следует выделить: допенитенциарный, пенитенциарный и постпенитенциарный этапы. Первый этап начинается с момента десоциализации лица, которая привела его на определенном этапе жизни к совершению преступления, а последний заканчивается возвращением в общество и адаптацией в нем. Эту структуру мы и возьмем за основу при рассмотрении процесса ресоциализации осужденных, больных туберкулезом.

На допенитенциарном этапе на обвиняемого в совершении преступления оказывается довольно мощное нравственно-психологическое давление со стороны дознавателя, следователя, суда и других участников уголовного процесса, друзей, родственников, знакомых.

В научной литературе выделяют два направления профилактической деятельности следователя: индивидуальное (воздействие на обвиняемого) и общее (воздействие на иных граждан). С одной стороны, решение этой задачи оказывает воздействие на обвиняемого с целью благоприятного изменения его психики, взглядов, привычек, с другой стороны, ведение следствия должно положительно влиять на остальных граждан, убеждать их в незыблемости законов и правопорядка, неотвратимости раскрытия каждого преступления и в то же время укреплять в них уверенность в неприкосновенности их прав.

Так, профилактическое воздействие на всех граждан – это часть государственных мер, входящих в подсистему общесоциального предупреждения преступлений. Установление связей обвиняемого с лицами, склонными к совершению преступлений, и воспитательное воздействие на них – это часть мер, входящая в подсистему уголовно-правового предупреждения преступлений.

На данной стадии профилактический результат достигается за счет выявления преступлений и лиц, их совершивших (и намеревающихся их совершить), и использования к ним мер пресечения или иных мер, нейтрализующих, исключаящих продолжение ими преступной деятельности. В ходе криминологического исследования было отмечено, что мера пресечения в виде заключения под стражу на этапе предварительного расследования применялась к 67% осужденным, больным туберкулезом, из которых 43% совершили преступления против собственности, 37% – преступления, связанные с наркотиками, 13% – насильственные преступления, а 7% – иные преступления. Как мы указывали, многие больные туберкулезом совершили несколько преступлений, прежде чем были осуждены к реальному лишению свободы.

Необходимо также отметить, что на этапе предварительного расследования обстоятельство наличия туберкулеза не подлежит установлению. Обращая внимание на то, что в частности на данном этапе индивидуальной профилактики важно выявлять тех лиц, больных туберкулезом, в отношении которых есть причина полагать, что они будут продолжать заниматься противоправной деятельностью. Среди больных туберкулезом следует выявлять лиц, относящихся к группам повышенного риска. Сотрудникам органов внутренних дел надо обращать внимание на лиц без определенного места жительства, наркоманов, незаконных мигрантов, проституток, так как с ними наиболее тесно взаимосвязана преступность исследуе-

мой категории.

На рассматриваемом этапе индивидуальной профилактики целесообразно также подчеркнуть, что ее объектами выступает не только личность, больная туберкулезом, как таковая, но и негативные элементы среды, в которой эта личность формируется.

На пенитенциарном этапе ресоциализации воспитывается психологическая установка осужденного на дальнейшее поведение и образ жизни.

При рассмотрении индивидуальной профилактики правонарушений и преступлений больных туберкулезом осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, считаем необходимым отметить, что она не будет полноценной, даже если основные средства исправления не применяются должным образом.

К ним надлежит отнести установленный законодателем порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательную работу, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональную подготовку по определенным специальностям и общественное воздействие. Основываясь на практических данных, применение указанных средств осуществляется дифференцированно, с учетом особенностей и характера протекания.

Если рассматривать процесс ресоциализации в широком смысле, то подготовка осужденных к освобождению будет подчиняться общим задачам ИУ, входить в систему мер, направленных на достижение задач, концентрированно выраженных в УИК РК, способствовать возвращению осужденных к полезной деятельности, предупреждению рецидива преступлений. Эта подготовка проводится в процессе исполнения наказания, оказания на осужденных исправительного воздействия.

В то же время работа по исправлению правонарушителей завершается перед освобождением осужденного из ИУ. Именно в заключительный период администрация, учитывая объективные и субъективные возможности, может предложить ему реальный путь (варианты) успешной социальной адаптации к жизни в новой социальной среде.

Эта работа имеет особое значение в современных условиях, поскольку утрачены многие социальные факторы, поддерживающие освобожденных в первые дни и месяцы пребывания в обществе. Как указывалось ранее, в связи с новой политикой государства, направленной на гуманизацию исполнения наказания и применение иных видов наказания, не связанных с лишением свободы, в местах лишения свободы стали сосредотачиваться наиболее опасные категории преступников, а среда в ИУ способствует профессионализации преступников, особенно оказавших злостное неповиновение законным требованиям администрации, придерживавшихся преступных («воровских») традиций, участвовавших в организованных преступлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.
4. Методические рекомендации по сравнительному анализу законодательств государств - участников СНГ, разработанные Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. В кн.: Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. - М.: Норма. 1996. - 415 с.

ЛИЧНОСТЬ БОЛЬНЫХ ТУБЕРКУЛЕЗОМ, ОТБЫВАЮЩИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Алмуханов Бекетай Уракбаевич

Исправление осужденного – это основная задача уголовного наказания, сложный и длительный процесс, эффективность которого зависит от всестороннего и полного изучения личности преступника на всех стадиях карательно-воспитательного воздействия. Русский криминалист С.В. Познышев отмечал:

«Для того чтобы мстить и пугать, не надо много изучать человека, но для того, чтобы воспитательным образом серьезно повлиять на преступника, нужно знать многое такое из его личности, что дается лишь систематическим научным наблюдением».

Личность есть воплощение индивидуальных, неповторимых черт и свойств, в которых отражается жизненный путь человека, его бытие, обусловленное конкретным содержанием семейных и бытовых, производственных и иных отношений и связей – той социальной среды, в которой она живет, действует и формируется. Личность преступника, совершившего преступление при отбывании лишения свободы в тюрьме, – это не простая арифметическая сумма данных о ней, а сложная система свойств, отражающих наиболее существенные ее стороны и проявления.

Проблемам изучения личности преступника, посвящено достаточное количество специальной литературы. На наш взгляд, наиболее удачным является определение понятия личности преступника, предложенное Ю.М. Антоняном, считающим, что личность преступника «выступает в качестве совокупности социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми».

Личность пенитенциарного преступника является личностью криминогенного индивида, отличающегося, с одной стороны, социально значимыми качествами человека, а с другой – комплексом негативных свойств, сформированных под воздействием определенных обстоятельств, которые предопределили его противоправное поведение конкретной криминальной направленности вне исправительных учреждений, а затем – и пенитенциарный рецидив.

Так как объектом криминологического изучения в данном параграфе является личность больного туберкулезом, отбывающего уголовное наказание в виде лишения свободы, ее социальные позиции и роли, потребностно-мотивационная сфера, ценностно-нормативная характеристика сознания, то считаем целесообразным обозначить ряд характеристик, позволяющих выявить ближайшие причинные связи, цепочки и комплексы, ведущие к совершению преступлений лицами, больными туберкулезом.

Известно, что личность осужденного, в том числе больного туберкулезом, представляет собой не только носителя конкретных причин преступного поведения, а так же является непосредственным объектом целого комплекса мер воспитательного воздействия. Бесспорно, знание личностных особенностей больных, характера социально-медицинского развития болезни, отношения к ней, необходимо использовать не только для лечения заболевания, но и для реализации в отношении их воспитательного воздействия и в конечном итоге ресоциализации.

Конечно, в определенной мере личность осужденного, в том числе больного туберкулезом, понятие условное. Вместе с тем наличие таких существенных фактов, как преступное поведение, выразившийся в совершении преступления; порицание государством лица, совершившего преступление в форме его осуждения и определения наказания в виде лишения свободы; заболевание туберкулезом, указывает прежде всего на особенности такой личности.

Туберкулез – это не просто медицинское заболевание, это болезнь человеческого поведения, заболевание, которое оказывает большое влияние на поведение человека. Определенный образ жизни, отношение к себе в большинстве случаев способствовали появлению у них туберкулеза, поэтому при изучении особенностей личности осужденного, больного туберкулезом, мы особо уделим внимание изучению его социальной и экономической стороны жизни до осуждения.

Структура личности исследуемого преступника в нашем случае представляет собой совокупность характеристик личности осужденного, больного туберкулезом. Она разработана в рамках общей теории криминологии учением о структуре личности преступника. Ее образуют: 1) социально-демографическая характеристика; 2) уголовно-правовая; 3) уголовно-исполнительная; 4) нравственно-психологическая; 5) медицинская и иные социально значимые характеристики.

К социально-демографическим признакам относят: пол, возраст осужденного, трудоспособность, семейное положение, состояние здоровья, род занятий до осуждения, наличие специальности и некоторые другие социально значимые данные, которые могут повлиять на процесс исправительного воздействия.

«Социально-демографические свойства личности преступника сами по себе не криминогенны. Но они связаны с условиями формирования личности и ее жизнедеятельности, взаимодействуют с ними, с потребностями, мотивацией, с социальными ролями личности. Поэтому социально-демографические свойства являются существенным компонентом обобщенного представления о личности преступника и имеют важное значение для разработки и осуществления мер профилактики преступного поведения».

Уголовное наказание представляет собой не только кару за совершенное преступление, оно также служит исправлению осужденного, предупреждению в совершении им новых преступлений.

В ранее проведенных исследованиях отмечалось, каким образом возраст влияет на личность осужденного, его интересы, возможность исправления и перевоспитания. Так, в исследованных нами лечебно-исправительных учреждениях для больных туберкулезом осужденные распределились по следующим возрастным группам:

от 18 до 24 лет – 10% осужденных;

от 25 до 39 лет – 72% осужденных;

от 40 и старше – 18% осужденных.

Таким образом, в лечебно-исправительных учреждениях для больных туберкулезом в основной содержатся осужденные молодого и среднего возраста от 25 до 39 лет (72%). Как может показаться, молодой возраст является положительным критерием при оценке состояния здоровья и заболеваемости в целом. Однако при анализе криминологического статуса личности осужденного, в сочетании с другими социально-демографическими характеристиками (уровень образования, семейное положение), молодой возраст как критерий оказался в группе негативных факторов, связанных с показателями здоровья.

Семья, как считают многие авторы, положительно воздействует на осужденного. Она во многом очень благотворно влияет на лиц, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях, способствует их социальной адаптации после освобождения. Результаты нашего исследования показали, что: в браке не состояли – 57%; в браке состояли – 21%; разведены – 13%; были в гражданском браке – 9%; вдовцы – 7%.

С учетом возрастного состава осужденных фактор отсутствия семьи следует отнести к числу неблагоприятных, поскольку холостые осужденные по ряду показателей характеризуются хуже других: так, 19,6% из них часто нарушали установленный порядок (среди осужденных, состоявших к моменту ареста в браке, допускали нарушения 6,3%).

По материалам ранее проведенных исследований, семейное благополучие считают важным благом все осужденные, кроме лиц в возрасте от 24 лет и старше 60 лет. Возвращение в свою семью, к близким родственникам является стимулом для исправления, родственные и семейные связи неповторимы, их нельзя восполнить в условиях исправительных учреждений никакими другими личностными отношениями, а отсутствие семьи на протяжении всего срока отбывания наказания – это наиболее тяжело переносимое ограничение.

Осужденные сильно переживают из-за нарушения социальных связей. Разрыв с семьей, родными, близкими причиняет мучительные страдания. М.Н. Гернет сравнивает положение такого осужденного с путником, попавшим в безводную пустыню: «жажду утолить нечем, когда найдется вода неизвестно, и мысль заключенного начинает работать только в одном направлении: почему не приходят на свидание, отчего нет писем? Из часа в час, каждую минуту тревога глохнет сердце: живы ли близкие, здоровы ли они?».

Нельзя недооценивать роль семьи в качестве сдерживающего антикриминогенного фактора, в то же время его влияние на ценностные ориентации личности может быть и отрицательным. Негативное влияние со стороны семьи может оказать необратимые последствия на сознание личности человека, когда именно в семье ребенок может приобрести опыт употребления алкоголя, наркотиков и преступные навыки. Совершенно очевидно, что если человек был не нужен с рождения, если его не любили и не заботились о нем в семье, вряд ли мы вправе рассчитывать на то, что он будет любить этот мир, признавать его ценности, нормы и правила человеческого общежития. Е.Г. Савичев, изучавший генезис агрессии и жестокости, отметил, что для совершивших преступление (убийство) «характерна позиция «отвергаемого» члена в его родной, родительской семье, а также ее аналог в зрелом возрасте в рамках собственной семьи виновного». На основе выборочных исследований можно сделать вывод, что их объединяет наличие в прошлом неблагоприятной окружающей среды, и прежде всего эмоционально дезорганизованной семьи. Из числа опрошенных нами осужденных 98% рецидивистов происходят из подобных семей.

Таким образом, большой удельный вес осужденных, разорвавших или вообще не имеющих связь с семьей, является негативным фактором, значительно затрудняющим воспитательную работу проводимую сотрудниками исправительных учреждений КУИС РК, где содержатся осужденные больные туберкулезом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ, НА РАННИХ ЭТАПАХ ПРЕСТУПНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Буздаков Айдос Бакытбаевич
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Преступность, как результат воздействия социальных, социально-психологических и иных условий общества на поведение людей, представляет собой массовидную совокупность их общественно опасных деяний. Эту совокупность можно классифицировать по различным основаниям, predetermined целями классификации.

Для целей определения дополнительных мер предупреждения и пресечения тяжких преступлений уголовно-правовыми средствами целесообразно классифицировать преступность по признаку соотношения и взаимодействия преступлений, неотделимых от личности виновных. По указанному признаку можно выделить три относительно самостоятельных группы преступлений: группа тяжких преступлений, составляющих основное ядро преступности; группа преступлений, которые могут быть одной из причин тяжких преступлений, и группа преступлений, способных создавать условия, способствующие совершению тяжких преступлений.

Выделение указанных групп преступлений носит условный характер в том отношении, что одно и то же преступление в зависимости от обстоятельств может быть отнесено как к той, так и к другой группе преступлений. Например, умышленное убийство, воздействуя на других лиц, может стать одной из причин совершения ими преступлений или облегчить их

совершение. Однако, несмотря на условный характер классификации того или иного вида преступности по признаку соотношения и взаимодействия преступлений она имеет практический смысл, т.к. позволяет конкретизировать политику и организацию борьбы с преступностью с акцентом на предупреждение и пресечение тяжких преступлений. Преступления, относящиеся к тем, что могут стать причинами и условиями совершения тяжких преступлений предшествуют последним. Это открывает возможность выявить новые, дополнительные пути предупреждения и пресечения тяжких преступлений путем эффективного воздействия на их преступные причины и условия. Уголовно-правовыми средствами такого предупреждения и пресечения тяжких преступлений являются уголовно-правовые запреты с двойной превенцией (например, уголовно-правовые нормы об ответственности за преступную пропаганду, незаконное приобретение и хранение огнестрельного и холодного оружия и т.д.) и уголовно-правовые нормы об ответственности за приготовление к совершению преступлений.

С этих позиций предпринимается попытка проанализировать пенитенциарную преступность, чтобы определить возможные дополнительные меры предупреждения и пресечения тяжких преступлений осужденных на ранних этапах их становления и проявления.

К основному ядру пенитенциарной преступности относятся тяжкие преступления, дезорганизующие деятельность и общественную безопасность в уголовно-исполнительных учреждениях (массовые беспорядки, терроризм, захват заложника, побег из места лишения свободы, дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, злостное хулиганство и т.п.), и тяжкие преступления против личности осужденных (умышленное убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, насильственное мужеложство и др.).

К числу преступлений, которые могут стать одной из причин совершения осужденными тяжких преступлений в уголовно-исполнительных учреждениях относятся: систематическое унижение достоинства личности, побои, побуждение к действиям сексуального характера и другие посягательства на личность осужденных; незаконное приобретение либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ, преступная пропаганда, незаконное распространение порнографических материалов или предметов и т.п.

Условия, облегчающие совершение тяжких пенитенциарных рецидивов преступлений, обеспечиваются приготовительными к ним действиями, и могут быть также результатом таких преступлений, как незаконное изготовление и хранение холодного оружия, подделка документов и т.п.

Анализ уголовных дел об убийствах и причинении тяжкого вреда здоровью, совершенных в уголовно-исполнительных учреждениях, свидетельствует о том, что многие из указанных тяжких преступлений представляли собой реакцию на систематическое унижение достоинства личности, побои и сексуальные домогательства со стороны потерпевшего. 1 Перечисленные преступления (ст. ст. 131 104 и 123 УК РК) в соответствии со ст. 11 УК РК относятся к категории менее тяжких преступлений, что, однако, не должно быть основанием недооценки их опасности сотрудниками уголовно-исполнительных учреждений. Интересы предупреждения тяжких преступлений против личности обязывают своевременно выявлять менее тяжкие преступления против личности, каждый раз выяснять причины и характер конфликтных отношений между виновными и потерпевшими. И поскольку вместо уголовной ответственности за них обычно применяются меры дисциплинарных взысканий, их тяжесть должна определяться с учетом возможного провоцирующего влияния на потерпевших.

Многие тяжкие преступления в уголовно-исполнительных учреждениях совершаются в состоянии алкогольного, а порой и наркотического опьянения. Употребление осужденными спиртных напитков и наркотических веществ - основание наложения на них дисциплинарных взысканий. Согласно УИК РК употребление наркотиков считается злостным нарушением осужденными установленного порядка отбывания наказания. Но важнее другое: установить и перекрыть каналы проникновения наркотических веществ в уголовно-исполнительные учреждения. Незаконное приобретение, хранение, перевозка, пересылка (без цели сбыта - в крупном размере), либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ является в зависимости от обстоятельств преступлением тяжким или средней тяже-

сти (ст. 296 УК РК). Обеспечение эффективной борьбы с этим преступлением будет содействовать предупреждению опасного и особо опасного пенитенциарного рецидива преступлений.

В причинный комплекс многих тяжких преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы, входит антиобщественная пропаганда.

Однако доминирующее влияние на пенитенциарную преступность оказывает ненаказуемая пропаганда антиобщественных традиций и правил поведения, диктуемых криминальной субкультурой - так, называемых «воровских обычаев и традиций». Как уже отмечалось выше, больше половины преступлений, совершаемых в местах лишения свободы, так или иначе, связаны с криминальной субкультурой, с ее влиянием на поведение осужденных. Это дает основание поставить вопрос об установлении уголовной ответственности за пропаганду традиций и обычаев криминальной субкультуры.

Значительная часть пенитенциарного рецидива преступлений совершается осужденными по заранее обдуманному умыслу и после соответствующей подготовки к этому. Согласно УК РК приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Средствами и орудиями совершения преступлений, о которых идет речь в УК РК, могут быть и такие предметы, незаконное изготовление и хранение которых является самостоятельным преступлением. Закон предусматривает в качестве преступлений незаконное изготовление оружия (ст. 281 УК РК), незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 287 УК РК), подделку документов (ст. 335 УК РК). Соответствующие уголовно-правовые запреты имеют по сути дела двойное назначение. Помимо охраны соответствующего непосредственного объекта они могут быть использованы для предупреждения тех тяжких преступлений, которые возможно будут совершены с использованием указанных предметов. И, несмотря на то, что осужденные изготавливают холодное оружие не всегда с преступной целью, а «на всякий случай», своевременное выявление этого преступления и привлечение виновного к ответственности способно предупредить возможное в будущем тяжкое преступление с применением такого оружия.

Пресечение тяжких преступлений теоретически возможно во всех выявленных случаях приготовленных к ним действий, если по каким-либо причинам невозможно предупреждение этих преступлений путем побуждения виновных к добровольному отказу от завершения начатых преступлений. Пресеченное на стадии приготовления тяжкое преступление повлечет за собой уголовную ответственность. Однако в соответствии со ст. 56 УК РК срок и размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса за оконченное преступление.

Определение тяжести ответственности за приготовление к преступлению зависит также от того, каким должно признаваться пресеченное преступление - тяжким или менее тяжким (если санкцию соответствующей статьи скорректировать на основании ст. 56 УК РК). От ответа на этот вопрос зависит, в частности, определение вида рецидива преступлений, в соответствии со ст. 14 УК РК. Полагаем, что определение принадлежности пресеченного приготовления к преступлению к той или иной категории преступлений, должно производиться на основании ст. 15 УК РК с учетом санкции за оконченное преступление. Скорректированная на основании ст. 56 УК РК санкция за приготовление к преступлению не принимается во внимание. В соответствии с этим определяется и вид уголовно-исполнительного учреждения, в котором рецидивист будет отбывать наказание.

Анализ совокупности пенитенциарных рецидивов преступлений в аспекте их соотношения и взаимодействия убеждает, что уголовный закон содержит дополнительные возможности предупреждения и пресечения тяжких преступлений на ранних этапах их проявления.

Эта возможность заложена в воздействии на преступные причины и условия тяжких преступлений уголовно-правовыми средствами. Эффективность использования указанной возможности зависит главным образом от уровня выявления и раскрытия тех преступлений, которые могут быть причинами и условиями для тяжких преступлений, а также подготавливаемых тяжких преступлений. Это весьма сложная задача в условиях уголовно-исполнительных учреждений. Выявление и раскрытие преступлений в местах лишения свободы затруднено давлением на осужденных криминальной субкультуры и непреодолимым пока несовершенством контроля за поведением осужденных.

Немалая часть преступлений выявляется в ходе оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительных учреждениях, однако из-за давления на осужденных криминальной субкультуры далеко не всегда удается закрепить добытую процессуальными формами и приходится предупреждать выявленные преступления одними оперативными мерами без применения уголовно-правовых средств.

Несовершенство контроля за поведением осужденных зачастую не позволяет выявить владельцев обнаруженных в ходе обыска помещений оружия и иных запрещенных предметов и приходится довольствоваться лишь изъятием оружия и запрещенных предметов.

Эти и другие объективные условия ограничивают возможность уголовно-правовыми средствами пресекать и предупреждать пенитенциарный рецидив тяжких преступлений на ранних этапах их проявления, - ограничивают, но не исключают ее.

Для целей определения дополнительных мер предупреждения и пресечения тяжких преступлений уголовно-правовыми средствами целесообразно классифицировать преступность по признаку соотношения и взаимодействия преступлений, неотделимых от личности виновных. По указанному признаку можно выделить три относительно самостоятельных группы преступлений: группа тяжких преступлений, составляющих основное ядро преступности; группа преступлений, которые могут быть одной из причин тяжких преступлений, и группа преступлений, способных создавать условия, способствующие совершению тяжких преступлений.

Выделение указанных групп преступлений носит условный характер в том отношении, что одно и то же преступление в зависимости от обстоятельств может быть отнесено как к той, так и к другой группе преступлений. Например, умышленное убийство, воздействуя на других лиц, может стать одной из причин совершения ими преступлений или облегчить их совершение. Однако, несмотря на условный характер классификации того или иного вида преступности по признаку соотношения и взаимодействия преступлений она имеет практический смысл, т.к. позволяет конкретизировать политику и организацию борьбы с преступностью с акцентом на предупреждение и пресечение тяжких преступлений. Преступления, относящиеся к тем, что могут стать причинами и условиями совершения тяжких преступлений предшествуют последним. Это открывает возможность выявить новые, дополнительные пути предупреждения и пресечения тяжких преступлений путем эффективного воздействия на их преступные причины и условия. Уголовно-правовыми средствами такого предупреждения и пресечения тяжких преступлений являются уголовно-правовые запреты с двойной превенцией (например, уголовно-правовые нормы об ответственности за преступную пропаганду, незаконное приобретение и хранение огнестрельного и холодного оружия и т.д.) и уголовно-правовые нормы об ответственности за приготовление к совершению преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ, КОНСТИТУЦИОННЫЕ, ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЛЕСНОЙ И ИНОЙ РАСТИТЕЛЬНОСТИ ОТ УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ

Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Габдолла Дулат Бауржанұлы
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»

Действующее законодательство РК, включая международные акты, входящие в состав ее правовой системы, содержит комплекс норм, предусматривающий меры по охране правовыми, в том числе уголовно - правовыми, средствами лесной и иной растительности. Основные предпосылки в отношении построения системы мер по правовой охране лесов заложены в Конституции РК. Согласно основного закона РК – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, где охраняется здоровье людей. Вне экологически благоприятной среды невозможны сохранение здоровья человека, его развитие и в целом достойное существование в условиях окружающего мира [1].

Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в РК как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (Конституция РК). В указанной норме зафиксировано право граждан на доступ к природным ресурсам, при условии что они имеют личный (не связанный с предпринимательской деятельностью) характер потребностей. Это могут быть личные потребности как экологического, преимущественно рекреационного, характера (реализуемые без извлечения природных ресурсов из окружающей среды), так и экономического характера (с извлечением или иной эксплуатацией природных ресурсов). Так, доступ к природным ресурсам может быть осуществлен путем пребывания граждан в лесах. Право на пребывание в лесах как форму реализации экологических прав, предоставленных гражданам Конституцией РК, закреплено в Лесном кодексе РК, согласно которой гражданам предоставляется право на свободное и бесплатное пребывание в лесах, сбор для собственных нужд дикорастущих плодов, ягод, орехов, грибов, других пригодных для употребления в пищу лесных ресурсов (пищевых лесных ресурсов), а также недревесных лесных ресурсов. Тем самым обеспечивается удовлетворение экологических, эстетических, оздоровительных, пищевых и иных потребностей граждан, а также реализуется право на свободу передвижения [2].

В Конституции РК установлено, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. При этом Конституция РК на каждого возлагает обязанность сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам [3].

Таким образом, на уровне Конституции РК не только провозглашены права граждан РК в сфере природопользования, но и установлены их обязанности по сохранению окружающей среды. Обеспечение сохранности природы в целом и леса в частности как одного из важнейших компонентов экосистемы возложено также на соответствующие органы РК, ее субъектов и органы местного самоуправления. За невыполнение этих обязанностей установлены различные виды ответственности, в том числе и уголовная [4].

Проблема защиты лесной и иной растительности стоит не только перед РК. Она является одной из глобальных, затрагивающих всё мировое сообщество. Охрана лесной флоры на уровне международных правовых норм приобрела приоритетное значение. Реализуя полномочия по обеспечению охраны окружающей среды и экологической безопасности, РК осуществляет международное сотрудничество в рамках многосторонних конвенций и соглашений, международных организаций, а также двусторонних договоров и соглашений со странами СНГ, ближнего и дальнего зарубежья. Документы, подписываемые в рамках этого взаимодействия, являются значимым элементом действующего национального законода-

тельства. Они особенно важны применительно к сфере регулирования охраны, воспроизводства и использования лесов, поскольку определенная часть лесов произрастает на территориях разных стран и для их развития и сохранения требуются скоординированные действия двух государств и более [5].

С учетом темы исследования отметим, что РК является участником Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) (Вашингтон, 3 марта 1973 г.), Конвенции о биоразнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.), Декларации по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 14 июня 1992 г.), Конвенции по борьбе с опустыниванием (Париж, 11 июня 1994 г.), Рамочной конвенции ООН об изменении климата (Рио-де-Жанейро, 12 июля 1995 г.), Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, Резолюции, принятой на конгрессе в Гамбурге Международной ассоциацией уголовного права (АГОР) в 1979 г. [6, 52].

Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС), внесла значительный вклад также и в сотрудничество государств по защите растительного мира. Конвенция носит комплексный характер и регулирует различные аспекты охраны биологических объектов, в том числе и растений. Статьей 8 конвенции закреплены меры ответственности в виде наказания за торговлю или владение растительными объектами, а также вытекающие из этого последствия – конфискация или возвращение таких образцов экспортирующему государству. Составлены списки исчезающих видов растений по степени их уязвимости (приложения 1–3), определен порядок международного оборота видов.

На Конференции ООН по окружающей среде и развитию, прошедшей в Рио-де-Жанейро 3 - 14 июня 1992 г., был принят комплекс важных документов, непосредственно касающихся охраны флоры, в частности Конвенция о биологическом разнообразии³. Было согласовано, что стороны конвенции должны принимать меры к сохранению экосистем и естественных местообитаний, популяций видов в естественной среде обитания, совершенствовать национальное законодательство, сохраняющее биологическое разнообразие (включая сохранение и восстановление видов, находящихся под угрозой исчезновения, путем разработки планов и стратегий управления), а также обеспечить устойчивое использование компонентов биологического разнообразия и справедливое распределение выгод, связанных с использованием генетических ресурсов и обменом соответствующими технологиями. Хотя в целом данная конвенция не осуществляет прямого правового регулирования, она может иметь значение как базовый международный правовой акт [1].

Тогда же в Рио-де-Жанейро была подписана Декларация по окружающей среде и развитию, в которой было уделено особое внимание развитию института международной ответственности за то, чтобы деятельность в пределах национальной юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов, находящихся за пределами национальной юрисдикции. При этом «право на развитие должно быть реализовано, чтобы обеспечить справедливое удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений в областях развития окружающей среды».

Также справедливо указано на то, что «следует избегать односторонних действий по решению экологических задач за пределами юрисдикции импортирующей страны. Меры в области охраны окружающей среды, направленные на решение трансграничных или глобальных экологических проблем, должны, насколько это возможно, основываться на международном консенсусе». В принципе 13 провозглашено, что «государства должны оперативным и более решительным образом сотрудничать в целях дальнейшей разработки международного права, касающегося ответственности и компенсации за негативные последствия экологического ущерба, причиненного деятельностью, которая ведется под их юрисдикцией» [2].

14 июня 1992 г. на этой же конференции ООН в Рио-де-Жанейро был рассмотрен специальный документ – «Лесные принципы», не имеющий обязательной силы, где было зафиксировано, что леса имеют исключительно большое значение для экологического развития и поддержания всех форм жизни. Международному сообществу и отдельным его членам реко-

мендовано было принять надлежащие меры к защите лесов от вредного воздействия загрязнения, включая загрязнение с воздуха, от пожаров, насекомых, вредителей и заболеваний. Было указано на необходимость контроля за загрязнителями, особенно находящимися в воздухе, в том числе вызывающими кислотные осадения, которые отрицательно сказываются на состоянии лесных экосистем на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия¹ определила критерии и порядок включения природных и культурных объектов в списки всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, а также установила ограничения на осуществляемую на них хозяйственную деятельность. Принципиально, что одним из критериев, достаточных для включения объекта в этот список, является наличие единственного места обитания (произрастания) редкого или находящегося под угрозой исчезновения вида [5].

Большое значение в деле охраны растений играет Конвенция ООН по борьбе с опустыниванием (КБО), вступившая в силу в 1996 г. Ее положения направлены на обеспечение эффективного противодействия негативным процессам опустынивания посредством разработки локальных программ и международного сотрудничества, что способствует сохранению флоры в засушливых регионах Земли [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

ФУНКЦИИ И ДИСФУНКЦИИ СЕМЬИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Галимова Гульжан Жакеновна
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Семья как социальный институт выполняет определённые социально значимые функции и характеризуется совокупностью социальных норм, санкций и образцов поведения, регламентирующих взаимоотношения между супругами, родителями, детьми и другими родственниками [1]. На семью возложено выполнение ряда очень важных социальных функций, способствующих выживанию общества, удовлетворению его важнейших жизненных потребностей. Говоря о функциях семьи, следует помнить, что речь идёт о социальных результатах жизнедеятельности миллионов семей, которые обнаруживаются на уровне общества, имеют общезначимые последствия и характеризуют роль семьи как социального института среди других институтов общества.

В философии под «функцией» обычно понимают отношение двух объектов, в котором изменение одного из них ведёт к изменению другого [2]. В социологии понятие «функции» имеет два главных значения. Во-первых, функция - роль, которую определённый социальный институт выполняет относительно потребностей общественной системы более высокого уровня организации или интересов составляющих её классов, социальных групп и индивидов [2]. Во-вторых, функция обозначает зависимость, которая наблюдается между различными компонентами единого социального процесса. Речь идёт о том, что изменения одной части системы оказываются производными от изменений в другой его части [3].

Сфера жизнедеятельности семьи, непосредственно связанная с удовлетворением определённых потребностей её членов, называется функцией семьи. Функции семьи - это спо-

события проявления её активности;

– жизнедеятельности всей семьи и отдельных её членов. Выделяют следующие функции семьи, удовлетворяющие различные потребности как общества, так и личности:

– функция воспроизводства населения (физическое и духовно-нравственное воспроизводство человека в семье);

– воспитательная функция - социализация молодого поколения, поддержания культурного воспроизводства общества;

– хозяйственно-бытовая функция - поддержание физического здоровья членов общества, уход за детьми и престарелыми членами семьи;

– экономическая - получение материальных средств одних членов семьи для других, экономическая поддержка несовершеннолетних и нетрудоспособных членов общества;

– сфера первичного социального контроля - моральная регламентация поведения членов семьи в различных сферах жизнедеятельности, а также регламентация ответственности и обязательств в отношениях между супругами, родителями и детьми представителями старшего и среднего поколений;

– функция духовного общения - развитие личностей членов семьи, духовное взаимообогащение;

– социально-статусная - предоставление определенного статуса членам семьи, воспроизводство социальной структуры;

– досуговая - организация рационального досуга, взаимообогащение интересов;

– эмоциональная - получение психологической защиты, эмоциональной поддержки, эмоциональная стабилизация индивидов и их психологическая терапия [4];

– сексуальная - удовлетворение сексуальных потребностей.

Некоторые авторы (А.И. Харчев, А.И. Антонов) делят функции семьи на специфические, которые вытекают из сущности семьи и отражают её особенности как социального явления, и неспецифические, к которым относят те функции, к выполнению которых семья оказалась принуждённой или приспособленной в определённых исторических обстоятельствах. К специфическим функциям семьи относятся рождение (репродуктивная функция), содержание (экзистенциальная функция) и воспитание детей (функция социализации). К неспецифическим функциям семьи относят накопление и передачу собственности, статуса, организацию производства и потребления, домохозяйство, отдых и досуг, заботу о здоровье и благополучии членов семьи, создание атмосферы, способствующей снятию напряжения и др. Эти функции раскрывают исторически преходящую картину жизнедеятельности семьи.

Одной из важнейших функций семьи является воспитательная функция. В результате выполнения данной функции семья обеспечивает социализацию подрастающего поколения. Я.И. Гилянский пишет: «Под социализацией понимают, прежде всего, включение индивида в общество, в систему общественных отношений посредством надления его (индивида) общественными свойствами. При этом общество (через свои институты, в том числе через семью) предоставляет набор социальных позиций; наделяет индивидов свойствами (знаниями, профессиональными навыками, умениями), необходимыми для занятия имеющихся (предоставленных) позиций; определяет механизм распределения индивидов по позициям» [5].

А.М. Яковлев утверждает, что «процесс социализации индивида есть процесс формирования его социально значимого поведения, соответствующего ценностям и нормам социокультурной среды. Не просто снабжение личности определённой социальной информацией, а, прежде всего, формирование реального поведения - таково содержание процесса социализации индивида» [6]. В.Д. Филимонов отмечает: «В результате взаимодействия личности с внешним миром у неё вырабатывается устойчивое отношение к различным общественным явлениям. Это отношение может закрепиться в виде принципа ответных психологических реакций человека на определённые явления окружающей жизни, который может стать чертой его характера, особенностью его личности».

Семья выступает в качестве основного института социализации. «Человек не рождается с закодированными социально-положительными или социально-отрицательными свойствами. Личность человека, его сущность формируется в процессе социализации, вследствие

которой человек приобретает определённые свойства и качества, детерминирующие его поведение». Родители, братья и сестры, бабушки и дедушки, все остальные родственники являются агентами первичной социализации. Первичная социализация - та социализация, в которую индивид включается в детстве. Социолог Т. Парсонс подчёркивал, что основным органом первичной социализации, где закладываются фундаментальные установки личности, является семья. Он отмечал: «Семья - основной орган социализации, мать и отец - главные творцы личности, ребёнок - пустой сосуд, который надо наполнить культурой».

Социализация - сложный и многогранный процесс, который осуществляется при помощи определённых механизмов. Под механизмами социализации следует понимать те средства, с помощью которых человек воспринимает и усваивает социальную информацию. В зависимости от содержания, характера и объёма этой информации меняется набор механизмов, посредством которых она усваивается. По мнению психологов, к числу важнейших механизмов социализации относятся: внушение, запечатление, подражание, адаптация, убеждение, идентификация, руководство, наставление и т.д.

В первые три-пять лет жизни, главным образом из материнских и отцовских уст, из их поведения, ребёнок получает до 80% всего того, что требуется для формирования человека как личности, особенно для развития её нравственно-психологических качеств. К.Е. Игошев и Г.М. Миньковский отмечали, что «самосознание и осознание требований среды развивается очень рано, начиная с возраста от одного года до двух лет, и что уже в этот период начинается интенсивное усвоение норм поведения, системы ценностей, культурного багажа семьи и окружающей микросреды в целом, а через них - соответствующих требований и представлений общества». К пяти годам уже завершается формирование ряда черт характера, необходимых для волевого управления поведением, а также запаса знаний для различения одобряемых и порицаемых вариантов. Как правило, к четырём-пяти годам закладываются до 40% способностей и черт характера человека.

Л.С. Выготский писал, что решительно всё поведение младенца, вся его деятельность реализуется либо непосредственно через взрослого, либо в сотрудничестве с ним. Поэтому он накрепко связан со взрослым человеком. Приспособление к действительности, начиная с удовлетворения примитивных органических потребностей младенца, опосредовано через другого человека

Главным способом семейной социализации является копирование детьми моделей поведения взрослых членов семьи, а также принятие роли и её исполнение. Дж. Мид различал три стадии процесса обучения ребёнка исполнению взрослых ролей. Первая - подготовительная стадия (в возрасте от 1 до 3 лет), во время которой ребёнок имитирует поведение взрослых без какого-либо понимания. Вторая стадия, называемая игровой (в 3-4 года), наступает тогда, когда дети начинают понимать поведение тех, кого они изображают, но исполнение роли ещё неустойчиво. Третья - заключительная стадия (в 4-5 лет и далее), в которой ролевое поведение становится собранным и целенаправленным и проявляется способность ощущать роли других. Таким образом, через моделирование дети приобретают установки, жесты, чувства, личностные черты. Интересны по этому поводу воспоминания русского классика Л.Н. Толстого: «Вспомнил своё отрочество, главное юность и молодость. Мне не было внушено никаких нравственных начал - никаких; а кругом меня большие с уверенностью курили, пили, распутничали (в особенности, распутничали), били людей и требовали от них труда. И многое дурное я делал, не желая делать, - только из подражания большим».

Человек обучается действовать наиболее целесообразно, наиболее практически оправданно по методу проб и ошибок. В случае совершения того или иного действия, повлёкшего неудовлетворительный результат, человек в дальнейшем стремится не совершать подобных, неэффективных действий. Наоборот, действия, влекущие нужные, положительные для него последствия, убеждают его в их целесообразности. Так происходит процесс научения, который ведет к формированию индивидуального опыта. Ребёнок также обучается выгодным, полезным, целесообразным действиям. Он всё чаще повторяет те из них, которые ближе всего ведут его к цели, которые наиболее эффективны, и всё реже совершает безуспешные, неэффективные для него действия.

Ребёнок склонен смотреть на реакции окружающих его людей (родителей, близких, учителей и т.д.) и в зависимости от них оценивать себя, строить своё поведение, систему ценностей и устремлений. Поддержка взрослых и, прежде всего, родителей, ведёт к закреплению у ребёнка тех или иных форм поведения и отвержению других, не одобряемых ими. По мнению известного американского психолога и социолога Ч. Кули, каждый человек строит свое «Я», основываясь на реакциях других людей, с которыми он вступает в контакт. Стержень личности - это результат социального взаимодействия, в ходе которого индивид обучился смотреть на себя, как на объект, глазами других людей. Человек имеет столько «социальных «Я», сколько существует лиц и групп, о мнении которых он заботится. Решающую роль в социализации индивида отводится первичным группам - семье, друзьям, соседям. Родные и близкие люди, с которыми человека связывает общая судьба, прочно входят в его внутренний мир. Человеческое «Я», открывающееся через реакции других, известно как «зеркальное «Я» (Ч. Кули). По его мнению, другие люди - это те зеркала, в которых формируется образ «я» человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корецкий Д.А. Криминальная армалогия. - М.: Наука 2010. - 316 с.
2. Кобец П.Н., Краснова К.А. Основные причины и условия, детерминирующие бандитизм // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - М.: АСТ 2011. - №4. - 162 с.
3. Казакова В.А. Вооруженная преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы. - М.: Правда 2003. - 266 с.

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В РК И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент*

*Джармугамбетов Канат Акжанович
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Институт уголовно-исполнительной преюдиции получил свое дальнейшее развитие в УИК РК 1997 г. Прежде всего указанные преюдиции имеют место в ряде норм, регулирующих исполнение наказаний, чаще всего в нормах, устанавливающих признаки злостного нарушения условий отбывания наказаний. Так, уголовное законодательство закрепляет замену штрафа в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей УК РК. Такая замена производится только в случае злостного уклонения от его уплаты (ч. 5 ст. 41 УК РК). По аргументам, приведенным ранее, указанную норму можно отнести к числу преюдиционных. Злостно уклоняющимся от отбывания обязательных работ признается, в том числе, осужденный: более двух раз в течение месяца не вышедший на обязательные работы без уважительных причин; более двух раз в течение месяца нарушивший трудовую дисциплину. При этом за указанные нарушения осужденный должен быть предупрежден уголовно-исполнительной инспекцией об ответственности. В отношении осужденных, уклоняющихся от отбывания обязательных работ, уголовно-исполнительная инспекция направляет в суд представление о замене обязательных работ другим видом наказания.

В отношении осужденных к исправительным работам, нарушающих порядок и условия отбывания наказания, предусмотрена возможность предупредить его в письменной форме о замене исправительных работ другим видом наказания, а также обязать осужденного до двух раз в месяц являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации (ч. 2 ст. 41 УИК РК). Осужденный, продолжающий уклоняться от отбывания данного наказания, может быть признан злостно уклоняющимся только после объявления ему предупреждения в письменной форме за любое из следующих нарушений: неявка на работу без уважительных

причин в течение пяти дней со дня получения предписания уголовно-исполнительной инспекции; неявка в уголовно-исполнительную инспекцию без уважительных причин; прогул или появление на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения (ч. 3 ст. 41 УК РК).

В ст. 41 УИК РК содержится преюдициальная норма, применяемая в отношении осужденных, отбывающих исправительные работы. Согласно ч. 5 данной статьи в отношении осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания исправительных работ, уголовно-исполнительная инспекция направляет представление об их замене другим видом наказания. Эту норму можно назвать вторичной преюдициальной нормой, так как ее применению предшествует другая преюдициальная норма, устанавливающая условия признания уклонения от отбывания наказания злостным.

Особенные преюдициции имеют место при исполнении наказания в виде ограничения свободы. Специфика состоит в том, что применение норм в одних случаях является признаком, характеризующим нарушение порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы, в других - характеризует злостное уклонение от отбывания данного наказания.

Признаком, характеризующим нарушение осужденным порядка и условий отбывания наказания, связанным с применением преюдициальной нормы, является нарушение им общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности. К признаку, характеризующему злостное уклонение от отбывания наказания, связанному с применением преюдициальной нормы, относится допущение осужденным нарушения порядка и условий отбывания данного наказания в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений.

Даже при неглубоком анализе приведенных норм видно, что они конкурируют между собой. В первой состав деяния заключается в нарушении общественного порядка, во второй - в недопущении нарушения порядка и условий отбывания наказания. Теоретически и практически их очень трудно развести между собой. Допущение нарушения порядка и условий отбывания наказания может выражаться, в том числе и в нарушении общественного порядка и наоборот: нарушение общественного порядка свидетельствует о допущении нарушений порядка и условий отбывания наказания. На практике трудно решать вопрос в том, когда и к какому характеру нарушения следует отнести конкретный проступок.

Данная коллизия требует своего разрешения в законе, так как отнесение осужденных, нарушающих порядок и условия отбывания наказания, к той или иной категории нарушителей влечет различные последствия. В отношении просто нарушителей начальник уголовно-исполнительной инспекции применяет меру наказания в виде официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений. Кроме того, в случае нарушения осужденным порядка и условий отбывания наказания начальник уголовно-исполнительной инспекции или замещающее его лицо может внести в суд соответствующее представление. Законодатель не уточняет характер данного представления.

При злостном уклонении осужденного от отбывания наказания, уголовно-исполнительная инспекция вносит в суд представление о замене ему неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы.

При этом если в первом случае внесение представления в суд отнесено на усмотрение начальника уголовно-исполнительной инспекции или замещающего его лица, то во втором такое представление вносится на безальтернативной основе.

При анализе преюдициальных норм, содержащихся в «Ответственность за нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде свободы и за уклонение от его отбывания», возникает вопрос о видах взысканий, которые влекут применение преюдициальных норм. Речь идет о таких мерах взыскания, как предупреждение и предостережение. Систематическое толкование уголовно-исполнительного законодательства показывает, что такие взыскания отсутствуют в других видах наказания. Более того, перечень взысканий имеет место относительно наказания в виде лишения свободы. Он отсутствует применительно к наказаниям, альтернативных лишению свободы, что, безусловно, отрицательно сказывается на их системности в практической деятельности, снижает эффективность преюдициальных норм.

Из изложенного вытекает вывод о необходимости указать в законе исчерпывающий перечень взысканий относительно ко всем видам наказаний, наличие которых влечет применение преюдициальных норм.

Уголовно-исполнительная преюдиция имеет место и в нормах, регламентирующих исполнение условного осуждения. В УИК РК, предусматривающей ответственность условно осужденных, говорится, что при уклонении таких лиц от исполнения возложенных на них обязанностей либо нарушении ими общественного порядка, за которое они привлекались к административной ответственности, уголовно-исполнительная инспекция или командование воинской части предупреждает их в письменной форме о возможности отмены условного осуждения (ч. 1).

Если условно осужденный в течение испытательного срока систематически нарушал общественный порядок, за что привлекался к административной ответственности, не исполнял возложенные на него судом обязанности, то начальник уголовно-исполнительной инспекции или командование воинской части направляет в суд представление об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда. При раскрытии понятия систематичность законодатель указывает, в том числе, на его преюдициальность: «систематическим нарушением общественного порядка является совершение условно осужденным в течение одного года двух и более нарушений общественного порядка, за которые он привлекался к административной ответственности».

Необходимо отметить, что нормы, содержащие преюдиции уголовно-правового характера, могут содержаться не только в уголовно-исполнительном законодательстве, но и в иных законах. Например, в уголовном законодательстве есть норма, содержащаяся в п. «а» ч. 7 ст. 72 УК РК: «Если в течение оставшейся неотбытой части наказания: а) осужденный совершил нарушения общественного порядка, за которое на него было наложено административное взыскание, или злостно уклонился от обязанностей, возложенных на него судом при применении условно-досрочного освобождения, суд... может постановить об отмене условно-досрочного освобождения и исполнении оставшейся не отбытой части наказания». В Постановлении Пленума Верховного Суда РК от 21 апреля 2009 г. №8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» разъясняется, что под злостным уклонением от выполнения обязанностей, возложенных судом на осужденного, предусмотренным п. «а» ч. 7 ст. 19 УК РК, следует понимать повторное невыполнение таких обязанностей после вынесения органом, контролирующим поведение осужденного, письменного предупреждения о возможности отмены условно-досрочного освобождения» (п. 23).

В сфере административного законодательства к преюдициальному можно отнести норму КоАП РК «Передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, следственных изоляторах или изоляторах временного содержания» в случае придания ей преюдициального характера. Текстуально часть вторая (преюдициальная) указанной статьи могла бы выглядеть следующим образом: «Передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, следственных изоляторах или изоляторах временного содержания и иных местах содержания по стражей, предметов, веществ или продуктов питания, приобретение, хранение или использование которых запрещено законом, лицом, ранее в течение года привлекавшимся к административной или дисциплинарной ответственности за указанные деяния, взыскание за которые не снято в установленном законом порядке».

Анализ преюдициальных норм, содержащихся в УИК РК, показывает, что значительная их часть посвящена определению понятия злостного нарушения порядка и условий отбывания наказания. Злостным может быть признано такое нарушение, за которое осужденный был повторно водворен в штрафной изолятор, если с момента первого водворения не истек год.

Основными элементами данного вида злостного нарушения являются:

– определенный срок давности нарушения в течение года, до истечения которого оно подлежит учету для квалификации в качестве злостного нарушения;

- повторность, то есть совершение нарушения два и более раз;
- применение за совершение каждого из них только одного вида взыскания - водворения в штрафной (дисциплинарный) изолятор.

Нарушения режима, перечисленные в УИК РК, не являются злостными, если за их совершение применены взыскания в виде выговора или дисциплинарного штрафа. Данные взыскания указывают на невысокую степень общественной опасности нарушений. Согласно УИК РК нарушения режима характеризуются как злостные при условии назначения за их совершение следующих мер взыскания: водворение в исправительных колониях или тюрьмах в штрафной изолятор на срок до 15 суток; перевод осужденных мужчин в исправительных колониях общего и строгого режимов в помещения камерного типа, а в колониях особого режима - в одиночные камеры на срок до шести месяцев; перевод осужденных мужчин в единые помещения камерного типа на срок до одного года в колониях особого режима; перевод осужденных женщин в помещения камерного типа на срок до трех месяцев.

Применение преюдиционных норм к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, является основанием для признания злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Последнее влечет определенные последствия для осужденного, меняет его правовой статус. В частности, осужденные, отбывающие наказание в обычных условиях, признанные таковыми, переводятся в строгие условия отбывания наказания. Они имеют особое правовое положение: а) осужденным, отбывающим наказание в исправительных колониях общего режима на строгих условиях разрешается ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, помимо средств, указанных в УИК РК, иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере двух тысяч тенге; иметь два краткосрочных и два длительных свидания в течение года; получать три посылки или передачи и три бандероли в течение года; пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью полтора часа; б) осужденным, отбывающим наказание в исправительных колониях строгого режима на строгих условиях разрешается ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, помимо средств, указанных в УИК РК, иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере одной тысячи тенге; иметь два краткосрочных свидания и одно длительное свидание в течение года; получать две посылки или передачи и две бандероли в течение года; пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью полтора часа (УИК РК); в) осужденным, отбывающим наказание в исправительных колониях особого режима на строгих условиях разрешается ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, помимо средств, указанных в ч. 2 ст. 88 УИК РК, иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере семисот тенге; иметь два краткосрочных свидания в течение года; получать одну посылку или передачу и одну бандероль в течение года; пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью полтора часа (УИК РК).

Анализ проступков, за совершение которых осужденный может быть признан злостным нарушителем условий отбывания наказания, свидетельствует об их неоднозначности применительно к теме диссертационного исследования. По мнению соискателя, законодатель учитывает тяжесть не проступка, а мер взыскания. Отсюда, например, осужденный, привлеченный к дисциплинарной ответственности за повторное нарушение дисциплины строя или иного малозначительного проступка, может быть признан злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

Заслуживает внимания предложение С.Л. Бабаяна о совершенствовании преюдиционной нормы, содержащейся в УИК РК: «Злостным может быть признано также совершение в течение года двух менее тяжких нарушений, перечисленных в части второй настоящей статьи, если за каждое из этих нарушений осужденный был подвергнут взысканию в виде водворения в штрафной изолятор». При этом менее тяжкими нарушениями установленного порядка отбывания наказаний являются: самовольный выход за пределы изолированного участка; умышленное уклонение от обучения в общеобразовательной школе и профессиональном училище; передача или попытка передачи осужденным, содержащимся в штрафных (дисциплинарных) изоляторах или помещениях камерного типа, а также одиночных камерах, продуктов питания, вещей и иных предметов; недобросовестное отношение к труду; само-

вольное оставление в ночное время общежитий колоний-поселений; несоблюдение распорядка дня. К незначительным С.Л. Бабаян относит все другие нарушения.

Нельзя не разделить точку зрения Т.Г. Антонова о необходимости конкретизации понятия «злостность». «Несмотря на то, что отдельные уголовно-исполнительные правонарушения могут быть различными в зависимости от того, уклонение от отбывания какого наказания или иной меры уголовно-правового характера происходит, при юридическом закреплении категории злостности законодатель должен использовать единый подход». В связи с этим он предлагает следующее общее определение злостного уклонения от отбывания наказания: «Злостно уклоняющийся от отбывания наказания или иной меры уголовно-правового характера признается осужденный, допустивший без уважительной причины повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания или иной уголовно-правовой меры в течение определенного промежутка времени после применения к нему уголовно-исполнительных (либо административных) мер взыскания, предусмотренных законом».

Исследование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в целом и преюдиционных уголовно-исполнительных норм в частности свидетельствует об их разнотипности, и это обуславливает необходимость осуществить их классификацию.

Правильная классификация преюдиций имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как знание свойств того или иного вида преюдиций, положенных в основу классификации, позволяет определить их место в механизме правового регулирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ УБИЙСТВ ДЕТЕЙ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент*

*Досов Абикеш Умурзакович
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Специальные меры по предупреждению детоубийств направлены на противодействие непосредственно таким преступным проявлениям. Это деятельность органов, подразделений, служб и сотрудников, обеспечивающих борьбу с преступностью, осуществляемую в пределах их компетенции, направленную на недопущение совершения детоубийств путем выявления, нейтрализации и устранения факторов, влияющих на их совершение, оказания профилактического воздействия на лиц, способных совершить убийства детей. Сюда же можно отнести и своевременное раскрытие таких преступлений.

Задачами предупредительной деятельности являются: устранение, минимизация криминогенных факторов, оказание профилактического влияния на потенциальных преступников и потерпевших путем осуществления оперативно-розыскной деятельности, мероприятий медицинского и профилактического характера в отношении ранее судимых лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, и лиц, страдающих психическими расстройствами, виктимологической профилактики несовершеннолетних.

В первую очередь необходимо рассмотреть вопрос о предупреждении убийств детей со стороны лиц, имеющих психические аномалии, поскольку в результате изучения нами материалов уголовных дел и заключений комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз, они выявлены у большинства виновных. Причем не малую долю составляют лица,

имеющие психические отклонения, не исключаяющих их вменяемость.

Наличие у человека психических аномалий создает трудности в усвоении им моральных, нравственных, правовых норм, не дает возможности адекватно воспринимать происходящее, особенно если это стрессовая ситуация. Соответственно психические аномалии влияют на выбор поведения лица, формирование мотивов и непосредственно на совершение преступления.

Профилактические меры, по нашему мнению, должны осуществляться и в отношении отбывающих наказание лиц, совершивших убийства детей, при наличии психических расстройств или парафилий, которые уже сыграли свою криминогенную роль в их преступном поведении. В данном случае необходимо говорить не о нарушении прав осужденных, страдающих психическими расстройствами, а о защите тех, кто может стать их жертвой.

Следовательно, к специальным мерам предупреждения детоубийств относится целенаправленная работа с лицами, попавшими в поле зрения правоохранительных органов и имеющими психические аномалии.

Первичной профилактикой агрессивного противоправного поведения женщин с психическими расстройствами может выступить ранняя диагностика психической патологии в психиатрической, и реже, в соматической сфере. Важным аспектом профилактики детоубийств является учет врачами-психиатрами, наблюдавшими женщин в диспансере, факторов риска и вероятности совершения ими преступления, необходимо оказание своевременной медицинской помощи, госпитализация в психиатрический стационар, как по желанию, так и против воли. Кроме непосредственного оказания медико-психиатрической помощи одной из важнейших форм профилактики детоубийств, совершаемых женщинами с психическими расстройствами, является осуществление комплекса мер, направленных на пресечение контактов таких женщин с детьми, в случае, если их общение представляет опасность для жизни и здоровья последних. В соответствии со ст. 77 Семейного кодекса РК возможно немедленное отобрание ребенка у матери, если имеется непосредственная угроза жизни или здоровью ребенка. Если оставление ребенка с матерью опасно для него в связи с ее психическим расстройством, то возможно применение нормы ограничения родительских прав.

С иском об ограничении родительских прав могут выступать работники сферы образования (учителя, воспитатели детских садов), врачи-педиатры, сотрудники полиции, органы опеки и попечительства. В обязанности вышеуказанных лиц входит защита детей от преступных посягательств, поэтому они обязаны оказать содействие немедленному отобранию ребенка у матери в случае, когда имеется опасность его жизни и здоровью.

Многие из совершенных убийств членов семьи можно было бы предотвратить при оказании своевременной эффективной психиатрической, психоаналитической и психокоррекционной помощи. Главной причиной убийств членов семьи является то обстоятельство, которое не дает возможности потенциальному преступнику увидеть другой, социально допустимый, непроступный путь из сложившейся ситуации. Личность сама в силу своих психологических черт подсознательно подходит к совершению преступления. Своевременная психологическая и психиатрическая помощь и поддержка данных лиц служит важной предупредительной мерой совершения ими правонарушений.

Важное значение оказания своевременной психиатрической помощи имеет место в предупреждении убийств детей, совершаемых взрослыми, у которых обнаруживают сексуальные расстройства, направленные на несовершеннолетних, необходимо рассматривать в контексте профилактики агрессивного сексуального поведения. Можно выделить первичную и вторичную профилактику.

Первичная профилактика агрессивного сексуального поведения носит неспецифический характер. В биологическом аспекте она должна быть направлена на предотвращение воздействия факторов вредностей в период половой дифференцировки мозга (между 12-й и 23 - й неделями беременности). Социально-психологический аспект представляется достаточно сложным и многогранным. По-видимому, роль неполных (без отца) семей в патогенезе нарушений половой идентичности и парафилий недооценивается. В частности, этот факт должен учитываться в педагогической работе - в обеспечении по мере возможности контакта таких детей с педагогами - мужчинами или возвращении - возможно, в какой-либо иной

форме - института наставничества. Проблема насилия в семье неразрешима без фундаментального изменения отношения общества к ней: если сексуальное насилие над детьми однозначно осуждается, то к физическому отношению примиренческое или даже поощрительное. Отнюдь не настаивая на введении цензуры, все же нельзя отрицать необходимость ограничения демонстрации детям сцен насилия.

Вторичная профилактика представляется возможной в нескольких направлениях. Первое из них - своевременное выявление предикторов агрессивного сексуального поведения. Высокая частота поражения дизэнцефальной области с расстройствами влечений несексуального круга у лиц с агрессивным сексуальным поведением в рамках парафилий указывает на необходимость особого внимания к диспансерному наблюдению и лечению детей с подобной патологией у врачей различных специальностей с обязательным привлечением сексологов и психиатров. Несомненна и важность дальнейшей разработки и внедрения новых методов психокоррекционной работы с детьми и подростками с аутизмом и парааутистическими образованиями.

Второе направление - своевременная и квалифицированная диагностика нарушений половой идентичности и аномалий сексуального влечения, в частности, с использованием психофизиологических методов, широко распространенных за рубежом и практически отсутствующих в РК.

Третье направление заключается в расширении области использования специальных познаний психиатров, сексологов и психологов, повышении качества экспертной работы и мер по организации принудительного лечения сексуальных правонарушителей.

Взаимодействие подразделений органов внутренних дел с другими субъектами профилактики представляет собой урегулированную нормами права совместную деятельность сотрудников инспекции по делам несовершеннолетних, патрульно-постовой службы, службы участковых уполномоченных полиции, уголовного розыска и др. и государственных, а также негосударственных субъектов системы профилактики, направленную на повышение результативности мероприятий по предупреждению убийств детей.

Взаимодействие между указанными органами осуществляется как непосредственно, т.е. путем установления прямых контактов между субъектами взаимодействия и постановки, планирования, разработки конкретных планов и задач, для выполнения обязанностей, а так же опосредованное, т.е. не предполагающее установления контактов между взаимодействующими субъектами. На наш взгляд, непосредственное взаимодействие субъектов является более эффективным, поскольку происходит совместная, согласованная работа, с постоянным обменом информации и совместным принятием необходимых решений.

Для системы взаимодействия в сфере предупреждения убийств детей можно выделить такие виды совместной деятельности как:

- взаимное информирование о семьях, находящихся в социально-опасном положении;
- осуществление совместного планирования отдельных мероприятий направленных на предупреждение убийств детей в семьях, разработку планов проведения оперативно-профилактических мероприятий с трудными семьями;
- проведение совместных методических семинаров и совещаний по обмену опытом работы, участие представителей одних взаимодействующих органов, осуществляющих предупредительную работу, в семинарах и совещаниях, проводимых другими.

Так, на подобных мероприятиях совместно с работниками уголовного розыска, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, работниками органов образования анализируется оперативная обстановка и эффективность мер, направленных на противодействие наркомании, токсикомании, систематического употребления спиртных напитков несовершеннолетними, а также о случаях совершения насилия в отношении детей вплоть до их убийства;

- совместно с представителями органов по делам молодежи, здравоохранения, образования, сотрудниками правоохранительных органов и подразделений по делам несовершеннолетних и защите их прав разрешаются проблемы организации обучения, труда, оздоровительного отдыха и досуга несовершеннолетних, проживающих в неблагополучных семьях;

– подготовка проектов региональных комплексных программ по усилению борьбы с преступностью в отношении несовершеннолетних, в данном случае разработка программ, направленных на предупреждение детоубийств.

Нельзя упускать из виду и умалять значимость взаимодействия правоохранительных органов и средств массовой коммуникации в сфере предупреждения детоубийств. Стоит уделить внимание совместной работе по подготовке и трансляции в прайм-тайм передач, по вопросам, связанным с профилактикой детоубийств. Это могут быть прямые эфиры, в которых принимают участие сотрудники правоохранительных органов, медицинские работники и работники сферы образования, с «горячей линией», примерными темами: «Насилие в семье», «Проблемы современной семьи»,

«Мы рядом» и др., для того, чтобы можно было вести открытый диалог со зрителями, имеющими возможность дозвониться и задать интересующие вопросы, а также получить ответ и консультацию о действиях, которые необходимо принять в сложившейся ситуации.

К числу перспективных направлений деятельности инспекторов по делам несовершеннолетних относится работа с учащимися в общеобразовательных учреждениях, целью которой должно стать правовое и морально-нравственное воспитание детей, возможность ведения открытого диалога с подростками, в особенности с теми, кто отличается склонностью к антиобщественному образу жизни, курению табака, употреблению алкоголя, стремящимися проводить свой досуг в «плохих» компаниях. Ведение профилактических бесед с учениками, возможность выбора индивидуального подхода к каждому ребенку может стать эффективным шагом в предупреждении преступлений, совершаемых как самими несовершеннолетними, так и в отношении них. Также в рамках работы возможна демонстрация фильмов, презентаций, пропагандирующих законопослушный, здоровый образ жизни, обучающих правилам соблюдения личной безопасности детей, с целью формирования у них антивиктимного поведения.

Совместная деятельность с социальными педагогами на ранних стадиях позволяет выявить неблагополучные семьи и незамедлительно принять меры по улучшению микроклимата в них.

Органы и учреждения образования, наряду с основными задачами и функциями по формированию у учащихся общей и профессиональной культуры, адаптации личности к жизни в обществе, воспитанию гражданственности, должны противодействовать формированию у учащихся отклонений, вызванных частыми семейными конфликтами и отрицательным воздействием со стороны родителей, злоупотребляющих алкоголем, наркотиками, ведущим к аморальному образу жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ НАСИЛЬСТВЕННУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ В РК

Алмуханов Бекетай Уракбаевич

Общеизвестно, что изучение детерминант преступности - одна из составляющих предмета криминологии. Это центральная и, пожалуй, самая сложная из всех проблем криминологической теории, разрешение которой позволяет выработать ряд действенных мер борьбы с этим негативным явлением.

Сегодняшняя система криминогенной детерминации включает специфический комплекс детерминант: причины, условия, коррелянты. При этом общепризнанной является точка зрения, согласно которой детерминация насильственной преступности, как и преступности в целом, имеет, прежде всего, социальный характер. Именно в обществе, в котором существует преступность и которому она наносит урон, кроются ее детерминанты.

В криминологической литературе в качестве причины насилия в целом преимущественно указываются глубинные факторы: социальная напряженность, общественная депрессия, упадок общественного настроения, повышенная конфликтогенность определенных слоев населения, затянувшийся экономический кризис, а также неудовлетворенные социальные потребности, приводящие, как отмечает профессор Я.И. Гишинский, «к сверхборьбе за сверхсуществование».

При этом современная нестабильность социально-экономического состояния в стране, снижение авторитета государственной власти, эскалация протестных настроений в социуме и прочее явно порождают и усиливают указанные факторы. Кроме того, это способствует и высокому уровню тревожности во всех слоях общества, что наряду с распространенностью представления о допустимости применения насилия для решения каких-либо жизненных задач, низким уровнем правосознания, незаконным оборотом оружия и относительно легкого доступа к нему, как отмечает профессор Ю.М. Антонян, также является причиной криминального насилия.

Нельзя не согласиться и с профессором Э.Ф. Побегайло, который детерминацию насильственной преступности связывает, прежде всего, с дезорганизацией двух наиболее сильных социальных потребностей современного общества - социальной стратификацией и социальной мобильностью, а также такими происходящими общественными процессами, как «миграция, национальный и религиозный экстремизм, вооруженные конфликты».

В то же время, криминальному насилию способствуют недостатки в формировании личности, «деморализация, связанная с алкоголизацией и наркотизацией, промискуитетом, националистические, этноцентристские и субкультурные традиции, идеология и стандарты поведения криминальных и криминализованных структур», а также другие специфические причины, обозначающиеся в криминологической литературе.

Необходимо подчеркнуть, что немаловажное значение в причинном комплексе многих преступлений насильственного характера играет и виктимное поведение. Так, согласно данным С.Н. Абельцева, из общего числа лиц, потерпевших от криминального насилия (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью), чье поведение в той или иной мере было виктимным, 72% приходится на убийство, 68% - на причинение тяжкого вреда здоровью.¹⁸² По данным Д.В. Ривмана, виктимное поведение среди жертв убийств в возрасте 26-30 лет наблюдается у 92,3%, среди жертв причинения тяжкого вреда здоровью этой же возрастной категории - у 59,9%. По данным Г.Б. Дерягина, значительная часть потерпевших (40%) от изнасилований сама провоцирует преступника (как правило, фривольным поведением) на сексуальные контакты.

Кроме того, в криминологической литературе указывается, что тяжкие насильственные преступления преимущественно (более 50%) совершаются в конфликтной ситуации с «выяснением отношений» нескольких субъектов, и только случай определяет, «кто из них оказывался жертвой, а кто обвиняемым». Так, по данным С.Н. Абельцева, споры, скандалы, выяснения отношений (разборки, драки, потасовки и т.п.) в 79% случаях предшествуют убийствам и в 80% случаях - причинению тяжкого вреда здоровью. По данным Е.Б. Кузьми-

ной, «в 47% случаев при совершении убийств лицами женского пола жертвы перед посягательством вели себя аморально или противоправно (но не преступно), а в 6,7% случаев - преступно». При этом в 92,7% случаев «партнеры в преступлении» (Г.И. Шнайдер) как минимум были знакомы, а в 94% - перед насильственным посягательством жертва пребывала в состоянии алкогольного опьянения.

Заметную роль в системе причин и условий преступности ученые-правоведы отводят и деятельности так называемой «индустрии досуга». «Печать, телевидение, радио, кино, - обозначают криминологи, - фактически рекламируют преступное поведение и преступников, демонстрируют способы совершения преступлений, внушают мысль о том, что преступления - обычный способ самовыражения и разрешения конфликтов». При этом тесная связь СМИ с преступностью давно известна и подтверждается многочисленными исследованиями зарубежных и отечественных ученых.

В предыдущих двух параграфах уже отмечалось и как с развитием самих СМИ менялось их воздействие на личность, последующее преступное поведение, и чем выражен основной механизм их влияния на насильственную преступность. В свою очередь, все это позволяет говорить о том, что само воздействие СМИ на преступность связано с медианасилием, которое стало не только социально-философской и психологической проблемой, но и криминологической.

Прежде всего, отметим, что к понятию «медианасилие» в научной литературе отношение не однозначное, что делает термин довольно расплывчатым. Например, норвежский социолог Й. Галтунг под ним («культурное насилие») понимает «любой аспект культуры, который может использоваться для легализации насилия в его прямой и структурной форме»¹⁹⁰. У отечественного ученого А.Н. Фортунатова медианасилие «предстает то как прямая зависимость человека от медиасигналов, то как особая форма принудительности, вырабатывающая механизмы подавления личности, то как вид немотивированной агрессии или социального безволия». Д.В. Жмуров под медианасилием устанавливает «аудиальное, визуальное или иное интерактивное изображение сцен жестокости и агрессии». Тем не менее, большинство ученых, как зарубежных, так и отечественных, рассматривают этот термин как насилие на экране. Так, Дж. Гербнер и его коллеги, производя в 60 - 70-х гг. XX в. систематический анализ телевизионного насилия, определили его как «открытое применение физической силы против себя или другие принудительные действия, осуществляющиеся против чьей-либо воли под страхом нанесения телесных повреждений или убийства, либо на фактическом осуществлении последних». Отечественный исследователь медианасилия («насилие на экране») К.А. Тарасов определил под ним аудиовизуальное изображение разновидности «социального взаимодействия, в котором одно действующее лицо (или группа лиц) осуществляет негативное принуждение по отношению к другому действующему лицу (или группе лиц) посредством угрозы или реального применения физической силы, имеющее своим последствием телесные повреждения, моральный и имущественный ущерб»¹⁹⁴. Интересной представляется и позиция И.Г. Тропиной, которая под медианасилием («экранное насилие») понимает «такую репрезентацию физической объективации живого существа, которая отражает не только представление о насилии в данной культуре, но и видение человека и межличностных отношений». Следует отметить и то, что медиана-силие (с позиции художественного насилия) трактуется и как новый раздел культурологии, «где предметом изучения стало взаимодействие с искусством широких масс населения в процессе их художественной деятельности».

На наш взгляд, огромное значение имеет масштабность подхода к данному понятию. Если рассматривать его в узком смысле слова, то медианасилие есть не что иное, как текстовая, аудиальная, аудиовизуальная информация, передаваемая по каналам СМИ в информационную среду и содержащая описательный или изобразительный механизм насильственного действия (физического, психологического, сексуального).

Однако учитывая способность СМИ к массовому социальному влиянию посредством психологического воздействия, в трактовку данного термина, полагаем, нужно вкладывать более широкий смысл. В этом ключе под медианасилием следует рассматривать информационно-психологическое воздействие средств массовой информации, имеющее деструктивный, антиобщественный, антиличностный характер, прямо или косвенно ведущее к изменению

социального поведения, мнения об окружающей действительности, способствующее десенсбилизации личности, ее преступному или виктимному поведению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Методические рекомендации по сравнительному анализу законодательств государств - участников СНГ, разработанные Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. В кн.: Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. - М.: Норма. 1996. - 415 с.
2. Национальная безопасность Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы / Коллектив авторов - Минск: Академия МВД. 2010. - 227 с.

ПОНЯТИЕ ФОРМАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ НАЦИОНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Алмуханов Бекетай Уракбаевич

к.ю.н., доцент

Дюсенбаева Гульдана Толеухановна

Магистрант 1 года обучения

Специальность «Юриспруденция»

Проецируя общеправовое понимание формальных (юридических) источников права в область права уголовного, можно в качестве исходного тезиса определить, что его отраслевыми источниками являются определенные правовые акты, выступающие в качестве внешней формы выражения уголовно-правовых норм. Однако очевидно, что этот общий тезис не способен дать сколько-нибудь полного представления о формальных источниках уголовного права; он скорее, позволяет лишь обозначить направления научного поиска, подчеркивая неразрывную связь исследуемого понятия (юридический источник уголовного права) с понятием «уголовно-правовая норма». Если юридические источники уголовного права выступают в качестве внешней формы выражения уголовно-правовых норм, то уголовно-правовые нормы представляют собой содержание формальных источников уголовного права, что обязывает нас уделить изучению уголовно-правовых норм самое пристальное внимание.

Известно, что «форма не может объективно существовать, если она не наполнена определенным содержанием». Сказанное полностью применимо и к юридическим источникам уголовного права, которые немислимы в отрыве от своего содержания - уголовно-правовых норм. Не случайно в теории уголовного права вопрос о возможности признания того или иного правового акта формальным источником уголовного права решается именно в зависимости от его содержания. Если правовой акт содержит уголовно-правовые нормы, то он наделяется статусом юридического источника уголовного права, если же в нем содержатся исключительно не уголовные нормы, то он формальным источником уголовного права не признается.

Подобный подход к пониманию формальных (юридических) источников уголовного права в целом можно признать верным и взять его за основу, хотя он и нуждается в целом ряде существенных уточнений. Во-первых, следует уточнить, какие именно юридические нормы являются уголовно-правовыми, что неизбежно выводит нас на объективно непростую проблему предмета уголовного права (уголовно-правового регулирования). Во-вторых, необходимо выяснить, какие нормативные предписания входят в содержание уголовно-правовых норм. Наконец, в-третьих, при определении юридических источников уголовного права нельзя не учитывать тот факт, что нормативные предписания, образующие содержание уголовно-правовых норм, могут быть зафиксированы в нескольких правовых актах, в связи с чем автоматически возникает вопрос о статусе последних. Полагаем, что правильное решение этих вопросов позволит углубить существующие теоретические представления о формальных (юридических) источниках уголовного права и во многом по-новому взглянуть на исследуемый феномен.

Итак, вопрос о формальных источниках уголовного права (уголовно-правовых норм) тесно связан с вопросом о предмете уголовно-правового регулирования, поскольку уголовно-правовая отраслевая принадлежность юридической нормы (а значит, и возможность признания содержащего ее правового акта источником уголовного права), может быть констатирована только в том случае, если соответствующая норма регулирует уголовно-правовые отношения. Проблема определения предмета уголовно-правового регулирования является одной из ключевых проблем уголовно-правовой науки. И это не случайно, поскольку именно предмет уголовного права определяет его отраслевую специфику, позволяет говорить об уголовном праве как о самостоятельной отраслевой единице. Однако несмотря на принципиальное значение вопроса о предмете уголовно-правового регулирования, он не получил общепризнанного решения. Анализ и обобщение богатейшей палитры мнений по указанному вопросу позволяют заключить, что в предмет уголовного права входят три группы общественных отношений:

1. Общественные отношения, возникающие вследствие совершения преступления между государством и лицом, совершившим преступное деяние (так называемые «охранительные» общественные отношения), принадлежность которых к предмету уголовно-правового регулирования признается подавляющим большинством специалистов. 2 Содержанием этих отношений являются комплекс взаимосвязанных и корреспондирующих прав и обязанностей субъектов: право государства применить наказание или иные меры уголовно-правового характера к лицу, совершившему преступление, и корреспондирующая этому праву обязанность лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, подвергнуться соответствующим мерам; право лица, совершившего преступление, быть судимым по закону места и времени совершения преступления, на объективную и законную квалификацию совершенного деяния, на индивидуализацию наказания, на освобождение от ответственности или от наказания и корреспондирующие этим правам обязанности государства.

2. Общественные отношения, возникающие в связи с фактом совершения общественно опасных деяний, предусмотренных УК РК, невменяемыми лицами. Как известно, в период обсуждения концепции ныне действующего УК РК 2014 г. отдельные ученые выступали за исключение из уголовного закона положений относительно юридических последствий совершения общественно опасного деяния лицами, не способными нести уголовную ответственность (малолетними и невменяемыми), доказывая, что они должны быть регламентированы в самостоятельном законе. Не вдаваясь в рассуждения об обоснованности такого законодательного решения, отметим, что законодатель, включив в УК РК раздел 7 «Принудительные меры медицинского характера», тем самым официально подтвердил уголовно-правовую природу общественных отношений, возникающих по поводу совершения общественно опасных деяний невменяемыми лицами. Такого же мнения придерживается и Конституционный Суд РК, который подчеркнул, что «определение оснований и условий применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим в состоянии невменяемости деяния, запрещенные уголовным законом, либо оснований передачи необходимых материалов органам здравоохранения для решения вопроса о лечении этих лиц или направлении их в психоневрологические учреждения социального обеспечения в порядке, предусмотренном законодательством РК о здравоохранении, находится в сфере уголовно-правового регулирования и уголовно-правовых отношений».

Содержание указанных правоотношений составляют: право государства применить к невменяемому принудительные меры медицинского характера и корреспондирующая этому праву обязанность невменяемого лица, совершившего общественно опасное деяние, подвергнуться принудительному лечению; право невменяемого на законное избрание вида принудительных мер медицинского характера, их изменение и отмену при наличии указанных в законе обстоятельств и т.п. и корреспондирующие обязанности государства.

3. Общественные отношения, возникающие по поводу правомерной реализации гражданами права на причинение вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния (их принято называть «дозволительными» отношениями). Хотя идея об уголовно-правовой природе указанных общественных отношений снискала немало сторонников в научном сообществе (А.В. Наумов, А.Н. Тарбагаев, В.Д. Филимонов, А.А. Чистяков, Б.В. Яце-

ленко и др.), отдельные специалисты относятся к ней довольно скептически. Высказывая сомнения в возможности отнесения «дозвоительных» отношений к предмету уголовного права, они отмечают, что право на причинение вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, является конституционным, но не уголовно-правовым полномочием, а отношения по поводу правомерного причинения вреда регулируются уголовным правом лишь в случае нарушения условий правомерности причинения вреда. Однако сомнения в уголовно-правовой природе «дозвоительных» общественных отношений представляются безосновательными. Дело в том, что объем прав граждан на причинение уголовно-значимого вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, основания возникновения соответствующих прав, условия и пределы их осуществления устанавливаются отнюдь не конституционными, а уголовно-правовыми нормами. И именно на основании уголовно-правовых норм правоприменительные органы делают вывод как о самом наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, так и о соблюдении условий правомерности причинения вреда при их наличии, что позволяет считать рассматриваемые общественные отношения составной частью предмета уголовного права.

Содержанием этих отношений являются, с одной стороны, права граждан: на причинение вреда охраняемым уголовным законом отношениям и интересам при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния (разумеется, при соблюдении установленных УК РК условий правомерности); на признание такого деяния правомерным, а с другой стороны – обязанность государства в лице правоприменительных органов признать вред, причиненный лицом при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, правомерным и не привлекать лицо к уголовной ответственности.

Изложенное видение предмета уголовно-правового регулирования позволяет заключить, что формальными (юридическими) источниками уголовного права могут считаться только те правовые акты, которые содержат юридические нормы, регулирующие указанные выше виды общественных отношений. Очевидно, что основным таким актом является УК РК. Однако внимательный анализ показывает, что к числу юридических источников национального уголовного права можно отнести еще целый ряд нормативных правовых актов, которые содержат правовые нормы, регулирующие уголовно-правовые отношения.

В частности, с точки зрения предмета уголовно-правового регулирования формальным источником уголовного права необходимо признать УИК РК, который содержит отдельные нормы, регулирующие охранительные уголовно-правовые отношения (возникающие вследствие совершения преступления между государством и лицом, совершившим преступное деяние).

А поскольку определение видов и правил назначения исправительных учреждений, предназначенных для отбывания наказания в виде лишения свободы, а также оснований освобождения от наказания относится к предмету уголовного права, указанные нормы УИК РК по своей отраслевой природе являются уголовно-правовыми, что дает основание для признания УИК РК одним из формальных источников уголовного права.

Приведенные примеры, перечень которых можно было бы продолжить, не оставляют сомнений в том, что в действительности уголовно-правовые нормы содержатся и в тех нормативных правовых актах, которые не входят в состав уголовного законодательства и не предназначены для регулирования уголовно-правовых отношений. А значит, соответствующие нормативные правовые акты необходимо признавать юридическими источниками уголовного права, несмотря на их иную, неуголовную отраслевую принадлежность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная безопасность Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы / Коллектив авторов - Минск: Академия МВД. 2010. - 227 с.
2. Нижник Н.Р., Ситник Г.П., Белоус В.Т. Национальная безопасность Украины (методологические аспекты, состояние и тенденции развития) / Под общ. ред. П.В. Мельника, Н.Р. Нижника. - М.: Наука, 2003. - 420 с.

ОРГАНИЗОВАННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Айсин Сайкен Бахытович

к.ю.н., доцент

Елиманов Еркебулан Курбанказиевич

Магистрант 1 года обучения

Специальность «Юриспруденция»

В отечественной криминологии отсутствует общий взгляд на проблему соотношения этих явлений. По мнению одних ученых, применительно к организованному мошенничеству «необходимо отграничивать организованные преступные формирования как элементы, входящие в систему организованной преступности, от организованных преступных групп, которые могут существовать в рамках групповой преступности».

Другие авторы, напротив, рассматривают мошенничество как самостоятельный и обладающий большим криминальным потенциалом сегмент организованной преступности [1].

Разногласия в решении этого вопроса в большинстве своем вызваны отсутствием четкой договоренности по поводу предмета спора. В частности, нет определенности в понимании организованной преступности и ее основных признаков.

В стремлении избежать дисциплинарной ограниченности («криминологизации») исследований, многие специалисты прибегают к психологическим, экономическим и иным методам ее анализа.

В частности, концепция М. Вебера о «жажде наживы» легла в основу оценки организованной преступности как формы рационального капиталистического предпринимательства, подчиненного законам рынка.

На ее экономическую, или предпринимательскую, составляющую обращают внимание и специалисты Организация Объединенных Наций. В одном из докладов Генерального секретаря ООН организованной преступностью была названа «деятельность объединений преступных групп или группировок, объединившихся на экономической основе. Эти группировки очень напоминают банды периода феодализма, которые существовали в средневековой Европе. Экономические выгоды извлекаются ими путем предоставления незаконных услуг и товаров или путем предоставления законных услуг и товаров в незаконной сфере».

Секретариат ООН несколько расширил это определение и предложил понимать под организованной преступностью «сложные уголовные виды деятельности, осуществляемые в широких масштабах организациями или другими группами, имеющими внутреннюю структуру, которые получают финансовую прибыль и приобретают власть путем создания и эксплуатации рынков незаконных товаров и услуг» [2].

В основу экономического подхода закладывается тезис о том, что организованная преступность, как любая коммерческая деятельность, предполагает наличие профессионализма, компетентности, предпринимательских навыков, эффективного управления, знание конъюнктуры рынка и умение выстраивать имидж.

Подход, ориентированный на оценку рассматриваемого явления как формы рискованного предпринимательства, представляет большой научный интерес хотя бы потому, что вскрывает не оцененные отечественной криминологией свойства организованной преступности и позволяет применить к их изучению законы рынка. Но в то же время он существенно сужает содержательные границы понятия, оставляя за его рамками организации, не занимающиеся незаконным оборотом товаров и услуг. Таким образом, из сферы организованной преступности автоматически исключаются бандитизм, незаконные вооруженные формирования и организованное мошенничество общеуголовной направленности, что вряд ли можно считать оправданным.

Гораздо более обоснованным является тезис о сложной структуре организованной преступности, включающей как экономическую, так и общеуголовную преступность. Такой подход не исключает анализ экономических критериев, но переводит их в разряд факультативных свойств организованной преступности.

Большой научный интерес представляет оценка организованной преступности как социального явления. Она позволяет выявить социальные функции организованной преступности и рассмотреть связи между членами группы. В предлагаемом контексте организованная преступность рассматривается как продукт и одновременно субъект общественного развития, который «паразитирует на обществе, на легальных структурах, использует в своей деятельности демократические институты»; «обладает способностью в своих целях изменять общественные отношения» [3].

Под организованной преступностью понимается социальная организация, имеющая особые атрибутивные свойства (открытость, целеориентированность, эквивинальность, сверхсуммативность) и принципы объединения (принципы совместимости элементов, целевой и функциональной иерархии, прогрессирующей дифференциации и прогрессирующей интеграции)».

По сути, социальный подход ориентируется на определение организованной преступности через ее конечную цель - установить скрытое господство криминальной среды над законопослушным обществом и его легитимными структурами. При этом ее состояние рассматривается как показатель уязвимости общества и государства. Как отмечает В.И. Третьяков: «именно этот вид преступности способствует выявлению дисфункции социальных институтов, испытывает прочность, крепость и надежность нормативно-ценностной структуры общества, заставляет цивилизацию постоянно заниматься укреплением своих оснований, совершенствовать и поддерживать в рабочем и боевом состоянии средства сдерживания и блокирования деструктивного напора».

Социальная оценка организованной преступности способствует расширению знаний о механизмах ее социальной мимикрии, но она не может быть положена в основу криминологического предупреждения преступности, поскольку не отражает в полной мере ее структурных особенностей.

Наиболее объемным и содержательным является криминологический подход к определению организованной преступности. Но, к сожалению, в настоящее время он не имеет общего идейного и методологического основания.

В зависимости от исходной методологической посылки исследований можно условно выделить два блока определений:

- оценка организованной преступности через совокупность совершаемых преступными группами посягательств.
- рассмотрение явления через оценку его внутренней организации. Именно организационное построение и внутреннее поведение субъектов преступной среды легло в основу позиции А.И. Долговой, В.В. Лунеева, В.С. Устинова и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ САМОВОЛЬНОГО ОСТАВЛЕНИЯ ЧАСТИ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент*

Специально - криминологическое предупреждение преступлений включает мероприятия, непосредственно направленные на устранение причин и условий совершения различных преступлений. Важное значение в борьбе с преступностью имеют совершенствование законодательства, устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Специально - криминологическое предупреждение преступлений осуществляется по нескольким направлениям:

- по отдельным видам преступлений и типам преступного поведения;
- в различных сферах общественной жизни, где происходит нравственное формирование человека, и складываются ситуации, влияющие на его поведение;
- в различных социальных группах и различных отраслях народного хозяйства (торговля, транспортное строительство), для которых характерны специфические криминогенные факторы, а также применительно к отдельным республикам, областям, экономическим районам с учётом специфики преступлений.

Специально-криминологические методы борьбы с самовольным оставлением места службы могут быть разработаны и приняты лишь самим государством. Это положение вытекает, прежде всего, из того, что уже при призыве на военную службу ущемляются многие права призывников.

В связи с этим, необходимо первоначально провести корректировку политики призыва на военную службу. Так, исполнительным директором крупнейшей международной неправительственной, не принадлежащей ни к одной политической партии правозащитной организации, базирующейся в США - Хьюман Райте Вотч, были предложены следующие шаги, которые должны предпринять законодательные и исполнительные органы для стабилизации проанализированной проблемы:

- разъяснить сотрудникам милиции, что формулировка "обеспечить явку" должна пониматься как обеспечение вручения призывникам повестки 46. Существующая интерпретация - задержание молодых людей с последующим доставлением их в военкомат ведет к нарушениям прав призывников. В связи с этим предлагается МВД разослать по органам внутренних дел разъяснение о том, что их обязанности ограничиваются установлением местонахождения призывника, вручением повестки под расписку и предупреждением в случае неявки.

- упразднить ускоренную процедуру призыва. Законодательство о воинской обязанности не предусматривает отдельного порядка процедуры призыва для потенциальных уклонистов, устанавливая единые правила для всех мужчин призывного возраста. Министерство обороны должно принять меры к прекращению применения к потенциальным уклонистам ускоренной процедуры и тщательно контролировать процесс призыва в интересах обеспечения того, чтобы в отношении каждого призываемого существующие нормы действовали в полном объеме;

- установить минимальный период между объявлением призывнику решения призывной комиссии и отправкой его к месту службы, который давал бы молодому человеку реальную возможность воспользоваться своим правом на обжалование. Действующее законодательство говорит лишь о том, что после объявления решения призывник должен отпустить домой, без уточнения конкретных сроков. Работники военкоматов используют эту недоработку в праве, чтобы отправлять потенциальных уклонистов к месту службы сразу после решения призывной комиссии [1].

Минимальный период должен быть достаточным для Задержан в армию для того, чтобы призывник мог реально воспользоваться своим правом на обжалование;

- призывная комиссия должна сообщать призывнику о его праве на обжалование. Правительству и Министерству обороны следует внести изменения в законодательство и подзаконные акты о призыве, с тем чтобы:

Обязать председателя комиссии при объявлении решения информировать призывника о его праве на обжалование.

Обязать призывную комиссию выдавать призывнику копию решения во всех случаях - лично или заказным почтовым отправлением.

Включить в текст решения о призыве разъяснения относительно права и порядка обжалования:

– разместить в доступных местах в военкоматах и на сборных пунктах информацию о правах призывников. В отсутствие других эффективных средств просвещения наиболее уязвимых категорий призывников Минобороны должно, во взаимодействии с международными организациями и группами по защите прав военнослужащих, разработать свод прав призывников, включающий право на обжалование решения о призыве и право на альтернативную службу. После этого Минобороны должно поручить всем военным комиссарам, вывесить по военкоматам такой список в общедоступном месте [2].

Раскрывая меры предупреждения совершения самовольного оставления части, необходимо иметь в виду, что одной из причин совершения данного преступления является призыв в армию лиц с нарушенной психикой. Во время медкомиссии в военкомате не допускают к службе лишь молодых людей, с ярко выраженными психическими расстройствами.

Как уже неоднократно отмечалось, одной из причин совершения такого преступления, как самовольное оставление места службы, являются так называемые неуставные отношения. Данное явление наблюдается во всех воинских подразделениях, и его наличие является очень важной проблемой, бороться с которой следует радикальными мерами. Она должна вестись разными способами. Но, несмотря на конкретное содержание путей решения проблем, цели исправления и перевоспитания должны предполагать стремление государства изменить относительно устойчивые искажения ценностно-нормативной системы, индивидуальные психологические особенности, выраженные в сознании и деятельности преступника.

Предупредить совершение уголовно-наказуемого преступления возможно путем реформирования сложившихся в армии отношений.

Для профилактики самовольного оставления части или места службы необходимо проверять состояние повседневной деятельности соединений и воинских частей, службы войск и безопасности военной службы, качество комплектования и рационального распределения военнослужащих различных национальностей по подразделениям, морально-психологическую обстановку в воинских коллективах.

В Министерстве обороны РК должны строго и принципиально подходить к оценке деятельности подчиненных должностных лиц по наведению уставного порядка, соблюдению законности и поддержанию воинской дисциплины. Таких явлений, как неуставные отношения, унижение чести и достоинства военнослужащих, самовольное оставление воинской части в современных Вооруженных силах РК быть не должно. В Минобороны детально разбирается каждый факт участившихся самовольных оставлений военнослужащими своих воинских частей.

Для искоренения этой порочной практики необходимо в уставах четко регламентировать обязанности командиров различных степеней по предупреждению преступлений подчиненных. На основе правовых норм можно установить жесткий порядок, при котором командир, когда его подчиненный совершит преступление, может быть наказан лишь в случае нарушения предусмотренных нормативным актом обязанностей по предупреждению преступлений.

Весьма положительный эффект может дать совершенствование военно-уголовного законодательства. Действующий Закон об уголовной ответственности за воинские преступления имеет ряд статей, в которых за одни и те же деяния предусмотрена наряду с уголовной и дисциплинарная ответственность. При достаточно неопределенных условиях командир, не заинтересованный в том, чтобы портить картину состояния законности в части, в большинстве случаев не привлекает военнослужащих к уголовной ответственности по этим статьям. В результате происходит деформация правосознания военнослужащих срочной службы.

Как показывают исследования, многие военнослужащие считают, что командир вправе признать дисциплинарным проступком и ограничиться соответствующими мягкими ме-

рами, не только те деяния, которые предусмотрены статьями Закона об уголовной ответственности за воинские преступления (самовольное оставление части, нарушение уставных правил караульной службы и т.п.), но и любое преступное деяние. Все это влечет к понижению правовой культуры военнослужащих.

В перспективе могут быть велики профилактические возможности военной милиции: это и борьба с безнаказанностью, масштабы которой в войсках огромны (раскрытие зарегистрированных преступлений, выявление скрытых преступных деяний), пресечение преступлений на стадии приготовления и покушения. В этом смысле любые материальные затраты на создание такой службы в армии будут оправданными.

Совершение самовольного оставления части можно предупредить на уровне роты и воинской части с помощью, так называемой микрокриминологии: изменение распорядка дня, изменение характера питания, введение патрулирования, дополнительных караульных постов, иных мер охраны. Однако эти вопросы не решаются из-за неумения командного состава проводить криминологический анализ обстановки, выявлять причины правонарушений, делать криминологические прогнозы преступности в части и индивидуального преступного поведения, вырабатывать методику предупреждения преступлений.

Большой эффект могло бы дать внедрение социологических методов в практику деятельности командования для выявления латентных, скрытых преступлений, анализа причин преступности, сигналов о преступлениях и жалоб военнослужащих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Жунусова Макпал Жасулановна
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Преступление имеет социальную природу и поэтому границы дозволенного и запрещенного поведения определяются потребностями и интересами людей, защищаемых уголовным законом. Совершив преступление, виновный вовсе не ликвидирует существовавшее «нормальное», то есть соответствующее нормам, «регулятивное» общественное отношение, носителем которого он являлся, а трансформирует его в «конфликтное», «охранительное», тем самым изменяя и свой собственный правовой статус. Иными словами, виновный в совершении преступления не устраняет качественные свойства, определяющие его принадлежность к тем или иным общественным отношениям путем создания новых и прекращения старых общественных отношений, а всего лишь изменяет их, продолжая оставаться носителем корреспондирующих прав и обязанностей, но уже подвергшихся коренной перестройке трансформированных в «охранительные» общественные отношения.

Общественные отношения, охраняемые уголовным законом в сфере безопасности труда, формируются под воздействием многих факторов. При этом не последнее место среди таких факторов занимает социально-экономическое содержание трудовой деятельности.

Выявление сущностных признаков трудовых отношений, рассмотренных в их социальном и экономическом измерении, - важный вопрос и для юридической науки. Затрагивая вопрос о труде как экономической и социальной категории, мы говорим о социальном регулировании, отличающемся от правового не столько кругом общественных отношений,

сколько формой, способом воздействия на социальные связи [1].

Понимание сущности отношений, возникающих при реализации людьми своих способностей к труду, при такой постановке вопроса имеет ключевое значение для определения оснований и допустимых пределов криминализации деяний в сфере обеспечения безопасности труда.

Неоспоримо то, что человеческая личность не может выступать предметом имущественных сделок наравне с имущественными правами, поскольку труд по своей сути является формой реализации физической и психической энергии как факторов проявления рабочей силы во вне, неразрывно связанной с человеческой личностью.

Это свойство проявляется уже при рассмотрении трудовых отношений в их статическом аспекте (наделении субъектов трудового отношения правами и обязанностями). Но действительный смысл раскрывается непосредственно в динамике трудовых отношений [2].

Так, субъекты трудового отношения юридически равны. Работник вправе распоряжаться своими способностями к труду. Работодатель вправе выбирать работников для применения их труда на принадлежащих ему средствах производства. Это статика трудовых отношений.

Своими способностями к труду человек может распоряжаться как в условиях объединения своих усилий с другими людьми (совместный труд), так и самостоятельно (самостоятельный труд).

Самостоятельный труд исходит из абсолютизации экономических (отношение к средствам производства) и правовых (степень личной свободы субъекта трудовой деятельности) основ труда в целом. Субъект трудовой деятельности сам решает, что ему производить, какое количество времени работать и отдыхать, как реализовывать результаты своего труда и использовать получаемый доход. Субъект действует в своих собственных интересах, своими собственными орудиями труда и при этом производит какие-то работы. При таких условиях отсутствует предмет правового регулирования, поскольку нет хотя бы двух противостоящих друг другу субъектов [3].

Иное положение дел обстоит с трудом совместным. Совместный труд людей требует его организации и управления. Но объединение своих способностей к труду возможно как на началах координации, так и подчинения.

Совместный координированный труд предполагает наличие самостоятельной инициативы нескольких субъектов трудовых отношений и свободы воли каждого из них непосредственно при реализации своих способностей к труду. Таким видом труда является, например, труд подрядчика.

Координация совместного труда основана на началах самостоятельности субъектов. Свои усилия они объединяют для достижения совместного, общего результата, в достижении которого каждый из них заинтересован, при этом оставаясь свободными в выборе своего поведения. Предметом правового регулирования при этом являются отношения, связанные с результатом такого труда.

Иная организация труда существует при подчиненном труде. Реализация способностей к труду при подчиненном труде осуществляется в интересах работодателя, а значит и под его руководством. По существу в таком случае возникают отношения между соподчиненными субъектами. Такие отношения принято называть подчиненными (зависимыми) отношениями или, иначе, «трудовыми отношениями» [4].

Каковы же причины того, что один человек (работник), обладающий свободной волей, сознательно подчиняет себя другому лицу (работодателю)?

Наукой было предложено много концепций. Все их принято объединять под общим названием «теория хозяйской власти работодателя».

В зависимости от этапа, на котором формировалась та или иная концепция, юридическая основа власти работодателя усматривалась в самом договоре (В.М. Догадов), полезной функции, отправляемой в общественных интересах (Д. де Рура), обладании работодателем средствами производства (Л.С. Таль), полномочиях, предоставленных государством (В.Н. Смирнов).

В условиях современного общества власть работодателя признается государством как органически присущая совместному подчиненному труду. Но вряд ли особый характер трудовых отношений состоит только в специфике предмета договора. Различия самостоятельного и подчиненного труда в таком случае становились бы совсем иллюзорными. Представляется, что главное здесь то, что состояние зависимости возникает вследствие невозможности реализации человеком своих способностей к труду при отсутствии собственных средств производства. Неравномерное распределение ресурсов (в том числе и средств производства) в обществе ставит в различное положение работника и работодателя. Работодатель - экономически более сильная сторона трудовых отношений. Он обладает средствами производства, а, значит, именно он определяет условия и способы их применения [5].

Таким образом, зависимость (подчиненность) наемного работника в трудовых отношениях имеет глубокие социальные (экономические) корни. Такая зависимость (подчиненность) предоставляет право работодателю распоряжаться в определенной мере личностью работника, поэтому уголовное право должно охранять отношения, обеспечивающие безопасные условия труда работника.

Работник, попадая в сферу хозяйственной власти работодателя, начинает подчиняться частному правопорядку, установленному последним. Частный правопорядок, созданный работодателем и основанный на обладании средствами производства, предполагает, что работник действует определенными им способами. Работник в таких условиях ограничен в выборе своего поведения и не может самостоятельно определять и оценивать степень риска, которому он подвергается. Государство при этом вправе и обязано защищать интересы наемного работника. Но вмешательство государства может быть оправдано только соображениями защиты интересов отдельной личности и интересами общественной безопасности.

Повышенный интерес государства к защите личности, как уже отмечалось, связан с особым положением работника в условиях экономического доминирования работодателя, основанном на обладании средствами производства. Но нельзя забывать, что охрана безопасности труда имеет своей целью поддержание состояния защищенности и сохранение жизни и здоровья людей непосредственно при осуществлении трудовой деятельности, а, следовательно, речь идет не только о физическом существовании общества (его составляющих единиц - людей), но и сохранение экономического потенциала общества, его способности к воспроизводству материальных благ.

Практическое значение для целей уголовного права в связи с изложенным приобретает поиск конкретных оснований, на которых базируется хозяйская власть работодателя, а именно: форм владения средствами производства в современных условиях гражданского (хозяйственного) оборота [6].

Не вызывает сложности ситуация, когда физические и юридические лица - работодатели, обладая средствами производства, привлекают работников, не имеющих имущественных или иных прав на них. И работодатель, и работник в таких отношениях выступают как полностью автономные лица. Тезис об экономическом подчинении (зависимости) работника в сфере хозяйской власти работодателя в целом справедлив для таких отношений.

Иное дело, когда работником выступает лицо, являющееся собственником средств производства или обладающее правами требования на имущество собственника средств производства - юридического лица (акционеры, участники обществ, члены производственных кооперативов и пр.).

Учитывая специфику организационных и имущественных отношений, возникающих при создании и в процессе осуществления хозяйственной деятельности юридического лица, также следует отдельно рассмотреть субъектов трудовых отношений, которые в литературе получили название «работающих собственников».

Прежде всего, обращает на себя внимание двойственный статус таких работников: с одной стороны, они выступают в качестве «собственников (владельцев)» средств производства посредством участия в юридическом лице, с другой - они являются носителями отношений, основанных на трудовом договоре. Однако, на наш взгляд, следует согласиться с теми авторами, которые не усматривают в такой ситуации причин для квалификации отношений

как отношений «самостоятельного» труда [3].

Не имеет значение и то обстоятельство, является ли такой работник членом корпорации, относящейся к «объединению капиталов» (хозяйственные общества) или к «объединению труда» (производственные кооперативы). В обоих случаях труд не носит самостоятельного в экономическом и организационном отношении характера, ибо он осуществляется в пользу не самого субъекта, а в пользу юридического лица, которое и является собственником капитала и которое своим доходом обеспечивает удовлетворение имущественных интересов субъектов трудовой деятельности [1].

В практическом плане это означает, что «внутренние» отношения между участниками (акционерами, участниками обществ, членами производственных кооперативов и пр.) и юридическим лицом не имеют значения для решения вопроса об уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда и признания таких лиц потерпевшими.

Таким образом, нарушение тех или иных норм правил охраны труда при наступлении общественно опасных последствий, указанных в ст. 156 УК РК, не может быть квалифицировано по указанной этой статье в случае, если и виновный, и потерпевший являются членами крестьянского (фермерского) хозяйства. При таких обстоятельствах ответственность виновного лица должна наступать за соответствующее преступление против жизни или здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власов Ю.А. Уголовная ответственность за оставление в опасности: Дис.... канд. юрид. наук. - М.: Мысль, 2005. - 264 с.
2. Мыц Я.А. Оставление в опасности в уголовном праве России: Дис.... канд. юрид. наук. - М.: Мысль, 2001. - 425 с.
3. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Юрлитинформ, 2010. - 174 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПОЛИЦИИ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент*

*Жусупов Алмас Мурзабекович
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Меры на национальном уровне должны сочетаться с консолидированными действиями в международном масштабе.

Что касается международных исследований, то например, Центром антикоррупционных исследований и инициатив (Transparency International) установлено, что по степени коррумпированности полиция в мире находится на третьем месте после политических партий и гражданских служб.

Таким образом, коррупция в полиции – это общемировая глобальная проблема. Знание особенностей противодействия коррупции полицейских за рубежом, несомненно, будет способствовать совершенствованию борьбы с коррупцией в нашей стране [1].

Нами проведен выборочный анализ зарубежного законодательства и рассмотрен опыт борьбы с коррупцией в следующих странах, достигших определенных успехов в этой области: США, Канады, Великобритании, Франции, Германии, Испании, Китая, Японии, Индонезии и Израиля.

В США антикоррупционное законодательство характеризуется чрезвычайной жесткостью, при этом в основном оно направлено на противодействие коррупции среди государственных служащих. В этом контексте регламентируется антикоррупционное законодательство применительно к полиции. При этом оно направлено главным образом на предупредитель-

ные меры. Примечательно, что сначала полицейским даются существенные преференции. Так, в полиции США установлен высокий уровень пенсии для сотрудников, имеющих безупречный послужной список. Начинается все с тщательного отбора, поскольку от этого зависит не только профессионализм и компетентность сотрудников полиции, но и их устойчивость к материальным соблазнам. Особенно обращается внимание на: поддержание высокого уровня престижа профессии полицейского в обществе, наличие образования у каждого кандидата, знание иностранного языка, безупречная биография не только самого кандидата, но его родственников, высокая степень стрессовой устойчивости, морально-волевые качества).

Ежегодно повышается качество и полнота проверки собираемой информации о кандидатах, которая должна быть максимально полной и объективной.

В США прием на службу в полицию происходит путем принятия специальной присяги, которая обязывает соответствующего претендента честно сообщить все известное о себе. (Более того, он должен это делать постоянно, перед очередной аттестацией, тем самым каждый раз взвешивая и оценивая свои поступки). При этом любая неверная информация называется лжесвидетельством и считается нарушением присяги. Уличенный в этом полицейский увольняется без права на назначение пенсии (сумма которой в США значительна – до 100% средней заработной платы полицейского, причем с постоянной индексацией) [3].

В США разработаны Модельные правила профилактики коррупции в полиции США, которые включают в себя соблюдение профессиональных стандартов. Каждый сотрудник обязан соблюдать кодекс профессиональной этики, каждый новый сотрудник обязан с ним ознакомиться и поставить на одном из экземпляров свою подпись в знак согласия с его предписаниями. В случае выдвижения обвинения в коррупции против сотрудника полиции, не только его деятельность, но и работа его непосредственного руководства подлежит обязательной проверке. Кроме этого, в этом случае проверяется работа подчиненных сотрудника, в отношении которого выдвинуто обвинение в коррупции. Полицейским в США категорически запрещено принимать какие-либо подношения в любой форме. Лишь в некоторых штатах на востоке страны, в частности в г. Нью-Йорке, сотрудники полиции могут принять бесплатный кофе или обед за половину цены во время несения службы. Коррупция в полиции США не носит массовый характер, хотя подобные случаи бывают с периодичностью в среднем один раз в 20 лет [2].

Специфика опыта США заключается в проработанной процедуре совместительства службы в полиции и иной разрешенной работы. Режим совместительства разнообразен. Так в штате Миссури существует три категории сотрудников полиции, работающих по совместительству в свободное от служебной деятельности время:

- полицейские, осуществляющие по совместительству работы, непосредственно связанные с деятельностью полиции (во время работы по совместительству они носят униформу, оплата производится из средств местного бюджета), т.е. это работа полицейского во внеурочное время;

- полицейские, выполняющие работу по обеспечению безопасности коммерческих структур, например, по охране магазинов, складов, офисов и т.п.;

- полицейские, занимающиеся трудовой деятельностью, не связанной со службой в полиции, например, когда они осуществляют техническое обслуживание автомобилей, делают ремонт квартир и др.

Несмотря на такое либеральное общее законодательство по вопросам регламентации совместительства сотрудников полиции правовое регулирование данных отношений в отдельных штатах может быть довольно жестким. Так, в некоторых штатах сотрудники полиции не имеют право осуществлять совместительство за пределами своего города, работать водителями такси, заниматься охранной деятельностью, торговать спиртными напитками. В отношении сотрудников криминальной полиции действуют ограничения, запрещающие работать им в кредитно-финансовых учреждениях, а также заниматься предпринимательской деятельностью [5].

В тоже время, в штате Нью-Мексико существует специальная программа «Дополнительная работа для полицейских». Необходимо сказать, что запреты на занятие дополнительной работой дифференцированы и зависят: а) от подразделения, в котором полицейский

проходит службу; б) от занимаемой должности; в) стажа службы; г) квалификации. Во всех случаях на работу полицейского по совместительству в свободное от основной службы время распространяются требования быть постоянно готовым к выполнению своих основных служебных обязанностей. Интересно, что законодательно закреплено требование выполнять работу по совместительству так же добросовестно, как и основную работу. Недобросовестная работа полицейского по совместительству может рассматриваться как дисциплинарный проступок. Нарушение правил работы по совместительству ведет к запрету осуществлять совместительство, а также увольнению из полиции.

В США предусмотрено представление полицейскими специальных деклараций. При этом представленная информация аккумулируется и является предметом периодической проверки на протяжении всего срока службы сотрудника полиции.

Служебное расследование в отношении коррумпированных полицейских в США является формой следствия и проводится самим полицейским ведомством. Срок проведения проверки информации о противоправной деятельности сотрудника полиции не установлен. Это значит, что служба собственной безопасности может собирать и проверять информацию о сотруднике в течение всего необходимого времени, формируя соответствующее досье. Это может продолжаться неопределенно долгое время. Обвинение предъявляется тогда, когда весомость доказательств будет признана достаточной для уголовного преследования [7, 28].

В полиции США организована специальная работа по профилактике должностных проступков. Это происходит посредством реализации системы ведомственного контроля, основу которого составляют два элемента:

1) мониторинг материального благосостояния сотрудников и их близких, который включает:

- декларирование доходов, расходов и имущества сотрудников;
- контроль баланса кредитной карты сотрудника;
- получение в кредитных организациях сведений о сотрудниках, являющихся должниками.

2) повседневный контроль за служебной деятельностью сотрудника, который включает:

- моральное и материальное стимулирование соблюдения законов сотрудником полиции;
- перевод хорошо зарекомендовавшего себя сотрудника на более оплачиваемую и престижную должность;
- проведение специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа на допуск к сведениям, составляющим служебную тайну, а также в рамках проводимой служебной проверки;
- обязательный порядок дачи сотрудником объяснений (рапорта) по обстоятельствам проводимой в отношении его служебной проверки.

Одним из условий, сдерживающих распространение коррупции в полиции США, является обязательство ее сотрудников сообщать ставшую известной информацию о фактах противоправной деятельности своих коллег. При этом в США сбор данной информации осуществляется при плановом и неплановом инспектировании в ходе индивидуальных бесед с сотрудниками территориальных подразделений ФБР. Особое внимание уделяется поддержанию высокого уровня доверия полиции со стороны граждан за счет обеспечения режима «открытости» полиции для населения: подотчетность полиции населению, возможность обжаловать в контролирующие и надзорные органы власти любое решение полиции. Одновременно всячески пропагандируется эффективная работа полицейских, осуществляется демонстрация в средствах массовой информации примеров проведения успешных специальных операций, что повышает в глазах населения доверие к полицейским [1].

В Канаде кадровая проверка претендента на работу в полиции начинается со сбора информации о человеке с достижения им 12-летнего возраста (период, как считается в Канаде, формирования личности человека), о его контактах по месту бывшего и настоящего проживания, работы или службы.

Одним из элементов профилактики коррупции в канадской полиции является проведение специальных психофизиологических исследований претендента с использованием полиграфа [2].

Заслуживает отдельного внимания опыт Королевской конной полиции Канады. В целях профилактики должностных правонарушений в настоящее время вводится специализированная система, так называемого «раннего антикоррупционного вмешательства», которая позволит определять индивидуальную предрасположенность конкретных сотрудников к совершению должностных преступлений, своевременно и компетентно влиять на начавшийся негативный процесс разложения полицейского, оказывая попавшему в трудную жизненную ситуацию коллеге необходимую моральную помощь. Рассматриваемая система должна по специальным индикаторам, отражающим психофизиологическое состояние человека, отслеживать динамику поведения полицейских в течение всего времени (во время службы и вне службы). В эту систему включены следующие оценочные данные: наличие жалоб на действия полицейских, информация о совершенных дисциплинарных проступках, о нарушениях правил пользования автотранспортными средствами, результаты работы, уровень благосостояния и ряд других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

КОНФЛИКТ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ, ЕГО МЕСТО СРЕДИ ДЕТЕРМИНАНТ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Идрисов Диаз Серикович
Магистрант 2 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Процесс исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы ежедневно сопряжен с чередой конфликтов с участием осужденных. Во-первых, это связано с тем, что исправление как цель уголовно-исполнительного законодательства не может обходиться без конфликтов, так как осужденные пытаются оказать «сопротивление», всячески показывая свое нежелание исправляться. Во-вторых, общность осужденных состоит из криминально активных лиц с высоким уровнем нравственной запущенности. Средства исправления ими воспринимаются прежде всего как карательные, поэтому у осужденных вырабатывается к ним отрицательное отношение. В связи с этим конфликты в местах лишения свободы чаще всего связаны со злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания. Чувство протеста, явно выраженное у осужденных, выливается в противоправные поступки и влечет за собой крайне негативные последствия [1].

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы РК до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РК от 14 октября 2010 г. №1272-р4, особо отмечено, что «значительно возросла нагрузка на работников уголовно-исполнительной системы, участились связанные со служебной деятельностью случаи угроз в их адрес и нападения на них. Проблема противодействия криминальным структурам требует решения целого комплекса вопросов, связанных с организацией надлежащего взаимодействия правоохранительных органов по нейтрализации внешних и внутренних факторов, создающих угрозу нормальному функционированию исправительных учреждений, то есть угроз со стороны находящихся на

свободе криминальных "авторитетов" и угроз "внутри учреждения", исходящих от лидеров группировок осужденных отрицательной направленности» [2].

Конфликт является причиной преступления против личности и отрицательно влияет на обстановку исправительного учреждения, блокирует процесс исполнения наказаний.

В учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, возникает целый ряд конфликтов, начиная от межличностных, бытовых и заканчивая трудовыми или криминальными. Конфликты возникают как между осужденными, так и между осужденными и сотрудниками исправительного учреждения. Для того чтобы понять природу данных конфликтов, их особенности, выявить их место в системе детерминантов пенитенциарной преступности, необходимо определить сущностную сторону самого понятия конфликта [3, 12].

Понятие «конфликт» в большей степени является предметом изучения конфликтологии, общей теории права (в рамках юридической конфликтологии), правовой социологии. В меньшей степени ему уделяется внимание в криминологических исследованиях. Между тем необходимость изучения конфликта с криминологических позиций обуславливается, во-первых, важностью выяснения сущностной стороны явления в целях понимания его значения и определения места среди других смежных понятий в системе детерминантов, обуславливающих неправомерное поведение осужденных; во-вторых, отсутствием единого подхода к его пониманию в общетеоретическом значении [4].

В научной литературе понятие «конфликт» однозначно не определено.

Так, О.Я. Баев понимает под конфликтом «форму проявления и разрешения межличностных и внутриличностных диалектических противоречий».

Однако, по мнению диссертанта, в данном определении смешиваются противоречия и конфликт, хотя наличие противоречия, как считают многие авторы, и соискатель с ними солидарен, не обязательно предполагает конфликт.

А. Панасюк в качестве конфликта рассматривает ситуацию, вызванную «столкновением каких-либо антагонистических тенденций (действий, позиций, взглядов, установок и т.п.)». Конфликт - это взаимодействие в форме борьбы, столкновения, противоречия, противоборства.

Учитывая основные положения вышеперечисленных концепций и взглядов, можно выделить особенности конфликта, его признаки:

- конфликт порождается обществом;
- конфликт носит как положительный, так и отрицательный характер;
- конфликт - это взаимодействие;
- конфликт - это всегда вражда, борьба, противоречие, противоборство;
- конфликт - регулируемое явление.

Таким образом, конфликт - явление социальное, а «социальный конфликт - это противоборство двух или нескольких субъектов, обусловленное противоположностью (несовместимостью) их интересов, потребностей, систем и ценностей или знаний».

С точки зрения А.Я. Кибанова, социальный конфликт есть нормальное проявление социальных связей и отношений между людьми, способ взаимодействия при столкновении несовместимых взглядов, позиций и интересов, противоборство взаимосвязанных, но преследующих свои цели двух или более сторон.

Существует еще одна дефиниция социального конфликта: это наиболее острый способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и сопровождающийся их негативными эмоциями по отношению друг к другу.

Данные определения конфликта следует брать за основу в исследовании и юридического конфликта, так как последний представляет собой социальный конфликт, происходящий в сфере правовой действительности, т.е. это «конфликт, возникающий, развивающийся и разрешаемый в рамках внутреннего (национального) или международного права».

Таким образом, анализ конфликта в исправительных учреждениях будет проходить не в абстрактном социальном пространстве, а в реальной связи с действующими правовыми ин-

ститутами и структурами.

В связи с этим возникает ряд трудностей, связанных в первую очередь с разграничением этих двух понятий (социальный конфликт и юридический конфликт), конкретизацией определения юридического конфликта, его особенностей. Для этого необходим ряд специальных обязательных условий признания конфликта юридическим. Первое условие - наличие между субъектами конфликта правовых отношений. Вторым условием выступает наличие юридического факта. Третьим условием является возможность прекращения противоборства с помощью юридических процедур [4].

Таким образом, юридический конфликт - это противоборство сторон с противоположными интересами, имеющее юридический характер либо имеющее хотя бы один элемент (субъект, объект, субъективная сторона (мотивация), объективная сторона) юридического характера и обязательно завершающееся юридическим способом, т.е. юридизирующееся [3].

Юридический конфликт - ситуация, в которой две или более стороны противостоят друг другу, спорят по поводу юридических прав, обязанностей.

Он может возникнуть по поводу признания, восстановления, нарушения юридических прав, неисполнения юридических обязанностей.

Ряд авторов сравнивают юридический конфликт с коллизией (Ю.А. Тихомиров), выделяют коллизию как разновидность юридического конфликта (А. Панасюк). Диссертант не разделяет данную точку зрения, так как конфликт - это всегда противоречие между людьми (отдельными индивидами или коллективными субъектами), а не между нормами или институтами. В свою очередь, коллизия есть противоречие друг другу (столкновение) двух или более формально действующих нормативных-правовых актов, изданных по одному и тому же вопросу. В связи с этим соискатель считает, что коллизия выступает причиной возникновения юридического конфликта.

Признаками юридического конфликта являются следующие:

Самостоятельный вид социального конфликта. Юридический конфликт представляет собой социальный конфликт, происходящий в сфере правовой действительности. Для признания конфликта правовым необходимо, как уже отмечалось выше, ряд условий (наличие правоотношений, юридический факт и завершение с помощью юридических процедур).

Наличие противоборствующих сторон. Особенность любого конфликта заключается в том, что его нормальное состояние - это противодействие, противоборство, столкновение мнений, идей, ценностей и т.д. В связи с этим закономерно то обстоятельство, что без наличия сторон (участников, субъектов) противоборство невозможно.

Наличие юридического факта как причины возникновения юридического конфликта. Юридический факт является причиной юридического конфликта, без которого существование последнего в чистом виде невозможно вообще, так как не раскроется его правовая природа.

Конфликт есть правоотношение. Конфликт как особый вид отношения предполагает наличие противоборствующих сторон (субъектов права).

Диссертант полагает, что конфликту, возникающему в местах лишения свободы, присущи все выше перечисленные признаки. Вместе с тем, являясь подвидом юридического конфликта, он обладает рядом специфических особенностей, которые будут рассмотрены ниже. С учетом того, что исследуемый конфликт протекает в условиях государственной изоляции от общества, в частности в исправительных учреждениях, соискатель предлагает называть его «пенитенциарный».

Специфика пенитенциарного конфликта, его структура и особенности, как уже отмечалось выше мало изучены. Более того, среди ученых нет единой позиции в определении понятия «пенитенциарный конфликт» в связи с тем, что предмет конфликта (причину) каждый исследователь определяет по-разному.

Одни авторы считают, что причина конфликтов кроется в личностных особенностях осужденных, которые выражаются в антисоциальном демонстративном поведении.

Другие обосновывают конфликт как совокупность противоречий между «формальными» и «неформальными» нормами поведения, распространенных в местах лишения свободы. По мнению Г.Ф. Хохрякова, «преобладающее число преступлений, совершаемых осужден-

ными, - это применение неформальных санкций за нарушение тюремных законов (73%)».

Согласно еще одной точки зрения конфликтное поведение осужденных определяет конкретная жизненная ситуация, сложившаяся на почве совместного отбывания наказания в виде лишения свободы.

И. Уваров в своих исследованиях вместо понятия «пенитенциарный конфликт» употребляет понятие «пенальный конфликт», под которым понимает «совокупность противоречий, объективно возникающих между государством и лицом, совершившим преступление». Совместно с А.П. Фильченко он определяет его как специальную причину преступного поведения изолированных от общества лиц: «Условия мест лишения свободы и применяемое государством наказание, скорее всего, вызывают отрицательные эмоции и чувство протеста осужденного. Конечно, сами по себе эти эмоции и чувства криминальными назвать нельзя. Однако они способны выполнять роль необходимых условий возникновения криминальных ситуаций и прежде всего появления антагонистической целью уголовного наказания идеологии, которую условно можно назвать пенитенциарной.

Пенальное противоречие находит свое выражение в виде трудноразрешаемого конфликта, возникающего между государством и осужденными по поводу совершенного преступления и примененного наказания (изоляции от общества)».

Диссертант считает данную дефиницию слишком широкой, охватывающей множество конфликтов, в связи с чем не раскрывающей сущность происходящих процессов в исправительных учреждениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ КОНФЛИКТОВ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент*

*Идрисов Диаз Серикович
Магистрант 2 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Совершенствование предупредительной деятельности по недопущению конфликтных ситуаций в исправительных учреждениях, их разрешению может осуществляться по двум основным направлениям: общее и специальное предупреждение.

К общим мерам соискатель относит:

- выявление детерминантов, способствующих формированию криминогенной мотивации осужденных, направленных на создание конфликтных ситуаций;
- разработку и принятие конкретных мер по ослаблению влияния криминогенных факторов;
- определение мер по совершенствованию деятельности структурных подразделений по профилактике правонарушений со стороны осужденных, состоящих на профилактическом учете.

В числе мер специального предупреждения диссертант называет:

- выявление осужденных, склонных к приобщению к криминальной субкультуре, деструктивному поведению;
- постановку осужденных, подлежащих взятию на профилактический учет, на данный учет;

– определение средств и методов профилактического воздействия на лиц, состоящих на профилактическом учете.

Среди общих мер профилактики конфликтов определяющую роль играет их прогнозирование.

Прогнозирование представляет собой систематическое и непрерывно ведущееся исследование будущего состояния государственно-правовых процессов, темпов их протекания и конкретных сроков осуществления, проводимое специально организованными для этого научными коллективами на основе принципиальных положений общей теории права и отраслевых юридических дисциплин, а также положений социальной прогностики.

Таким образом, автор делает вывод, что правовое прогнозирование пенитенциарного конфликта - это систематическое и непрерывное исследование будущего состояния процесса исполнения наказания, результат применения к осужденным основных мер воспитательного воздействия, проводимое специально организованными научными коллективами. Процедура прогнозирования включает в себя следующие этапы.

Выявление причин, порождающих противоречие между участниками конфликта. Этот этап является наиболее сложным и трудоемким, состоящим в свою очередь из нескольких стадий, требующий определенных знаний, подготовки и компетентности. Сотрудникам исправительных учреждений в первую очередь нужно признать факт постоянного наличия конфликтной ситуации, обратить внимание на данное явление. Это позволит вникнуть в проблему и снизит многие негативные последствия в будущем.

Выявление потенциальных субъектов возможного конфликта.

Определение направления развития конфликтной ситуации. Вывод по данному этапу прогноза будет складываться из следующих составляющих: выбор стиля поведения в конфликтной ситуации, тактика поведения, мотивы обоих контр субъектов и т.д. По большому счету определение направления развития конфликта - это анализ субъективной стороны юридического конфликта. Так как конфликтная ситуация пенитенциарного конфликта - явление постоянное и непрерывное, определить направление ее развития не составляет труда, ибо любой инцидент ведет к правовому конфликту.

Прогнозирование инцидента.

Предвидение ответного действия другой стороны.

Для того чтобы предвидеть ответное действие другой стороны, необходимо опять же проанализировать субъективную сторону контр субъекта. Без определения стиля поведения в конфликтной ситуации будет достаточно сложно понять дальнейшие действия контр субъекта конфликта. В разработке прогноза пенитенциарного конфликта совершенно очевидно, что ответное действие противоположного контр субъекта будет равнозначным инциденту либо даже превысит его; будь то поведение как осужденных, так и сотрудников. Открытое противодействие неизбежно в случае возникновения пенитенциарного конфликта. На данном этапе прогнозирования диссертант предлагает заострить внимание, так как это позволит частично предвидеть возможные последствия конфликта.

Методы разработки прогноза (согласно конфликтологической теории) применимы к пенитенциарному конфликту и к ним относятся:

Экстраполяция - метод продолжения в будущем сложившихся тенденций развития определенного процесса.

Метод моделирование - построение динамических и факторных моделей.

Метод обобщенного сценария - прогнозирование в виде целостной картины будущего состояния явления.

В целом следует сказать, что прогнозирование позволяет собрать достаточную информацию о предстоящем (возможном) конфликте и его субъектах для того, чтобы выработать оптимальную модель поведения для снижения конфликтных отношений. Прогнозирование дает возможность «увидеть» будущий конфликт и как следствие позволяет принять конструктивные меры по его недопущению. То есть существуют точки соприкосновения прогнозирования и предупреждения или, если сказать точнее, одно вытекает из другого. Процесс накопления и обобщения полученной информация сменяется конкретными решениями и действиями сотрудников исправительного учреждения, происходит вмешательство в уголов-

но-исполнительные правоотношения, их корректировка. Таким образом, прогнозирование пенитенциарного конфликта является первым этапом пенитенциарной профилактики. Вторым этапом является собственно предупреждение.

Предупреждение - это деятельность участников конфликта, а также третьих лиц по устранению объективных и субъективных причин назревающего столкновения, разрешению противоречия неконфликтными способами. Предупреждение конфликта заключается в воздействии на его элементы: участников, мотивы их поведения, объекты, используемые силы и средства до того, как противостояние возникло.

Считается, что деятельность по предупреждению юридического конфликта может вестись только в границах, устанавливаемых требованиями к регулированию общественных взаимоотношений, а именно:

Психологическими (учет психологических особенностей личности как преступника (осужденного), так и сотрудника; конфликтность в поведении; личностные взаимоотношения и отношения к друг другу).

Нравственными (морально-нравственный уровень участников юридического конфликта; наличие либо отсутствие влияния криминальной субкультуры на осужденных; уровень профессионально-нравственной деформации у сотрудников).

Правовыми (отношение к праву; правовое сознание; уровень правовой культуры и уровень правового нигилизма у сотрудников и осужденных).

Логично, что деятельность по предупреждению пенитенциарного конфликта также проходит исключительно в вышеуказанных границах. Это говорит о том, что процесс предупреждения конфликта имеет место быть или целесообразен только в том случае, если возникает реальная опасность перерастания уголовно-исполнительных правоотношений в деструктивные формы. Таким образом, наиболее эффективной (возможно единственной) формой предупреждения является устранение причин пенитенциарного конфликта. В свою очередь, устранение причин достигается различными способами, в зависимости от условий, сложившихся в конкретной ситуации. Необходимо также использовать превенцию конфликта, т.е. воздействовать на те социально-психологические явления, которые могут стать элементом структуры будущего конфликта, на его участников и на используемые ими ресурсы.

В третьем параграфе первой главы настоящей диссертации описан комплекс причин и условий возникновения пенитенциарных конфликтов. Одной из причин является несовершенство правовой системы и, в частности, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства [3].

Среди мер по совершенствованию законодательства соискатель особо выделяет повышение правовых средств воздействия на лидеров преступной иерархии. В частности, учитывая повышенную общественную опасность так называемых воров в законе, других категорий осужденных отрицательной направленности представляется целесообразным по аналогии с ч. 4 ст. 263 УК РК дополнить ст. 429 УК РК частью 4 следующего содержания:

«4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй и третьей настоящей статьи, совершенные осужденным, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

- наказываются лишением свободы на срок двадцать лет или пожизненным лишением свободы».

При этом следует законодательно определить признаки указанных субъектов предполагаемой нормы.

По мнению Д.Л. Севастьянова, ими могут быть признаки, характеризующие так называемых воров в законе. «Это всегда опасный преступник, занимающий наивысшую ступень в иерархии среды правонарушителей и пользующийся наибольшим авторитетом среди них», - замечает Ю.М. Антонян.

Здесь, по мнению соискателя, заслуживает внимания опыт законодателя Грузии. В соответствии с законом Грузии от 20 декабря 2005 г. «Об организованной преступности и рэкете». УК Грузии был дополнен ст. 223. 1 «Членство в воровском мире. Бытность воров в законе», согласно которой членство в воровском мире наказывается лишением свободы сроком от пяти до восьми лет с конфискацией имущества или без нее, а бытность воров в законе -

лишением свободы сроком от семи до десяти лет с конфискацией имущества или без такового.

Данный закон дает определение воровского мира: «Любое сообщество лиц, действующее по установленным (признанным) им правилам и целью которого является путем устрашения, угрозами, круговой порукой, воровской разборкой, вовлечением в противозаконные действия несовершеннолетних, достижение выгоды для своих членов или иных лиц с помощью преступных действий или путем побуждения к таковым других». Членом воровского мира считается «любое лицо, которое признает воровской мир и активно действует для достижения целей воровского мира». Понятие «вор в законе» определяется как «член воровского мира, который по специальным правилам воровского мира, в любой форме управляет им или (и) организует воровской мир или определенную группу лиц».

Систематизируя изложенное, диссертант предлагает ст. 429 УК РК дополнить приложением, содержащим определение «осужденного, занимающего высшее положение в преступной иерархии»: «осужденный, занимающий высшее положение в преступной иерархии - лицо, действующее по установленным (признанным) им правилам и целью которого является вовлечение в противозаконные действия других осужденных, достижение выгоды для осужденных отрицательной направленности путем побуждения к таковым других осужденных посредством устрашения, угроз, круговой поруки, воровской разборки и т.п.».

Заслуживает внимания предложение С.А. Кутякина относительно распространения норм, содержащихся в ст. 263 УК РК, на криминальную оппозицию в местах лишения свободы: «отсутствие практики привлечения лидеров и активных участников преступной организации криминальной оппозиции к уголовной ответственности по ст. 263 УК РК во многом обусловлено сложностями доказывания фактов создания преступной организации и участия в ней, а также нежеланием руководителей мест лишения свободы портить отчетность о состоянии преступности во вверенных им учреждениях. В результате основной акцент в организации уголовно-правового противодействия криминальной оппозиции смещен со ст. 263 УК РК на ст. 429 УК РК. Вместо уголовно-правовой квалификации криминальной оппозиции как организации преступного сообщества (преступной организации) уголовное преследование осуществляется лишь за одну из форм ее преступной деятельности, заключающуюся в дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию преступников от общества. В связи с этим очень часто к уголовной ответственности привлекаются только рядовые члены криминальной оппозиции, исполняющие преступный замысел их руководителей».

На его взгляд, «активные» действия «воров», «положенцев», «смотрящих» и других лиц, направленных на создание преступной организации криминальной оппозиции, даже если они не привели к возникновению преступного сообщества, подлежат квалификации как покушение на создание преступного сообщества (преступной организации). Деятельность лидеров криминальной оппозиции по руководству этой организацией также содержит в себе состав преступления, предусмотренного ст. 263 УК РК.

Вкупе с вышеизложенным в системе общепрофилактических мер свое место занимает деятельность служб исправительного учреждения по нейтрализации негативных проявлений криминальной субкультуры. Е.А. Антонян определяет следующие пути решения этого вопроса: разумное смягчение условий отбывания наказания и снятие «непродуманных» запретов и ограничений, выдвигающих протесты, озлобленность, нежелание подчинения им у осужденных, стремление найти справедливость в неформальных правилах и структурах среды мест лишения свободы; максимальное расширение возможности поддержания связи осужденного с окружающим миром; тщательная дифференциация осужденных, в частности, по типам мотивации (агрессивная, аномально-сексуальная, корыстная и т.д.); установление противовеса влиянию антисоциально настроенных осужденных воздействием просоциально направленных осужденных с постепенным выравниванием их сфер с целью последующего вытеснения первых. При этом, на взгляд данного автора, «параллельно должно осуществляться разложение отрицательных группировок осужденных путем развенчания преступных лидеров и перераспределения осужденных внутри колонии по отрядам и бригадам. При этом надлежит оказывать поддержку в развитии существующих группировок осужденных положительной направленности с намерением их дальнейшего использования».

При проведении воспитательной работы следует акцентировать внимание на формировании у осужденных навыков правильного общения и взаимодействий. В работе с персоналом исправительного учреждения свое место занимают работа по изменению его негативного отношения к осужденным, выработке уважительного отношения к их правам и формирование такого же отношения у осужденных к администрации исправительного учреждения с помощью активного участия сотрудников в решении личных проблем осужденных, оказание реальной и действенной им помощи, защиты от посягательств со стороны других осужденных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.Н. Конституции стран СНГ и Балтии. - М.: Юристъ, 1999. - 640 с.
2. Редкоус В.М. Сравнительный анализ законодательств России государств - участников СНГ в области обеспечения национальной безопасности // Современное законодательство России и бывших республик СССР: - М.: Наука, 2003. - 220 с.
3. Материалы Международной научно-практической конференции. - Тверь, Тверской государственный университет, 2006. - 194 с.
4. Петровский В. Доктрина «Национальной безопасности» в глобальной стратегии США. - М.: Международные отношения, 1980. - 155 с.

ЦЕЛИ И ФУНКЦИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

*Алмуханов Бекеатй Уракбаевич
к.ю.н., доцент, член РАЮН
Исаев Динмухаммед Ибраевич
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Проблема целей и функций наказания является одной из главных в теории уголовного права, поскольку социальное значение наказания как раз и проявляется в реализации присущих ему функций и достижении соответствующих целей. Само наказание, отмечает И.В. Дворянсков, выступает средством достижения положительного социального эффекта, моделируемого с учётом двух показателей: 1) что ждёт от наказания общество; 2) на что действительно способно наказание, возможности которого, разумеется, не беспредельны. По мнению А.И. Чучаева и Е.Р. Абдрахмановой, цели наказания - это «тот социальный результат, к которому стремится государство, применяя уголовное наказание к лицам, виновным в совершении преступления». Ф.Р. Сундуров обращает внимание на двойственность социально-правовой природы целей наказания. Он отмечает, что двойственность наказания характеризует не только сущность, но и его цели. «Если наказание относится к прошлому, выступая актом кары, воздаяния за учинённое преступление, и одновременно обращено в будущее, то и его цели имеют своими истоками прошлое и в то же время обращены в будущее». Поэтому, как справедливо подчёркивается в литературе, цели и функции наказания относятся к разряду концептуальных проблем уголовного права. Будучи производными от задач (целей) и принципов уголовного законодательства (права), они определяют как систему наказаний, иных мер уголовно-правового характера, так и содержание отдельных видов наказаний [1].

Если под целями наказания понимаются ожидаемые социальные изменения в результате его применения, то под его функциями следует понимать специфические проявления свойств наказания, выражающиеся в основных направлениях его воздействия на осуждённого, а также других лиц.

В Толковом словаре русского языка цель определяется как «предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить» и раскрывается её смысл через словосочетание: «В целях каких - для выполнения каких-нибудь дел, задач». А в Энциклопедическом словаре она оп-

ределяется как «идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности. В качестве непосредственного мотива цель направляет и регулирует человеческую деятельность. Содержание цели зависит от объективных законов действительности, реальных возможностей субъекта и применяемых средств». В философии цель определяется как «идеально, деятельностью мышления положенный результат, ради достижения которого предпринимаются те или иные действия или деятельности, их идеальный, внутренне-побуждающий мотив» [2].

Особенно тесную взаимосвязь имеют между собой цели и функции. В советском энциклопедическом словаре функция трактуется как: исполнение, осуществление; деятельность, обязанность, работа; высшее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений; роль, которую выполняет определённый социальный институт или процесс по отношению к целому. В англо-русском словаре слово «function» имеет следующий перевод на русский язык: функция, назначение, отправление, должностные обязанности и др. В философии функция определяется как специфическое проявление свойств объекта, способ его действия [3].

Наказание как специфическое социальное явление не может не иметь соответствующих целей и функций. Законодатель, как известно, регламентирует в общенормативном порядке цели безотносительно от специфики содержания и условий назначения и исполнения отдельных видов наказаний или их групп [4]. Цели наказания в ст. 39 действующего УК РК определены так: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» Как видим, закон указывает на три цели наказания:

- а) восстановление социальной справедливости;
- б) исправления осужденного;
- в) предупреждения совершения новых преступлений.

Поскольку в судебной практике и литературе (а ранее и в законодательстве) предупреждение совершения новых преступлений дифференцировалось на специальное предупреждение, то есть предупреждение новых преступлений со стороны осуждённого, и общее предупреждение или предупреждение преступлений со стороны других лиц, можно признать, что перед наказанием стоят обе эти цели.

УК РК отказался от дифференциации этих целей наказания. Однако это не означает их «отмены» законодателем. Перед принудительными работами, как и перед иными видами наказаний, по-прежнему стоят цели специального и общего предупреждения преступлений.

Как это видно из редакции ч. 1 ст. 39 УК РК, на первом месте среди целей наказания поставлена цель восстановления социальной справедливости. К тому же другие цели в ней указаны после соединительного союза «а также». Из этого, на наш взгляд, можно сделать два вывода: 1) восстановление социальной справедливости признано на законодательном уровне важнейшей социальной установкой уголовного наказания и 2) реализация цели восстановления социальной справедливости рассматривается в качестве необходимой предпосылки достижения других целей наказания.

Специфика различных видов наказаний и их групп заключается не в том, что они преследуют только те или иные цели, обозначенные в законе, поскольку все цели так или иначе стоят перед каждым видом наказания, а в средствах и механизме их достижения.

Наказание в виде принудительных работ должно обеспечивать присущими ему средствами восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, а также специальное и общее предупреждение преступлений.

В уголовном праве справедливость - понятие многоаспектное. Наиболее полно её раскрыли В.Н. Кудрявцев и С.Г. Келина. Они обозначили три уровня справедливости в уголовном праве: 1) справедливость криминализации; 2) справедливость санкции и 3) справедливость наказания, назначенного судом. Реализация справедливости на всех указанных уровнях выступает необходимым условием восстановления социальной справедливости, несправедливые криминализация, санкция и назначенное наказание объективно могут породить новую, еще большую несправедливость, никак не могут способствовать восстановлению и утверждению социальной справедливости [5].

Таким образом, наказание - это сложный процесс, в ходе которого государство наде-

ляет соответствующие правоохранительные органы определенными полномочиями для реализации (исполнения) в рамках закона присущих наказанию свойств. Выделяя функции уголовного наказания и рассматривая их в общей форме, мы можем говорить о направлении деятельности по осуществлению задач для достижения, поставленных целей. Конкретизация этой деятельности возможна лишь при рассмотрении каждого уголовно-правового средства в отдельности или в их группах, что позволит выявить механизм их проявления, их эффективность и те направления, по которым следует осуществлять совершенствование этих средств, этой деятельности. Применительно к принудительным работам, как самостоятельному виду наказания, такими средствами достижения им своих целей служат нормы об общих началах назначения наказания, о смягчающих и отягчающих обстоятельствах и т.п., а также нормы уголовно-исполнительного права, в которых общие нормы о наказании, содержащиеся в уголовном законодательстве, получают свою конкретизацию, необходимую для их применения на практике.

Сказанное позволяет сделать вывод, если цели наказания в своей сущности отражают желаемый результат, который должен быть обеспечен при применении наказания, то функции в своей совокупности составляют механизм его достижения. Определяя цели наказания как конечные социальные результаты, законодатель исходит из того, что их достижение предполагает многогранную функциональную деятельность правоохранительных органов и органов, исполняющих наказание, по реализации присущих наказанию свойств. Указанные выше цели становятся ориентиром эффективности их практической деятельности, то есть цель наказания есть идеальное предвосхищение результата, функция наказания означает процесс (деятельность) осуществления задач по достижению целей. Справедливо по этому поводу пишет З.А. Астемиров: «От целей наказания следует отличать его функции, с помощью которых решаются частные задачи, достигаются промежуточные результаты на пути к целям». Следует отметить, что в литературе функции уголовного наказания рассматривались также через его эффективность либо его роль в предупреждении преступлений или в борьбе с преступностью.

Уголовному наказанию, с нашей точки зрения, присущи следующие функции: охранительная, воспитательная, предупредительная и карательная. Такая система функций уголовного наказания в литературе не отмечалась, хотя применительно функций уголовного наказания высказываются и другие мнения. В частности, называют: защитную (охранительную), карательную, социального контроля, воспитательную и нормативно-регулятивную, а также - охранительную, регулятивную и воспитательную. Правда, некоторые авторы затрагивают указанные функции в той или иной мере, но больше для выяснения вопроса, является та или иная отмеченная функция целью наказания. Как видим, относительно функций уголовного наказания наблюдается определенное единодушие, особенно в отношении таких функций, как охранительная, карательная, воспитательная.

Все сказанное позволяет не только назвать чисто специфические функции принудительных работ, как вида уголовного наказания, но и раскрыть их суть и содержание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мусейбов А.Г. Частные методики предупреждения преступлений (вопросы теории): Монография. - Воронеж: Центрально - Черноземное книжное издательство, 2003. - С. 91.
2. Назарова Н.Л. К вопросу о повышении эффективности принудительных работ как вида уголовного наказания // Ленинградский юридический журнал. - М.: Закон. - 2014. - №1. - С. 219.
3. Капитонова Е.С. Принудительные работы как новый вид уголовного наказания // Законность. - М.: Спарк. - 2013. - №2. - С. 20.

ШТРАФ КАК УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В СТРАНАХ АНГЛО-САКСОНСКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА

Нұрмұханбет Данияр Ысқақұлы
к.ю.н., доцент, член РАЮН

Уголовное законодательство в современной Англии (Великобритании) характеризуется множественностью источников (источниками права являются судебные прецеденты и статуты, то есть парламентское законодательство), что обуславливает сложность его изучения. После неудавшейся попытки принятия Уголовного кодекса Англии (его проект был опубликован в 1989 г.) уголовное законодательство этой страны продолжало развиваться путем подготовки и издания отдельных нормативных актов. Такими актами, например, являются Закон об уголовной юстиции 1991 г., Закон о полиции 1997 г., Закон о преступлении (наказания) 1997 г. и др.

Прежде всего следует отметить, что в Англии штраф остается наиболее распространенной мерой уголовного наказания. Так, в 1987 году за совершение 39% преступлений, преследуемых по обвинительному акту за более серьезные преступления и за 90% суммарных преступлений был назначен штраф. Причем в последнюю цифру не входят автодорожные преступления, за которые штраф был назначен в 98% случаев [1].

По общему праву штраф (с лишением свободы или без него) назначается по усмотрению суда. По статуту суд может наложить штраф в качестве основной или дополнительной санкции на лицо, виновное в преступлении, за которое предусмотрен конкретный срок лишения свободы. Размер штрафа определяется законом. Закон об уголовной юстиции 1982 г. увеличил размеры штрафов. В настоящее время минимум штрафа за суммарные преступления в Англии составляет 50 фунтов стерлингов, а максимум - 2000 ф. ст.

Законом об уголовной юстиции 1982 г. установлена следующая шкала максимальных размеров штрафа, назначаемого совершеннолетним преступникам при осуждении за суммарные преступления различной категории тяжести:

- 1-ой - 200 ф. ст.;
- 2-ой - 500 ф. ст.;
- 3-ей - 1000 ф. ст.;
- 4-ой - 2500 ф. ст.;
- 5-ой - 5000 ф. ст.

В Англии уголовные наказания носят альтернативный характер, они могут взаимозаменять либо дополнять друг друга. В английском законодательстве не существует деления наказаний на основные и дополнительные. Что же касается правил назначения наказаний, то здесь судья наделен правом широкого усмотрения. Исключение составляет лишь убийство, за которое предусмотрено пожизненное заключение, и преступления, санкции которых строго определены в законе, в том числе караемые смертной казнью.

Например, Суд Короны может применить к обвиняемому штраф вместо или дополнительно к вынесенному в отношении него решению о тюремном заключении.

Судьи Суда магистратов могут назначать штраф обвиняемому, признанному виновным в совершении преступления, предусмотренного статутом, если этот статут предоставляет им такие полномочия. Максимальный штраф, который могут назначить осужденному судьи Суда магистратов, составляет 5 000 ф. ст. [2].

Перед тем, как определить конкретную сумму штрафа в качестве уголовного наказания виновному лицу, суд должен установить его финансовое положение. Определение конкретной суммы штрафа должно производиться на основании внутреннего убеждения суда исходя из степени общественной опасности преступления. Определяя размер штрафа, суд должен принимать во внимание обстоятельства совершения преступления, а также обстоятельства материального положения обвиняемого (причем, как те, которые стали известны до начала судебного заседания, так и те, которые могут открыться в суде). Суд может издать приказ о финансовых обстоятельствах виновного лица (т.е. приказ, требующий от него предоставления информации о своем материальном положении). Если обвиняемый откажется исполнять такой приказ, т.е. не предоставит сведения о своем имуществе и доходах, то суд может применить к осужденному по своему усмотрению ст. 18 или ст. 20 Акта об уголовной

юстиции 1991 г., в которые были внесены изменения ст. 65 Акта об уголовной юстиции 1993 г. с поправками, внесенными Актом об уголовной юстиции и общественном порядке 1994 г. (перечень 9 пункт 4.2), и установить указанные выше обстоятельства самостоятельно. В соответствии с частью 43 перечня 9 Акта об уголовной юстиции и общественном порядке 1994 г. и ст. 20 (А) Акта об уголовной юстиции 1991 г. признается преступлением принятие ошибочного решения, которое было вынесено без учета материального положения виновного лица. Если впоследствии обнаруживается, что назначенный подсудимому штраф не основывался на информации о его финансовом положении, то сумма штрафа может быть уменьшена либо штраф может быть отменен полностью или частично, а срок тюремного заключения, назначенный по тому же приговору, может быть пропорционально сокращен (ст. 21 Акта об уголовной юстиции 1991 г., с дополнениями). Смягчение наказания также возможно на основании ст. 28 Акта об уголовной юстиции 1991 г. [3].

За неуплату штрафа в установленный срок в Англии применяется тюремное заключение. Максимальные сроки тюремного заключения за неуплату штрафа предусмотрены ст. 31 (ЗА) Акта о полномочиях уголовных судов 1973 г. и пункта 1 перечня 4 к Акту о Судах магистратов 1980 г., с поправками, содержащимися в ст. 23 Акта об уголовной юстиции 1991 г. Например, при сумме неуплаченного штрафа от 1000. до 2500 ф. ст., максимальный срок тюремного заключения составляет 45 дней.

Согласно ст. 30 Акта, о полномочиях уголовных судов 1973 г. Суд Короны может назначить виновному определенный срок тюремного заключения и штраф, судьи Суда магистратов могут принять такое решение, только в том случае, если статут, в котором содержится состав конкретного преступления, предусматривает такую возможность.

Согласно §31 Закона о полномочиях уголовных судов 1973 г., когда Суд Короны назначает штраф или конфискует залог какого-либо лица, он может издать приказ:

- а) устанавливающий срок уплаты суммы штрафа или суммы залога;
- б) определяющий, что оплата может производиться путем взносов в таком размере и по таким датам, как определит суд в приказе;
- в) освобождающий от внесения залога или снижающий его размер.

При назначении штрафа Суд Короны в каждом конкретном случае должен издать приказ, определяющий срок лишения свободы, который такое лицо должно отбыть, если сумма штрафа, подлежащая уплате, не будет им в установленном порядке уплачена или перекрыта.

Установленный судом за неуплату штрафа срок лишения свободы не должен превышать 12 месяцев, и лицо, в отношении которого был издан приказ о назначении штрафа) Судом Короны, не должно быть помещено в тюрьму. Исключение составляют случаи, когда [4]:

- а) при 1 совершенных преступлений, подлежащего наказанию в виде лишения свободы, если суд сочтет такое лицо не имеющим достаточных средств для выплаты подлежащей суммы;
- б) суд придет к выводу, что это лицо вряд ли будет долго проживать в Великобритании, чтобы успеть выплатить подлежащую сумму;
- в) приказ издан судом, приговорившим такое лицо к немедленному лишению свободы или помещению в центр задержания за это или иное преступление, либо это лицо уже отбывает срок лишения свободы или помещено в центр задержания.

Суд по своему усмотрению может предоставить подсудимому время для уплаты штрафа (отсрочить уплату) в зависимости от его размера, что обычно и делается, за исключением случаев, когда:

Преступление наказуемо тюремным заключением и подсудимый может уплатить штраф немедленно;

У него нет постоянного места жительства, и он, вероятно, уедет из Великобритании.

3. В отношении него уже вынесено решение о заключении под стражу. Штраф может быть отменен в связи с любым из следующих обстоятельств: условного (абсолютного) оправдания, отбытия наказания и госпитализации.

Назначение штрафа несовершеннолетним преступникам в Англии имеет определен-

ные особенности. Суд может применить к несовершеннолетним и молодым преступникам приказ о выплате штрафа, возмещении ущерба, судебных издержек и др. Если лицо, не достигшее 17 лет, совершает преступление, за которое в качестве наказания предусмотрен штраф (а также возмещение судебных издержек или компенсация за нанесенный ущерб), суд может издать приказ об обязанности уплатить определенную сумму либо самим несовершеннолетним либо его родителями (опекунами). Максимальный размер штрафа для несовершеннолетних преступников составляет 200 фунтов стерлингов. Государственный секретарь имеет право (путем издания приказа) увеличить размер штрафа в случае девальвации национальной валюты [5].

В тех случаях, когда суд имеет право приговорить лицо, не достигшее 21 года, к тюремному заключению или поместить такое лицо в тюрьму за неуплату штрафа или нарушение условий probation, суд может издать приказ о направлении его в центр посещений. Такие приказы издаются, как правило, в отношении лиц, не имевших ранее судимостей. В соответствии с Законом об уголовной юстиции 1982 г. срок пребывания несовершеннолетних в центре посещений составляет 12 часов. Но суд имеет право, если сочтет это необходимым, увеличить срок посещения такого центра до 24 часов лицам в возрасте до 17 лет и до 36 часов, когда речь идет о преступнике, не достигшем 21 года.

Представляется, что есть смысл указать на сходные положения о штрафе в законодательстве Великобритании [6].

В соответствии с УК РК 2014 г. штраф может назначаться в качестве как основного, так и дополнительного наказания (ч. 2 ст. 40 УК). Как и по английскому законодательству, по УК РК суд может назначить штраф в виде основного наказания либо назначить его наряду с другим (более строгим) наказанием, например, лишением свободы. Но английские судьи не ограничены законом в части назначения штрафа в качестве дополнительной санкции.

Различия в законодательстве о штрафе в Англии и РК заключаются в следующем.

Законодательство Великобритании предусматривает исчисление размера штрафа на основе определения фиксированной суммы национальной валюты, УК РК в этом отношении предусматривает более сложный подход.

УК РК, как и английское законодательство, предусматривает, что размер штрафа определяется судом с учетом имущественного положения осужденного. Но наше уголовное законодательство не возлагает на органы дознания и предварительного следствия ответственность за не выяснение таких обстоятельств, как это имеет место в Англии [7].

Положительным отличительным моментом отечественного уголовного законодательства от британского является то, что несовершеннолетнему осужденному штраф может быть назначен только при наличии у него самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание (ч. 2 ст. 88 УК). По английскому законодательству за преступление, совершенное несовершеннолетним, штраф должны уплачивать лица, воспитывающие его, это не только не позволяет достигнуть целей наказания, но и, как представляется, просто противоречит здравому смыслу.

б) Штраф по уголовному законодательству Соединенных Штатов Америки.

В США штраф относится к числу самых распространенных мер наказания как по законодательству, так и по практике его применения. В большинстве случаев он предусматривается наряду с тюремным заключением (лишением свободы) и может быть назначен в качестве основного наказания наряду с другим основным наказанием (лишением свободы), а иногда и с probation.

Свод законов Соединенных Штатов Америки делит общественно опасные деяния на фелонии, мисдиминоры, проступки (правонарушения). В зависимости от категории преступного деяния уголовное законодательство США устанавливает максимальные пределы штрафа для каждой такой категории [3].

Свод законов США предусматривает возможность назначения альтернативного штрафа: когда лицо извлекло выгоду из преступления или преступление повлекло убытки обвиняемый может быть подвергнут штрафу не более двойного размера суммы выгоды или убытка. Уголовное законодательство Испании также предусматривает случаи, когда штраф может устанавливаться в размере, пропорциональном причиненному ущербу, ценности объ-

екта преступления или получаемой от него выгоды. Как уже было сказано выше, нельзя строгость наказания ставить в прямую-зависимость лишь от размера причиненного ущерба, поскольку тяжесть совершенного преступления не соответствует в точности сумме извлеченной преступником выгоды или нанесенным преступлением убыткам [5].

Законодательство не связывает возможность назначения штрафа с характером и тяжестью преступления. Штрафные санкции предусмотрены и за преступления, направленные на извлечение материальной выгоды или повреждение имущества, и за посягательства на личность, на государственное управление и прочее. Например, по УК штата Гавайи штраф может быть единственным наказанием за любое преступление, если суд сочтет, что этой меры достаточно [2].

В уголовном законодательстве США штрафы классифицируются на три вида: штрафы для физических лиц, штрафы для корпораций и альтернативные штрафы, основанные на выгоде или убытке.

Согласно §3571 подраздела С Свода законов Соединенных Штатов Америки подсудимый, признанный виновным в совершении посягательства, может быть приговорен к уплате штрафа.

Физическое лицо, признанное виновным в посягательстве, может быть подвергнуто штрафу в размере не более:

1. суммы, установленной в законе, предусматривающем преступление;
2. суммы, согласно пункту «d» данного параграфа;
за фелонию - не более 250 000 долларов;
за мисдиминор, повлекший смерть - не более 250 000 долларов;
за мисдиминор класса А, не повлекший смерть - не более 100 000 долларов;
за мисдиминор класса В или С, не повлекший смерть - не более 5 000 долларов;
за нарушение - не более 5 000 долларов.

Пункт «d» §3571 Свода законов говорит об альтернативном штрафе.

Альтернативный штраф, основанный на доходе или убытке, - если лицо извлекло выгоду из преступления или преступление повлекло убытки для другого лица, кроме обвиняемого, обвиняемый может быть подвергнут штрафу не более двойного размера суммы выгоды или убытка.

При рассмотрении вопроса о том, применять наказание в виде штрафа или нет, и в случае его положительного решения, при определении размера штрафа, срока и способа его уплаты суд должен учитывать дополнительно следующие факторы:

- доходы, способности зарабатывать и финансовые средства подсудимого;
- характер бремени, которое ляжет на подсудимого, других лиц, находящихся в материальной зависимости от подсудимого или любое другое лицо, (включая правительство), которые были бы ответственны за благополучие лица, находящегося в материальной зависимости от подсудимого в соотношении с тем бременем, которое оказалось бы возложенным применением альтернативных наказаний;
- материальный ущерб, причиненный другим в результате совершенного посягательства;
- предписана ли реституция или уже осуществлена, и ее размер;
- необходимость изъятия у подсудимого незаконной выгоды от преступления;
- ожидаемые расходы государства, связанные с тюремным заключением, освобождением с передачей под надзор или с пробацией;
- может ли за подсудимого уплатить штраф другое лицо.

Лицо, приговоренное, к уплате штрафа или другого денежного взыскания, включая реституцию, должно произвести такой платеж немедленно, если только суд не предпишет в интересах правосудия осуществить его в определенный день или по частям. Если суд предпишет уплату по частям, части должны быть равными и выплачиваться ежемесячно в течение срока, установленного судом, при условии, что судом не определен другой график платежа [2].

Лицо, которому назначен штраф, проявляющее добросовестность в его уплате, со-

блюдающее сроки выплаты, может в любое время подать заявление в суд о продлении графика выплаты штрафа по частям, но не более чем на 2 года. Осужденный может ходатайствовать и об отмене уплаты всей или части невыплаченной доли. Если лицо добровольно произвело реституцию или возместило вред потерпевшему, то суд может сократить невыплаченную часть штрафа на сумму реституции [12, 32].

ЛИТЕРАТУРА

1. Разинкин В.С. «Воры в законе» и преступные кланы, - М.: НОРМА, 1997. - 383 с.
2. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. - М.: Прогресс, 1994. - 238 с.

ПРИНЦИПЫ (ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА) ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

Нұрмұханбет Данияр Ысқақұлы
к.ю.н., доцент, член РАЮН
Кажыбаева Асель Асылхановна
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»

Юридическая техника есть выработанная и проверенная практикой система правил построения нормы права, института или отрасли права, формулирования правовых норм. Существуют общие для всех отраслей права правила и приемы законодательной техники, но при этом имеются и специфические правила, характерные только для отдельных его отраслей.

Общими правилами для разработки правовых актов в правотворчестве считаются: 1) применение определенных методов регулирования, характерных для отдельных отраслей права и ориентированных на те или иные способы правового регулирования - дозволения, обязывания, запрещения; 2) использование различных способов изложения предписаний (норм), классифицируемых по степени обобщенности нормативного материала, по полноте использования элементов (гипотезы, диспозиции, санкции) юридической нормы, по специализации статьи (дефинитивная, оценочная, диспозитивная и т.д.); 3) следование правилам и законам формальной логики (тождества, непротиворечия, исключенного третьего и достаточного основания). Законы и правила логики используются в правотворчестве для построения как правового акта в целом, так и отдельных частей и положений; 4) применение юридических конструкций, устойчивых схем и моделей, устанавливающих соотношение прав, обязанностей и ответственности субъектов правоотношений; 5) следование определенным правилам оформления правового акта в целом, а также его структурных частей, использование дополнительных структурно-смысловых элементов, таких как перечень, примечания, приложения, таблицы и т.п.; 6) соблюдение требований к терминологии правовых актов, таких как смысловая однозначность, распространенность и общепризнанность, стабильность и доступность; 7) использование юридического языка и официально-делового стиля [2].

Для уголовного права наиболее характерен метод запрета. Запрещающие уголовно-правовые нормы, в которых определяется уголовная ответственность за преступное поведение, составляют большинство уголовно-правовых норм. Они адресованы лицам, которые предупреждаются об уголовной ответственности в случае совершения преступления. Осознание противоправности деяния должно рассматриваться в качестве обязательного условия привлечения к уголовной ответственности адресата запрещающей уголовно-правовой нормы. Вместе с тем, систему норм уголовного права дополняют управомочивающие нормы, которые в основном адресованы суду, регламентируя его право на освобождение от уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших преступления, применение принудительных мер медицинского или воспитательного характера при отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности; нормы, предписывающие обязательные для исполнения правила назначения наказания, погашения судимости и т.д. [2].

Предписания, собранные в Общей части Уголовного кодекса, предназначены решать вопросы о круге лиц, подлежащих уголовной ответственности, о необходимой обороне, об условном осуждении и принудительных мерах медицинского характера. Общие предписания соотносятся с каждым из составов преступлений, предусмотренных в статьях Особенной части УК. Их многократное воспроизведение в каждой статье нецелесообразно, поэтому эти предписания обособлены в отдельную Общую часть и распространяются на всю систему уголовного законодательства. Будучи элементом системы, каждое правовое предписание выполняет функцию структурного элемента правовой нормы. Правовая норма - это результат обобщения и типизации законодателем общественно значимой деятельности во всей последовательности ее развития; это проверенный практикой стереотип реагирования на потребность. Она дает возможность правильно с точки зрения общества и государства реагировать на потребности и делать это автоматически при минимальных затратах, не анализируя все обстоятельства, а просто руководствуясь законом. Например, ч. 1 ст. 99 УК РК определяет убийство как умышленное лишение жизни другого человека, опуская способы лишения жизни и давая тем самым понять, что убийством являются все без исключения способы умышленного лишения жизни другого человека. При конструировании правовой нормы должны применяться только те понятия о типовых элементах состава, для которых признаки, свойства общественной опасности (полезности), вредности тоже являются типовыми обязательными повторяющимися в каждом акте. Если эти признаки не типичны, то в состав нормы входить не должны. Правовая норма как типовой образец, модель общественно опасной (полезной) вредной деятельности, чтобы быть пригодной для применения в настоящем и будущем, должна быть, удобной для усвоения и запоминания. Ввиду этой особенности многие статьи Уголовного кодекса РК не содержат в своем составе описание таких, например, элементов деятельности как условия ее осуществления, орудия и т.д. [3].

Для создания правовой нормы требуется изучение множественности преобразований на всех стадиях развития, извлечения типовых признаков, свойств, абстрактных типовых понятий, являющихся по определению Е.К. Войшвилло, «обобщенным отражением действительности», изложение содержания в законодательных актах.

Классификация законодательной деятельности по назначению и содержанию разрешаемых вопросов позволяет выделить три вида юридической техники: 1) техника организации законодательной деятельности, 2) техника концептуальной разработки проектов законодательных решений, 3) техника написания и оформления текстов законопроектов (законодательная техника).

Техника организации законодательной деятельности предполагает всю технологию законотворческого процесса, последовательность его стадий, этапов; организацию системы управления законодательным процессом, в том числе состав и компетенцию субъектов законодательного процесса, систему обеспечения (правовое, информационно-аналитическое, документационное, организационно-техническое и др.), определение задач, условий их выполнения и требований к содержанию и качеству их результатов. Этот вид законодательной техники - есть средство технического обеспечения качества законотворческого процесса, поддержания его в «рабочем состоянии».

Техника концептуальной разработки законопроектов применяется для: анализа проблемной ситуации в определенной сфере общественных отношений и в системе регулирующих их норм; определения целесообразности законодательного вмешательства в сложившуюся систему общественных отношений; установления целей, предмета, принципов и методов (способов) законодательного регулирования; определения перечня, структуры и основных положений законодательных актов. В.М. Сырых, рассуждая о методах правотворческой техники, в качестве первой группы называет методы подготовки концепции нормативно-правового акта. По верному замечанию И.Ф. Казмина: «Разработать концепцию проекта нормативного акта, значит раскрыть общий замысел, основные идеи, дать обобщающую характеристику смысла будущего акта». Здесь, однако, следует обратить внимание, что идея и концепция - разные стадии формирования права. Идея - это его начальная стадия в связи с возникновением правовой ситуации, а концепция - более поздняя стадия законотворческой деятельности, когда идея полностью сформировалась и принято решение готовить на ее ос-

нове законопроект. В любом случае между идеей законопроекта и формированием ее концепции существует временной разрыв. В действующем законодательстве определение концепции законопроекта отсутствует. В теории права идут разработки этого понятия и в наиболее развернутом виде оно сформулировано В.М. Барановым следующим образом: «Концепция законопроекта - относительно автономный прием юридической техники и самостоятельный начальный этап законотворчества, представляющий собой специально подготовленную научно-практическую прогнозную информацию, содержащую определенную экономически оправданную системную трактовку юридически значимой деятельности, механизм ее правового опосредования и реализации, выступающую развернутым обоснованием необходимости подготовки и принятия конкретного закона». Столь широкий охват деятельности, включенной в содержание определения характеризует концепцию теории законотворчества в целом. Тем не менее оно указывает на методiku построения концепции законопроекта: 1) построение эмпирической модели законопроекта, 2) определение пространственно - временных параметров действия модели и 3) описание программы действий субъекта по конструированию предмета законодательного регулирования. После методологического освещения природы концепции законопроекта должен следовать этап разработки методики ее создания, а затем методики реализации.

Техника написания и оформления текстов законов (законодательная техника) - совокупность принципов, правил, методов, средств и приемов написания и оформления текстов нормативных актов. К основным принципам законодательной техники в юридической литературе относят: 1) общие принципы правотворчества: 1) адекватность правового воздействия и его соответствие государственной политике; 2) без избыточность, полнота и конкретность регулирования, отсутствие или допустимость побочных эффектов; 3) своевременность введения правового акта в действие; 4) реализуемость правового воздействия (наличие организационных и правовых механизмов); 2) принципы системности права: 1) соблюдение принятого структурирования права на отрасли, подотрасли и институты, а также установленных взаимоотношений правовых актов по их юридической силе; 2) соответствие по целям и непротиворечивость по содержанию нового и действующих правовых актов; 3) соответствие вида правового акта компетенции издавшего его органа; 4) наличие связанных с принятием данного правового акта изменений действующего законодательства; 3) принципы точности и определенности юридической формы устанавливаемых правоотношений: 1) адекватность выражения языковыми средствами композиции правового решения; 2) обеспечение точного понимания положений правового акта всеми субъектами правоотношений; 3) правильность оформления акта как официального юридического документа [5, 12].

Глубокая проработанность вопроса о принципах правотворчества в теории права должна, казалось бы, снять проблему принципов в отдельных его отраслях, однако этого не происходит в силу следующих обстоятельств. Кроме общих и основных принципов правотворчества, в каждой отрасли права существует своя система основных идей и положений, закрепленных в законе и вытекающих из Конституции РК и международных актов. Они оказывают самостоятельное воздействие не только на общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования, но и определяют политику законотворчества, метод и способы (правила, приемы) регулирования. Так, учитывая особое значение принципов уголовного права для стабилизации уголовной политики, для придания упорядоченного концептуального характера правотворческому процессу и правоприменительной практике законодатель изложение Общей части Уголовного кодекса начал определением задач и системы принципов уголовного права. Придав принципам уголовного права юридическую форму, законодатель тем самым определил ориентиры и ограничения для собственного законотворчества. Наложение или соединение принципов уголовного права, закрепленных в уголовном законодательстве (ст. 3-8), присутствие их в системе общеправовых принципов, декларированных в Конституции РК (законность, равенство граждан перед законом, виновность ответственности, гуманизм), наличие глубоко разработанной системы принципов правотворчества в теории права определяют общую направленность правового регулирования, а также специфические способы и средства нормотворчества в уголовном праве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попченко А.Р. Предупреждение правонарушений со стороны молодежных неформальных объединений экстремистской направленности: Методическое пособие / А.Р. Попченко, Т.А. Петрова. - М.: ВНИИ МВД России, 2006. - С. 5.
2. Садков Е.В. Предупреждение преступности в маргинальной среде молодежи: Автореф. дис. канд. юрид. наук. - М., 1994. - С. 8-9
3. Радов А. «Дети Де-точкина» // Комсомольская правда. 1986. 17 октября.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН

Алмуханов Бекетай Уракбаевич

к.ю.н., доцент

Кажибаява Гульден Амангельдыевна

Магистрант 1 года обучения

Специальность «Юриспруденция»

Первичная женская преступность и рецидив преступлений, совершаемых женщинами, - явления, на наш взгляд, взаимосвязанные: нельзя, рассматривая один вид преступности, не обращать внимание на другой, так как причины совершения преступления, вне зависимости, в первый раз оно совершено или нет, в большинстве случаев если неодинаковы, то схожи. Если в профилактике первичной женской преступности можно предложить довольно много методов и средств предупреждения указанного явления, то в предотвращении рецидивной женской преступности единственный способ - процесс эффективной ресоциализации [1].

В ходе исторического развития преступность то увеличивалась, то уменьшалась количественно, но всегда усложнялась качественно, появлялись и появляются новые виды преступности.

Преступность очень быстро реагирует на любые изменения в обществе и приспосабливается к ним. Вместе с этим изменяются или дополняются новыми мотивы и условия совершения преступления, наконец, меняется человек в процессе изменений в обществе. Соответственно, все это должно учитываться в процессе ресоциализации. В связи с этим нам представляется целесообразным рассмотреть характеристику женщины, отбывшей наказание в виде лишения свободы, в контексте ресоциализации с точки зрения виктимологии. Специфическим предметом этой науки является, во-первых, жертва преступления, как определенная совокупность лиц, и процесс их превращения в жертвы преступных посягательств; во-вторых, индивидуальная способность тех или иных лиц стать жертвой или, иными словами, неспособность избежать преступного посягательства, противостоять ему там, где это было возможно. Эти два аспекта изучения жертв получили соответственно названия «виктимизация» и «виктимность». Аспекты виктимизации и виктимности в процессе ресоциализации женщин, отбывших наказание в виде лишения свободы, - вопрос малоизученный и очень сложный. Приведем пример. Под преступлением понимается противоправное, уголовно наказуемое, виновное деяние, ответственность за которое предусмотрено уголовным законодательством. Но ведь существует достаточное количество деяний и действий, совершаемых одним человеком, группой лиц, всем обществом в целом, за которые не прописаны меры наказания и ответственности, как, например, отсутствие содействия процессу ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, и, в частности, женщин. Практически полное отсутствие ресоциализации женщин, отбывших наказание в виде лишения свободы, может привести к рецидиву и поставить под угрозу безопасность здоровья и жизни любого человека, следовательно, в определенном смысле такое бездействие можно назвать преступлением, а женщину рассматривать как жертву неэффективного процесса ресоциализации.

Несмотря на множество видов виктимности, на наш взгляд, будет правильным классифицировать женщин по двум, основным, в рассматриваемом параграфе признакам:

1. виктимность в местах лишения свободы;
2. виктимность после окончания срока наказания.

Рассматривая пенитенциарный аспект виктимности женщины как потенциальной жертвы преступного мира, мы имеем в виду создание в местах лишения свободы предпосылок, которые подкрепляют и создают у женщины отчетливую мотивацию: после выхода на свободу вернуться в преступное сообщество. Механизм возвращения в криминальный мир довольно прост: основной причиной являются трудности, с которыми женщина сталкивается после окончания срока наказания, а также ее тюремная социализация в контексте субкультуры, восприятие и объединение себя в понятии «мы», отличное от остального мира людей.

В то время, когда государство не оказывает ей необходимой помощи в решении возникающих проблем, она получает ее от лиц, вовлеченных в преступную деятельность [2].

Виктимность в местах лишения свободы, так называемая пенитенциарная виктимность подразумевает приобщение к тюремной субкультуре. Одна из причин возникновения пенитенциарной виктимности - отсутствие пенитенциарной ресоциализации. Понять, как происходит виктимизация женщины после выхода на свободу, можно, проанализировав следующую схему: преступник жертва ситуация детерминанты виктимизация. В данном случае в роли преступника выступает криминальная среда; жертвой является женщина, отбывшая наказание в виде лишения свободы; основным детерминантом становится отсутствие пост-пенитенциарной ресоциализации; ситуацией - нищета, безработица, бездомность, отчуждение семьей, разрыв социальных связей, десоциализация; виктимизацией - исходя из ситуации и детерминантов - отсутствие выбора между законопослушным поведением и возвращением в преступный мир.

Как считает Шинкевич Н.Е., виктимность обусловлена совокупностью личностных, поведенческих качеств, взаимодействующих с внешними факторами в определенных ситуациях. В данной ситуации необходимо учитывать, что поведение, мотивация и деградация личности женщины обусловлены навязанными ей условиями содержания в местах лишения свободы: отсутствием выбора самостоятельно принимать решения, изолированностью от общества, навязыванием ей определенной микросреды, круга общения.

Предупреждение негативных последствий всех этих факторов подразумевает виктимологическую профилактику в местах лишения свободы, мероприятия по которой были указаны в первой части параграфа. Удельный вес женщин-рецидивисток на современном этапе колеблется от 11% до 16%, то есть примерно каждая 10-15 женщина, отбыв первое наказание, совершает повторное преступление. Самым характерным периодом для совершения повторного преступления являются первые полтора года после освобождения, которые зачастую становятся острым кризисным периодом для женщины. Если в этот период не помочь женщине решить проблемы, возникающие на пути ее интеграции в законопослушное сообщество, то ее виктимность возрастает в несколько раз [3].

Для снижения уровня виктимности женщины после выхода на свободу, как уже не раз отмечалось, необходима результативная по степени тенциарная ресоциализация, направленная на решение трудностей женщин в кризисных ситуациях, возникающих после окончания срока наказания. К трудовым, жилищным, психологическим проблемам может добавиться еще и такая острая проблема, как социально значимые заболевания, такие как ВИЧ-инфекция, туберкулез, наркомания. Адаптация в общество тесно связана со здоровьем человека. В социальной ситуации указанные заболевания и снижение качества и доступности медицинской помощи способствуют конфликтам, снижению материального благополучия женщины, психоэмоциональному напряжению в семье, коллективе и обществе [4].

Отсутствие должной медицинской помощи обрекает женщину на качественно низкий уровень жизни и скорую смерть. Средств на лечение и дорогостоящие лекарства у большинства женщин, отбывших наказание, нет. Это ставит женщину в безвыходную ситуацию, возникают депрессии, эмоциональные и нервные срывы, и без того расшатанная психика женщины становится более уязвимой. Отсутствие желания к самосовершенствованию и развитию, материальные трудности толкают женщин на совершение рецидива и возвращение к криминальный мир.

Можно выделить 3 обязательных аспекта ресоциализации в местах лишения свободы для снижения уровня виктимности женщины:

1. индивидуализация наказания;

2. образовательный процесс;
3. морально-психологическая работа.

Индивидуализация наказания в современных пенитенциарных учреждениях заключается исключительно в раздельном содержании преступников по половому признаку. Индивидуализация не учитывает такие аспекты, как отношение заключенной к совершенному деянию, морально-психологическое состояние женщины при поступлении ее в места лишения свободы, семейный статус женщины, психические особенности женщины, совершенное преступление и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.
4. Методические рекомендации по сравнительному анализу законодательств государств - участников СНГ, разработанные Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. В кн.: Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. - М.: Норма. 1996. - 415 с.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ДОБЫЧУ ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЕС И СТРАН ЕС

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Калякпаров Наурызбек Серикулы
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Значение Директивы ЕС от 19 ноября 2008 г. об охране окружающей среды уголовным правом. Европейский Союз уже на протяжении многих лет предпринимает усилия по созданию правовой и организационной основ борьбы с экологической преступностью не только в пределах территории Союза и государств-участников, но и является инициатором мер, осуществляемых в других странах. Особенно важны инициативы ЕС в тех случаях, когда незаконная добыча природных ресурсов, незаконная перевозка и захоронение отходов и т.п. осуществляются на территории развивающихся стран, стран, находящихся в зоне повышенного экологического риска. При этом европейскими исследователями отмечается появление и распространение феноменов связанности данного преступления с коррупционной и организованной преступностью, повышения доходности от незаконного промысла, возрастание угроз для особо охраняемых видов и др.

Учитывая эти обстоятельства, в рекомендациях Директивы Европейского парламента и Совета от 19 ноября 2008 г. 2008/99/ЕС об охране окружающей среды уголовным правом (ст. 3) были сформулированы составы преступлений, за совершение которых должна наступать ответственность, а именно:

- добыча, уничтожение, завладение либо присвоение организмов, относящихся к охраняемым видам дикой фауны и флоры, за исключением случаев, когда такие действия совершены в отношении незначительного их числа и оказывают несущественное влияние на сохранение этих видов;
- торговля образцами охраняемых видов дикой фауны и флоры или их частями либо продуктами за исключением случаев, когда такие действия совершены в отношении незна-

чительного их числа и оказывают несущественное влияние на сохранение этих видов.

Если в первом случае прямо указано на добычу в отношении охраняемых видов дикой фауны, к которым относятся и водные биологические ресурсы, поставленные под защиту закона по разным основаниям, например как особо ценные в хозяйственном отношении, как внесенные в списки СИ-ТЕС и т.д., то во втором случае очевидно, что незаконная добыча (вылов) предшествует незаконной торговле. Представляется, что это положение наряду с другими обстоятельствами предопределило введение в главу 13 УК РК дополнения в виде ст. 337.

Хотя Директива оставляет на усмотрение национальных законодателей стран-участниц ЕС регулирование уголовно-правовой борьбы с незаконной добычей водных биологических ресурсов как специальным видом экологических преступлений, из ее текста следует, что Европейский парламент и Совет считают необходимым усилить ответственность за деяния такого рода. При этом Директива не определяет, в каком источнике права – уголовных кодексах или специальных актах – должны содержаться нормы об уголовной ответственности, какова форма деяния – преступление или уголовно-наказуемый проступок, каковы должны быть санкции. Эти вопросы остаются в компетенции государств-участников ЕС, и должны решаться с учетом национальных традиций уголовно-правового регулирования, а они, как известно, весьма своеобразны.

Такие подходы к уголовной ответственности базируются на принципах и задачах общей экологической политики ЕС и такого ее сектора, как политика в области рыболовства. Они заключаются в предоставлении гарантий того, что использование живых водных ресурсов в водах Европейского Союза и рыболовными компаниями ЕС, то есть по территориальному и субъектному признакам, осуществлялось на экологически устойчивом уровне. Для этого был установлен комплексный режим управления, включающий меры сохранения водных биоресурсов, меры контроля за деятельностью государств и других субъектов права, меры юридической ответственности и возмещения вреда. Но, как отмечают специалисты, несмотря на принятые экологически значимые решения, Европейский Союз часто содействовал и продолжает содействовать повышению производства и занятости в индустрии рыболовства с тем, чтобы стимулировать экономическое развитие прибрежных регионов. Это приводит к истощению рыбных запасов, снижаются объемы выловов, доходы, уровень занятости населения, возрастает число нарушений правил рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов.

Основные правовые инструменты регулирования рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов в Европейском Союзе. Главным признается установление общего допустимого улова. Еще один инструмент – это ограничения на вылов водных биологических ресурсов, которые устанавливаются в отношении наиболее экономически значимых ресурсов. Особое значение в экологическом, рыболовном и уголовном праве ЕС имеют такие правовые инструменты, как надзор и контроль (это присуще и национальному правовому регулированию, где всегда признавалась роль такого рода средств обеспечения законности и правопорядка, предупреждения нарушений требований закона и их последствий).

Несмотря на еще существующие недостатки и пробелы, экологическая политика и политика в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов, а также режим, установленный ЕС, следует признать наиболее развитой системой управления рыболовством в мире.

Общеввропейская политика рыболовства привела к излишнему разрастанию флота (особенно в 70 – 80-е годы XX столетия), когда было построено слишком много судов при отсутствии возможности их размещения, и к излишне большим объемам уловов. Кроме того, Еврокомиссия еще в 2009 г. указала в Зеленой книге о реформе общеевропейской политики в области рыболовства, что 88% рыбных ресурсов добывается способами, не обеспечивающими долгосрочную максимальную пользу. Далее, разрешения на вылов, которые выдают министры рыболовства стран-участниц ЕС, превышают рекомендации Международного совета морских исследований (Копенгаген) на 48%, что привело к опасному снижению популяций и исчезновению некоторых видов в водах Европейского Союза.

Европейский Союз начал осуществлять должные меры: снижено число флотов, вне-

дрены долгосрочные планы менеджмента данного природного ресурса, что позволило добиться неплохого показателя – из 94% видов рыб, находившихся в критической ситуации, сейчас подвергаются опасности 47%. Для Германии рыболовство не имеет особого значения, и число судов здесь сокращается без особых проблем, но в Испании сложилась совсем другая ситуация, усугубленная финансовым кризисом: альтернативы занятости населения прибрежных районов почти нет, и сокращение флота воспринимается тяжело. Проблема усугубляется еще и тем, что суда становятся все более эффективными – на 2-4% в год добывают все больше рыбы. Поскольку флот Европейского Союза осуществляет добычу рыбы и в территориальных водах других государств, покупая у них квоты на вылов, то стремление удовлетворить спрос на рыбопродукцию приводит к подрыву экосистем не только в водах ЕС, но и во всем мире, тем более что часть рыбы, оказывающейся на европейском рынке, добыта нелегально, а часть, представляющая собой попутный улов, выбрасывается за борт (приблизительно 27 миллионов тонн ежегодно). Рыбаки, пишут они, иногда вынуждены идти на нарушение закона и выбрасывать пойманную рыбу только потому, что у них нет на нее квоты. Далее, помимо нарушения квот часто нарушаются и ограничения по дням добычи для некоторых видов, по которому суда могут выловить только определенный квотой объем потому, что на большее не хватит времени.

Ответственность за незаконную добычу водных биологических ресурсов по законодательству Федеративной Республики Германия. Немецкий законодатель издавна уделяет определенное внимание проблеме ответственности за экологические преступления в целом и в частности за незаконное рыболовство.

В Федеративной Республике Германия кодификация уголовно-экологического законодательства, так же как и во многих странах, была произведена под влиянием Европейской конвенции об охране окружающей среды средствами уголовного закона. Она затронула сферу защиты водных биоресурсов от многих посягательств общего и специального характера, но не регулирование ответственности за незаконную добычу водных биологических ресурсов. Остался этот состав и за пределами реформы уголовно-экологического законодательства, осуществленного 45 Законом об изменении Уголовного кодекса Германии в связи с Директивой Европейского парламента и Совета об охране окружающей среды уголовным правом. Тем не менее, в ФРГ была предпринята еще одна попытка кодификации уголовно-экологического законодательства, но не в рамках уголовно-правовой реформы, а в связи с необходимостью реформы законодательства экологического. Дело в том, что большинство норм об уголовной (и административной) ответственности за нарушение законодательства об охране окружающей среды и использовании природных ресурсов содержатся не в УК ФРГ, а в дополнительном законодательстве, то есть в специальных экологических законах. В 90-х годах прошлого века была начата работа над созданием проекта Экологического кодекса Германии. Таких проектов было несколько, но все они не были приняты из-за расхождений по вопросу о перераспределении компетенции в области правового регулирования между Федерацией и Землями.

Основными источниками рыболовного права являются следующие нормативные акты: а) Основной Закон (Конституция) ФРГ, б) земельные законы о рыболовстве, в) постановления о реализации земельных законов о рыболовстве, г) Уголовный кодекс ФРГ (§§293, 295, 74 а), д) Закон о защите животных (§§17, 18), е) земельное законодательство об охране окружающей среды (например, ст. 52 Баварского закона об охране природы, запрещающей движение транспорта и его парковку в свободной природе).

Кроме того, судебная практика, не касаясь вопроса о том, является ли она источником права, во многом определяет методику квалификации деяний, что в области рыболовства имеет довольно существенное значение.

В основном нормы, имеющего комплексную природу правового института, который регулирует ответственность за незаконное рыболовство, направлены на предупреждение единоличного незаконного рыболовства и предусматривают как уголовную, так и административную ответственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Капарова Айжан Батырбековна
Магистрант I года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Учение о детерминации преступности является одним из основополагающих разделов криминологии. Говоря о детерминизме, имеют в виду признание всеобщей взаимосвязи, взаимодействия всех вещей, объектов, явлений и процессов. Слово «обстоятельства» употребляется как объединяющий термин для причин и условий. Однако оценка одних явлений в качестве причин, а других в качестве условий имеет относительный характер. Конкретное явление в одних взаимодействиях может играть роль причины, а в других - условия". В XIX веке основоположник антропологической школы, выдающийся итальянский психиатр, криминалист и криминолог Ч. Ломброзо впервые сказал о том, что «всякое преступление имеет в происхождении своем множество причин, и так как причины эти очень часто сливаются одна с другой, то нам нет надобности рассматривать их каждую в отдельности. Когда невозможно выделить одну какую-нибудь причину известных явлений без того, чтобы не затронуть вместе с тем и других».

Развивая данную мысль, С.К. Гогель писал: «Можно сказать с уверенностью, что все те явления, все те факты, все те условия, как из природы и жизни самого человека, так и из окружающей его природы, и из жизни общества, которые могут влиять на поведение человека, живущего в обществе, могут быть на первых порах отнесены к числу причин преступности. Быть может, при дальнейших исследованиях окажется, что некоторые из них являются ближайшими, непосредственными, другие отдаленными; непосредственными, некоторые влияют только на движение преступности (динамика). Другие, наоборот, являются более постоянными, всегда действующими, например организация самого человека, социальный строй, в котором он живет». Но «все эти факторы находятся в известном соотношении друг с другом и разделить их, выделить влияние одного фактора и устранить, хотя бы мысленно, в исследовании другие почти невозможно; можно выяснить только преимущественное влияние того или другого фактора в известном направлении».

Ранее для ближайшего рассмотрения многообразия факторов и учений о влиянии каждого из них было принято делить факторы на: 1) индивидуальные, биологические, лежащие в самой природе человека (догматическая школа уголовного права, выделив одну из способностей человека - его волю и придав ей эпитет «злой», сделала из этой злой воли единственную причину всей человеческой преступности; школа моралистов, выделила нравственность и заявляла, что испорченная нравственность есть причина всех преступлений; школа френологов сводила индивидуальную преступность человека, т.е. его склонность к совершению преступлений, к какому-либо из видов психического расстройства.), и 2) внешние, куда относили и внешние природные факторы - климат, время года и т.д., и социальные (нет ни одного явления, которое не имело бы своих социальных причин [1, 19].

Как отмечала Л.С. Алексеева, обстоятельства, провоцирующие насилие над детьми в семье, пытаются объяснить многие существующие в настоящее время теории. В основном все они отражают профессиональные убеждения того или иного исследователя.

Так, например, с точки зрения социологической модели, детерминантами жестокого

обращения с детьми являются социокультурные факторы: стереотип семейных отношений, усвоенный еще в детстве и принятый в данной социальной группе; жилищные и материальные условия, порождающие хронический психологический стресс и посттравматические расстройства. В свое время Д.А. Дриль писал, что «в тех общественных слоях, в которых бедность, пьянство, невежество и отсутствие нравственной культуры идут наряду с уничтожением духа и чувств семейственности, дети совсем или почти безнаказанно становятся добычей всякого развращения и злоупотреблений родительской властью». Справедливо мнение Н.И. Трофимова о том, что семья воспроизводит себя в детях не только физически, но и духовно, ибо отношение человека к старшим, к обществу, его нравственные черты во многом повторяют соответствующие элементы структуры той семьи, в которой человек рос и воспитывался. Если элементы этой структуры окажутся порочными, в совокупности будут свидетельствовать о неблагополучии самой семьи, то воспитание детей в такой семье не может быть позитивным. Нравственная атмосфера в подобных семьях формируется главным образом под влиянием морального облика родителей. А в неблагополучных семьях моральная позиция родителей внешне проявляется, как правило, в недостойном поведении в коллективе и быту, в пьянстве, в постоянных семейных ссорах и скандалах, в избиениях детей и в иных аморальных поступках, совершении различных правонарушений и приобщении к ним своих детей и т.д.

С точки зрения психиатрической теории, жестокое обращение и пренебрежение ребенком - следствие патологических изменений в психике родителей, деградации, алкоголизации. Алкоголизация все чаще становится реакцией на жизненные трудности. В то же время действенные рычаги воздействия на родителей, склонных к употреблению спиртных напитков, отсутствуют. Как уже отмечалось, Н.Ф. Кузнецова определяла алкоголизм в качестве одной из причин поведения насильственной направленности. А.А. Абу-бакаров также указывал, что пьянство выступает одной из детерминант преступности, алкоголизм снижает тормозящие процессы в психике, порождает жестокость. Количество статистически установленных органами внутренних дел злостных пьяниц (лиц, систематически совершающих на почве злоупотребления алкоголем противоправные действия и поступки) колеблется от 10 до 12 млн. человек, что составляет 7 - 8% среди взрослого населения. Исследования, проведенные А.Н. Ильяшенко, позволили определить у 48,5% виновников, совершающих насильственные преступления в семье, ту или иную психическую аномалию (в их числе: хронический алкоголизм, наркоманию, шизофрению, эпилепсию, психопатию, олигофрению, выявлены также органическое поражение головного мозга различного генезиса, остаточные явления черепно-мозговых травм, алкогольные психозы и иные психические аномалии).

Социально-психологический подход объясняет проявления насилия к детям личным жизненным опытом родителей, их «травмированным» детством. Насилие, направленное против детей, порождает агрессию и воспитывает жестокость, а значит, воспроизводит новых насильников. Решение своих проблем дети - жертвы насилия - часто находят в криминальной, асоциальной среде, а это зачастую сопряжено с формированием у них пристрастия к алкоголю, наркотикам, они начинают воровать и совершать другие уголовно наказуемые деяния. Впоследствии испытывают трудности при создании собственной семьи, они не могут дать своим детям достаточного тепла, поскольку были лишены этого сами [2].

Психологическая теория основывается на представлении, согласно которому ребенок сам «участвует» в создании предпосылок для жестокого обращения, что автоматически выливается в концепцию плохого обращения как конечного результата деструктивных детско-родительских отношений. Как отмечает С.Н. Абельцев, никакая статистика войн и террористических катастроф, когда можно говорить о насилии, не сравнится с тем, что вытворяют друг с другом родные и близкие. В своем исследовании Н.В. Довголюк, говоря о несовершеннолетних жертвах жестокого обращения, выделила тип провоцирующей жертвы, для которой характерно: психическая неуравновешенность, эмоциональная возбудимость, лживость, необдуманность поступков, грубость и т.п. В поведенческом плане для нее показательно озорство, систематическое нарушение запретов, невыполнение требований взрослых, плохая учеба и т.п. С его стороны может иметь место и асоциальное поведение (курение, употребление алкоголя и наркотиков, совершение правонарушений).

Таким образом, следует признать, что все перечисленные теории имеют право на существование. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что объяснить причины такого многоаспектного социального явления, как «жестокое обращение с ребенком», с точки зрения лишь одной из них невозможно. Это связано с тем, что в причинном комплексе жестокого обращения с детьми задействован целый ряд взаимосвязанных криминогенных факторов. Жестокое обращение с детьми - это проявление насильственной, бытовой, семейной, сексуальной преступности, а значит, для него характерны и детерминанты названных сегментов преступности, которые можно рассматривать в качестве криминогенных факторов первого уровня. Кроме того, жестокое обращение с детьми порождается комплексом специфических факторов, присущих именно данному виду преступного поведения (детерминанты второго уровня) [3].

Поскольку весь спектр причин и условий, свойственных насильственной, бытовой, семейной преступности, в рамках одного диссертационного исследования рассмотреть невозможно, сосредоточим наше внимание на изучении специфических детерминант жестокого обращения с детьми [4].

Изучение данного вопроса в рамках проведенного нами исследования (анкетного опроса несовершеннолетних - учащихся семи общеобразовательных школ г. Астаны, экспертных опросов учителей, работников правоохранительных органов) позволило выделить следующие специфические детерминанты жестокого обращения с детьми.

Семейное неблагополучие, т.е. нарушение в структуре и (или) в функциях семьи, которое, отрицательно отражаясь на процессе усвоения несовершеннолетним социального опыта, способствует развитию его антиобщественного (в том числе и преступного) поведения, виктимизации подростка и развитию у него нервно-психических аномалий. В числе наиболее значимых факторов семейного неблагополучия, которые сами по себе являются детерминантами жестокого обращения с ребенком, нами определены:

а) алкоголизм и наркотизация родителей. Алкоголизм и бытовое пьянство выступают одним из важнейших криминогенных факторов насилия в семье. В этом убеждены и опрошенные нами несовершеннолетние (86,1%), и помощники прокуроров (51%). Систематическое пьянство и алкоголизм в семье, даже без явно выраженного насилия по отношению к детям, сами по себе могут рассматриваться как форма жестокого обращения с детьми, поскольку дети в таких семьях испытывают острые и даже мучительные переживания. Известно, что алкоголь (особенно в больших дозах) обуславливает проявление ранее фиксированной установки, выражающейся в привычном аморальном поведении либо в психологической готовности к нему. Переходный период в экономике, падение производства, инфляция, рост безработицы и экономическая неопределенность крайне тяжело сказывается на населении. Еще одной формой ухода от тяжелой реальности, наряду с алкоголизмом, является обращение к наркотикам. Употребление взрослыми наркотиков, как фактор детерминирующий жестокость в их поведении, отметили более половины опрошенных детей (60,1%). Как правило, поведение лиц, склонных к употреблению алкоголя и наркотиков, отягощено психофармакологическими проблемами и аффективными нарушениями, среди них: агрессивность, гиперсексуальность, раздражительность, нарушения координации, ослабленный контроль над своим поведением, снижение критики, изменения личности и др.;

б) семейные конфликты, как между родителями, так и другими членами семьи. По данным Верховного Суда РК, для семейной обстановки, предшествующей совершению насильственных преступлений характерно наличие длительных, систематически повторяющихся конфликтов, скандалов, в ходе которых члены семьи подвергаются унижениям, издевательствам, побоям, оскорблениям, что у детей вызывает чувство страха и незащищенности. Данный фактор подтверждается более чем половиной опрошенных нами несовершеннолетних (55%), при этом детьми указан тот факт, что в ситуации скандала ребенок чаще всего попадает «под горячую руку». Негативное влияние семейной конфликтности на личность ребенка проявляется как бы в двух планах. С одной стороны, ребенок с раннего детства становится постоянным свидетелем родительских размолвок, ссор и скандалов. С другой стороны, он может стать объектом эмоциональной разрядки конфликтующих родителей, которые свои проблемы загоняют вглубь, а раздражение по поводу недовольства друг другом выплески-

вают на ребенка. Кроме того, ребенок может стать своеобразным орудием разрешения родительских споров, когда каждый пытается укрепить собственные позиции путем «перетягивания» ребенка на свою сторону;

в) материальная необеспеченность семьи. Этот фактор, который способствует проявлению жестокости по отношению к детям (так считают 12% опрошенных помощников прокуроров и 3% учителей), выражается в тяжелых жилищных и материальных условиях, препятствующих полноценному удовлетворению основных потребностей ребенка (одежда, питание, образование, лечение, досуг и другие)". Возникающая бедность значительной части семей с детьми ведет к ухудшению условий воспитания и содержания в них детей, снижается доступность общего и профессионального образования, качественных медицинских услуг, культурной сферы, ухудшаются жилищные условия. Все большее число детей растет в так называемых материнских семьях, без достаточной материальной поддержки отцов;

г) педагогическая несостоятельность родителей в вопросах воспитания детей. Ослабевает воспитательный потенциал определенной части семей, что ведет к разрушению нравственных устоев, утрачиванию фундаментальных человеческих ценностей. Данный фактор был отмечен учителями (6,3%) и помощниками прокуроров (3,1%). При этом первые указали также на незрелость, отсутствие внутренней культуры и «собственное бессилие» родителей в вопросах воспитания детей в семье. В ходе нашего исследования мы предложили несовершеннолетним указать меры дисциплинарного воздействия, которые, на их взгляд, наиболее часто применяют к детям в семье. Опрашиваемые отметили следующие: (окрики - 43,9%; лишение на длительное время прогулок и досуга - 33,9%; оскорбительные выражения в адрес ребенка («дурак», «идиот» и пр.) - 28,1%; разовые шлепки - 16,3%; постановка в угол - 9,7%; нецензурная брань в адрес ребенка - 9,3%; тычки, затрещины - 7,7%; угрозы физическим насилием, побоями - 4,4%; принуждение к тяжелому, монотонному и бессмысленному труду - 4,1%; угрозы разглашения сведений позорящих ребенка и иной информации личного характера - 3,6%; периодические порки - 2,8%; лишение пищи - 2,4%; систематическое применение телесных наказаний - 1,8%).

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Каратаев Ергельды Абаевич
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

В современной отечественной криминологии в системе мер предупредительного воздействия на преступность всегда выделяются специальные меры, которые дополняют и/или корректируют общесоциальные и иные меры. Такая традиция позволяет развиваться системе предупредительного воздействия на преступность, обогащая её новыми средствами, методами и инструментами. По мнению отечественных криминологов, специальные (специально-криминологические) меры предупреждения преступности, в том числе и политической, осуществляются специальными субъектами предупреждения и противодействия этому явлению с применением специальных правовых средств, методов и приемов.

Специальные меры, как правило, направлены на нейтрализацию (устранение, ликвидацию, локализацию, ограничение сферы распространения и т.д.) причин и условий, воспроизводящих политическую преступность как своё закономерное следствие. Специальные меры противодействия политической преступности вырабатываются государством, его органами, должностными лицами и институтами гражданского общества и должны преследовать следующие цели:

- снижение качественных и количественных показателей политической преступности, характеризующих её общественную опасность, и причиняемых ею негативных социальных последствий;

- защита и восстановление законных прав и интересов лиц, ставших жертвами политических преступлений, возмещение им вреда, причиненного преступлением.

Специальные меры предупреждения преступности или её отдельного вида, как правило, связываются с эффективностью деятельности специальных субъектов - правоохранительных, контролирующих и судебных органов, а также общества, которые могут служить дополнительным барьером на пути распространения преступного поведения. Это положение в полной мере относится и к специальным мерам предупреждения политической преступности. Эффективная деятельность правоохранительных органов в борьбе с политическими преступлениями увеличивает степень риска наступления негативных социальных последствий для лица, подготавливающего или совершающего политическое преступление, вызванного привлечением к уголовной ответственности.

На наш взгляд, специально-криминологические меры предупреждения политической преступности как элемент системы должны включать в себя несколько этапов и направлений. По-видимому, они должны включать в себя мероприятия, имеющие организационно-управленческий, материально-технический, правотворческий, идеологический, информационный и правоприменительный характер.

К организационно-управленческим мерам необходимо отнести ориентацию научных (криминологических, социологических, политологических и других) и учебных образовательных учреждений высшего и послевузовского профессионального образования на приоритетное исследование различных аспектов политической преступности. Возможно, в более отдаленном будущем возникнет объективная потребность в создании специализированного научного учреждения или структурного подразделения научного учреждения, занимающегося изучением взаимосвязи преступности и политики.

Безусловно, проведение комплексных криминологических научных преследований по данной проблеме, предполагающих долгосрочный прогноз закономерностей развития политической преступности на территории, выяснение причин и условий политической преступности, особенностей личности политического преступника, эффективности принимаемых государством и обществом предупредительных мер, должно оказаться полезным делом для правоприменительной и право, творческой деятельности.

Подобные научные исследования приведут к подготовке комплексных общегосударственных и региональных (республиканских, областных, краевых) программ по предупреждению политической преступности или отдельных её видов и разработке проектов нормативных актов по её эффективному предупреждению.

Специальное предупреждение политической преступности немыслимо без правоприменительных мер, направленных на совершенствование деятельности судов и повышение эффективности работы правоохранительных органов по предупреждению, пресечению, расследованию политических преступлений и справедливому наказанию виновных в их совершении* либо взаимодействия между различными органами по данному вопросу. Ожидание таких позитивных результатов может оказаться проблематичным без надлежащего материально-технического обеспечения деятельности судов, правоохранительных органов и вооруженных сил, принимающих участие в предупреждении, выявлении, пресечении и расследовании политических преступлений.

Разумеется, что каждое государство должно обеспечивать эффективное взаимодействие между спецслужбами различных государств по предупреждению, пресечению и расследованию политических преступлений может рассчитываться на ее необратимое и полное ис-

коренение. Отечественный и зарубежный исторический опыт убедительно учит нас, что такое искоренение немислимо и невозможно, что законной государственной власти, какой бы она не была в глазах населения («хорошей» или «плохой», всегда приходится защищаться от своих принципиальных внутренних политических оппонентов («врагов», «соперников»). Поэтому рационально мыслящие сторонники законности и правопорядка в современной РК должны, не увлекаясь иллюзиями, довольствоваться сведением политических преступлений к умеренным размерам. Несмотря на тяжесть причиняемого политическими преступлениями вреда для личности, общества и государства, необходимо взвешенно и очень осторожно выбирать меры противодействия им, от которых зависит и сам успех борьбы с этим социально-политическими действиями (репрессиями, террором и иными насильственными методами), можно достигнуть определенных положительных уголовно-статистических результатов, по внешним признакам даже «блестящих», можно, кроме того, и добросовестно обманывать себя и население РК на счет их действительной стоимости для современного общества и государства. Ир эти результаты будут зданием, построенном на песке наших иллюзий, которое рухнет при первом же сильном напоре новой волны политических преступлений, или же они скоро окажутся купленными такой дорожной ценой которая своей тяжестью обессилит, обесмыслит и уничтожит все их «положительное» значение. Примером тому в отечественной истории служит борьба с инакомыслием в Российской Империи конца XIX века, а так же в Советском государстве на протяжении всей его истории. Беспощадная уголовно правовая борьба с носителями иных воззрений и идеологий, в том числе и экстремистских, методами массового террора в тоталитарном советском государстве привела, с одной стороны, к ликвидации террористических организаций, тогда как с другой - превратила его правоохранные (репрессивные) органы по своей сути в преступные организации, использующие Те же методы, что и политические преступники, а порой еще и более изощренные.

Разумеется, перед современными правоприменительными органами должны ставиться реальные задачи, направленные на уменьшение объема политической преступности, ограничение (локализацию) сферы ее обусловливания и распространения; изменение на менее опасный характер политических преступлений; ограничение опасного взаимовлияния политической и иных видов преступности, в первую очередь, организованной и коррупционной.

Поэтому для современного общества вопрос о средствах и методах, которыми осуществляется борьба с политическими преступлениями, должен являться центральным и наиболее значимым в системе специального предупреждения не только политической преступности и отдельных ее видов, но и преступности вообще как негативного социального явления в целом. К большому сожалению, приходится констатировать, что научных работ подобного содержания в отечественной криминологии насчитываются единицы. В этой связи заслуживает поддержки формирование такого научного направления в отечественной криминологии, как криминология человека, неоднократно предлагавшаяся для теоретической разработки своим ученикам профессором В.С. Устиновым, в том числе и автору настоящего исследования.

Обеспечение эффективности противодействию политической преступности внутри одного государства не может обеспечить безопасность населения, если на территории соседних государств для политических преступников имеется реальная возможность укрыться или избежать уголовной ответственности и наказания. В связи с этим становится актуальным вопрос об организации и обеспечении эффективного международного сотрудничества различных государств и их правоохранных органов в борьбе с политическими преступлениями и преступниками, что, несомненно, потребует совершенствования международно-правовых норм. Примером такого взаимодействия становится формирование в начале XXI века международной анти- террористической коалиции.

Для повышения эффективности международного сотрудничества в этой сфере жизнедеятельности необходимо, чтобы международно-правовых меры включали в себя нормы, указывающие перечень «политических преступлений» по которым выдача преступников является обязательной, а также необходимо сформировать перечень псевдополитических преступлений, то есть преступлений, по которым выдача лица иностранному государству производится. Здесь следует провести тонкую грань между политическим преступником и жерт-

вой противоправного преследования государством, его органами и должностными лицами из-за правомерной политической деятельности, не наносящей вреда обществу и государству. И как справедливо отмечает А.И. Долгова, "до сих пор в международно-правовых документах нет развёрнутого понятия "политического преступника", который бы, безусловно, подлежал выдаче.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

ПОНЯТИЕ УСЛУГ ОФИЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ И ОФИЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Курмашев Шынгыс Таласбекулы
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Бланкетность уголовного закона предопределяет, что рассмотрение вопросов, связанных с уголовно-правовой охраной жизни и здоровья человека при оказании медицинских услуг, требует предварительного уяснения основополагающих понятий, относящихся к отрасли медицинского законодательства, а также к иным его отраслям [1].

Необходимо отметить, что А.В. Наумов выделяет два вида бланкетности: «открытую», когда нарушение другой отрасли права прямо названо законодателем условием наказуемости деяния, и неявную, когда «уголовно-правовой запрет граничит с запретом норм другой отрасли права и определить нижний порог уголовно-правового запрета невозможно без определения верхнего порога запрета другой отрасли права». Последняя наиболее я РК о проявляется при необходимости разграничения норм УК РК с нормами КоАП РК.

Применительно к официальной медицинской деятельности рассмотрению подлежат следующие вопросы:

Общее понятие медицины.

Понятие официальной медицины, научная обоснованность применяемых в ее рамках методик.

Понятие и правовое регулирование официальной медицинской деятельности в различных странах, включая правовую форму осуществления медицинской деятельности, разграничение понятий «медицинская услуга», «медицинская помощь», «медицинская работа».

Рассмотрению также подлежит уголовно-правовое значение рассматриваемых понятий.

1. Понятие медицины и официальной медицинской деятельности. Вопрос о научной обоснованности методов лечения и оздоровления.

Медицинские и общелитературные словари определяют медицину как систему научных знаний (совокупность наук) и практической деятельности, целью которых является укрепление и сохранение здоровья, продление жизни людей, предупреждение и лечение болезней человека [2, 32].

Имея основной целью поддержание здоровья людей, медицинская деятельность также может быть направлена на достижение иных, значимых для индивида целей, влияющих на его здоровье, но не улучшающих его состояние (например, прерывание беременности по социальным показаниям, эстетическая медицина).

Термин «официальная медицина» широко используется в литературе для обозначения деятельности научно обоснованной, методики которой апробированы в установленном порядке, в отличие от народной медицины как деятельности, опирающейся на практический опыт многих поколений людей. В качестве синонимов термина «официальная медицина» используют понятия «аллопатическая медицина», «классическая медицина», «ортодоксальная медицина», «традиционная медицина». В дальнейшем во избежание путаницы будет использоваться термин «официальная медицина». Традиционная медицина будет пониматься в качестве синонима народной медицины [3].

Вопрос о научной обоснованности официальной медицины применительно к отдельным ее методикам часто вызывает острые дискуссии. По сути, он является социальным и даже философским, восходя к спорам о понятии научной рациональности [4]. Так как глубокое философское осмысление последней не является целью настоящего исследования, под научной обоснованностью будет пониматься признание методик в профессиональном сообществе врачей на данном этапе развития общества. Именно из такого понимания исходит законодатель, регламентируя осуществление различных видов медицинской деятельности.

Итак, представляется, что официальная медицина может быть определена как система знаний и практических методик и приемов, признанных в качестве научно обоснованных в профессиональном медицинском сообществе, направленных на улучшение, поддержание, восстановление или сохранение здоровья человека, включая лечение различных болезней и травм, а также на достижение иных значимых для индивида целей, влияющих на его здоровье, но не связанных с его улучшением (в частности, эстетическая медицина).

Официальная медицина не является набором бесспорных методик и способов лечения заболеваний, о чем свидетельствует наличие множества медицинских школ, а также постоянное развитие существующих методик, открытие новых и опровержение старых теорий. Однако наличие строгих правил к разработке и внедрению новых методов лечения предопределяет подход законодателя к ее правовому регулированию как к деятельности, максимально широко охватывающей лечение различных заболеваний, включая самые тяжелые, и предполагающей возможность проведения наиболее опасных медицинских вмешательств. Это отличает официальную медицину от иных видов медицинской деятельности, которые подвергаются существенным ограничениям и во многом воспринимаются как вспомогательные [5, 32].

Уголовно-правовая оценка деяний, причинивших вред здоровью или смерть человека при оказании услуг специалистами в различных областях медицины, основывается на данных судебно-медицинской экспертизы, а также на показаниях специалистов в области официальной медицины. Таким образом, официальная медицина играет роль своеобразного эталона для других видов медицины.

В настоящее время в литературе преобладает понимание медицинской помощи как более широкого понятия, включающего в себя медицинские услуги. В то же время признается, что значительная часть медицинской деятельности является сферой услуг, то есть произошло расширение гражданско-правовых начал. В литературе утверждается, что в настоящее время «практически прекратились разговоры, что медицина не является сферой услуг», хотя почти все авторы признают необходимость императивного регулирования в данной сфере. Некоторые из них высказываются о возможной целесообразности использования конструкции административного договора применительно к договору оказания медицинских услуг. Другие отвергают эту возможность, однако указывают на то, что данный договор является договором особого рода. В любом случае признается, что медицинские услуги обладают общими признаками услуг. Однако специфика их столь существенна, что правовая конструкция их оказания до сих пор вызывает споры среди специалистов [6].

Об оказании медицинской помощи вне рамок услуги идет речь в том случае, когда помощь оказывается без волеизъявления пациента или помимо его воли. Ранее некоторыми авторами предлагался признак безвозмездности медицинской помощи как разграничительный от медицинской услуги, однако в настоящее время данный критерий единодушно признан несостоятельным, так как совершаемые медицинскими работниками действия являются возмездными всегда (оплачиваются либо пациентом, либо за счет средств соответствующего

внебюджетного фонда).

Противоположное мнение состоит в том, что по причине особого характера медицинской деятельности, а также особенностей социальной ситуации и недостаточности финансирования государственных и муниципальных учреждений здравоохранения такая деятельность является сферой оказания медицинской помощи и понятие услуги к ней неприменимо.

ЛИТЕРАТУРА

1. П.Ф. Гришанин. Современные проблемы уголовной политики и уголовно-правовой практики. - М.: Форум-Инфра-М, 2005. - 254 с.
2. Сахаров А.Б. Социальная система предупреждения преступлений. Советское государство и право. - Саратов: Норма, 2008. - 367 с.
3. Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций. - М.: НОРМА, 1997. - 383 с.
4. Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. - Саратов: Норма, 2000. - 412 с.
5. Криминология под ред. Бурлакова В.Н., Сальникова В.П. - М.: Прогресс, 2000. - 458 с.

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТА ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Кушенова Галымбека Келдибековича
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Одним из имманентных признаков понятия транспортного преступления является его субъект. Как отмечалось выше, в основе понятия субъекта транспортного преступления лежит понятие субъекта транспортного посягательства. Последним является лицо, участвующее в процессе движения и эксплуатации транспортных средств и на которое возложены обязанности по соблюдению специальных правил поведения на транспорте. Следовательно, в общем смысле субъектом транспортного преступления является лицо, нарушившее обязательные для него правила безопасности функционирования транспорта

Иного мнения придерживается А.И. Коробеев, называя данные посягательства классическими транспортными преступлениями.

Такого рода теоретическая предпосылка для определения субъекта транспортного преступления обусловлена спецификой объекта данного преступления (безопасность движения и эксплуатации транспорта). Методологически важными здесь представляются научные позиции А.А. Тер-Акопова, который писал: «Специальные отношения представляют собой определенный порядок поведения, деятельности, урегулированный специальными правовыми нормами, обеспечивающий выполнение соответствующих функций». Следовательно, как полагал А.А. Тер-Акопов, специальный характер отношений определяет и специфику субъекта преступления, направленного против специального порядка поведения. «Специальные отношения, - писал он, - характеризуются относительной замкнутостью. Поскольку они предназначены для реализации специальных социальных функций, их субъектами может быть не любое лицо, достигшее установленного возраста и вменяемое, а лишь то, которое обладает необходимым уровнем подготовки и специально включено в данную систему отношений, оно наделяется особыми полномочиями и обязанностями и несет, соответственно, особую ответственность за их нарушение».

«Субъект неосторожных преступлений в области использования техники, - пишет В.А. Нерсесян, - а таковыми следует признать большинство неосторожных составов, характеризуется особой, специфической ролью в системе общественных отношений, связанных с нормальным и безопасным функционированием техники. Его деятельность включает эксплуатацию, обслуживание и ремонт сложных технических систем - источников опасности. В силу этого субъект большинства подобных преступных нарушений относится к категории

специальных субъектов».

Справедливо отмечает Д.В. Токманцев применительно к субъекту преступления, предусмотренного ст. 344 УК РК, что «субъект преступления должен иметь правовую включенность в структуру общественных отношений, складывающихся в сфере общественной безопасности по поводу движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта».

Действительно, субъект транспортного посягательства выступает не посторонним элементом для системы общественных отношений, обеспечивающих безопасное и бесперебойное функционирование (движение и эксплуатацию) транспортных средств, недопущение возникновения аварийных ситуаций в перевозочном процессе, а также снижение последствий возможных аварий, а необходимым звеном такой системы. Субъект транспортного посягательства одновременно является участником (субъектом) соответствующих отношений как правообязанное лицо, вовлеченное в сферу движения и эксплуатации транспорта. Исходя из этого субъект транспортного посягательства, будучи участником соответствующих отношений, выполняет в них определенную социально значимую роль. Учитывая, что практически все общественные отношения, обеспечивающие безопасность функционирования транспорта, являются предметом правового регулирования, социальные роли участников данных отношений всегда нормативны. Это означает, что права и обязанности каждого участника определены нормативными правовыми актами, предусматривающими специальные правила поведения на транспорте и которые участники указных отношений обязаны соблюдать. Нарушение соответствующих правил кем-либо из участников отношений, обеспечивающих безопасность функционирования транспорта, если это приводит к наступлению тяжких общественно опасных последствий, характеризует такого участника как субъекта транспортного посягательства. Последний может быть назван субъектом транспортного преступления при наличии прочих юридически значимых признаков [2].

В литературе по уголовному праву типичные юридически значимые признаки субъекта транспортного преступления обычно рассматриваются в качестве одного из элементов общей характеристики составов транспортных преступлений.

Так, И.М. Тяжкова пишет: «Субъектом рассматриваемых преступлений может быть физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Однако в большинстве статей законодатель предусматривает некоторые специальные признаки, что дает основание говорить о специальном субъекте некоторых транспортных преступлений (например, ст. 344, 345, 348, 357, 360 УК РК)».

Эти и другие имеющиеся в литературе общие правовые характеристики субъекта транспортного преступления свидетельствуют о том, что признаки субъектов различных видов транспортных преступлений не являются тождественными, за исключением лишь того, что во всех случаях субъектом любого транспортного преступления может быть вменяемое физическое лицо. Прежде всего наблюдается различие в возрастном пороге уголовной ответственности, а также в наличии специальных (дополнительных) признаков, характеризующих субъектов отдельных видов транспортных преступлений [3].

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующее определение субъекта транспортного преступления - это физическое вменяемое лицо, достигшее установленного уголовным законом возраста, обладающее иными признаками, предусмотренными в статьях Особенной части УК РК, виновное в нарушении правил безопасности функционирования транспорта [4, 54].

Комплексная уголовно-правовая характеристика субъекта транспортного преступления важна как с научно-теоретической, так и с практической точек зрения. Анализ юридически значимых признаков субъектов транспортных преступлений позволяет более четко очертить субъективные границы основания уголовной ответственности за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, выявить виды и группы участников отношений в сфере транспортной безопасности, деятельность которых связана с повышенным риском совершения ими транспортных преступлений. Такого рода научный анализ особенно важен для криминализационной деятельности законодателя, способного упредить уголовно-правовыми средствами общественно опасную деятельность субъектов, вовлеченных в про-

цесс функционирования транспорта. В условиях бурного развития транспортной инфраструктуры, новых видов транспортных средств, создания глобальной системы транспортной безопасности, и, как следствие этого, вовлечение в данную сферу большого количества занятых работников актуализируется вопрос о снижении уголовно-правовыми средствами обусловленного человеческим фактором рисков в сфере функционирования транспорта [5, 19].

Не меньшее значение имеет комплексная уголовно-правовая характеристика субъекта транспортного преступления для совершенствования действующих уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за транспортные преступления. Речь идет о совершенствовании техники законодательного описания признаков субъектов транспортных преступлений, что является залогом правильного уяснения и применения в этой части уголовного законодательства. При этом следует отметить немаловажную деталь - диспозиции соответствующих уголовно-правовых норм в части субъекта транспортных преступлений, как правило, являются бланкетными, что предполагает обращение к соответствующим нормативным правовым актам в сфере транспортного законодательства. В силу актуализации транспортной политики в стране, обострения вопросов обеспечения транспортной безопасности эта часть национального законодательства в последнее время весьма изменчива, что диктует необходимость гибкой законодательной регламентации уголовной ответственности субъектов транспортных преступлений [6, 95].

По мнению В.А. Никонова, процесс квалификации преступлений целесообразно начинать с признаков субъекта и объективной стороны. Данные признаки, содержащие первоначальные сведения о совершенном деянии и деятеле, воспринимаются правоприменителем непосредственно, а уже по ним устанавливаются объект и субъективная сторона. Данная рекомендация всецело уместна для правоприменителя, осуществляющего квалификацию транспортных преступлений, поскольку многие составы таких преступлений характеризуются наличием специального субъекта. При неустановлении признаков субъекта того или иного вида транспортного преступления дальнейший процесс квалификации такого преступления становится беспредметным: содеянное образует состав преступления, не относящегося к категории транспортного, либо вовсе не является преступным. Квалификационное значение субъекта транспортного преступления удваивается с учетом того, что практически все разновидности транспортных преступлений отличаются друг от друга по признакам субъекта преступления. Это делает актуальным вопрос о классификации субъектов транспортных преступлений [7].

В теории уголовного права вопрос о классификации субъектов транспортных преступлений специально не ставился, а лишь косвенно рассматривался в связи классификацией самих транспортных преступлений. Так, например, В.П. Малков пишет: «Субъектами одних транспортных преступлений могут быть только работники транспортных организаций и объединений (специальные субъекты), прошедшие специальную профессиональную подготовку, получившие сертификат или иной допуск к работе на том или ином транспортном средстве или в сфере транспортного обслуживания безопасного функционирования соответствующего вида транспорта (составы преступлений, предусмотренных ст. 344, 348, 354 и 357). Субъектами ряда других транспортных преступлений могут быть как лица, имеющие специальную профессиональную подготовку и являющиеся работниками транспортных организаций или объединений, так и лица, не являющиеся работниками транспортных организаций (например, преступлений, предусмотренных ст. 345 и 464)».

По мнению А.В. Хабарова, «с точки зрения субъекта все преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта можно разделить на три группы:

- совершаемые работниками транспорта (ст. 344, 348 УК РК);
- совершаемые лицами, управляющими транспортными средствами (ст. 345, 357, 360 УК РК);
- совершаемые иными лицами (ст. 350-354 УК РК)».

По нашему мнению в качестве основного критерия классификации субъектов транспортных преступлений следует рассматривать наличие или отсутствие в соответствующих статьях Особенной части УК РК специальных (дополнительных) признаков указанных субъ-

ектов. По этому основанию субъекты транспортных преступлений могут быть классифицированы на:

- общих субъектов, которыми являются любые вменяемые физические лица, достигшие установленного уголовным законом возраста, с которого может наступать ответственность за транспортное преступление (например, общий субъект преступления по ст. 350 УК РК);

- специальных субъектов, которыми являются определенные категории лиц, обладающие наряду с признаками общего субъекта дополнительными признаками, указанными в диспозициях статей об ответственности за транспортные преступления (например, лицо, которое в силу выполняемой работы или занимаемой должности обязано соблюдать правила безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена, как субъект преступления по ст. 344 УК РК).

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

ПРАВОПОРЯДОК КАК ОБЪЕКТ ЕВРАЗИЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Алмуханов Бекетай Уракбаевич

к.ю.н., доцент

Мажитханов Данияр Кажымуханович

Магистрант 1 года обучения

Специальность «Юриспруденция»

Преступность - одна из самых больших - после мировых и региональных войн - опасностей для человечества, его демократического, экономического и гуманитарного развития [1].

В РК, иных государствах-членах СНГ, ЕврАзЭС и ШОС все более серьезное беспокойство вызывают масштабы и тот урон, который наносит экономическая преступность экономике стран Евразии. В частности, незаконный оборот денежных средств, их «отмывание» является питательной средой для транснациональной организованной преступности и таких ее форм, как коррупция, наркобизнес, торговля оружием, контрабанда, налоговые преступления, незаконный вывоз капитала и др. Все эти явления взаимосвязаны и борьба с ними представляет собой одно из важнейших направлений международного сотрудничества [2].

Для государств-членов СНГ, ЕврАзЭС и ШОС сложившаяся ситуация стала одним из главных факторов неблагоприятного инвестиционного климата, препятствующего притоку инвестиций в экономику. В результате переориентации части экономики на обеспечение интересов криминальных структур и вывоз капитала, эти государства утрачивают инвестиционные ресурсы для развития экономики. Возможности стабилизации экономики, устойчивость валютного курса, роста финансового рынка, обеспечение населения продовольствием оказываются в зависимости от привлечения кредитных ресурсов международных финансовых организаций и иностранных государств. Это явление, бесспорно, угрожает национальной и экономической безопасности государств-членов СНГ, ЕврАзЭС и ШОС. Как видно, экономические преступления, совершаемые на территории государств-членов СНГ, ЕврАзЭС и ШОС причиняют прямой ущерб экономике этих стран.

Понятие экономики трактуется очень широко: «Это само хозяйство в широком смысле этого слова, то есть совокупность всех средств, предметов, вещей, субстанций материального и духовного мира, используемых людьми в целях обеспечения условий жизни, удовле-

творения потребностей.

Экономику надо воспринимать как созданную и используемую человеком систему жизнеобеспечения, воспроизведения жизни людей, поддержания и улучшения условий существования». Даже в сознательно упрощенном, словарном понимании экономика (с древнегреческого - «искусство управления хозяйством») представляет собой народное хозяйство страны, т.е. систему отраслей производства, «продукт которых обеспечивает потребности общества» [4]. Не менее широкое определение экономики дается и криминалистами: «Самым общим образом экономика может быть определена как система общественного производства, осуществляющая собственно производство, распределение, обмен и потребление необходимых обществу материальных благ, включая продукты и услуги». Соответственно этому, содержание отношений внутри экономики разнообразно, многие из них охраняются от нарушений уголовным законом, преимущественно разделом или главой, специально посвященным экономическим преступлениям [4].

Уголовно-правовую охрану получают лишь некоторые отношения: 1) отношения в сфере свободного (т.е. основанного на частном праве и интересе) распределения финансовых ресурсов (инвестиционные и кредитные отношения); 2) отношения на потребительском рынке; 3) отношения, обеспечивающие нормальные условия функционирования рынка как такового (т.е. свободную и добросовестную конкуренцию); 4) отношения в сфере государственного управления экономической деятельностью (регистрация и лицензирование предпринимательской деятельности и др.); 5) властеотношения в сфере финансов (бюджетные, в т.ч. налоговые, отношения, а также отношения в сфере государственного регулирования наличных и безналичных расчетов, денежного обращения и оборота валютных ценностей); 6) отношения в сфере таможенного контроля и государственного регулирования внешнеэкономической деятельности. Для первых двух групп отношений характерно преимущественно частноправовое регулирование, по существу это рыночные гражданско-правовые имущественные отношения. Урегулированные нормами права отношения в сфере защиты свободы и добросовестности конкуренции преимущественно публично-правовые, вместе с тем они направлены на создание условий для нормального развития именно рыночных отношений. Последние три группы отношений регулируются преимущественно методами публичного права, это - властеотношения (финансовые отношения и административно-правовые отношения в сфере государственного регулирования внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля, а также иные отношения в сфере государственного управления экономикой).

Отношения, складывающиеся на стадии потребления, находятся за рамками правового регулирования и уголовно-правовой охраны. Нормы о защите прав потребителей регулируют не потребление как таковое, а потребительский рынок, т.е. группу отношений в сфере обмена (распределения) [3].

Главы об экономических преступлениях в уголовных законах государств-членов СНГ, ЕврАзЭС и ШОС самые объемные по числу статей. Здесь представлен чрезвычайно широкий диапазон преступлений - от деяний небольшой тяжести (обман потребителей, регистрация незаконных сделок с землей и др.) до особо тяжких (контрабанда, изготовление или сбыт поддельных денег либо ценных бумаг и др.). В некоторых из статей в перечне санкций не упоминается лишение свободы, поскольку законодатель посчитал возможным ограничиться наложением штрафа, лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и т.д. За иные же преступления, например, фальшивомонетничество, наказание может составить 12, 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества".

Что же заставило законодателей объединить нормы о столь, казалось бы, различных преступлениях в одной главе уголовного закона? Критерием для отграничения всех этих деяний послужил общий для них объект преступления. Таковым в теории уголовного права называют то, на что направлено преступное посягательство. Однако до сих пор в науке нет единого мнения о том, что же все-таки охраняют нормы об ответственности за экономические преступления. Даже краткий обзор точек зрения ведущих отечественных криминалистов показывает, насколько неопределенным остается вопрос о месте и роли уголовного закона в деле защиты экономики от запрещенных этим законом общественно опасных посягательств [4].

Именно правильное понимание объекта охраны позволяет глубже рассмотреть понятие и признаки евразийской экономической преступности.

Большинством специалистов в уголовном праве признается, что общественная опасность - это объективный (материальный) признак (внутреннее свойство) преступления, раскрывающий его социальную сущность, выражающийся в нанесении (реальной угрозе нанесения) существенного ущерба господствующим в данном государстве общественным отношениям, образу жизни. Жалинский А.Э., в свою очередь, выделяет три группы признаков общественной опасности - охраняемое благо, посягательство и последствия [3, 37].

Определение охраняемого блага (объекта) является исходным моментом для криминализации и декриминализации тех или иных деяний, дифференциации ответственности и наказания. Благами называются средства, удовлетворяющие потребности". Одни из них имеются в почти не ограниченных масштабах (например, воздух), а другие - в ограниченном размере. Последние называются экономическими благами [2].

Можно предположить, что блага - это и есть общественные отношения и охраняются они потому, что находятся в правовом поле - отношения людей к таким ценностям сложились, устоялись и восприняты всем обществом как необходимые. Вместе с тем А.Э. Жалинский считает, что параметры охраняемого блага и объекта преступного посягательства не совпадают, и обращает внимание на бездумность использования понятия «общественные отношения». Поэтому представляется, что следует более подробно рассмотреть понятия «общественные отношения», «объект посягательства» и «благо» в отдельности и в их взаимосвязи [1]. Известно, что структура правоотношений включает три составных элемента: а) субъекты; б) содержание (субъективные права и обязанности); в) объекты правоотношений. Регулятивные (позитивные) отношения возникают в процессе правомерного поведения субъектов права, а охранительные - когда совершено правонарушение и необходимо применить наказание. Если гражданские, предпринимательские, отчасти финансовые правоотношения оформляют сферы производства, обращения и наиболее тесно связаны с экономической структурой общества, то уголовные правоотношения, прямо не связанные со сферой производства и обращения, конечном счете, лишь сохраняют, определяют экономический правопорядок и способствуют его поддержанию.

Решение об определении охраняемого блага, на котором во всех случаях криминализации настаивает А.Э. Жалинский должно приниматься не столько специалистами уголовного права, сколько цивилистами, финансистами и иными специалистами, обладающими научными познаниями в той или иной сфере социально-экономической жизни общества. Роль уголовного права состоит в том, чтобы точно сформулировать в уголовном законе на основе системы своей науки пределы уголовной ответственности, все криминообразующие признаки деяния, направленного на нарушение порядка отношений, урегулированных нормами регулятивной отрасли права. К таким «сугубо уголовно-правовым» признакам (в частности, для экономических преступлений) относятся ущерб и размер преступного посягательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларичев В.Д. Организованная преступность в сфере экономики // Законодательство и экономика. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
2. Аналитический отчет «Перечень международных нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в области экономической безопасности. Анализ и оценка существующей международной правовой базы взаимодействия в борьбе с преступлениями экономической направленности». - М.: Московский университет МВД России, 2006. - 414 с.

ТЕОРИИ О ПОНЯТИИ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Мұзатова Әйкерім Рашитқызы
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Теория корпоративных правоотношений в широком смысле этого слова возникла вследствие изучения статуса и внутренней структуры так называемой «германской корпорации», которая изначально противопоставлялась римской корпорации, отождествляемой с любым субъектом права, наделенным правами юридической личности. Германская корпорация также являлась юридическим лицом, но обладала особой внутренней структурой. Как писал Н.С. Суворов, между участниками (членами) римской корпорации не существовало никаких правовых связей, отличных от тех, которые могли быть установлены между субъектами, организованными в единое целое. В германской корпорации, напротив, между участниками (членами) можно было обнаружить существование особых внутренних правоотношений, обусловленных участием (членством) в корпорации. Не случайно, как справедливо отмечал А.И. Каминка, в римском праве позднейшие юристы не нашли каких-либо образцов для выявления внутренних отношений участников (членов) корпорации между собой и с самой организацией.

Родоначальником теории корпоративных правоотношений по праву считается выдающийся немецкий правовед Отто фон Гирке, впервые обративший внимание на особенности правоотношений, одним из субъектов которых являлась германская корпорация. Цивилист выделял две основные группы корпоративных правоотношений. В рамках правоотношений, принадлежащих к первой группе, корпорация, наделяемая свойствами реально существующего субъекта права, осуществляла принадлежащие ей права и исполняла юридические обязанности. Данные правоотношения О. Гирке подвергал дальнейшей классификации, подразделяя их на виды. К правоотношениям первого вида он относил те, в которых корпорация реализует власть над своими участниками (членами), обусловленную принципом господства социального целого (корпорации) над отдельными составляющими (участниками, членами). В качестве элементов содержания таких правоотношений рассматривались, в частности, права корпорации требовать от своих участников (членов) совершать определенные действия или воздерживаться от их совершения во исполнение решений, принятых уполномоченными органами корпорации, и корреспондирующие им обязанности исполнять эти решения.

Второй вид включал в себя правоотношения, в которых корпорация наделялась правами участника (члена) иного социального образования, в качестве которого могло выступать государство или иная корпорация. Правоотношения последнего вида представляли собой обычные правоотношения с участием корпорации как самостоятельного субъекта права. В данные правоотношения корпорация могла вступать, например, посредством заключения договоров с иными субъектами права или совершения иных действий, влекущих возникновение правоотношений. При этом корпорация оставалась обычным участником гражданского оборота, обладавшим равным правовым статусом со своими контрагентами в рамках установившихся между ними правоотношений. Здесь ни корпорация, ни состоящие с ней в правовой связи иные субъекты правоотношения не могли реализовывать по отношению друг к другу какие бы то ни было властные функции.

Вторая группа корпоративных правоотношений охватывала урегулированные нормами права общественные отношения, складывающиеся между корпорацией и ее участниками (членами), в рамках которых не происходило осуществление корпорацией властных функций по отношению к своим участникам (членам). Указанная группа также не являлась однородной по своему составу и включала в себя правоотношения трех видов. К первому виду относились правоотношения, именовать которые корпоративными можно было с большой степенью условности. По существу, это были внекорпоративные правоотношения, возникающие между корпорацией и ее участниками (членами), когда последние действовали по отношению к юридическому лицу в качестве обычных контрагентов, на статус которых не влияло членство в корпорации. Такие правоотношения могли возникать из гражданско-правовых договоров. Собственно корпоративными правоотношениями можно было назвать правоотношения, которые были отнесены О. Гирке к правоотношениям второго вида данной группы. В рамках таких правоотношений, возникающих с участием корпорации, ее участники (члены) осуществляли принадлежащие им права и исполняли возложенные на них обязанности в

силу участия (членства) в корпорации. Правоотношениями, отнесенными к третьему виду, признавались смешанные правоотношения, в рамках которых участники (члены) корпорации выступали по отношению к ней одновременно и как входящие в состав корпорации лица, и как независимые контрагенты.

Отметим, что выделение О. Гирке первой группы правоотношений имело исторические предпосылки и было обусловлено стремлением подчеркнуть особую роль германской корпорации как реально существующего, а не фиктивного субъекта права. Поэтому все правоотношения с участием германских корпораций были подвергнуты классификации и тщательно проанализированы. В этой связи собственно корпоративными правоотношениями, то есть правоотношениями участия (членства) в корпорации, можно признать лишь правоотношения первого и второго вида первой группы, за исключением правоотношений, возникающих между государством и корпорацией. Вместе с тем корпоративные правоотношения двух указанных классификационных видов полностью вписываются во второй классификационный вид второй группы правоотношений. Что касается правоотношений первого вида второй группы, то они вообще не имеют корпоративной природы. Не являются в собственном смысле слова корпоративными правоотношениями и правоотношения, отнесенные к третьему виду второй группы (*Verh. d. Körperschaftlichen Sonderrechts*), которые, по мнению О. Гирке, представляют собой существенную особенность именно германского корпоративного права. Теория О. Гирке, предпринявшего попытку определить правовую природу корпоративных правоотношений и осуществившего их классификацию, оказала большое влияние на развитие взглядов на корпоративные правоотношения.

Особенностью корпоративных правоотношений, как отмечалось выше, является то, что они возникают, изменяются и прекращаются в рамках организаций, основанных на началах участия (членства), именуемых корпорациями. Рассматриваемые правоотношения опосредуют участие лиц, входящих в состав участников (членов) корпорации, в ее деятельности. Потенциально корпоративные правоотношения могут возникать, прежде всего, с участием самой корпорации, а также между ее участниками (членами), но лишь постольку, поскольку это касается участия в деятельности корпорации. Возможны также корпоративные правоотношения с участием третьих лиц, которые не являются участниками (членами) корпорации. Такие правоотношения также могут быть обусловлены участием в деятельности корпорации, пусть не фактическим, но потенциальным. Примером могут служить корпоративные правоотношения, возникающие в связи с осуществлением намерения лица, не являющегося акционером, но стремящегося стать им, приобрести тридцать и более процентов акций открытого акционерного общества в порядке, предусмотренном законом «Об акционерных обществах». Корпоративные правоотношения, входящие в эти группы будут рассмотрены далее [1].

Далеко не все правоотношения, участником которых является корпорация, можно именовать корпоративными, поскольку корпорация выступает субъектом самых разных по своей предметной принадлежности и природе общественных отношений. Корпоративные правоотношения - это правоотношения, возникающие внутри корпорации. Именно внутренняя структура корпорации определяет сферу существования таких правоотношений, которые условно могут именоваться внутренними или внутриорганизационными правоотношениями в том смысле, что они возникают, изменяются и прекращаются в связи с участием в деятельности корпорации лиц, принадлежащих к ее внутренней структуре и именуемых участниками (членами) [2].

Данные правоотношения исследовались не только в зарубежной литературе и отечественной литературе дооктябрьского периода, но и в трудах советских цивилистов. Советские ученые изучали две группы разных по своей правовой природе внутриорганизационных отношений. К первой группе причисляли отношения, которые в результате правового регулирования становились корпоративными правоотношениями. Они рассматривались в рамках колхозных и общественных организаций, а также в рамках кооперативов. По данной проблематике было опубликовано немало содержательных работ, в которых учеными делались попытки определить природу корпоративных правоотношений, основания их возникновения, изменения и прекращения, субъектный состав и содержание. К сожалению, неразвитость гражданского оборота социалистического государства, сведение корпораций, при замалчи-

вании самого термина «корпорация», к колхозным и общественным организациям, а также к кооперативам не позволило советским правоведам создать целостное учение о корпоративных правоотношениях [3].

Вторую группу составляли так называемые внутрихозяйственные отношения, существовавшие в рамках государственных предприятий. В.С. Якушев полагал, что выделение этих отношений в отдельную группу обусловлено тем, что «в границах юридического лица они обслуживают непосредственный процесс производства, т.е. процесс создания товара». Отметим, что в основном правовой характер внутрихозяйственных отношений признавался сторонниками существования так называемого хозяйственного права, поскольку данные отношения рассматривались в качестве составной части предмета хозяйственного права. Сторонники классической цивилистики, напротив, не без оснований полагали, что подобные отношения имеют производственно-технический характер и не поддаются гражданско-правовому регулированию.

Констатация внутриорганизационного характера корпоративных правоотношений недостаточна для их обособления. Следует определиться, все ли внутренние правоотношения, возникающие в рамках организации, основанной на началах участия (членства), являются корпоративными или нет. Некоторые авторы склоняются в своих работах к первому варианту ответа на поставленный вопрос. Так, например, Т.В. Кашанина рассматривает в качестве корпоративных правоотношений пенсионные правоотношения, складывающиеся при установлении корпорацией надбавки к пенсиям работников, проработавшим в ней определенный срок, жилищные правоотношения, если корпорация осуществляет строительство жилья для своих работников и так далее. "В.В. Долинская, исследуя общественные отношения, регулируемые «акционерным правом», относит к их числу наследственные отношения, возникающие при наследовании акций, отношения из деликта, складывающиеся в связи с причинением вреда имуществу, принадлежащему акционерному обществу и многие другие. Рассматривая позицию указанных ученых, легче назвать правоотношения, которые, по их мнению, не являются корпоративными, чем привести полный перечень правоотношений, относимых ими к разряду корпоративных. Такое понимание корпоративных правоотношений представляется неоправданно широким и лишенным научной ценности, поскольку не позволяет определить саму природу корпоративных правоотношений, приобретающих аморфный и бессистемный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

ВИДЫ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ТЕХНИЧЕСКИЕ МЕРЫ ЗАЩИТЫ ВО ФРАНЦИИ

*Алмуханов Бекетай Уракбаевич
к.ю.н., доцент
Мұсатай Архабай Манарбекұлы*

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение вопроса о преступных деяниях, совершенных посредством посягательства на меры технической защиты произведений и иных объектов авторского права и смежных прав (ст. L. 335-3-1, L. 335-4-1 Кодекса об интеллектуальной собственности Франции).

Меры технической защиты предназначены для запрета или ограничения использования произведений, исполнений (*la interpretation*), фонограмм, видеозаписей или телевизионных программ, не разрешенного правообладателем (ст. L. 331-5 Кодекса об интеллектуальной собственности Франции).

При этом под мерами технической защиты понимаются любые технология, устройство или компонент, которые выполняют функцию защиты, позволяющие контролировать использование произведений и иных объектов правообладателем. Такой контроль может быть осуществлен с помощью кодирования, создания определенных помех, а также специального механизма контроля за копированием. Поскольку в определенных законом случаях допускается свободное и безвозмездное использование произведений и иных объектов, Кодекс об интеллектуальной собственности Франции предусматривает правило, согласно которому меры технической защиты не должны препятствовать разрешенному использованию произведения и иного охраняемого объекта.

Подобные нормы в уголовном законодательстве отсутствуют. Нормы о технических средствах защиты авторских и смежных прав предусмотрены статьями 1299 и 1309 Гражданского кодекса РК. В случае нарушения положений данных статей правонарушитель в Казахстане несет гражданско-правовую ответственность, которая выражается в возмещении причиненных правообладателю убытков либо в выплате компенсации в определенном ГК РК размере (ч. 3 ст. 1299, ст. 1301).

Предварительно необходимо отметить, что во Франции способы совершения преступлений, а также размер наказаний одинаковы для нарушения мер технической защиты как объектов авторского права, так и объектов смежных прав.

Штрафом в размере 3 750 евро наказываются причинение ущерба, умышленно, в целях иных, нежели научные исследования, какой-либо технической мере, определенной в ст. L. 331-5 Кодекса об интеллектуальной собственности Франции, в целях ослабления защиты какого-либо произведения путем раскодирования, расшифровки или любого другого личного вмешательства, направленного на обход, нейтрализацию или уничтожение механизма защиты или контроля, если это посягательство совершено с использованием средств иных, нежели те, что будут указаны далее.

Более тяжким является приобретение или предложение другому лицу, прямо или косвенно, средств, приспособленных или специально предназначенных для причинения ущерба какой-либо мере технической защиты объектов авторского и смежных прав, одним из следующих способов:

- изготовление или импорт технического оборудования, устройств, механизмов с любой целью, кроме научного исследования;
- хранение с целью продажи, передачи другому лицу или сдачи в прокат, предложение с этими же целями или доведение до всеобщего сведения в какой бы то ни было форме таких технологий, устройств, механизмов;
- оказание каких-либо услуг с этой же целью;
- подстрекательство к использованию или требование, намерение, планирование, организация, воспроизведение, распространение или рекламирование одного из способов, предусмотренных пп. 1-3.

Данные деяния наказываются 6 месяцами исправительного тюремного заключения и штрафом в размере 30 тыс. евро.

Вместе с тем приведенные положения об уголовной ответственности за посягательства на меры технической защиты объектов авторского и смежных прав не распространяются на действия, осуществляемые в целях информационной безопасности, в границах прав, пре-

дусмотренных Кодексом об интеллектуальной собственности Франции.

Кроме того, Кодексом об интеллектуальной собственности Франции предусмотрена уголовная ответственность за уничтожение или изменение какого-либо элемента информации с целью посягательства на авторское или смежное право (ст. L. 335-3-2, L. 335-4-2).

В данном случае имеется в виду информация в электронной форме о режиме прав на соответствующий объект, предоставленная правообладателем, позволяющая идентифицировать произведение, исполнение, фонограмму, видеозапись, телепрограмму или правообладателя, а также информация об условиях и способах использования вышеуказанных объектов, а равно цифры или коды, в которых содержится такая информация (ст. L. 331-11).

Умышленное уничтожение или изменение, за исключением научных целей, любого из этих элементов информации, совершенные посредством личного вмешательства без использования специальных приспособлений, устройств, механизмов с целью посягательства на авторское либо смежное право, сокрытия такого посягательства либо его облегчения, наказываются штрафом в размере 3 750 евро.

Более строго наказываются умышленное приобретение или предложение другому лицу, прямо или косвенно, средств, приспособленных или специально предназначенных для уничтожения или изменения, даже частичного, какого-либо элемента информации, предусмотренного ст. L. 331-11 названного Кодекса, с целью посягательства на авторское либо смежное право, сокрытия такого посягательства либо его облегчения. Способы совершения данного преступления совпадают со способами, предусмотренными ст. L. 335-3-1, L. 335-4-1 Кодекса. Наказание за рассматриваемый проступок составляет 6 месяцев исправительного тюремного заключения и штраф в размере 30 тыс. евро.

Так же наказываются импорт, распространение, доведение до всеобщего сведения каким бы то ни было способом, прямо или косвенно, какого-либо произведения, любой из элементов информации которого, указанный в ст. L. 331-11, был уничтожен либо изменен с целью посягательства на авторское либо смежное право, сокрытия такого посягательства либо его облегчения.

В случае рецидива преступлений, предусмотренных статьями данной главы, а также в случае, если правонарушитель состоял в сговоре с потерпевшей стороной, наказание увеличивается вдвое (ст. L. 335-9 Кодекса об интеллектуальной собственности Франции). В отечественном уголовном законодательстве подобные нормы отсутствуют. Положения, касающиеся информации об авторском и смежном праве, предусмотрены ст. 1300 и 1310 ГК РК. В них установлено, что в отношении произведений не допускаются удаление или изменение без разрешения автора или иного правообладателя информации об авторском праве; а также воспроизведение, распространение, импорт в целях распространения, публичное исполнение, сообщение в эфир или по кабелю, доведение до всеобщего сведения произведений, в отношении которых без разрешения автора или иного правообладателя была удалена или изменена информация об авторском праве. По отечественному праву в случае нарушения вышеуказанных положений правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

Кроме вышеуказанных видов наказаний, Кодекс об интеллектуальной собственности Франции предусматривает дополнительные виды наказания и дополнительные меры, которые применяются по усмотрению суда.

Например, суд может постановить о полном или частичном, постоянном или временном (на срок до 5 лет) закрытии предприятия, служившего совершению преступных деяний, предусмотренных статьями с L. 335-2 по L. 335-4-2 Кодекса, к числу которых относятся практически все посягательства на авторские и смежные права (ст. L. 335-5 указанного Кодекса).

В случае если преступные деяния, предусмотренные ст. L. 335-2, L. 335-3, L. 335-4 Кодекса об интеллектуальной собственности Франции, совершены посредством какой-либо публичной коммуникационной сети онлайн, к виновным лицам может применяться дополнительная мера в виде прекращения доступа к сети на срок до 1 года вместе с запретом заключения нового абонентского договора о подключении к сети с любыми аналогичными службами или операторами на тот же срок (ст. L. 335-7).

Для применения к нарушителю данной меры предусмотрена специальная процедура. Решение суда доводится до сведения Высшего органа по распространению произведений и защите прав в Интернете, который должен официально известить лицо, предоставляющее вышеуказанные услуги, о необходимости введения в течение 2 недель запрета в отношении соответствующего абонента. Неисполнение доведенного до сведения решения о запрете влечет ответственность в виде штрафа до 5000 евро для соответствующей службы или оператора (ст. L. 335-7).

За правонарушения 5-го класса, предусмотренные Кодексом интеллектуальной собственности Франции, в специально оговоренных регламентом случаях, дополнительная мера, определенная в ст. L. 335-7, может быть также назначена оператору в случае грубого игнорирования уведомления (рекомендации), направленного Комиссией по защите прав в соответствии со ст. L. 331-25 данного Кодекса. Игнорирование оценивается на основе деяний, совершенных в течение одного года после представления такой рекомендации. В этом случае максимальный срок запрета в отношении соответствующего абонента составляет один месяц. При этом несоблюдение лицом, осужденным к дополнительному наказанию, предусмотренному рассматриваемой статьей, требования о запрете заключать аналогичные абонентские контракты с другими службами и операторами в течение срока действия запрета наказывается штрафом в размере до 3 750 евро (ст. L. 335-7-1 Кодекса).

Таким образом, в Кодексе об интеллектуальной собственности Франции предусмотрена обширная система норм, касающихся уголовной ответственности за посягательства на авторское право и смежные права, включая защиту указанных прав в сети Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осокин Р.Б. Правоохранительные органы в системе безопасности. - Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. - 263 с.
2. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. - М.: Статус. - 2005. - №8. - 358 с.
3. Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // Российская юстиция. - М.: Статус. - 2003. - №3. - 325 с.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ

*Казбаева Асель Габиденовна
к.ю.н., доцент
Мустафин Алибек Сагындыкович
Магистрант 1 года обучения
Специальность «Юриспруденция»*

Человек, как разумный субъект, обладающий речью и производящий орудия труда существует более двух миллионов лет, и на протяжении всего этого времени изменения условий его проживания приводили к изменению самого человека - совершенствовались его конечности, мозг и прочее. И только когда возник человек современного типа - «*homo sapiens*», а произошло это около 40 тысяч лет тому назад, человек перестал меняться, вместо этого стало изменяться все общество, что и привело к возникновению первых государств и правовых семей [1].

Первобытный строй был самым длительным по времени этапом истории человечества. Закончилась эта эпоха приблизительно 7 тыс. лет назад. Считается, что возникновение раннеклассовых обществ и появление первых государств произошло в Китае в V тысячелетии до н.э., в Африке в IV тысячелетии до н.э., в Средиземноморье в III тысячелетии до н.э., в Америке - в I тысячелетии н.э., а в других частях земного шара - еще позднее. Первобытные общества, точнее - сообщества сохранились и сейчас.

Отделение человека от животного мира произошло благодаря труду, который заключался в коллективной форме воздействия людей на природу. В первобытные времена люди чрезвычайно сильно зависели от окружающей среды: климата, стихийных бедствий, диких животных. Они имели примитивные орудия труда, которые находились в их общей совместной собственности. Вся жизнь их подчинялась постоянной борьбе с природой за выживание. В эту эпоху люди стали приручать диких животных, использовать огонь в хозяйственных целях, разводить культурные растения, то есть постепенно первобытный человек переходил к осознанному труду, происходило формирование общества. Указанное было характерно не только для определенных племен, а для всего общества в целом. Об этом говорит Э.Б. Тайлор, отмечая, что: «При рассмотрении с более широкой точки зрения характер и нравы человечества обнаруживают однообразие и постоянство явлений, заставившие итальянцев сказать: «Весь мир есть одна страна». Как однообразие, так и постоянство можно проследить, без сомнения, с одной стороны, в общем сходстве природы человека, с другой стороны, в общем сходстве обстоятельств его жизни» [2].

Организация общества на том этапе была кровнородственной. Особенность этой организации заключалась в том, что форма поведения одного человека по отношению к другому, тип его обязательств и степень солидарности зависели от близости их кровного родства. Человек первобытной эпохи практически не отделял себя от жизни своего племени и «матери-природы». Первобытная культура - это культура всего рода, племени, а потому - крови, в том числе крови жертвенной. Обычай питья крови (крови родственников, крови тотемных животных) является центральной в культуре первобытности. А кровожадность будет еще долгое время присуща и самим людям и божествам, которых они создали. Л. Леви - Брюль отмечал: «Кровь - важнейшая реальность первобытной жизни. Кровь, а позднее и просто красная охра являлись первыми символами, ставшими наиважнейшими для человека» [3, 25].

В первобытном коллективе, достаточно небольшом по своему количеству (по одним данным 20-30 человек, по иным - 30-50) поведение людей объясняется не столько стадными, сколько эгоистическими мотивами. Очевидным является тот факт, что переход к орудийной деятельности мог быть эффективным только в том случае, если социальные отношения, сложившиеся в обществе, достигли определенного развития, иначе говоря, внутри человеческих коллективов существовала серьезная сплоченность. Однако, очевидно также то, что в случае возникновения конфликтов, орудийная деятельность давала в руки противоборствующих сторон мощные средства для нападения и защиты, применение которых драматизировало ситуацию и приводило к уничтожению более слабых форм.

Первобытный человек был озабочен не только идеологическими или морально-этическими проблемами, но и вопросами собственного выживания и пропитания. Он находился в непрерывной борьбе с природой, и эта борьба действительно велась не на жизнь, а на смерть, и выживал в ней сильнейший. Первобытный человек не имел право на ошибку или слабость. Он не мог себе позволить упасть, убегая от хищника; промахнуться, стреляя в дичь; запоздать с ударом в сражении с врагом. Смерть была единственной расплатой за ошибку [4].

Чтобы выжить в подобной среде, первобытные люди должны были действовать решительно и быстро. Им не свойственно было медлить и сомневаться в принятом решении. Они знали, что им нужно в данный момент и умели добиваться своей цели. Мощь и сила считались основными достоинствами человека, а беспощадность и жестокость к врагам вызывала уважение. Убийство члена вражеского племени считалось не просто дозволенным, но даже почетным делом. Ведь, если ты его не убьешь, то он убьет тебя. Чтобы выжить нужно быть решительным, беспощадным, сильным и всегда побеждать - вот такова мораль первобытного человека.

Теорию «изначального миролюбия» архаических племен можно считать мифом, а примеры агрессивно-жестокое поведение первобытных людей встречаются довольно часто. Кроме того, даже наиболее похожие на человека в биологическом плане существа - шимпанзе, как, оказывается, используют жестокую агрессию по отношению к своим сородичам. При этом нет оснований отрицать данные исследований, достоверно показавших, что разные общества различаются по количеству конфликтов [5].

Так, по мнению британских ученых изучивших останки людей, проживавших в эпоху неолита (новый каменный век), у первобытных людей существовали более свирепые нравы, чем нам представляется. Результат исследований был обнародован на заседании Американского археологического общества и опубликован в журнале *New Scientist*. По полученным данным, каждый двадцатый член племени погибал в результате нанесенной травмы, а каждый пятидесятый был убит в результате черепно-мозгового повреждения.

«Мы привыкли считать людей неолита мирными землевладельцами, которые возделывали свои поля и пасли скот - указывает Майкл Высоцкий, один из исследователей - Однако, в действительности общество было куда более жестоким. Смерть посредством насилия причинялась от 10 до 30% людей того времени. Наше исследование - продолжает Высоцкий - показало, что более 2% людей погибало от черепно-мозговых травм. Наряду с этим, большое количество смертей также вызывали иные травмы, в том числе, травмы мягких тканей».

Первобытные люди убивали и ранили друг друга как в ходе войн, происходивших между племенами, так и в ходе «местных» стычек, случавшихся внутри одной общины. Кроме того, очень часто люди гибли в результате так называемого «домашнего насилия» и в ходе ритуальных жертвоприношений.

Исследования показали, что большое количество травм наносилось с использованием тупых предметов, возможно, дубин. Некоторые черепно-мозговые повреждения выглядели так, будто их наносили копьем или стрелой. Один из обладателей исследуемого черепа стал жертвой убийства, совершенного с помощью каменного топора. Учеными также установлено, что у некоторых убитых были отрезаны уши, что, скорее всего, свидетельствует о том, что они использовались в качестве трофеев.

Данные исследования подтверждают выводы, сделанные ранее. Авторы книги «История первобытного общества» пишут: «После того, как люди научились создавать орудия, конфликты между племенами участились и стали более кровопролитными». Об указанном, в частности, свидетельствуют многочисленные обнаруженные пробоины на черепах первобытных людей, полученные в результате драк; а также расколы человеческих костей, сделанные с целью извлечения костного мозга, что явно свидетельствует о каннибализме.

Интенсивная конфликтность, трудности, связанные с приспособлением к окружающей среде, приводили к массовым смертям первобытных людей.

Согласно мнению В.А. Шнирельмана, чаще всего стычки и конфронтации были связаны с характером индивидуальных взаимоотношений - включением новых членов в группу, перегруппировкой, отказом или, наоборот, принуждением к общению, принуждением к объединению, соперничеством из-за статуса.

В соответствии с проведенными исследованиями, средний возраст, до которого доживал первобытный человек, был равен 20-25 годам. Иначе говоря, человек успевал только оставить за собой потомство, которое само по себе было подвержено очень высокой смертности.

В течение всего времени существования человеческого общества в условиях первобытности присутствовала жестокость, которая очень часто обуславливалась двумя взаимобусловленными причинами. Это месть и честь - императивы, существующие с незапамятного времени, были неотделимы от первобытного общества, где его члены были теснейшим образом связаны друг с другом, и где, подчас, межличностные отношения ценились гораздо выше и являлись гораздо важнее, чем отношения между людьми и предметами окружающего мира. Когда человек и экономическая сфера не отделимы друг от друга и подчинены социуму с существующим в нем кодексом чести, подразумевающим абсолютное господство общества и обычаев мести, которые по сути, означают подчинение интереса личности интересу племени, невозможно порвать цепь, соединяющую поколения и союзы, мертвых и живых, обязательство отдать свою жизнь во имя интереса всего общества или клана. Мечь и честь прямо указывают на приоритет группы над личностью.

Являясь чертами первобытного общества, месть и честь являются императивами крови. Там, где главенствует честь, жизнь оценивается гораздо меньше, чем признание общества; презрение к смерти, умение бросить вызов противнику, храбрость представляют собой достоинства, которые ценятся особо высоко в первобытном обществе. Трусость презирается

повсюду. Принципы чести учат мужчин добиваться признания окружающих, утверждаться с помощью силы прежде, чем обеспечивать безопасность; сражаться насмерть, чтобы завоевать почет. Честь в первобытном обществе диктует насилие. Никто, даже под страхом смерти не смеет потерять свое лицо, стерпеть нанесенное оскорбление или обиду. Ссора, ненависть, ревность, брань приводили к смерти гораздо чаще, чем в современном обществе. Воинственность первобытного общества не означает его импульсивность и неуправляемость, она обусловлена социальной логикой, способом усвоения на бессознательном уровне кодекса чести.

Как уже указывалось, первобытная жестокость, неразрывно связанная с понятием чести, приводила к тому, что каждый взрослый мужчина должен был быть мужественным, не бояться смерти, а в случае необходимости, уметь дать отпор противнику. Более того, кодекс чести зачастую являлся ее общественным стимулом, движущей силой. Не экономическая выгода, а элементарный престиж в большинстве своем становился ее причиной: проявление жестокости являлось средством добиться известности и славы, с этой целью захватывались разные символы; брались пленные, снимались скальпы. Таким образом, императив чести мог привести к сознанию братств, посвятивших себя преступному ремеслу, вынужденных постоянно бросать вызов смерти, затевая все новые и все более дерзкие кампании и творя чудеса храбрости, которые неизбежно приводили к их гибели.

Жестокость в примитивном обществе в той же мере связана с императивом мести. Конфликты и отдельные преступления могли быть спровоцированы целью мщения за нанесенную обиду, гибель своего сородича, в том числе, несчастный случай, болезнь, рану, приписанную злым чарам вражеских колдунов. Честь требовала пролить кровь врага, требовала, чтобы врага калечили, мучили, ритуально пожирали. Именно императив чести требовал, чтобы пленный не предпринимал попыток бежать, ведь его друзья и родичи достаточно сильны, чтобы отомстить за него. А боязнь мести со стороны духов убитых врагов требовала совершения ритуального очищения палача и его близких. Мечь распространялась не только на мужчин вражеских племен, но и на их детей и жен, которых приносили в жертву в отместку за гибель воина.

Мечь являлась социальным императивом независимо от чувств, испытываемых индивидом и его сородичами, независимо от личной виновности или ответственности; она обеспечивала порядок и сохранение «симметрии» в мышлении первобытных людей. Мечь являлась противовесом всех явлений, она восстанавливала временно утраченное равновесие, гарантировала то, что порядок в мире сохранится, и такое положение вещей не должно нарушаться. Обычай мести являлся неотъемлемой частью всех архаических обществ, мечью проникнуты практически все деяния - как индивидуальные, так и коллективные.

Основной закон - обеспечить соблюдение кодекса мести, ответить ударом на удар. У индейцев яномама наблюдали следующую картину: один мальчик по неосторожности уронил другого, и мать последнего потребовала, чтобы ее сын избил неловкого мальчугана.

Мечь - это ограниченная жестокость, смысл которой - установить в мире равновесие, добиться симметрии.

Таким образом, поскольку нравственное первобытное сознание являлось сознанием родовым и социальным, и в нем основным субъектом являлся род, а не личность, то и мечь, как акт нравственности, являлась актом родовым. Она совершалась всем родом и по отношению к чужому роду, а не конкретной личностью по отношению к другой личности. Родовая мечь является самым характерным нравственным феноменом первобытности. Психология и инстинкт мести переходят в понимание чести - следует защищать свой род с оружием в руках. Оскорбление чести должно было быть смыто кровью. Первобытная мечь не была связана с личной виной. Мечь, также как и наказание, не были направлены конкретно на того, кто виновен. Понятие личной вины появилось намного позже. Изначально родовая мечь была безличной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рахлина Л.В. Социальное неблагополучие населения как одна из угроз экономической безопасности России: на примере Северо-Западного региона: автореф. дис. к.э.н. - СПб.:

2009. - URL: www.dissercat (дата обращения 15.08.2011).
2. Богданов И.Я. Феномен российской бедности. - М: «Академическая наука» - Геомаркетинг. 2011. - 282 с.
 3. Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. - М.: Камерон. 2006. - 127 с.
 4. Антонян Ю.М., Горшков И.В., Зулкарнеев Р.М., Сапрунов А.Г. Насилие в семье. - М.: ВНИИ МВД РФ. 2000. - 266 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**VII Международная научно-практическая
конференция**

«НАУКА и МЫ»

24 – 25 ноября 2016 года

I ТОМ

Сборник научных трудов

Подписано в печать 14.07.2016.

Бумага «SvetoCory». Формат бумаги 210 x 297 x 1/80

Печать – RISO

Заказ №1580. Обложка – Color Cory 220 д/м², формат А3

Усл. печ. л. 15,25

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии Кокшетауского университета
имени Абая Мырзахметова (020000, Республика Казахстан,
Акмолинская область, г. Кокшетау, ул. М. Ауэзова, 189^а)